

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРЬОВСКИЙ,
Т. В. ДОРЕНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Сергей МИХЕЕНКОВ
Танец победителя.
Роман-биография (окончание) 6
- Сергей БЕРЕЖНОЙ
Западня для "Анна ньюс".
Рассказ 42
- Пётр МАЛЬЦЕВ
Герой 55
- Юрий СТАНКЕВИЧ
Яйцо кукушки. *Рассказы* 81
- Сергей ТРАХИМЁНОК
По следам Таманцева.
Повесть 101
- Алесь БАДАК
Идеальный читатель. *Рассказ* 159
- Виктория СИНЮК
Разыскивается философ.
Рассказ 178
- Екатерина ФЕДОТОВА
Марьяна осень. *Рассказ* 184
- Алёна ПОПКО
Волчица. *Рассказ* 188
- Андрей ДИЧЕНКО
"Европа". *Рассказ* 194
- Алексей СТАРУХИН
Пульс на грани восторга.
Рассказ 197
- Евгений КАПУСТИН
О войне и не только.
Воспоминания моих родных 207
- Илья ЛУДАНОВ
Звериной тропой. *Рассказ* 215
- Сергей НЕПША
Четвёртая республика.
Рассказ 219
- Георгий ФОМИН
Иллюзия полезности.
Рассказ 223
- Ирина ИВАННИКОВА
Васильковые души.
Рассказ 230

Поэзия

- Анатолий ПАРПАРА
Раздумья о Родине.
С предисловием В. Кострова 3
- Владимир МОЛЧАНОВ
Читая Владимира Даля 39

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Вера КОБЗАРЬ	
Плывут небесные грома...	53
Михаил КУЛИЖНИКОВ	
Рождественская ярмарка	63
Анатолий АВРУТИН	
Где русская кровь проливалась...	73
Михаил ПОЗДНЯКОВ	
Слышится звон косы...	78
Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО	
И вся Белая Русь – дом родной...	93
Елена КРИКЛИВЕЦ	
Светлые проводы лета	97
Валентина ПОЛИКАНИНА	
Льют на Руси колокола	149
Татьяна ДАШКЕВИЧ	
Я крик колыбельный, я скорби юдоль...	152
Михась БАШЛАКОВ	
Музыка в осенней роще	156
Светлана ЕВСЕЕВА	
Молодость – зима	168
Андрей СКОРИНКИН	
Прощальных слов роняя медь...	171
Геннадий ПАШКОВ	
Занавеска зелёного лета	174

Очерк и публицистика

Из таких подвигов складывается победа (Предисловие Е. Савченко)	67
Валерий ФАДЕЕВ	
Америка – шрам	234
Павел КРЕНЁВ	
Мятеж, которого не было	249

Критика

Александр РАЗУМИХИН	
“Для пользы службы”	267

Среди русских художников

Сергей ГАВРИЛЯЧЕНКО	
Потаённый Пластов	281

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 01.07.15. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 2768-2015. Тираж 8500 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)
Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarp.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ПОЭЗИЯ

К 75-летию со дня рождения Анатолия Парпары

Скорее всего, бог русской литературы не Аполлон, а Христос. Главное в русской литературе всегда — это этическая проблема. То есть иерархия добра и зла. Если неким образом человек не различает добро и зло, то, имея верификационный талант, он всё равно не русский писатель.

Ты пришёл на землю с добром, Толя! Ты посмотри, кто только не объявлял себя вершиной русской поэзии! Но как? Они объявляли: “Если будет Россия, значит, буду и я!” В те годы, когда жизнь была впроголодь, не было ни пенсий, ни пособий, ни один из тех, кто претендовал на главное место в русской литературе, никогда не посочувствовал своему народу. Посмотрите, что они писали! Зачем это, написанное ими! Даже если бы они прекрасно писали, но когда это не добро, то это, значит, не русская литература, это, значит, не русский писатель. Любой человек, любой национальности, если приходит с добром, если он принимает на себя православно-христианскую мораль, будь он атеист, будь он татарин, хоть кто, — он русский писатель. Потому что он воспринимает и принимает великую традицию.

Недавно мы вспоминали Владимира Николаевича Соколова. Боже мой! В 1958 году я был в семинаре, которым руководил Ярослав Смеляков. И Владимир Николаевич там был. Я помню его доброжелательность. Он — чудо русской литературы. И ты для меня — чудо, потому что в эти годы ты вёл себя так, как полагается русскому писателю, а это, как я считаю, высокое звание.

Владимир КОСТРОВ

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

РАЗДУМЬЯ О РОДИНЕ

* * *

Выносит тихая полночная дорога
На холм большой в густую синеву,
И я сажусь, чтоб отдохнуть немного,
В глубокую и нежную траву.

И слышно мне, как на лесных рябинах
Росой полощут горло соловьи
И начинают в честь своих любимых
Лирические звонкие бои...

И слышно мне, как в понизовье где-то
Проходит осыпь яблочных плодов,
Как будто бьет в тугую грудь планеты
Крутой волною океан садов...

Земля моя! Дивлюсь твоим истокам,
Преодолевшим тысячи скорбей
От старины, былинной и далёкой,
До жуткой были памяти моей.

Какие смерчи жгли твои отавы,
И смерть суровый предьявляла счёт,
Но в рост великий выгоняешь травы
И наделяешь мужеством народ!

И памятуя боли лихолетья,
Не помнишь ты, сердечная, о зле...
Россия, Русь, цветы тысячелетья
И радуй всех живущих на земле!

ПЛОЩАДЬ КРАСНОЙ АРМИИ

На площади Руде Армады,
Где чист безмятежный зенит,
Где хиппи джинсовое стадо
На лавках разнеженно спит,

На площади Руде Армады,
В Бехине — простом городке,
Где, пиву холодному рады,
Мужчины сидят в погребке.

На площади Руде Армады,
Где детство беспечно шалит,
Где, всех одежая прохладой,
Фонтан свои воды струит.

На площади Руде Армады
Доска небольшая висит:
И фотовитрина отрадно
Мне душу сейчас веселит.

На карточке — год сорок пятый.
Победный, неистовый гул.
И парень из Руде Армады
Вольготно гармонь распахнул.

Я в мае ликующем не был,
Но вижу: народ — ликовал.
Недаром талантливо Незвал
Об этом стихи написал.

Но взгляд мой невольно грустнеет,
Ведь память о радостных днях,

Как фотобумага, желтеет
В мещанских, беспечных умах.

Иные печали, утраты,
Иной счёт безмерных обид...
На площади Руде Армады
Доска неприметно висит.

Но тот, кто изведал руины,
За рабство фашистское стыд,
Подолгу у фотовитрины
С внучатами вместе стоит.

ОТЕЦ И СЫН

Мужчина неожиданно услышал,
Как сын его заказывал кукушке,
Известной бескорыстием вещунье,
Срок указать, какой определила
Неверная судьба его отцу.

А надо знать: последние два года,
Измученный жестокою болезнью,
Усиленной несправедным леченьем,
Он испытал страдания сверх меры,
Но не ожесточился дух его.

И мальчик замер, слыша, как вещунья
Три раза прокукукнула и смолкла.
— Ещё! Ещё! — он сердцем умолял.
И птица неохотно уступала,
И глухо было редкое ку-ку.

Был голос мальчика и звонок, и настойчив,
И долго длился этот поединок...
Когда же счёт перевалил за тридцать,
Не смог сдержать мужчина свои слёзы,
И пролились они, как сок берёзы,
На молодой апрельский, жёсткий мох.

* * *

Над Бештау клубится туман,
Оседает на шубу лесов.
А вослед неотвратно в проран
Птичьих хлынул поток голосов.

Как по Божьему Слову, весь мир
Был озвучен на сотни ладов.
И наполнился синью эфир,
И осмыслилась жизнь городов.

И замедлив привычный свой бег,
Отряхнувшись от бед и страстей,
Так пронзительно вновь человек
Вспоминает о сути своей!

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

ТАНЕЦ ПОБЕДИТЕЛЯ*

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава сорок первая

ДАЛЕКО ОТ СТОЛИЦЫ

“Здесь почти ничто не напоминало о той тягостной атмосфере, которая окружала его в Москве...”

Показания адъютанта Сёмочкина ударили Жукову в самое сердце. В январе 1948 года у маршала случился первый инфаркт. Его уложили в кремлёвскую больницу. К счастью, всё обошлось без осложнений. Организм был ещё крепкий. Через три недели Жукова из “кремлёвки” спешно выписали на службу. В таких случаях говорят: “выпихнули”. Так и было.

В первых числах февраля Жукова, ещё не вполне оправившегося от болезни, вызвал к себе министр Вооружённых Сил СССР, к тому времени уже маршал Советского Союза, Булганин и вручил приказ о назначении на новую должность. Снова — на округ, на Урал.

Вопреки существовавшим правилам, назначение было произведено не Советом министров как высшим исполнительным органом государства, а приказом министра. Так назначались на должности командующие армиями.

Вручив приказ, Булганин довольно сухо напутствовал:

— Прошу в Москве не задерживаться. Даю вам на сборы два-три дня. Долечитесь на месте прохождения своей дальнейшей службы.

Но Сталин не мог отпустить Жукова, не повидавшись с ним. Должно быть он, постаревший и тоже недавно переживший инфаркт, почувствовал, что, отпуская маршала на этот раз далеко, может больше не увидеть его никогда.

Жуков вошёл в кабинет Сталина. Тот усадил его напротив и молча подвинул к нему пухлую папку. Это было досье на него.

Маршал начал читать. А Сталин сел в кресло и раскурил трубку.

— Что скажете, товарищ Жуков? — наконец спросил он и кивнул на папку.

— Здесь есть правда, полуправда, но в целом — это ложь! — ответил маршал.

---

* Журнальный вариант. Главы из книги о маршале Георгии Константиновиче Жукове. Полный текст готовится издательством “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”. Первые главы романа-биографии были опубликованы в №6 за 2014 год, в №5 и №6 за 2015 год.

— Я вам верю, товарищ Жуков. А сейчас отправляйтесь к новому месту службы.

В Свердловск, где располагался штаб Уральского военного округа, Жуков прибыл вместе с женой Александрой Диевной, охраной и группой обслуживания, в которой, кстати, по-прежнему состояла кроткая и исполнительная Лида Захарова. Она была рядом с маршалом и в Москве, и в Одессе, везде.

Уральский военный округ Жуков принимал от генерала Кузнецова. Фёдор Исидорович болел, и его отправляли в отставку. Генерал Жадов, прибывший из Москвы тем же спецпоездом в качестве члена “приёмопередаточной комиссии”, впоследствии вспоминал: “Положение в ряде частей было не на высоте, и, строго говоря, мы обязаны были все недостатки отразить в специальном акте. Фёдор Исидорович уходил в отставку, и мне очень не хотелось этого делать. Выручил Георгий Константинович.

— Ничего не надо писать, — сказал он, — тут дело ясное, разберусь сам. Он сдаёт, а я принимаю.

Этим самым он взял всю ответственность за имевшиеся недостатки в округе на себя”.

А между тем накануне прибытия спецпоезда в Свердловск генерал Кузнецов получил шифровку с предписанием: “...не устраивать никаких официальных встреч”. И в Свердловске Жукова встретили так же тихо, как и в Одессе.

Стоял сильный мороз — под минус тридцать, да ещё с ветром. И это обстоятельство, вопреки всему, подняло Жукову настроение. Он прибыл в ссылку, и всё этому соответствовало. Перед отъездом из Москвы, как вспоминает Эра Георгиевна, на вопросы близких и родни, почему посылают так далеко, Жуков с усмешкой говорил: “Бояться, что по морю в Турцию убегу”.

Суровый край встретил маршала сердечным теплом уральцев. С ними он сразу нашёл общий язык. Многие знакомства впоследствии переросли в дружбу.

На следующее утро по прибытии Жуков назначил совещание в штабе округа. Первые же поездки по воинским частям произвели угнетающее впечатление. В войсках, подчинённых ему прежде, так не служили.

Округ большой, полки и дивизии разбросаны по Курганской, Свердловской, Пермской, Челябинской, Кировской областям.

Однажды приехал в полк, где должны были проводиться плановые стрельбы. Командира части о своём визите не предупредил.

На стрельбище — тишина. Оказалось, комполка находится в командировке. И в полку о проведении занятий никто и не думает. Жуков собрал командиров батальонов и отдал приказ: приступить к плановым стрельбам. Спросил: “Где заместитель?” — “В штабе”. — “Ведите к нему”. Пришли. И вот какая картина: сидит солдат и рисует “Боевой листок”, рядом — заместитель командира полка. Жуков спросил: “Чем вы заняты?” — “Руководжу”.

На учениях близ Чебаркуля под Челябинском произошёл такой случай. Дивизия с ходу форсировала реку и затем развивала наступление в глубину. Начальник химчасти — капитан — должен был выполнить следующую задачу: “При подходе войск к реке последовательно выпустить две ракеты” — зелёного цвета (сигнал для начала артподготовки), и дымовую (создать завесу для скрытного преодоления частями водной преграды). Командир дивизии сказал начиму: выполнишь задание — пищу представление на майора. Капитан в армии служил долго, о майорских погонах буквально грезил. Когда наступила решительная минута, он так разволновался, что перепутал ракеты и вначале запустил дымовую. Артиллерия стреляла наугад.

Жуков, наблюдавший за ходом форсирования реки в бинокль, спросил командира дивизии:

— В чём дело?

Тот вкратце пояснил.

— Доставить сюда этого капитана.

Тот вскоре явился. Старому солдату достаточно было одного взгляда, чтобы понять — не воин.

— Вы хоть понимаете, что вы сделали? — спросил Жуков.

Тот молчал.

— Ваша дурацкая дымовая завеса сыграла на руку противнику!

Артиллеристы тем временем отстрелялись, как смогли. Когда на НП доложили результаты огневого налёта артиллеристов, Жуков кивнул на капитана и скомандовал:

— Расстрелять.

Бедного капитана тут же подхватили под руки и куда-то повели. Немного успокоившись, Жуков позвонил адъютанта:

— Вот что... Догони-ка их. Да поживей! А то ещё сдуру на самом деле расстреляют.

Капитана из армии уволили.

Ещё один случай. Шли зимние учения. Несколько суток бушевала пурга. Войсковые колонны вышли к рубежу развёртывания и вскоре, завязнув в снегу, встали. Грузовики с мотострелками, артиллерийские тягачи, танки — всё остановилось. Жуков наблюдал с НП это оцепенение и ворчал:

— Суворов не имел ни танков, ни авиации, ни грузовиков, но Альпы одолел. Кутузов безо всякой механической тяги Наполеона разгромил. А у нас такая мощная техника, и — нате вам! Случись такое на войне — колонна погибла!

Оглянулся на своих офицеров и, заметив растерянность в их глазах, скомандовал:

— Быстро собрать всех водителей и механиков-водителей из числа фронтовиков, пусть сядут за баранки, в застрявшие танки и покажут нашим командирам, как следует готовить молодых специалистов для действий в сложной обстановке!

Закипела работа. Колонна шевельнулась и пошла...

Но больше всего Жукова выводили из равновесия лживые донесения и приписки. Очковтирательство. В таких случаях в нём поднималась буря:

— Если пообещал, дал слово — пересоли, но выхлебай!..

Как известно, строгий командир врагов наживает быстро и немало, но верных друзей и соратников у него — полки.

Попадались под тяжёлую маршальскую руку и генералы.

Однажды прибыл из Москвы для дальнейшего прохождения службы при штабе округа генерал. Известный. Фронтвик. Встретили его со всей душой. Генерал представился маршалу. А вечером в офицерской столовой штабные офицеры организовали ужин по случаю прибытия боевого, так сказать, товарища. Загуляли. Да так, что генерала пришлось грузить в машину и везти на квартиру. Но увезли бедолагу в одном кителе, шинель забыли на вешалке. Утром пришли официантки, видят: на вешалке генеральская шинель... Пошли разговоры, шутки. Дошло до командующего. Жуков вызвал протрезвевшего генерала и сказал:

— Можете получить в отделе кадров предписание на обратный билет до Москвы. Вашу дальнейшую судьбу пусть решает Главное управление кадров. — И по "вертушке" соединился с Булганиным: — Николай Александрович, я тут отстранил от должности генерала такого-то. Прошу утвердить моё решение и прислать более надёжного. Спасибо. До свидания.

Но и Жукову тоже порой доставалось. Коммунисты на партсобраниях указывали на его несдержанность и грубость. Однажды на окружной партконференции выступил фронтвик старшина Демьян Кузьменко:

— Зараз хочу сказать, что все мы гордимся тем, что служим под командованием такого прославленного героя войны, как маршал Жуков, и высоко ценим его фронтовые заслуги и начатые в нашем округе дела. Но скажите, Георгий Константинович, положив руку на сердце, почему это, когда вы приезжаете куда-нибудь в полк или в батальон, все офицеры прытко разбегаются и прячутся, стараясь не попадать вам на глаза? Вы не примечали таких картин?

В августе 1948 года старшая дочь Жукова Эра вышла замуж за сына маршала Василевского Юрия. Александр Михайлович Василевский в то время занимал пост начальника Генштаба и заместителя министра Вооружённых Сил СССР.

Из воспоминаний Юрия Александровича Василевского: “В 1948 году я женился на Эре Жуковой. Отец, честно говоря, был не в восторге. В это время Сталин всячески пытался не допустить дружбы между главными полководцами войны. А уж семейные связи вообще были крайне нежелательны. Мы стали меньше общаться. Жили мы с Эрой у Жуковых на улице Грановского. Георгий Константинович в это время был в Свердловске, оставил меня за старшего. Я шёл своим путём, после военной академии служил в Германии, окончил в шестьдесят пятом году Академию Генштаба, после этого меня направили в Тбилиси, потом в Ташкент. Отец всегда расспрашивал меня о службе. Он гордился тем, что я служу так далеко от Москвы, в очень тяжёлых условиях. Когда из Ташкента меня перевели в Алма-Ату, у нас не было даже квартиры. Отец отсутствовал: “Сначала думай о людях, а потом о себе”.

Жуков не просто любил зятя, он уважал его как человека и офицера.

Эра училась на юридическом факультете в МГИМО. На каникулы приезжала в Свердловск.

Из воспоминаний Эры Георгиевны Жуковой: “Дача, выделенная отцу, находилась в совершенно потрясающем по красоте месте. В густом лесу на берегу озера Балтым стоял забавный довольно большой дом, абсолютно несимметричный, похожий на терем. Он состоял как бы из нескольких ярусов, в каждом были разнообразные башенки и балкончики. Точно не помню, кому принадлежало авторство проекта этой дачи, но жить там было интересно”.

Эра Георгиевна вспоминала, как во время каникул она приехала к родителям в Свердловск на берег Балтыма вместе с мужем Юрием Василевским, как они купались, рыбачили, катались на лошадях и ходили на охоту. Жуков с удовольствием проводил свободное время с молодёжью. Зять был страстный рыбак.

Из воспоминаний Юрия Александровича Василевского: “Георгий Константинович Жуков — заядлый охотник — говорил мне: “Ты занимаешься несерьёзным делом”. А потом сам втянулся, да так, что его от этого занятия невозможно было оторвать. Я научил его делать блёсны, и у него это стало получаться даже лучше, чем у меня”.

Жуков любил людей самобытных, цельных. Когда служил в Одессе, захватил однажды в глазной госпиталь, которым руководил профессор В. П. Филатов. В госпитале лежали на излечении фронтовики — танкисты, лётчики, моряки, — имевшие тяжёлые ранения глаз. Проведал их, поговорил. Среди раненых было много безнадежных. Жукова удивило, что всем им профессор Филатов продолжал делать сложнейшие операции. И некоторым действительно возвращал зрение.

С Владимиром Петровичем Филатовым они подружились. Бывали друг у друга в гостях. Подолгу разговаривали. Филатов — офтальмолог мирового уровня. Его пациентом был Сталин — лечился от глаукомы. Филатов обследовал и Жукова. И с удовлетворением констатировал, что зрение у него в пределах нормы. Когда Жуков бывал у него дома, не раз замечал в кабинете на рабочем столе раскрытое Евангелие. Под киотом с иконами всегда горела лампадка. В Одессе все знали, что храм святителя Дмитрия Ростовского на Втором христианском кладбище не закрыт только потому, что о продолжении богослужений в нём профессор просил самого Сталина. Книголюб, стихотворец, живописец, агроном... Однажды Филатов произнёс фразу, которую Жуков запомнил на всю жизнь: “Путь человечества лежит в добротворчестве”. Маршалу профессор напоминал его сельского учителя Сергея Николаевича Ремезова. Оба деревенские, Филатов — Пензенской, Жуков — Калужской губернии, они быстро находили общее, какую бы тему ни обсуждали.

На Урале Жуков познакомился и так же близко сошёлся с писателем Павлом Петровичем Бажовым. Ему нравились добрые и мудрые сказки и сказы, хранящие тепло русской народной души. Сказка — ложь, да в ней намёк...

Бажов в то время был уже почтенным старцем. Любил копаться в своём огороде. Жуков приказал порученцу разыскать “Малахитовую шкатулку”

1939 года издания, перечитал книгу и полюбил старика ещё крепче. Порой заезжал к нему прямо с учений, с поля. У Павла Петровича всегда горячий чайёк на травах, и им было о чём поговорить. Бажов дважды сидел в тюрьме у белых, дважды его исключали из партии красные. Оба раза восстанавливали. Его творчество было отмечено Сталинской премией 2-й степени и орденом Ленина. Только после того, как вручили орден Ленина, писатель разобрал чемоданчик с бельём, стоявший рядом с письменным столом в рабочем кабинете, — каждую ночь ждал приезда “чёрного воронка”.

Порядок в округе новый командующий навёл за несколько месяцев, уровень боевой подготовки заметно повысился. Особое внимание Жуков уделял занятиям спортом. В частях были созданы хоккейные и футбольные команды. Вскоре они принесли победы на республиканских соревнованиях.

Однажды командующий обратил внимание на то, что офицеры распонели, животы не вмещаются в гимнастёрки, висят через портупеи. И приказал всем командирам и политработникам ежедневно заниматься физподготовкой.

Сам в это время делал физические упражнения два раза в день. И не терял кавалерийской формы. Ездил верхом, летом плавал на Балтыме. На даче под навесом лежали две двухпудовые гири, отшлифованные до блеска. Сильный характер, умение владеть собой и держать удар, свежий воздух и дух Урала, физические упражнения и любимая работа в войсках помогли Жукову в короткое время полностью восстановить здоровье.

Урал Жукову нравился. И природа, и люди.

На досуге охотился. В лесах близ Шадринска — на косуль. В Огневском охотхозяйстве, что севернее Челябинска, на озёрах Шугуняк и Кабанье — на уток: крякву, чирка, лысуху. На пролёте стрелял свизая, синьгу, турпана, каменушку, крохали, савку...

Но особенно пристрастился к охоте с русскими гончими. Собак порой собирали по всему округу. Председатель окружного Совета военных охотников и рыболовов подполковник Мухачёв рассказывал, как однажды он с егерем Василием Банных привёз на охоту четырёх русских гончих. Все четыре — победители различных конкурсов. Жуков залюбовался ими и сказал:

— Собаки хороши. Лучше иметь хорошую рабочую собаку и дешёвое ружьё, чем плохую собаку и дорогое ружьё.

Однажды близ Двуреченска егерь выследил матёрую волчицу. Пустили гончих. И они вскоре взяли след, погнались и выставили на верный лаз. На мере стоял маршал Жуков. Дуплет — и волчица сунулась в траву.

В 1950 году из Суворовского училища в Пермское пехотное училище прибыл племянник маршала Виктор Фокин, сын сестры Марии. Жуков родной душе обрадовался. В 1944-м он сам устроил Виктора в Горьковское Суворовское училище.

В 1951 году Жуков прибыл с инспекцией в Пермскую мотострелковую дивизию. Когда выпала свободная минута, послал в училище порученца за курсантом Фокиным.

И вот перед маршалом стоял стройный подтянутый юноша. Хорошо подогнанная шинель. Тщательно начищенные сапоги. Опрятен, вежлив. Жуков обнял племянника. Он был им доволен.

— Меня смущает вот что, — сказал Жуков Виктору, когда тот рассказал ему о своей учёбе и будущей специальности, — узкая специальность минамётчика. Надо тебе получить общеобразовательную специальность, в вашем же училище. Я поговорю с начальником училища. Только, смотри, старайся. Из всех сил ляжку тяни. Матери часто пишешь?

— Пишу, не забываю.

— Скоро с ней увидишься. — Жуков улыбнулся. — Она вместе с Александрой Диевной на днях приедет в Свердловск.

Когда племянник заканчивал училище, Жуков узнал, что тот хотел бы в дальнейшем служить за границей.

— Даже не думай об этом, — сказал ему маршал. — Во-первых, большие деньги тебя испортят. Во-вторых, с тобой там могут случиться неприятности. Готовься служить в Союзе.

В 1952 году Виктор Фокин окончил Пермское пехотное училище, получил лейтенантские погоны и прибыл в 4-ю отдельную стрелковую бригаду, дислоцированную в Свердловске. Понятно, что такое распределение молодой лейтенант получил не случайно.

Жуков поселил племянника у себя. Так и сказал:

— Жить будешь у нас.

Из воспоминаний Виктора Фокина: “Льжи в вестибюле и охотничье ружьё сразу выдавали характер отдыха полководца. Мебель в доме была казённая с прибитыми на ней железными табличками. Библиотека большая, и в ней много книг на военную тему. Маршал часто заглядывал в работы Клаузевица. Эта книга у него было вроде настольной. Видел у него в руках и “Сидя” Корнея. Жуков мне сказал: “Бери и читай всё, что тебя интересует”. Я увлёкся художественной литературой. Про кухню говорить не стану — там хозяйничала Александра Диевна. Обедали в 13 часов 30 минут. Маршал приезжал на автомашине “ЗИС”, оснащённой фарой с жёлтым светом. Мне из расположения роты до дома требовалось на дорогу не более 10 минут при спокойной ходьбе. Иногда я обедал в техникуме советской торговли, за что вечером Александра Диевна отчитывала меня за ужином: “Почему не приходил обедать? Я ждала, ждала тебя... Прибор стоит накрытым до сих пор...” Жена маршала присматривала за мной, а моя мать знала, что я в хороших руках и не разболтаюсь. Бывало, Александра Диевна выговаривает мне: “Где ты там ходишь допоздна?” А немного погодя слышу: “Ты извини меня за то, что нашумела на тебя”. Она быстро отходила, и я не успевал на неё обидеться. Александра Диевна была полной, любила поест в кресле, откинувшись или положив ногу на ногу. Сердечная, добрая, внимательная, она относилась ко мне хорошо. Мы с женой поддерживали с ней хорошие отношения, вплоть до её кончины. Навещали её. Жена мыла окна в её квартире в Новоконошненном переулке в Москве”.

Родственные узлы для Жукова были святы. Однажды, заметив, что племянник стал по-лейтенантски проводить неслужебное время, спросил его:

— Ты матери помогаешь?

— Конечно, — ответил Виктор. — У меня все квитанции денежных переводов для неё целы.

— Правильно. Помогай. Потом будешь этим гордиться.

А однажды в канун праздника 1 Мая Жуков спросил Виктора:

— У тебя девушка есть?

— Да, — признался тот.

— Ну, вот и приведи её, покажи мне. Я хоть посмотрю, с кем ты встречаешься.

Человек обстоятельный, Жуков и в семейных, и в родственных делах ничего не пускал на самотёк. Виктор Фокин так описал те смотрины: “На торжественном собрании в театре имени Луначарского маршал с Александрой Диевной сидели во втором ряду партера, по центру, а мы с Брониславой — в шестом ряду, ближе к проходу. Дядя Георгий дважды оборачивался и бросал быстрый взгляд на Броню. Дома за ужином Георгий Константинович обратился ко мне: “Выпьем чего-нибудь?” Я стал отговариваться и ссылаться на спортивный режим. Жуков убеждал меня: “То, что ты не пьёшь — хорошо, но рюмочка коньячку не испортит и даже повысит аппетит”. Он стал расхваливать имевшийся у него французский коньяк. По 50 граммов мы с ним выпили. Разумянившийся дядя помолчал и спросил: “Понравилось ли торжественное собрание?” Пока мы обсуждали эту тему, Александра Диевна пригласила нас закусывать. Стоило ей выйти на кухню, дядя посмотрел на меня своими голубыми глазами и произнёс: “Видел твою знакомую. Молодец, вкус у тебя есть...”

Жуков советовал племяннику придерживать язык за зубами, и Виктор Фокин следовал этому совету самым добросовестным образом. Бронислава почти до самой свадьбы не знала, чей он племянник.

Жуков любил бывать в компании молодёжи. Должно быть, жалел, что не было у него сыновей, и потому с таким отеческим теплом относился к племяннику. Радовался, когда приезжал зять.

Из воспоминаний Виктора Фокина: “Приезжал их зять майор Юрий Александрович Василевский. Впечатление от него у меня осталось самое хорошее. Он культурный, мягкий, воспитанный и обходительный человек. Жуков с зятем собирались на охоту. Я упрямил Георгия Константиновича взять меня на первую мою охоту. Он поинтересовался: “Из ружья когда-нибудь стрелял?” Я стрелял лишь из автомата и карабина. Мне маршал дал своё запасное ружьё, сделанное в Туле. Перед охотой он меня наставлял: “Вперёд не лезь”. На водопои к озеру, вскрывшемуся ото льда, шло около 30 кабанов. Один из них почему-то заметно отставал от стада. Я его не заметил. И вышел из засады в кустах в мелколесье на просеку. Посмотрев в сторону ухидивших кабанов, я повернулся назад и в нескольких десятках метрах от себя обнаружил крупного отставшего зверя. С перекупу шарахнул в него, и конечно промахнулся. Георгий Константинович не выдержал и, выскочив из своей засады, закричал: “Я же говорил тебе, не лезь раньше нас...” Опытные охотники, они подпускали последнего кабана поближе к себе, чтобы поразить его наверняка. Я оправдывался, уверял старших, что не видел кабана. “А зачем ты шёл охотиться? — отбрил меня Жуков. — Надо было смотреть”.

Жуков всегда интересовался службой зятя и племянника. Виктора Фокина постоянно наставлял: “Учись. Не останавливайся на училище. Больше читай. Не жди должности, пока кто-нибудь помрёт. Лёгких путей в жизни нет. Дорогу надо пробивать своим лбом”. — И шлёпал ладонью по высокому лбу.

В Свердловске у Жукова была большая коллекция охотничьих ружей. При случае хорошие экземпляры с удовольствием приобретал. За ценой не стоял. Мог, под настроение, подарить ружьё из своей коллекции. Однажды после удачной кабаньей охоты в Покровском районе Свердловской области подарил великокалиберное ружьё редкого двадцатого калибра местному охотнику Егору Ивановичу Аввакумову. Егор Иванович — фронтовик, искусный плотник. Когда Жуков после охоты увидел баню, срубленную Егором Ивановичем, тут же вытащил из машины ружьё и вручил его старому охотнику

Элла Георгиевна рассказывала, что отец хотел, чтобы они, дети, ознакомились со всеми здешними достопримечательностями. Особенно запомнилась ей экскурсия в печально знаменитый Ипатьевский дом: “...дом, куда нас провели по особому разрешению. Тема расстрела царской семьи в те годы была под строжайшим запретом, и я впервые узнала об этом трагедии. В доме при входе была устроена небольшая экспозиция с копиями каких-то документов, на стенах висели красные лозунги и портреты вождей, а внизу — страшный подвал, куда мне не захотелось спускаться. Пояснения давал довольно высокий худощавый мужчина, который, как мне показалось, был немного не в себе. Во всяком случае, он слишком быстро говорил и глаза его неестественно блестели. Атмосфера в доме была гнетущей, и единственное, чего мне хотелось, так это поскорее оттуда уйти и обо всём забыть. С отцом на эту тему я заговаривать не стала”.

Он не томился в своей дальней ссылке. Урал не угнетал маршала, не уничтожал в нём ни воина, ни человека.

Дружил с агрономом Терентием Семёновичем Мальцевым. Впоследствии Мальцев станет академиком ВАСХНИЛ, дважды Героем Социалистического Труда. Они познакомились ещё в апреле 1946 года в Москве на сессии Верховного Совета СССР. Дружба продолжилась в годы службы Жукова на Урале. Есть фотография, сохранённая Эллой Георгиевной, на которой запечатлены маршал и агроном. На обороте пространная надпись: “Вам, Георгий Константинович, моё простое крестьянское спасибо! Моя русская душа преисполнена гордостью и радостью, что из среды нашего русского народа выходят непревзойдённые полководцы. Ваше имя будет, как имена Суворова и Кутузова, вечно прославляться нашими потомками, и оно никогда не изгладится из народной души. Живите и здравствуйте долгие годы, Георгий Константинович. Охраняйте нашу Родину, а на нас, уральцев и сибиряков, всегда надейтесь. Т. Мальцев”.

Служебный телефон Жукова прослушивался. “Жучки” стояли и в квартире, и на даче. Так что уединиться маршал мог только на прогулках, на рыбалке да на охоте. Впрочем, даже во время охоты охранники МГБ находились поблизости. Они, конечно, раздражали маршала и неумением вести себя в лесу, да и самим своим присутствием. Уральцы это понимали. И однажды во время утинового пролёта самую удобную позицию устроили в камышах на мелководье — на сваях установили бочку, замаскировали её камышом. Когда егерь, щурясь в улыбку, спросил Жукова, где он решил расположиться, на косе или в бочке, маршал, мгновенно поняв его замысел, указал на одинокую бочку. Тот вечер для стрелка был особенно удачным. Лодка приплыла за ним уже затемно, когда Жуков расстрелял весь патронташ.

Служба за маршалом окончилась в начале 1952 года. По всей вероятности, последовало высочайшее повеление, и охрана МГБ была заменена охраной Министерства обороны. Жуков подыскал себе надёжного младшего лейтенанта — Алексея Гриднева, выпускника окружных курсов усовершенствования офицерского состава. Сказал ему:

— Команду себе наберёшь сам. Около меня должен быть максимум один человек охраны. А так как ты единственный офицер и лично отвечаешь за мою безопасность, то этим человеком будешь ты. С этого времени будешь сопровождать меня и в командировках, и на учениях, и в неофициальных поездках.

С того дня Жуков вздохнул свободно.

Но потепление началось раньше. В начале 1950 года совершенно неожиданно его выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В те годы процедура выдвижения кандидатом в депутаты была равнозначной избранию. Выдвигали трудовые коллективы, как правило, крупные, где были большие парторганизации. Кандидатура, конечно же, предварительно согласовывалась с Москвой, с ЦК.

Совершенно очевидно, что в сознании Сталина в эти годы что-то произошло. Либо он был целиком удовлетворён наказанием своего верного и непокорного маршала, либо пришёл к мысли, что Жуков не враг, что партийные подхалимы больше наговаривают на него. Наверняка диктатор читал отчёты сотрудников МГБ, которые фиксировали каждый шаг командующего Уральского военного округа, каждое его слово, каждый контакт. К тому же в это время на Дальнем Востоке назревал конфликт, который мог привести к началу Третьей мировой войны. Руководитель Северной Кореи Ким Ир Сен уговаривал Сталина двинуть объединённые силы на Южную Корею. Весной 1950 года во время визита Ким Ир Сена в Москву Сталин, до этого колебавшийся, дал, наконец, согласие на проведение военной операции. Северокорейская армия строилась по типу Советской Армии и была оснащена советской техникой и вооружением.

План наступательной операции на юг разрабатывал главный военный советник в КНДР генерал-лейтенант Васильев. Сталин и Ким Ир Сен опрометчиво посчитали, что он справится с задачей. Лучшие генералы и маршалы, побеждавшие на фронтах Великой Отечественной и Советско-Японской войн — Конев, Мерецков, Василевский, Малиновский, Говоров — к разработке и проведению корейской операции не привлекались. Сталин их держал во втором эшелоне. Возможно, и Жукова из Одесского округа в Уральский переместил намеренно, чтобы тот со своей вымуштрованной группировкой на всякий случай находился ближе к театру военных действий.

В июле 1951 года было принято постановление ЦК “О неблагоприятном положении дел в МГБ”, а буквально через месяц генерал Абакумов был арестован. Его обвинили “в государственной измене, сионистском заговоре в МГБ, в попытках воспрепятствовать разработке дела врачей”.

Таким образом “дело Жукова” оказалось на дальней полке всемогущего ведомства. К тому же новый руководитель МГБ Игнатьев не испытывал к Жукову личной неприязни и был по уши погружен “делом врачей” и чистой авгиевых конюшен в своём министерстве.

Сталин — величайший режиссёр — подбирал действующих лиц к очередной мировой драме. К счастью, у великих держав — СССР и США —

хватило выдержки и мудрости сыграть её в значительно сокращённом виде и на локальной сцене. Корейская война длилась три года, но за границы Корейского полуострова не выплеснулась. Воздушные бои между советскими и американскими лётчиками показали преимущество первых. Американцы встретились в воздухе с новыми советскими истребителями-перехватчиками МиГ-15 и МиГ-15бис, оснащёнными новейшими радиолокационными станциями, и признали полное превосходство “корейских сюрпризов”. До ядерного оружия дело не дошло.

Летом 1951 года Жукова включили в состав правительственной делегации для поездки в Польшу по случаю национального праздника — Дня возрождения Польши. Торжественное заседание проходило в Варшавском оперном театре. Жуков выступал. Его встретили овациями. Поляки помнили, что именно войска 1-го Белорусского фронта, в который входила 1-я армия Войска Польского бригадного генерала Поплавского, освобождала Варшаву и польские города.

Но самый яркий эмоциональный всплеск Жукову подарила встреча с Министром национальной обороны Польской Народной Республики маршалом Рокоссовским. Война ещё крепче сдружила бывших кавалеристов, но одновременно и развела. Правда, в 1946-м они с семьями вместе отдыхали в Сочи. Казалось, что дружеские отношения не исчезли. Но многое в их беседах оставалось запретным.

В Варшаве они обнялись как старые боевые товарищи. Тут же вспомнили командирскую юность. Рассказывали друг другу о своих семейных делах. О службе говорили сдержанно.

Осенью 1952 года Жукова избрали делегатом XIX съезда КПСС от Свердловской областной партийной организации. А на съезде делегаты избрали его кандидатом в члены ЦК.

Как будто всё возвращалось.

В новогоднюю ночь наступающего 1953 года произошло событие, тайна которого до сих пор не разгадана.

Новый год верхушка Свердловского обкома партии встречала на одной из загородных дач на берегу озера Балтым. Часа за полтора до полуночи прибыл с дочерью Эллой маршал Жуков. Детям накрыли стол на соседней даче, принадлежавшей председателю Свердловского облисполкома Константину Кузьмичу Николаеву. Приблизительно в 23 часа на даче раздался телефонный звонок. Трубку по праву хозяина снял сын Николаева Эдик.

— Это говорит Поскрёбышев. Маршала Жукова срочно к аппарату!

Эдик мигом метнулся на соседнюю дачу.

— Георгий Константинович, вам звонит какой-то Поскрёбышев!

Сидевшие за праздничным столом сразу умолкли и посмотрели на Жукова. Маршал встал, извинился и быстро пошёл на дачу Николаева.

Взял трубку:

— Жуков у аппарата.

Выслушав Поскрёбышева, ответил:

— Да. Есть. Слушаюсь, вылетаю.

Он положил трубку и сказал дочери:

— Меня вызывает Сталин. Я сейчас срочно вылетаю в Москву. А ты, Эллочка, пока останешься в Свердловске.

Затем позвонил дежурному по штабу округа и приказал срочно подготовить самолёт.

Вскоре Жуков вылетел в Москву. Что за разговор состоялся между стареющим диктатором и тем, кто был рядом с ним в самые тяжкие дни, когда враг стоял у ворот и дозaprавлял свои танки в нескольких десятках километрах от Кремля, чтобы сделать последний, решающий рывок? О чём таком, столь важном, что невозможно было ждать до утра, беседовали они в ту новогоднюю ночь? Та встреча так и осталась тайной.

Глава сорок вторая

АРЕСТ БЕРИИ

“Конечно, я не спец по арестам, мне этим не довелось заниматься, но у меня не дрогнет рука...”

Когда диктатор лежал при смерти, его соратники по партии уже делили должности... Маленков был назначен Председателем Совета Министров СССР, Ворошилов — Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Булганин — министром обороны СССР.

В день смерти Сталина — 5 марта 1953 года — ссылка маршала на Урал прервалась.

Тело вождя бальзамировалось, в мавзолее на Красной площади рядом с телом Ленина готовили саркофаг. С 6 по 9 марта в Колонном зале Дома Союзов народ прощался с тем, кого десятилетия боготворили и проклинали. А 14 марта состоялся внеочередной Пленум ЦК партии и открылась внеочередная сессия Верховного Совета СССР. Свердловская делегация была одной из самых многочисленных.

Жуков, которого 15 марта вновь назначили главкомом Сухопутных войск, оставил любопытные наблюдения об этом пленуме: “Всматриваясь в лица членов Президиума ЦК, я сделал следующие выводы о их теперешнем отношении к Сталину. Молотов был серьёзен и задумчив и, видно, с тревогой переживал события. Ворошилов выглядел явно растерянным... Маленков, Хрущёв, Берия и Булганин были в приподнятом настроении...”

Берия сидел рядом с Булганиным и заметно старался придать своему лицу доброжелательное выражение. При внимательном наблюдении, хотя его глаза и были прикрыты пенсне, всё же в них можно было рассмотреть хищность, холодность и жестокость, всем своим видом и развязностью он старался подчеркнуть и дать понять — хватит, мол, сталинских порядков, натерпелись при Сталине, теперь у нас всё будет по-иному. Я хорошо знал Берию, видел его хитрое угодничество Сталину и готовность убрать в любую минуту всех тех, кто был неугоден Сталину, а теперь он корчил из себя настоящего большевика-ленинца, противно было смотреть на этот маскарад. Булганин, как всегда, был на высоте подхалимства и приспособленчества: то он подойдёт к одному, то к другому, одному слащаво улыбается, другому крепко руку пожмёт, Хрущёву он то и дело бросал реплики “Правильно, Никита Сергеевич”, “Правильно, это давно следовало провести в жизнь”.

В эти дни особую деловитость, распорядительность и сноровку в дворцовых интригах в расчёте на будущее продемонстрировал Хрущёв. И рассчитал верно, не хуже опытного артиллериста. Ещё 5 марта он председательствовал на экстренном совместном заседании пленума ЦК КПСС, Совмина и Президиума ВС СССР, результатом которого стало решение сосредоточить всю работу в ЦК партии. Так Хрущёв смог поймать основные нити власти. И только одна из них не давалась — Берия. Более того, Берия развил ничуть не меньшую активность и с той же энергией пытался собрать вокруг себя сторонников, которые в нужный момент смогли бы действовать вполне решительно.

Маленков предложил объединить два силовых ведомства — МВД и МГБ — в одно. Берия должен был возглавить эту структуру. Хрущёв и его единомышленники сразу поняли, что такое объединение затевается не для работы. Ещё весной, во время сессии, Хрущёв сказал в узком кругу: “Если Берия возьмёт в свои руки этот пост — это будет началом нашего конца. Он возьмёт его только для того, чтобы уничтожить нас всех. И он это сделает! Этого никак нельзя допустить”.

Начали формироваться две враждебных группы. Это была жестокая и непримиримая схватка за власть. И разрешилась она, как и большинство дворцовых переворотов, кровью.

Двадцать пятого июня 1953 года Маленков вызвал к себе Жукова. В кабинете находились Молотов, Хрущёв и Булганин. Маленков сказал:

— Мы тебя вызвали для того, чтобы поручить одно важное дело. За последнее время Берия проводит подозрительную работу среди своих людей, направленную против группы членов Президиума ЦК. Считая, что Берия стал опасным человеком для партии и государства, мы решили его арестовать и обезвредить всю систему НКВД. Арест Берии мы решили поручить лично вам.

Хрущёв добавил:

— Мы не сомневаемся, что вы сумеете это выполнить, тем более что Берия вам лично много сделал неприятностей! Как, у вас нет сомнений на этот счёт?

— Вопрос очень серьёзный, — снова заговорил Маленков. — Надо будет взять с собой надёжных людей, таких, например, как генералы Батицкий, Москаленко, и двух адъютантов, которых ты знаешь и которым доверишь. Надо захватить с собой оружие.

Возможно, Жуков понимал, что напряжение, возникшее весной-летом в высших эшелонах власти страны, разрешится чем-то подобным. Но не предполагал, что главную роль в устранении лидера одной из противоборствующих сторон придётся играть ему.

В Подмосковье ближе к столице перемещались воинские части, танки, бронетехника. Приказы об их передислокации поступали как из Минобороны, так и из МГБ. Схватка могла быть очень серьёзной. Позже выяснилось, что Берия планировал переворот и аресты на 26 июня.

Элла Георгиевна Жукова вспоминала: “Однажды поздно вечером я услышала звук торопливых шагов отца, спускавшегося вниз по лестнице. Выйдя на балкон, увидела, как он садится в машину и уезжает. В этот момент в мою комнату вбежала взволнованная мама и, заломив руки, воскликнула: “Уехал! Взял пистолет и уехал, не сказал куда!”

На дачу отец вернулся только на следующий день, ближе к вечеру. Чувствовалось, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Он выглядел усталым и в то же время оживлённым. Усевшись за обеденным столом, мы молча ждали, что он скажет. Но никак не предполагали услышать: “Берия арестован”. Это нас поразило. Его положение казалось незыблемым. Некоторые считали, что он может стать преемником. Берия был нашим соседом, дачи имели общий забор. Мне приходилось его видеть прогуливающимся в окружении охраны по дороге за пределами дачной территории, чаще с женой, реже с сыном и невесткой. Он здоровался с отцом, поблёскивая стёклами пенсне, казалось бы, вполне дружелюбно. Но ни для кого не было секретом, что их отношения отличаются крайней неприязнью, если не сказать больше. Отец считал Берию инициатором “дела о заговоре военных” и не мог простить ему жестоких расправ над своими друзьями и сослуживцами. И его арест он расценивал как вполне справедливую акцию. <...> ...отец уже на склоне лет не раз возвращался к этой истории, многим её рассказывал. Но тогда, по свежим следам, его изложение было более эмоциональным и живым. Отец волновался, вскакивал, показывал, как он оттолкнул от Берии лежавшую перед ним папку, думая, что там оружие, показывал, как папка пролетела через весь стол и упала на пол”.

Элла Георгиевна сетовала на то, что “с приходом гласности картину ареста Берии стали живописать многие, кетати, далеко не всегда очевидцы”.

В последнее время действительно появилось множество версий ареста Берии. И что операцией руководил генерал Москаленко, а Жуков при этом был лишь исполнителем, не посвящённым в тонкости операции. И что Берия был убит группой захвата на даче во время попытки его арестовать. И что Жуков предложил Маленкову, с которым у него были дружеские отношения, арестовать заодно Хрущёва и Булганина.

“Я ответил:

— Какие же могут быть сомнения? Поручение будет выполнено.

Хрущёв:

— Имейте в виду, что Берия ловкий и довольно сильный человек, к тому же он, видимо, вооружён.

— Конечно, я не спец по арестам, мне этим не довелось заниматься, но у меня не дрогнет рука. Скажите только, где и когда его надо арестовать?”

— После двух звонков вам нужно войти в кабинет и арестовать Берия. Всё ли ясно?

Я сказал:

— Вполне.

Мы ушли в комнату, где должны ждать звонков. Пришёл Берия. Началось заседание. Идёт заседание час, другой, а условных звонков всё нет и нет.

Я уже начал беспокоиться, уж не арестовали ли Берия тех, кто хотел арестовать его?

В это время раздался условный звонок. Оставив двух вооружённых офицеров у наружной двери кабинета Маленкова, мы вошли в кабинет. Как было условлено, генералы взяли за пистолеты, а я быстро подошёл к Берии и громко ему сказал:

— Берия, встать! Вы арестованы!

Одновременно взяв его за руки, приподнял его со стула и обыскал все его карманы, оружия не оказалось. Его портфель был тут же отброшен на середину стола. Берия страшно побледнел и что-то начал лепетать. Два генерала взяли его за руки и вывели в заднюю комнату кабинета Маленкова, где был произведён тщательный обыск и изъятие неположенных вещей. В 11 часов ночи Берия был скрытно переведён из Кремля в военную тюрьму (гауптвахту), а через сутки переведён в помещение командного пункта МВО и поручен охране той же группе генералов, которая его арестовала.

В дальнейшем я не принимал участия ни в охране, ни в следствии, ни на судебном процессе. После суда Берия был расстрелян теми же, кто его охранял. При расстреле Берия держал себя очень плохо, как самый последний трус, истерично плакал, становился на колени и, наконец, весь обмарался. Словом, гадко жил и более гадко умер”.

Помощник военного коменданта Москвы полковник Гаврилов рассказывал Владимиру Карпову: “25 июня на гарнизонную гауптвахту неожиданно, без предварительного телефонного звонка, приехал маршал Жуков. Он обошёл помещение гауптвахты. Приказал мне открыть все камеры и выйти арестованным в коридор. Когда наказанные вышли, маршал громко объявил: “Вам амнистия!” Громкое “Ура”, наверное, впервые в истории прогремело на гауптвахте.

Маршал мне приказал: “Всех отправить в свои части”. Я недоумевал: что происходит? Освободив помещение от людей, Жуков в моём сопровождении обошёл и осмотрел все камеры. В одной задержался, оглядел её и, увидев под потолком выступающую трубу парового отопления, сказал как бы про себя: “Не подойдёт, может повеситься...” Перешли в другую камеру. Осмотрел её внимательно. Потрогал решётку. “Эту за ночь побелить и прибрать. На гауптвахту арестованных не принимать. Чтоб вся была свободна. Вам никуда не отлучаться до особого разрешения”.

И уехал, оставив меня в полном недоумении. А на следующий день поздно вечером примчались несколько машин. Из первой вышел генерал Москаленко и ещё несколько генералов. Между ними стоял сеутулившийся человек в гражданской одежде. Его провели в ту камеру, которую приказал подготовить Жуков.

Я гадал, кто же этот важный арестованный? Сначала не узнал его, может быть, потому, что на глазах не было обычного пенсне.

Москаленко мне сказал: “Вы свободны, охранять внутри мы будем сами. Наружную охрану обеспечите вы. Скоро подъедет и наша дополнительная охрана”.

Тут я понял — это же Берия привезли! На следующий день Берия перевели в бомбоубежище штаба Московского округа, где в течение дня и ночи оборудовали для его содержания специальную камеру и запоры в ней”.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Я уже не вернулся в Свердловск и немедленно приступил к исполнению своих обязанностей. Перед вступлением в должность у меня состоялся большой разговор с Булганиным. Он начал с того, что в прошлом у нас не всё было гладко, но в этом он лично, якобы, не был виноват. На прошлом надо поставить крест и начать работать

на хороших дружеских началах — этого требуют интересы обороны страны — и что, якобы, он первый предложил мою кандидатуру. Я сказал Булганину: “Вы, Николай Александрович, сделали много неприятностей для меня, подставляя под удары Сталина, но я в интересах дела хочу всё это предать забвению и, если вы хотите искренне, дружно работать, давайте забудем о прошлых неприятностях...”

Оказавшись в Москве, Жуков принялся хлопотать о своих боевых товарищах, которые томились в лагерях.

Возможности Жукова были ограничены тем, что любое действие, каждое обращение в официальные органы он, замминистра, должен был согласовывать с маршалом и министром обороны СССР Булганиным. Булганин же, в своё время приложивший руку и усилия к раскручиванию кровавого колеса репрессий, всячески гасил пыл своего заместителя. И тем не менее, вскоре появился документ, подготовленный Жуковым и подписанный Булганиным, который за три года до XX съезда фактически начинал реабилитацию невинно осуждённых.

“Совершенно секретно

В ПРЕЗИДИУМ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.

Произведённой тщательной проверкой дел на арестованных генералов и адмиралов Советской Армии и Флота и осуждённых в период с 1941 по 1952 год установлено, что многие из них были арестованы и осуждены необоснованно.

Аресты их производились органами МГБ по непроверенным и необоснованным материалам, а расследование предъявленных им обвинений в антисоветской и иной вражеской деятельности проводилось необъективно, при этом многолетние положительные аттестации по службе в расчёт не принимались.

Несмотря на то, что арестованные находились под следствием до 10 и более лет, фактов, оправдывающих или смягчающих их вину, не собиралось.

К отдельным арестованным применялись незаконные методы следствия с целью понудить их признать вину в “преступлении” или добиться от них клеветнических показаний на других лиц.

Так, например, по указанию АБАКУМОВА при отсутствии каких-либо компрометирующих и других материалов, без санкции прокурора 10 апреля 1948 года был арестован крупный учёный, Лауреат Сталинской премии, доктор технических наук, профессор, начальник кафедры военно-морской академии кораблестроения и вооружения, вице-адмирал ГОНЧАРОВ Леонид Георгиевич, 1885 года рождения.

После ареста АБАКУМОВ дал указание быв. сотруднику МГБ КОМАРОВУ добиться от арестованного ГОНЧАРОВА признаний в шпионаже в пользу английской разведки.

Несмотря на применение физического воздействия, ГОНЧАРОВ признательных показаний не дал и на 17 день после ареста умер. В постановлении о прекращении дела от 29.V.1948 года указано, что ГОНЧАРОВ якобы умер от приступа грудной жабы, тогда как из материалов дела видно, что смерть его наступила в результате избиений.

При проверке также выявлено, что из общего числа арестованных в течение 1941–1942 гг. умерли до суда 12 генералов и адмиралов, большинство из которых было арестовано и содержалось много лет под следствием необоснованно.

Установлено также, что при судебном рассмотрении дел на генералов и адмиралов Военная Коллегия в ряде случаев подходила к установлению их виновности в предъявленном обвинении без учёта прошлой положительной их службы в Советской Армии, вынося обвинительные приговоры за разговоры, которые по существу не носили антисоветского характера, или за проступки по службе, которые не должны были повлечь уголовной ответственности.

Всего в период с 1941 по 1952 год было арестовано генералов и адмиралов 101 чел. Из них: осуждено Военной Коллегией Верховного Суда Союза

СССР — 76 генералов и адмиралов и 5 человек — Особым Совещанием при быв. МГБ СССР, 8 генералов были освобождены из-под стражи за отсутствием состава преступления и 12 генералов умерли, находясь под следствием.

В связи с изложенным вносим следующие предложения:

1. Обязать Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР пересмотреть дела на осуждённых генералов и адмиралов, имея в виду:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов и адмиралов: РОМАНОВА Ф. Н., ЦИРУЛЬНИКОВА П. Г., ЧИЧКАНОВА А. С., ГАПИЧА Н. И., ГЕЛВИХА П. А., МОШЕНИНА С. А., ЛЯСКИНА Г. О., ГОЛУТШКЕВИЧА В. С., ЖУКОВА И. И., ТИМОШКОВА С. П., САМОХИНА А. Г., МИНЮКА Л. Ф., ТУРЖАНСКОГО А. А., ВАСИЛЬЕВА А. Ф., ЖАРОВА Ф. И., ИЛЬИНЫХ П. Ф., ЭЛЬСНИЦА А. Г., ТОКАРЕВА С. Ф., МРОЧКОВСКОГО С. И., БУРИЧЕНКОВА Г. А., ПОПОВА Д. Ф., ШИРМАХЕРА А. Г., БЫЧКОВСКОГО А. Ф., УХОВА В. П., ТЕЛЕГИНА К. Ф., ВОРОЖЕЙКИНА Г. А., ТЕРЕНТЬЕВА В. Г., ФИЛАТОВА А. А., КУЗЬМИНА Ф. К., ИВАНОВА И. И., КРЮКОВА В. В., ВЛАСОВА В. Е., ПЕТРОВА Е. С., БЕЖАНОВА Г. А., ЛАПУШКИНА Я. Я., ВЕЙСА А. А., КЛЕПОВА С. А.;

б) снизить наказание до фактически отбытого ими срока и освободить из-под стражи осуждённых бывших генералов: КАЛИНИНА С. А., ГЕРАСИМОВА И. М., РОТБЕРГА Т. Ю.

2. Обязать МВД СССР:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов: ЖУКОВА Г. В., ГУСЬКОВА Н. Ф., ДАШИЧЕВА И. Ф., ВАРЕННИКОВА И. С., СИДНЕВА А. М., ИЛЬИНА В. Н., ГЛАЗКОВА А. А., МЕЛИКОВА В. А., ПОТАТУРЧЕВА А. Г., ГОНЧАРОВА Л. Г., НАУМОВА И. А., ПАУКА И. Х., ТАМРУЧИ В. С., СОКОЛОВА Г. И.;

б) прекратить дела и освободить из-под стражи членов семей осуждённых генералов, подлежащих полной реабилитации.

3. Обязать Министерство обороны СССР обеспечить назначение положенных пенсий семьям полностью реабилитированных генералов и адмиралов, умерших в заключении: ГЛАЗКОВА А. А., МЕЛИКОВА В. А., ПОТАТУРЧЕВА А. Г., ГОНЧАРОВА Л. Г., НАУМОВА И. А., ПАУКА И. Х., ТАМРУЧИ В. С., СОКОЛОВА Г. И., ШИРМАХЕРА А. Г.

Н. БУЛГАНИН

Р. РУДЕНКО

А. ЧЕПЦОВ

11 июля 1953 г."

Ещё до начала массовой реабилитации незаконно осуждённых Жуков помог выйти из-за колючей проволоки, выбраться из шахт и с лесоповалов многим своим сослуживцам, в том числе маршалу Ворожейкину, генералам Телегину, Терентьеву, Минюку, многим другим. Впоследствии, став министром обороны, Жуков по сути дела реабилитировал бывших военнослужащих, во время войны попавших в плен, но не уронивших чести сотрудничеством с врагом. Это были люди, претерпевшие самые жестокие муки в нацистских лагерях, зачастую прямо оттуда этапированные в лагеря советские. Для генерала и своего земляка Михаила Потапова, только что освобождённого из концлагеря Моозбур, он сделал всё, чтобы ему вернули звание и награды. В 1954 году не без участия главкома сухопутных войск Потапов вновь вступил в должность командующего 5-й армией.

К сожалению, вскоре последовавшая отставка не позволила Жукову завершить начатый процесс полной реабилитации бывших военнопленных. До 1990-х годов узники немецких концлагерей будут носить поставленное Мехлисом клеймо предателей.

Хрущёв, ловко перехвативший бразды правления, на первых порах нуждался в такой сильной личности, как Жуков, и потому всячески укреплял позиции и авторитет маршала. Пока не почувствовал опасность.

Глава сорок третья

В ОТСТАВКЕ

“Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму...”

Он был единственным маршалом Советского Союза, уволенным в отставку. Первое время жил надеждой, что успокоятся, призовут. Готов был принять любую, самую скромную должность, лишь бы снова вернуться в армию. Постановление октябрьского пленума теплило в нём надежду: “Секретариату ЦК КПСС предоставить т. Жукову другую работу”.

Из воспоминаний Эллы Георгиевны: “Первое время отец надеялся, что не останется не у дел. Ведь ему было чуть за шестьдесят, он сохранил силы и здоровье, стремление использовать свой колоссальный опыт для военного строительства. Однажды, вернувшись домой из института, я увидела отца в столовой. Он сидел в кресле у окна, держа в руках какой-то листок бумаги, и был явно удручён. На мой вопрос: “Пап, что случилось?” — он ответил, что уже не первый раз пишет на имя Хрущёва просьбу предоставить любую работу. Готов командовать округом, готов возглавить военную академию, стать, наконец, рядовым преподавателем. И вот получил очередной отказ: “В настоящее время предоставить вам работу представляется нецелесообразным”.

Жукову оставили порученца Ивана Прядухина, двоих охранников — Николая Пучкова, Сергея Маркова — и солдата, который занимался хозяйством. Чистил снег на дорожках, убирал листву.

Зимой маршал порой выходил в сад и сам брался за лопату. Осенью вместе со всеми окапывал яблони. Любил собирать грибы.

Однажды, это случилось вскоре после злополучного Пленума, вместе с Николаем Пучковым он бродил по лесу в окрестностях Сосновки. Набрали полные корзины грибов. Возвращаться на дачу не хотелось. Он остановился на опушке и сказал охраннику:

— Посмотри-ка, Николай Иванович, какой красивый дубок растёт... — И погладил кору молоденького дуба. — Знаешь что... Сходи-ка за лопатой, а я тут посижу.

Вскоре Пучков вернулся с лопатой. Корень оказался довольно глубоким, и им пришлось основательно поработать, чтобы не загубить саженец. Копали по очереди. Выбрасывали из довольно глубокой ямы серую лесную землю, добрались до глины, а корень всё уходил в глубину. Это восхищало Жукова.

— Николай Иванович, копай глубже, — передавая лопату, сказал он Пучкову. — Корень не потревожь.

Дубок посадили под окнами напротив столовой. На следующий день Жуков оградил саженец колышками и первое время заботливо поливал.

В следующем году на Поклонной горе закладывали первый камень будущего монумента Победы. Устроители торжества позвонили маршалу накануне и пригласили на закладку. По воспоминаниям Николая Пучкова, он по распоряжению Жукова вызвал из гаража к 10:00 автомобиль. Машина прибыла, и хозяин дачи, стоя в прихожей перед зеркалом, уже застёгивал маршальскую шинель, когда раздался телефонный звонок. Звонили из Министерства обороны. Порученец Малиновского коротко известил: приезжать на Поклонную гору не надо. Николай Пучков, принимавший это распоряжение, мгновенно отреагировал:

— Пусть с маршалом свяжется тот, кто его приглашал на мероприятие. И хотя бы извинится.

Спустя несколько минут расстроенный Жуков вышел из кабинета и сказал Пучкову:

— Николай Иванович, отпустите машину.

В 1960 году отключили телефон.

Потом начались перебои с подачей воды. Зимой водопровод перемерзал.

Комendantом дачи в Сосновке был подполковник Иван Александрович Прядухин. Он ездил в Москву, договаривался со старыми сослуживцами

маршала, и те, тайком от начальства, производили некоторые работы, чтобы облегчить семье Жукова жизнь в Сосновке. Военные связисты отремонтировали телефонную линию, курсанты Военно-инженерной академии им. Д. М. Карбышева пробурили артезианскую скважину и обеспечили жильцов госдачи питьевой водой.

А в прессе продолжалась травля. Жукова сняли с партийного учёта в Министерстве обороны. Учётную карточку направили в Краснопресненский район, в одну из заводских парторганизаций. Теперь на партийные собрания он должен был ездить на завод. Видимо, расчёт делался на то, чтобы как можно плотнее блокировать общение опального маршала с бывшими сослуживцами и вообще с военными. Его возможное влияние на сотрудников аппарата Минобороны считали нежелательным и даже опасным.

Однако на пресненском машиностроительном заводе новопривывшего члена партии сразу полюбили. Правда, выступать на партсобраниях ему было категорически запрещено.

В это время Жуков был окружён роднёй. Захаживали и бывшие сослуживцы — из самых верных. Генерал Крюков с Руслановой. Баграмяны. Генералы А. П. Белобородов и И. А. Плиев. Но чаще всех бывал генерал Н. А. Антипенко. С Николаем Александровичем, бывшим своим заместителем по тылу, он мог говорить откровенно. Знал: не выдаст, не предаст. Несколько раз Антипенко писал в Президиум ЦК и Брежневу. Писал смело. Не просил, а требовал реабилитации боевого товарища и друга: “Приближается 20-я годовщина победы над фашистской Германией. У миллионов людей естественно возникает вопрос: долго ли будет продолжаться состояние дискриминации одного из прославленных советских полководцев, маршала Советского Союза тов. ЖУКОВА Г. К., заслуги которого перед народом в минувшей войне трудно переоценить?”

Политическая реабилитация Маршала Советского Союза Жукова Г. К., которой ждут миллионы людей, прозвучала бы на весь мир как долгожданное восстановление справедливости”.

На даче в Сосновке к тому времени полноправной хозяйкой стала Галина Александровна. В Москву Жуков по-прежнему отправлял порученца Александра Прядухина. Тот вспоминал: “Мне приходилось возить продукты из жуковской дачи в Сосновке в Москву к первой жене Георгия Константиновича Александре Диевне. Она спрашивала: “Как там живёт Георгий Константинович?” В свою очередь Галина Александровна тоже выведывала: “Как там?” Моя дежурная фраза: “Не знаю”, — вызывала женские упрёки: “Всё не знаешь и не знаешь...”

Хозяин дачи стал много возиться с землёй. Всколыхнулось родовое, мужицкое. Пересаживал, делил кустарники, сажал клубнику. Во всём знал толк. Когда Иван Прядухин привёз саженцы молодой клубники, с восхищением посмотрел на них и спросил:

— Где такой хороший сорт достал?

— На выставке.

Яблоневый сад занимал два гектара — 200 деревьев различных сортов. За садом присматривали специальные работники, знавшие толк в садовом деле. Но хозяин во всё вникал сам. Порой торопил то с обрезкой, то с побелкой штамбов, то с опрыскиванием от вредителей: “Зимой сани не готовят...”

С некоторых пор Жуков стал ценить тишину и немногословие домашних. Даже Галине Александровне мог сказать: “В двух словах можно изъясниться, а ты тарыхтишь...” И Прядухину: “Короче, Иван Александрович. Мог бы в дороге в машине обдумать, что говорить”.

Похоже, Жуков наслаждался тем, что наступила пора в его жизни, когда можно спокойно подумать, когда никакой порученец не окликнет тебя срочно подойти к телефону на звонок Верховного, министра, Генерального секретаря...

Галина Александровна после декретного отпуска вышла на работу. Жуков, ещё будучи министром обороны, устроил её в госпиталь им. Бурденко. Выхлопотал квартиру на улице Горького. Галина перевезла к себе мать Клавдию Евгеньевну. Теперь Клавдия Евгеньевна нянчила внучку Машу.

Жуков пытался привести в порядок, так сказать, юридическую часть своих семейных отношений. Надо было зарегистрировать брак с Галиной Александровной. Но Александра Диевна не давала развод. По-женски, видимо, ещё надеялась, что муж одумается и вернётся к ней.

Маршальскую квартиру в доме на улице Грановского Александра Диевна разменяла. Летом жила на даче в Лесном городке. Её Жуков купил для Галины Александровны. Но потом решил остаться в Сосновке. А дом в Лесном городке отдал первой семье. Кроме того, выплачивал Александре Диевне ежемесячно 200 рублей и передал кремлёвскую продовольственную карточку. Продовольственную карточку отоваривал Иван Прядухин и сразу же пакеты с продуктами увозил Александре Диевне.

Откровенничать Жуков мог только с самыми близкими — с женой, Крюковым и Руслановой. И то — во время прогулок по саду и в лесу. Дача была напигована “жучками”, и он об этом знал. Это, конечно, раздражало. Заметил: в доме даже думать было тесно, неудобно — как будто что-то давило, угнетало. С одной стороны — жил затворником (“Я нигде не бываю, вообще ушёл от мира сего и живу в одиночестве...”), с другой — как в прозрачном аквариуме...

Время от времени звонили из газет и журналов, просили о встрече для интервью. В том числе иностранные журналисты. Жуков отказывал.

Не заживала рана от публикаций, которые посыпались сразу после Пленума. Секретное постановление ЦК КПСС “Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте” от 29 октября 1957 года как закрытое письмо ЦК зачитывали на партийных собраниях во всех армейских и флотских партийных организациях, на предприятиях, во всех учреждениях, колхозах и совхозах.

Партийцы есть партийцы. Сразу по прочтении закрытого письма в газеты пошли их отзывы. Негодовали. Поддерживали линию партии: “...т. Жуков Г. К. не оправдал оказанного ему партией доверия. Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму как в понимании важнейших задач внешней политики Советского Союза, так и в руководстве Министерством обороны”. Через строки партийного документа, спущенного в низовые партийные организации, проглядывал этакий батька Махно с троцкистским уклоном...

“Правда”, “Известия”, “Красная Звезда”, областные, краевые и республиканские газеты — все старались не отстать и пнуть побольнее. Даже на родине.

Газеты Жуков в руки не брал долгое время.

Отмашку к началу травли дала флагманская “Правда”. В секретариате ЦК быстро заготовили текст статьи под названием “Сила Советской армии и Флота — в руководстве партии, в неразрывной связи с народом”. Основная суть: Жуков — зарвавшийся бонапартист, наделавший много ошибок в руководстве вооружёнными силами Советского Союза, и главной его ошибкой стала недооценка роли партии в победах армии. Хрущёв нашёл подходящую кандидатуру на авторство — Конев! Вот кто подпишет статью! Хотя Иван Степанович и заверяет, что он не друг Жукову, но в Министерстве обороны маршалы заправляли дружной парой. И было время, когда Жуков предлагал на должность министра МВД Конева. Вдвоём бы эти покорители Берлина дел наворотили... Хрущёв потирал руки — сюжетец он придумал классический.

Статью нарочным послали маршалу Коневу. Тот сперва заартачился. Потом, когда пришёрли, попросил время, чтобы прочитать и внести некоторые правки.

Говорят, Конев просидел над статьёй всю ночь.

Хрущёву постоянно докладывали: сидит, правит. “Старайся, не старайся — всё равно статья завтра выйдет за твоей подписью”, — злорадствовал Никита Сергеевич.

Когда подписанный Коневым текст привезли в Кремль, Хрущёв позволил “автору” и сказал:

— Завтра в “Правде” читай свою статью. И без фокусов. Понял?

Говорят, что в печать пошёл не тот вариант, над которым работал Конев, а тот, который был заготовлен в секретариате ЦК. Вот почему Никита Сергеевич предостерегал Конева от “фокусов” — опасался, что “автор” статьи возмутится.

Вскоре после публикации Жуков и Конев встретились на улице. Конев, чувствуя вину, извинился.

— Ну, раз так, Иван Степанович, напиши опровержение! — предложил Жуков.

— Георгий Константинович, ты же понимаешь, что это невозможно. Не напечатают. Это ведь решение партии, в нашей стране это закон.

Вскоре Хрущёв уберёт и Конева. Для него он был человеком Жукова.

Когда победители делили лавры, Хрущёв, довольный исходом схватки и в порыве благодарности маршалу за спасение, высказал слова благодарности за наведение должного порядка и дисциплины в Министерстве обороны.

— Вот бы нам ещё и в МВД порядок навести, — сказал Никита Сергеевич, — да нет подходящего человека.

— Есть такой человек! — простодушно и по-солдатски мгновенно отреагировал Жуков.

— Кто? — спросил Хрущёв.

— Мой заместитель — Конев.

Ещё тогда Хрущёв призадумался: танки, обращение к армии и народу, а тут ещё и, похоже, заранее подготовленная кандидатура на пост второго силового ведомства, значит, и об этом он думает...

Трудно теперь сказать, кого из маршалов больше угнетала та статья в “Правде”, которую можно было расценивать как предательство. Конев до конца жизни мучился от своего малодушия. Жуков негодовал. Предательство! И кто предал?

Но всё же они помирились.

В декабре 1968 года Конев праздновал своё 70-летие. Был приглашён и Жуков. Свои дни рождения Иван Степанович отмечал каждый год, и всегда приглашал своих боевых товарищей. Но Жуков приглашения с некоторых пор не принимал. А тут — приехал! Маршалы обнялись. Слёзы стояли в их глазах.

Константин Симонов вспоминал: “Среди приглашённых и пришедших на эту встречу был Жуков. И его приглашение в этот день, в этот дом, и его приход туда имели особое значение. Судьба сложилась так, что Жукова и хозяина дома на долгие годы отделили друг от друга обстоятельства, носившие драматический характер для них обоих, для каждого по-своему. А если заглянуть ещё дальше, в войну, то и там жизнь, случалось, сталкивала их в достаточно драматической обстановке. Однако при всём том в народной памяти о войне их два имени чаще, чем чьи-нибудь другие, стояли рядом, и в этом всё-таки и состояло самое главное, а всё остальное было второстепенным.

И когда на вечере, о котором я вспоминаю, после обращённой к хозяину дома короткой и полной глубокого уважения речи Жукова оба эти человека обнялись, должно быть, впервые за многие годы, то на наших глазах главное снова стало главным, а второстепенное — второстепенным с такой очевидностью, которой нельзя было не порадоваться.

А потом на этом же вечере один из присутствующих*, считая, что он исполняет при этом свою, как видно, непосильно высокую для него должность, вдруг произнёс длиннейшую речь поучительного характера.

Стремясь подчеркнуть свою причастность к военной профессии, он стал разъяснять, что такое военачальник, в чём состоит его роль на войне и, в частности, что должны и чего не должны делать на войне командующие фронтами. В общей форме его мысль сводилась к тому, что доблесть командующего фронтом состоит в управлении войсками, а не в том, чтобы рисковать

---

* Этим “присутствующим” был А. А. Епишев — генерал армии, начальник Главного политуправления. Именно он душил мемуары фронтовиков: “Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить?”

жизнью и ползать по передовой на животе, чего он не должен и не имеет права делать.

Оратор повторял эту полюбившуюся ему и, в общем-то, в основе здравую мысль долго, на разные лады, но всякий раз в категорической форме. С высоты своего служебного положения он поучал сидевших за столом бывших командующих фронтами тому, как они должны были себя вести тогда, на войне.

Стол был праздничным, а оратор был гостем за этим столом. В бесконечно отодвигавшемся конце своей речи он, очевидно, намерен был сказать тост за хозяина. Поэтому его не прерывали и, как это водится в таких неловких случаях, молчали, глядя в тарелки. Но где-то уже почти в конце речи при очередном упоминании о ползании на животе Жуков всё-таки не выдержал.

— А я вот, будучи командующим фронтом, — медленно и громко сказал он, — неоднократно ползал на животе, когда этого требовала обстановка и особенно когда перед наступлением своего фронта в интересах дела желал составить себе личное представление о переднем крае противника на участке будущего прорыва. Так что вот, признаюсь, было дело — ползал! — повторил он и развёл руками, словно иронически извиняясь перед оратором в том, что он, Жуков, увы, действовал тогда вопреки этим застольным инструкциям. Сказал и уткнулся в свою тарелку среди общего молчания, впрочем, прерванного всё тем же оратором, теперь перескочившим на другую тему.

Даже сам не знаю почему, мне так запомнился этот мелкий штрих в поведении Жукова в тот вечер. Скорей всего потому, что в его сердитой иронии было что-то глубоко солдатское, практическое, неискоренимо враждебное всякому суесловию о войне, и особенно суесловию людей, неосновательно считающих себя военными”.

Жуков и на склоне своих лет оставался Жуковым. Хотя тот довольно резкий выпад в сторону генерала Епишева, начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-Морского флота, мог дорого стоить ему. Его мемуары и без того чрезвычайно тяжело, с потерями, с многочисленными претензиями к автору, проходили через минное поле Главпура. “Кому нужна ваша правда?..”

Глава сорок четвертая

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Это был уже взгляд за ту черту, которая живых отделяет от мёртвых.

Когда Марию Георгиевну однажды спросили о том, как она относится к той возне вокруг имени её отца и упрекам, что, мол, Жуков и не так воевал, и солдат не жалел, и к славе по трунам шёл, она задумалась и вдруг ответила словами Иоанна Восторгова, проповедника и миссионера, расстрелянного в 1918 году:

— “Клевета норовит прилепиться чаще всего к той области, где человек наиболее безукоризненно себя проявляет”.

Пожалуй, что так. Совсем недавно, перечитывая подаренную Марией Георгиевной книгу об отце, я нашёл это место и снова внутренне согласился с точностью определения.

“Его не стало, когда мне было семнадцать лет, — написала в своей книге “Маршал Жуков — мой отец” Мария Георгиевна Жукова. — Когда он был рядом, трудно было представить себе, что он может умереть. Он уже долго болел — с декабря месяца 1973 года, сразу после 40-го дня по смерти мамы попал в Кремлёвскую больницу. Я регулярно бывала у него, свидание его было всё это время примерно одинаковым, довольно тяжёлым. Свидания наши были короткими: отцу трудно было говорить”.

“Вспоминаю слова бабушки: “Папа с такой тоской смотрел на тебя”.

Его подкосила ранняя смерть любимой жены — Галины Александровны, Галюши, как он её называл.

Порученец Иван Прядухин, долгие годы наблюдавший их взаимоотношения, говорил: “Такой любви можно только позавидовать”.

И им, конечно же, завидовали. Особенно ему. Всё у него в жизни получалось. Наследник здоровых народных кровей, лихой кавалерист, он всегда умел схватить жизнь под уздцы. Вскоре после знакомства Жукова с Галиной Александровной, когда пошли слухи и разговоры, и молва донеслась до Кремля, в штаб округа позвонил Сталин: “Зачем я вас, товарищ Жуков, послал на Урал?” — “Командовать округом, товарищ Сталин”. — “Вот и командуйте! А вы чёрт знает чем занимаетесь!..” — И бросил трубку.

Позже бедная Александра Диевна, терзаемая изменой мужа, через свою подругу Нину Петровну Хрущёву обратилась к Первому секретарю ЦК КПСС с жалобой на семейные неурядицы. “А ты живи, как все, — сказал Хрущёв Жукову. — Живи с семьёй и люби, кого хочешь, на стороне”. — “Нет, — сказал Жуков. — Двойной жизнью жить не буду. Я отдал своей прежней семье всё, что мог. Мои дети имеют своих детей. А у меня родилась дочь, и я обязан поставить её на ноги”. — “Ну, смотри, — сказал Хрущёв, — ты рискуешь партбилетом”.

Галина Александровна была ровесницей его старшей дочери Эры. Они и подружились потом. Добрая и сердечная Эра часто приходила к ней в госпиталь, когда была сделана операция и обнаружены раковые метастазы. Поддерживала Галину Александровну как могла, утешала, часами беседовала с больной.

Когда жены не стало, Жуков осиротел. Подолгу стоял у её портрета. Всматривался в любимые черты. Это был уже взгляд за ту черту, которая живых отделяет от мёртвых.

Жалел дочь. За жизнь он цеплялся только ради неё. Как-то в разговоре о детях сказал:

— Хочу, чтобы Машенька выросла такой же образованной и скромной, как Эра и Элла.

Он уже не хотел ни славы, ни почестей. Земное отдалялось.

Для Кремля, похоже, он до самых последних дней был проблемой, обузой. Этаким скалообразным камнем преткновения. Пока он был жив, Брежневу не осмеливались повесить на грудь орден “Победа”.

Когда здоровье позволяло работать, Жуков сразу брался за рукопись, которую редакторы усиленно готовили для второго издания.

В новое издание Жуков ввёл несколько новых глав, выправил и значительно дополнил старые. Но двухтомник автор в руках поддержать не успел. Второе издание “Воспоминаний и размышлений” вышло после его смерти.

Во время работы над вторым изданием в редакционном коллективе появился историк-консультант, кандидат исторических наук полковник Е. Н. Цветаев. С выходом книги Маршала Победы рухнула стена запрета на Жукова. Власти вынуждены были считаться с обстоятельствами.

В октябре 1972 года Жуков передал в издательство выправленный вариант нового издания. Полковник Цветаев прочитал рукопись и предложил проект улучшения рукописи — усиления её научной составляющей. В основу были положены 14 вопросов-пунктов.

Жуков, в свою очередь, прочитал их и ответил принципиальным письмом: “Ознакомившись с предложениями, считаю уместным сделать некоторые замечания.

1. Моя книга “Воспоминания и размышления” написана в плане личных воспоминаний и размышлений над ними. Рассчитана она на широкого читателя. В проекте главы “Ставка ВГК” я также придерживался этой же цели.

Раскрывать работу Ставки ВГК в большом объёме считаю нецелесообразным. Предложение собрать из других глав материал об отдельных элементах работы Ставки ВГК, безусловно, заманчиво, и оно обогатит главу, но в то же время серьёзно обеднит остальные главы. Поэтому делать этого не следует.

2. В пункте втором: предлагается шире раскрыть вопросы работы Ставки в их исторической последовательности. Этого делать в моей книге не следует. Как работала Ставка в начале войны, когда председателем её был С. К. Тимошенко, вполне достаточно рассказано в главе “Начало войны”. Критика принятых и непринятых решений также дана в этой главе. Специального решения Ставки на стратегическую оборону не было. Она сложилась в результате неблагоприятной для нас обстановки на всех оперативно-стратегических направлениях. Процесс принятия решений Ставки одинаковым не был. Каждое её решение вытекало из сложившейся обстановки и наших возможностей.

Я не возражаю, если это будет дано дополнительно, с приведением интересных исторических документов.

В третьем пункте предлагается разработать вопрос о *предвидении*.

Я лично по состоянию здоровья разработать более детально, чем дано в книге, сейчас не могу.

21.11.73.
Жуков”.

На остальные вопросы он ответил своими пометками на полях рукописи.

К примеру, на предложение в пункте 4-м “шире осветить проблему научного предвидения” кратко и недвусмысленно отреагировал ремаркой: “Я не пишу научный трактат”.

Однако предложения научного консультанта заставили Жукова вновь перечитать текст и внести существенную редактуру и дополнения в те главы, которые полковник Цветаев трогать не хотел.

Размышляя о просчётах немецкого командования, он написал: “Если рассматривать гитлеровский план “Барбаросса” с военной точки зрения, надо сказать, что он построен на шаблоне, без учёта трудностей, с которыми пришлось столкнуться немецко-фашистским войскам, вследствие чего с первых дней война пошла иначе, чем рассчитывало германское командование. В результате, в 1941 году, понеся трудновосполнимые потери, немецко-фашистские войска не достигли ни одной стратегической цели, а в 1942 году гитлеровское командование по своим силам не могло уже вести крупные операции на всех стратегически важных направлениях. Пришлось ограничиться наступлением на юге нашей страны, с целью выйти на Волгу и отрезать от страны Кавказ и Закавказье”.

Из этого письма можно сделать несколько выводов.

Первый: автор не хотел впускать в свои мемуары излишнюю научную чопорность, чтобы обилием архивных сведений не погубить теплоты человеческого документа.

Второе: отмёл принцип “разложить всё по полочкам”, что тоже придало бы книге пресноватый привкус казённости.

Третье, самое главное: автор не хотел разрушать жанр действительных воспоминаний и размышлений.

Двадцать третьего апреля 1974 года Жуков подписал вёрстку и макет второго издания.

Восемнадцатого июня того же 1974 года его не стало.

Он пережил свою жену всего на полгода.

Последние полтора года он сильно страдал. Галина Александровна сокрушалась по поводу резкого ухудшения его здоровья после инсульта. Но ушла раньше.

На консилиум в Сосновку приехали лучшие врачи мира. Проводил консилиум академик Е. И. Чазов. Были известные специалисты из Франции. Уже ничего сделать они не могли. Свеча догорала...

Из воспоминаний Марии Георгиевны: “Потом наступили долгие дни неизвестности — отец был уже без сознания. Могучий организм боролся со смертью. Один раз меня пустили в его палату, и мне стало страшно. Только бегущая светлая точка на экране показывала, что он ещё жив... Через некоторое время я вышла в тёмный коридор, сняла белый халат. Ничего не видя вокруг, спустилась на лифте и вышла на улицу Грановского. Тогда я ещё не представляла, что всего несколько часов отделяют меня от звонка медсе-

стры по телефону: “Георгий Константинович умер”. 18 июня 1974 года, в 14 часов 35 минут остановилось его сердце. В свидетельстве о смерти написали вместо “сердечная недостаточность” “недостаточность сердца”...

По воспоминаниям Эллы Георгиевны, на лице отца в момент, когда подняли простыню, они увидели печать страданий. “Кажется, что он ещё чувствует боль”, — написала она потом в своих воспоминаниях.

Лишь на третий день в газетах появилось сообщение о смерти Жукова.

Дети ждали решения властей о похоронах. Жуков просил похоронить его на родине, рядом с отцом. Но в ЦК решили иначе — кремировать.

Прощание с телом проходило в Центральном Доме Советской Армии. Люди шли со всей Москвы, ехали из других городов и областей. Фронтовики пришли в форме времён войны.

На второй день прощания семнадцатилетнюю Марию Георгиевну и её бабушку Клавдию Евгеньевну неожиданно вызвали в Сосновку — поступило распоряжение срочно освободить дачу. Так и не дали младшей дочери проститься с отцом перед тем, как тело его увезли в крематорий.

Анна Миркина вспоминала: “Двери зала внезапно закрылись, доступ народа прекратился, и в зал вошли члены Политбюро во главе с Л. И. Брежневым. Подойдя к первому ряду, Леонид Ильич каждому лично пожал руку, выразил глубокое соболезнование и... прослезился”.

Через полчаса, вместе со всеми, дочери маршала узнали от распорядителя, что тело отца будет кремировано.

Москвичи, заполнившие тротуары вдоль улиц, по которым двигался траурный кортеж, запомнили одинокую фигуру безногого инвалида в матросской форме. Он выехал на своей убогой самодельной тачке на подшпинниках за линию оцепления и плакал, мотая головой и вытирая лицо бескозыркой.

Глава сорок пятая

БЫЛ ЛИ ЖУКОВ ВЕРУЮЩИМ

“Отец был по рождению и воспитанию, по самому своему мировосприятию православным человеком, как православны были его солдаты...”

Вопрос о том, был ли Жуков верующим, возникает время от времени. Видимо, он важен, если сторонники и хулители маршала возвращаются к этой теме снова и снова.

Не утверждая в начале нашего исследования ни веры, ни безверия Жукова, соберём вместе факты и фрагменты его жизни, чтобы из суммы собранного попытаться увидеть то существенное, но незаметное в частностях, порой кажущихся малозначительными, что трудно собрать в общее.

Родился Егор Жуков в православной семье. В воскресные дни вместе с родителями ходил в приходскую церковь в Угодку.

Образование получил в сельской церковно-приходской школе и сохранил и о ней, и об учителях, и об одноклассниках самые тёплые и добрые воспоминания. В том числе и классном законоучителе, заштатном священнике о. Николае Ремизове.

Всю жизнь, вспоминая родину, хранил светлое чувство памяти и уважения, сыновней благодарности своему первому учителю — Сергею Николаевичу Ремизову, сыну приходского батюшки. Уже в поздние годы, чувствуя долг перед учителем, искал его могилу. Хотел поставить памятник.

Учась в школе, пел в церковном хоре.

Брал книги из библиотеки учителя Сергея Николаевича, а также о. Николая. Среди книг были и духовные.

Живя в Москве, вместе с двоюродными братьями и сёстрами ходил на службы и в приходскую церковь, и в храм Христа Спасителя. Набожный дядя Михаил Артемьевич водил их и в другие храмы Москвы, где хорошо пели.

Таким образом, с самого раннего детства, через отрочество и юность образ веры Христовой и православной церкви сплетался в нём с образами родины, родной природы Стрелковщины, с образами лучших людей, земляков. Встречи с земляками всегда были для него желанны. Приезды на родину становились праздниками души.

Полюбил девушку, о которой ходили слухи, что она поповна. Она стала его женой, матерью его детей.

При том, что отношение к церковнослужителям в 1920-е и 1930-е годы со стороны власти было жестоким, ни документы, ни свидетельства современников не донесли до нас ни единого факта участия Жукова в расправах над священниками и монахами.

В 1939 году после короткой, но кровопролитной войны на реке Халхин-Гол в Монголии, командуя группировкой, он разрешил японцам похоронить своих убитых согласно религиозному обряду. Чувствительные к подобным проявлениям человеческой души японцы с восхищением приняли жест великодушия победителя.

Испытывал особое уважение к своему земляку генералу Потапову, зная его тайную религиозность.

В 1956 году Жуков вместе с женой Александрой Диевной отдыхал в Чехословакии в Карловых Варах. Когда курортная лень наскучила, он принялся исследовать окрестности. Однажды узнал, что вблизи есть православная церковь, заложенная ещё Петром Первым. Взял с собой офицера охраны и пустился в путь. Вскоре они поднялись на гору, где стоял храм. Когда они подошли к нему, Жуков обратил внимание на пожилую старушку, стоявшую на крыльце. Она оказалась графиней из русских эмигрантов. Жуков стал с почтением её о чём-то расспрашивать. Историю этой нечаянной встречи двух русских людей в чужих краях рассказал тот самый офицер охраны. Но в момент разговора Жуков дал понять ему, чтобы тот не мешал им, и офицер отошёл в сторону. “Потом мы услышали, — рассказал офицер охраны, — от казака из бывших русских эмигрантов: “Смотрите, вон батюшка бежит сюда!” Священник жил в домике при церкви. В Чехословакию он был прислан из... Одессы. В церкви Жуков и я поставили свечи”.

В другой раз охранник Николай Пучков вспоминал ещё одну странную встречу. Это случилось в Ялте и тоже во время отдыха. К маршалу подошла женщина и представилась внучкой поэта Тютчева. Жуков заинтересовался. Разговорились. Жуков заметил у неё крестик. Она жаловалась, что тяжело живётся, не хватает средств к существованию. “У тебя есть деньги?” — спросил Жуков охранника. Тот всегда носил с собой несколько крупных банкнот. Пучков начал отсчитывать. Но Жуков взял всю пачку и протянул внучке Тютчева. Впоследствии охранник, вспоминая опрометчивую щедрость маршала, сомневался, что встретившаяся на ялтинской улице женщина действительно была внучкой великого русского поэта.

Дочь Мария Георгиевна в книге об отце написала: “Отец был по рождению и воспитанию, по самому своему мировосприятию православным человеком, как православны были его солдаты, вместе с ним перед боем говорившие: “Ну, с Богом!”

Во время войны ходили слухи, что в 41-м, когда немцы подошли к Москве, Жуков личным распоряжением и на своей машине прислал в деревню под Наро-Фоминском священника из Москвы — чтобы окрестить всех детей.

А в 1945 году, когда Берлин взяли, Пасха совпала с днём Святого Георгия Победоносца, сокрушителя змия.

Из книги Марии Георгиевны Жуковой: “В Белоруссии, в Каменецком районе Брестской области, в селе Омеленец находится Свято-Крестовоздвиженская церковь. В годы войны фашисты сняли с неё все колокола и отправили на переплавку в Германию. В период освобождения Белоруссии на звоннице находился наблюдательный пункт советских войск. Кругом рвались снаряды, но церковь осталась нетронутой. Настоятель храма отец Евгений Мисюк с церковного амвона призывал верующих молиться за спасение Отечества, был инициатором сбора и отправки посылок для бойцов, за что получил благодарственное письмо от маршала Жукова. В День Победы 9 Мая

1945 года в Омеленецкой церкви был отслужен благодарственный молебен. Отец Евгений в письме к Жукову написал о молебне, поздравляя его с победой, пожаловался, что все колокола с церкви были увезены оккупантами. Письмо дошло до адресата, и маршал, несмотря на занятость, поручил найти колокола. В районе Познани удалось обнаружить колокола, которые фашисты не успели переплавить — они были не омеленецкие, но всё равно отлитые русскими мастерами. Вскоре от маршала пришёл ответ и посылка... весом в тонну — три колокола! Колокола повесили при помощи прихожан и воинов соседней части. Но тут случилась неувязка: колокола повесили, а звонить местное начальство не разрешило. Тогда отец Евгений с прихожанами написал письмо в Минск, дескать, как же так — колокола подарил Жуков, а звонить в них не разрешают! Высокому начальству ничего не оставалось, как дать “добро”. Такого благовеста ещё не слышала округа! По сей день во время богослужений над селом и окрестностями раздаётся призывный и умиротворяющий колокольный звон”.

В июле 1945 года Жуков, осмотрев православный храм-памятник русской воинской славы в Лейпциге, приказал срочно перебросить сюда сапёрную бригаду для восстановления разрушений и отделки церкви. Церковь была построена в 1913 году в год 100-летия “Битвы народов” под Лейпцигом и сокрушения армии Наполеона русскими, прусскими и австрийскими войсками. Работу, как пишут историки, Жуков принимал лично, “приехал на открытие храма и возжёт в нём лампаду”.

Домашние рассказывали, что в православные праздники — на Пасху, Троицу, Рождество Христово, на Благовещение — он всегда надевал чистую рубаху и пребывал в эти дни в особом расположении духа.

А когда освободили Киев, Жуков разрешил не только в Киево-Печерской лавре, но и во всех уцелевших приходских храмах отслужить благодарственный молебен. В одном из путеводителей я прочитал: “В столице Украины есть чудотворная Гербовецкая икона Божией Матери, которую маршал Жуков отбил у фашистов”.

В Одессе Жуков дружил с офтальмологом профессором Владимиром Петровичем Филатовым, который, как известно, был человеком набожным. Когда над храмом, прихожанином которого был Филатов, нависла угроза закрытия, Жуков сделал всё от него зависящее, чтобы этого не произошло.

Уральцы с благодарностью вспоминают такой факт. Когда маршал узнал, что исправительно-трудовая колония занимает здание Спасо-Преображенского собора, приказал перевести заключённых в другое место.

Когда Жуков уже болел и нигуда из Сосновки не выезжал, к нему однажды приехал его бывший фронтовой водитель Бучин. “Здравствуй, Александр Николаевич!” — радостно встретил его маршал. Посидели, поговорили. Вспомнили фронтовые будни. Бучин потом рассказывал: “...незлобивость, которая была в характере Жукова, начинает прорываться с годами как чуть ли не христианское смирение. Чудно́ это было мне. Что особенно удручало — всенарастающее смирение”. Бучину, отсидевшему в лагере за здорово живёшь, конечно же, хотелось отмщения. Или хотя бы побранить власть. А Жуков пребывал уже в другом состоянии.

Когда его спрашивали, какие качества, в первую очередь, помогли Красной армии, советскому солдату выстоять и победить, он ответил: “Терпение, мужество, величайшая стойкость, любовь к Родине”. Но прежде всех других — терпение. Он говорил это, когда понял всю глубину этого человеческого качества, которое постепенно преобразуется в добродетель.

Родственники вспоминают случай: когда уже похоронили Галину Александровну, Жуков, больной, постоянно чувствуя своё одиночество, однажды в раннюю Пасху включил в столовой радио — “Голос Америки”. Там транслировали концерт Нью-Йоркского симфонического оркестра — звучала “Всенощная” Сергея Рахманинова. За окнами ослепительный снег. Лучи солнца пронизывали сад и всю окрестность, проникали в столовую, скользили по полу и мебели. Он стоял, словно озарённый внезапной догадкой о смысле не только своей жизни, но и бытия вообще. Вспоминал ли он детство? Родителей? Учителей? Дядю и братьев? Своих любимых? Или молился о своих дочерях?

Глава сорок шестая

Легенды, истории и байки о маршале Жукове, человеке и полководце

“Спасибо тебе, солдат! Ты сделал меня маршалом...”

Вячеслав Молотов, будучи уже отставке и не у дел, любил рассказывать такую историю: “Мы с Жуковым практически в одно и то же время выполнили одну и ту же задачу, отодвигая войну: я подписал Пакт о ненападении с Германией, а Жуков на Дальнем Востоке дал отпор японским самураям. Как появился Жуков на Халхин-Голе? Сталин сказал Тимошенко: “Мне нужен такой командир, чтоб он не просто разгромил японцев, а свирепо порвал их на куски, чтоб у них вообще отпала охота идти на север. Пусть устремятся в Океанию! Есть такой командир?” — “Есть”, — ответил Тимошенко и назвал имя Жукова”.

Многие из очевидцев вспоминали, что перед сражением Жуков выбирался куда-нибудь на передовую и за несколько часов до артподготовки брал горсть земли и нюхал её. Словно пытался понять, принесёт битва победу или нет. По этому поводу высказался даже Хрущёв. На пленуме ЦК в октябре 1957 года, после которого Жуков был отправлен в отставку, Никита Сергеевич сказал: “Когда Жуков был в опале, мне Сталин говорил: “Вы хвалите Жукова, а вот Жуков, говорят, землю нюхает...” Сталин, похоже, видел в этом нечто религиозное.

Военный историк Михаил Попов из Твери рассказывал, что, работая над диссертацией, поехал в Архив Министерства обороны в Подольск, и там на одном из приказов 1939 года штаба Первой армейской фронтовой группы обнаружил написанное рукой комдива Жукова: “Всем командирам частей — до начала наступления накормить людей горячими щами и галетами. Жуков”.

В 1945 году, сразу после Победы писатель Константин Федин разыскал Жукова, и у них состоялась обстоятельная беседа. Вот фрагмент, который, кажется, не вошёл ни в один из тогдашних очерков Федина: “...ещё маленькая пауза, нахмуренные и потом вдруг разжатые и поднятые брови, и — нечаянное признание: “Знаете, я недавно подошёл к карте, повёл по ней глазами и думаю: а ведь вряд ли найдется место, где я не был! Шофёр мой — хороший гонщик, мотоциклист Бучин — насчитал, что я с ним 175 000 километров наездил за войну. Это, выходит, сколько раз вокруг света? А я ведь не с ним одним ездил... Да сотни часов налетал на самолётах. Три самолёта износились. Как башмаки... Это — не считая Монголии”.

Конечно, это байка, не больше. Но кто её знает... История помнит случаи, когда из нескольких вариантов правдой оказывался самый невероятный. 1945 год. Ставка. Сталин склонился над разложенной картой, тычет чубуком погасшей трубки: “Ну что ж, Польша и Украина теперь наши, советские. Только как между ними границу провести? Если отталкиваться от истории, то там сам чёрт ногу сломаёт. — Задумался, повернулся к своему главному маршалу: — А что по этому поводу думает товарищ Жуков?”. Жуков подошёл к карте, бегло окинул спорный район. Места знакомые. И в 1940-м там был, и в 1944-м. “Я думаю, вот так, товарищ Сталин”. — И, вспомнив, как стояли его боевые порядки, решительно провёл красным карандашом. Вот так, с лёгкой руки маршала и была определена западная граница Украины.

В Одессе был военторг. Когда Жукова сослали в Одессу командовать войсками округа, он время от времени его посещал. Что-нибудь покупал для жены, дочерей или родственников. Он любил делать подарки. Когда он входил в магазин, персонал пребывал в некотором напряжении. Все вскакивали со своих мест и изображали полное внимание и готовность услужить. Но был в магазине один человек, который не обращал на командующего ровным счётом никакого внимания. И это Жукову нравилось. Маршал букваль-

но любовался его независимым видом, в котором чувствовались и достоинство, и культура. А ведь, казалось бы, всего лишь старик-швейцар. Для него даже стул выставляли у входа, чтобы не утруждал свои усталые ноги. Тем швейцаром был бывший личный конюх Его Императорского Величества Николая Второго. Его знала вся Одесса.

Когда из Одессы Сталин отправил Жукова на Урал, в Свердловск, кто-то из близких друзей маршала, прощаясь, сказал ему: “В Сибирь”. Но “Сибирь” Жукову так понравилась, так хорошо встретили его там уральцы, что он потом будет вспоминать годы, проведённые в Уральском военном округе, как лучшие годы в своей послевоенной службе.

На Урале любят рассказывать такую историю. Во время празднования 7 Ноября на трибуну, где стоял весь партийный актив Свердловска, протиснулся подвыпивший старичок и представился знаменитым большевиком Ермаковым, расстрельщиком царской семьи, и протянул Жукову руку. Маршал не только руку ему не подал, но сурово бросил: “Палачам руки не подаю”, — отвернулся и всё время, пока шла демонстрация и менялись выступающие, стоял к нему спиной. Даже смотреть на него не мог.

Согласно Указу президиума Верховного Совета СССР 1939 года лицам, дважды удостоенным звания Герой Советского Союза, на родине устанавливали бюст. Жуков получил вторую Золотую Звезду в 1944 году. Шла война, и заниматься этим было некогда. После Победы скульптор Евгений Вучетич приехал в Берлин и уговорил маршала позировать ему. Вскоре бюст был готов, отлит в бронзе. Его привезли в Угодский Завод. Но тут начались гонения на маршала. Местное начальство приказало бюст убрать с глаз подальше. Наступил 1953 год. Жуков начал подниматься. Зашевелились и в Калужском обкоме партии: где бюст Жукова? Срочно установить и отрапортовать перед Москвой! Кинулись искать. “Старые рабочие крахмального завода, — пишет в своей книге Мария Георгиевна Жукова, — показали место, где он валялся, — на одном из складов без крыши, забитом горбылём, в куче голубинового помёта...” Специалисты, конечно же, вскоре привели скульптуру в порядок. Постамент изготовили из красного гранита, того самого, который по приказу Гитлера был привезён из Норвегии в Россию специально для сооружения монумента победы Германии над Россией. Когда из Угодского Завода пришло приглашение, Жуков ехать на родину отказался. Сослался на занятость. “Как это я буду присутствовать на открытии собственного бюста? Мне кажется, это будет выглядеть как-то странно и нескромно”. Послал на родину дочерей Эру и Эллу. Бюст свой он увидел через несколько лет, когда приехал на могилу отца.

Когда в 1957-м его терзали на октябрьском пленуме в Москве, пленумы с подобной повесткой дня состоялись и на родине. В Калуге — областной. В Угодском Заводе — районный. Приказано было осуждать — и осуждали. Говорят, на пленуме райкома партии в Угодском Заводе кто-то из особо неистовых партийцев предложил убрать бюст “бонапартиста”. Но здравый рассудок возобладал, памятник не тронули. Однако снег вокруг постамента расчищать перестали. И вот однажды 1 декабря, в день рождения Маршала Победы, в сквер пришла бригада плотников, молодых угодских мужиков. Где-то неподалёку в райцентре они рубили дом, “шабашили”. Сквер в центре села, прямо под окнами райкома партии. Кто-то из секретарей случайно подошёл к окну. И вот он наблюдает такую картину: плотники обошли памятник, обтоптали снег, сняли шапки, постояли и принялись своими шапками смахивать снег с бюста и постамента. Вскоре весь райком стоял у окон и наблюдал за тем, как надо любить свою историю и уважать тех, кто принёс нам Победу. На следующий же день сквер начали расчищать.

Местные рассказывают, что после того пленума из Москвы в Угодский Завод и Стрелковку приезжали какие-то “начальники и начальницы”, ходили по дворам и спрашивали, а нужен ли им этот памятник? Местные отвечали, что Жукова они хорошо знают, что он рос тут, у них на глазах, час-

то приезжал, относился к землякам по-доброму, отдал под библиотеку и клуб свой дом в Стрелковке, что это же он, напоминали они москвичам, привёл наши войска в Берлин... “Мы его знаем и любим. Он — наш. А что у вас в Москве делается, разбирайтесь сами”.

В 1957 году маршал отбыл с официальным визитом в Югославию и Албанию. Из Севастополя крейсер “Куйбышев” вышел 3 октября. Его сопровождали эскадренные миноносцы “Бывальш” и “Блестящий”. При подходе к проливу Босфор крейсер “Куйбышев” в соответствии с нормами морского устава обменялся позывными сигналами с турецким пограничным постом на мысе Шиле. Маршал наблюдал за всем этим с капитанского мостика. Сигнальщик советского крейсера принял от турецкого поста семафор: “Великому Маршалу Советского Союза, высококочтимому полководцу Второй мировой войны. Приветствуем и поздравляем вас с заходом в турецкие воды...” Жуков был изумлён и спросил у стоявшего рядом адмирала Михайлина: “Что, всех так встречают?” — “Так встречают только Маршала Победы Жукова”, — был ответ командира крейсера. В проливе Босфор их встретили американцы. Их корабли стояли в ряд: авианосец, крейсер, несколько фрегатов и эсминцев. Экипажи в белой парадной форме были выстроены на верхних палубах по большому сбору. Оркестр играл “Захождение”. Семафор — приветственный, длинный. Ответ с крейсера был коротким — “Благодарю”. Маршал впервые наблюдал торжественную встречу кораблей двух флотов. Он был в восторге.

Англичане, высоко оценивая военный дар Жукова и его вклад в общую Победу, вручили ему британский рыцарский орден — Почтеннейший орден Бани, основанный королём Георгом I в 1725 году. Награда высокая. Жуков получил самую высокую из трёх существующих степеней — почётный Рыцарь Большого Креста. Такую же степень имел русский генерал, командующий I-й Западной армией в 1812 году Михаил Богданович Барклай-де-Толли. Англичане вручили орден Бани ещё двоим наши маршалам — Коневу и Рокоссовскому, но степенью ниже — Рыцарь-командор. К степени Рыцаря Большого Креста нарезался земельный надел из островной земли. Но Жуков, разумеется, от английской земли отказался. Потому что с ней на родине можно было в два счёта получить статью как “английскому шпиону”. Когда Хрущёв отправил его на пенсию, английская королева прослышала о том, что советский маршал и Рыцарь Большого Креста получает слишком скромный для человека, внёсшего такой огромный вклад в дело всеобщего мира, пенсион. И правда, Жуков получал 415 рублей в месяц, из которых 24 рубля и 87 копеек платил в партком Пресненского машиностроительного завода, где он состоял на партийном учёте, в качестве ежемесячного партвзноса. И вот английская королева пишет Хрущёву письмо: так, мол, и так, поскольку маршал Жуков — почётный Рыцарь Большого Креста — отказался от земельного надела на нашем острове и ввиду его скромного пенсионера, желаю выплачивать ему такую же сумму в рублях, каковую он получает в настоящее время, — 415 рублей. Хрущёв внимательно изучил заморское письмо, покрутил его в руках, поморщился и распорядился увеличить пенсию маршала в два раза.

Из США, что ли, пришло письмо из Литературного общества Марка Твена: “Уважаемый мистер Жуков! Вы окажете нам большую честь, если примете наше предложение вступить в члены нашего Общества, почётными членами которого являются Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль и другие видные политические деятели различных стран мира”. Жуков подумал: что делать? И отдал письмо Молотову. “Рассмотрим”, — сказал Молотов. Прошло несколько месяцев. Жуков молчит, Молотов тоже молчит. Когда они вместе поехали в Польшу, Жуков и спрашивает Молотова: “А как насчёт Общества Марка Твена?” — “А мы им отказали”. — “Да?” — “Отказали! Написали, что Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел ваше приглашение маршала Жукова о вступлении его в члены Общества Марка Твена. Так как маршал Жуков является государственным деятелем, а государствен-

ные деятели в СССР не являются членами литературных обществ, то он не может принять ваше предложение. Вот так...”

Первая жена Жукова Александра Диевна дружила с женой Хрущёва Ниной Петровной. Та была баба досужая, и всё сочувствовала Александре Диевне и бранила маршала распоследними словами за то, что тот влюбился в молодую и оставил Александру Диевну. Однажды поинтересовалась, а сколько же Георгий Константинович даёт ей в качестве алиментов? “Двести рублей в месяц”. — “Мало!” — вспыхнула Нина Петровна. Самой Александре Диевне эта сумма казалась достаточной. Дети выросли. А внуков ведь дед содержать не обязан. Но подруга так горячо убеждала её, так ей сочувствовала, что Александре Диевне вскоре стало казаться, что действительно — мало. И вот они вдвоём пришли на приём к первому секретарю Краснопресненского райкома партии товарищу Колчину. Так, мол, и так, бывший муж мало платит. Колчин потом рассказывал: “Я всё же убедил Александру Диевну Жукову в том, что получаемые ею от маршала 200 рублей в месяц вполне достаточны для жизни, ибо все простые советские пенсионеры получают от государства 120–132 рубля в месяц. Но труднее было убедить в этом Нину Петровну...”

Известно, что маршал был весьма неравнодушен к прекрасному полу. Женщин у него было несколько. Всех любил. Всех так или иначе обеспечил. Заботился о детях. Не допуская разнузданности, мог залобоваться какой-нибудь особой. Одним словом, на женщину он смотрел как на создание природы. В штабе 1-го Белорусского фронта работала телеграфисткой Надя. За неё ухаживал начальник секретной части штаба старший лейтенант Иван Безверхий. Они потом поженились. Надя была хороша собой. Особенно красивыми были руки. Так вот Жуков, диктуя ей шифровки, глаз не отрывал от её рук. Любовался, как она работает, её движениями. Впоследствии Надежда Александровна признавалась, что очень смущалась, когда Жуков наблюдал за её работой на телеграфном аппарате “Бодо”. Женщина ведь мгновенно улавливает, кто на неё смотрит, начальник или мужчина.

Другую историю рассказывал начальник охраны майор Николай Харлампьевич Бедов: “На пути жуковского автомобиля оказался низкий прогнущийся мостик через речку глубиной по колено. Георгий Константинович вышел из машины и стал наблюдать с бугристого бережка, как форсируется водное препятствие. По мостику, подпираемому десятью молодцами охраны, машина медленно катилась от одного конца к другому. В это время метрах в двадцати от переправы женщина переходила речку вброд. В одной руке она держала подол юбки. Подняв глаза вверх, она неожиданно встретила взглядом с наблюдавшим за её перемещением Георгием Константиновичем, и в испуге, смешанном со стыдом, бросила подол в воду, чтобы закрыть оголённые выше колен ноги. Не отводя взгляда от лица сидевшего на травке военного, женщина громко прокричала: “Кобель! Настоящий кобель!” Женщина была, правда, очень красивая”.

Василий Песков брал интервью для “Комсомольской правды”. Спросил маршала: “Георгий Константинович, вопрос невоенного характера. Какие из человеческих чувств, по-вашему, сильнее всего пробудила в людях война?” Жуков: “Ни одно из человеческих чувств на войне не затухало”. В том же интервью маршал сказал: “Я счастлив, что родился русским человеком”.

После Победы в Группе Советских Оккупационных войск в Германии произошёл такой случай. Солдат-срочник за отличную службу получил отпуск домой. Поехал. А когда возвращался из России, у него на вокзале украла бумажник. В бумажнике — документы, деньги, проездные требования и прочее. И вот этот самый солдат, не имея никаких документов, свидетельствовавших о том, что он проходит службу в ГСОВГ, тем не менее вовремя является в распоряжение своей части и докладывает командиру о прибытии. При этом докладывает и о потере документов. Командир части в недоумении: что делать, надо ведь как-то наказывать растяпу... Дело дошло до командующего. Жуков, услышав историю о том, как молодой солдат “зайцем”

преодолея тысячу километров на поезде, при этом миновал парные пограничные посты трёх государств Варшавского договора. “Где этот солдат? Доставьте его сюда! Хочу поблагодарить его за службу и находчивость!” Солдат прибыл. Браво доложил. Маршал обошёл его вокруг. Форма сидит хорошо, постирана, опрятна. Подворотничок свежий. Сапоги начищены так, что отражается паркет. “Откуда родом?” Солдат назвал область. “Молодец! Объявляю благодарность!” — И пожал солдату руку.

Однажды кто-то из журналистов спросил Жукова: “Знали ли вы чувство зависти?” — “Да! — с жаром ответил он. — Всегда завидовал Будённому — очень виртуозно на баяне играл, мне до таких высот было не подняться!..” Офицеры охраны рассказывали, что иногда перед крупными сражениями, когда не спалось, Жуков брал баян и потихоньку, сидя где-нибудь на брёвнах в саду, играл мелодии русских народных песен. Получалось у него не очень складно, но задумчиво. К концу войны играл уже хорошо.

После Октябрьского пленума, когда маршала всячески распинали, отправляя в отставку, везде проходили партийные собрания и партактивы — обсуждалось постановление пленума и осуждался “бонапартист” Жуков. Его обвиняли “в попытках вывода Вооружённых Сил из-под партийного контроля и сосредоточении в своих руках необъятной власти с целью установления диктатуры, в авантюризме во внешней политике, создании в армии своего культа личности”. Жуков тогда ещё состоял на партучёте в Министерстве обороны. И вот идёт собрание коммунистов. Выступает секретарь партбюро контр-адмирал Фёдоров. Он смело осудил “бонапартизм” бывшего министра обороны и передал слово доктору военных наук генералу Каменскому. Тот должен был как учёный научно, так сказать, развенчать в глазах коммунистов аппарата Минобороны “культ” “бонапартиста”: “...Всё Жуков да Жуков. Жуков — полководец!.. Какой же он полководец? Вот Македонский, то был полководец! А Жуков... Какой он полководец? Он даже ни разу не присутствовал на партийном собрании...” И вдруг встаёт коммунист капитан Прозоря: “Разрешите, товарищ профессор, спросить?” — “Да, пожалуйста”. — “У меня такой вопрос: а маршал Конев член партии или нет?” — “Да, маршал Конев — коммунист. Член нашей партии с восемнадцатого года”. — “А он — полководец?” — “Конечно. Под его руководством наши войска провели ряд крупнейших успешных операций”. — “Так он тоже ни разу не был у нас на партсобрании...” Вскоре дотошный капитан Прозоря отправили служить в войска. И вообще аппарат, созданный Жуковым, начали помаленьку разгонять.

Хрущёв боялся Жукова. И его независимости, и авторитета в войсках и народе. Похоже, он действительно опасался переворота. И спустя многие годы после Октябрьского пленума, словно оправдываясь в том, что по Жукову в своё время было принято решение, сказал: “Когда в 1957 году обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании Пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинил Жукова за попользование к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его солдатской прямоотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: “Что ты меня обвиняешь? Ты же сам мне не раз говорил: “Чего ты смотришь? Бери власть в свои руки, бери!..”

Хрущёв, став главой государства, загорелся желанием стать маршалом. Для этого, прежде всего, необходимо было согласие маршалитета — Маршалов Советского Союза и главных Маршалов родов войск. Один из маршалов, близких к Никите Сергеевичу, видимо, из подхалимских побуждений начал объезжать маршалов с подписным листом. Лист не подписали ни Рокоссовский, ни Конев. Главный Маршал авиации Голованов так и вовсе обругал визитёра. И вот хрущёвский маршал прибыл к Жукову. Маршал в то время жил на подмосковной даче. “Доложите Георгию Константиновичу, — приказал он офицеру, встретившему машину у ворот, — что прибыл маршал такой-то”. Офицер кинулся исполнять приказ. Вскоре вернулся, браво вскинул

к фуражке руку и доложил: “Четырежды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков приказал передать, что он не знает маршала *такого-то!*” Тот опешил. Маршал-то был послевоенный, хрущёвский, “списочный”, как их называли тогда настоящие, боевые маршалы. Историю эту рассказал Главный Маршал авиации А. Е. Голованов писателю Феликсу Чуеву. Заканчивается она так: “Да, были люди... Так и не стал Первый секретарь ЦК партии и глава правительства Н. С. Хрущёв Маршалом Советского Союза. Граждане с хорошей памятью и неравнодушные, жившие в 60-е годы, помнят снимок в центральных газетах: Н. С. Хрущёв в форме генерал-лейтенанта сидит в президиуме среди Маршалов...” А тем “списочным” был, по всей вероятности, Булганин.

А вот уже и не байки, а доподлинные документы. “ОСОБАЯ ПАПКА. СОВ. СЕКРЕТНО. СССР. КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР. 7 сентября 1959 г. № 2668—ш. гор. Москва. Товарищу Хрущеву Н. С. 19 августа сего года по случаю смерти генерал-лейтенанта КРЮКОВА жена последнего, известная певица Русланова, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза т.т. Будённый С. М. и Жуков Г. К. В процессе беседы среди присутствующих был поднят вопрос и о принятом Постановлении Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям. Тов. Жуков по этому вопросу заявил, что если он был бы Министром обороны, он не допустил бы принятия Правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям. Далее он сказал, что тов. Малиновский предоставил свободу действий начальнику Главного Политического Управления генералу армии Голикову, а последний разваливает армию. В газете “Красная Звезда”, — продолжал Жуков, — изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена”. Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Будённым. По имеющимся в КГБ при Совете Министров СССР данным, большинство офицерского состава Советской Армии правильно восприняло Постановление Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям. Председатель Комитета Госбезопасности А. Шелепин”. Эта докладная председателя КГБ была обсуждена 11 сентября 1959 года на заседании Президиума ЦК КПСС. Было принято следующее решение: “Поручить Секретариату ЦК в соответствии с обменом мнениями на заседании Президиума ЦК принять необходимые меры в связи с фактами, изложенными в записке КГБ (т. Шелепина) от 7 сентября 1959 г.”. Да, большое значение партия придавала личности Жукова. Бросил на поминках словечко, и уже Президиум ЦК этим занимается... Старика маршала Будённого, трижды Героя Советского Союза, члена ЦК и т. д. и т. п., заставили дать ЦК письменное объяснение: “В ЦК КПСС. На поставленные мне т. т. Л. И. Брежневым и А. И. Кириченко вопросы о том, что был ли я 19 августа на похоронах и на поминках генерала Крюкова вместе с маршалом Жуковым, где он якобы в моём присутствии говорил о развале армии, о необоснованном возвышении тов. Голикова Ф. И. и принижении тов. Малиновского Р. Я., а также по пенсиям военнослужащих? Отвечаю: 1. На похоронах генерала Крюкова не был (был занят на заседании Президиума ЦК ДОСААФ). 2. Жукова я видел всего минут 5–10, во дворе дачи Руслановой, когда я вечером (около 7 часов) с женой пошёл к Руслановой, чтобы оказать человеку внимание в тяжёлую минуту. В это время присутствующие на поминках разъезжались. Среди них был и маршал Жуков. При этой встрече маршал Жуков ни о чём подобном не говорил. 18.9.59 г. С. Буденный”. Идите, мол, к чёрту!..

Константину Симонову Жуков, размышляя и о своей отставке, и не только и ней, говорил: “Есть в жизни вещи, которые невозможно забывать. Человек просто-напросто не в состоянии их забыть, но помнить их можно по-разному. Есть три разных памяти. Можно не забывать зла. Это одно. Можно не забывать опыта. Это другое. Можно не забывать прошлого, думая

о будущем. Это третье. Мне пришлось пережить в своей жизни три тяжёлых момента. Если говорить о третьем из них, то тут в чём-то, очевидно, виноват и я — нет дыма без огня. Но пережить это было нелегко...”

В 1956 году, когда Жуков занимал пост министра обороны, генерал Серов дал ему почитать его досье. Пять увесистых папок. Предшественник Серова генерал Абакумов потрудился... Офицер охраны Сергей Марков потом вспоминал: “Когда Жуков ознакомился с досье, последовала команда Серову об увольнении из органов КГБ бывшего начальника охраны в годы войны Н. Х. Бедова, его заместителя М. М. Агеева, бывшего коменданта дачи Б. С. Ермишина и некоторых других офицеров, которые, как оказалось, были причастны к фальсифицированным доносам на Жукова”.

Приехал маршал в Гурзуф. С женой Галиной Александровной и маленькой дочкой Машенькой. В то время он уже был в опале. Приехал поездом, без телеграммы. Поезд пришёл рано утром или ночью, так что ворота в военный санаторий оказались запертыми. А сторож куда-то пропал. К воротам подошёл кто-то из отдыхающих, посмотрел на стоящих по ту сторону ворот и тут же убежал. И вдруг из дверей санатория выбежала толпа молодых офицеров. Целая рота! “Ребята! Да это же наш маршал Жуков!” Кинулись искать сторожа. Где там! Не нашли. “А ну, ребята, поднажми!” И ребята вытащили из земли железные кованые ворота и поставили к дереву. “Проходите, товарищ Маршал Советского Союза!”

Всё и всех Жуков мерил войной. Как-то в одном споре, где произошло имя некоего генерала, в последнее время благодаря различным обстоятельствам получившего большое положение в Министерстве обороны, Жуков сказал: “А кем он был во время войны? Знаете? Он был капитаном и носил мой портфель”.

Книгоцей он был страстный. Собрал большую библиотеку. Иван Прядухин вспоминал так: “Военная литература на даче находилась в шеренгах казённых книжных шкафов”. Но в этих шеренгах были, разумеется, не только военные книги. Много было русской и зарубежной классики. Любил и современных писателей. Со многими из них был знаком. Обладал хорошей памятью. И часто, как это бывает у людей начитанных, реальную жизнь совершенно естественно смешивал с литературой. Когда на даче в Сосновке появилась редактор Анна Миркина, узнав о её образованности и услышав её игру на рояле, воскликнул: “Галюша! Нам с редактором моей книги повезло! По-французски говорит, на фортепианах играет! И — фигура!..” Когда он читал рассказ И. С. Тургенева “Однодворец Овсянников”, неизвестно. Но сцену, где смоленский помещик, выкупив у своих крестьян за целковый французского барабанщика, которого те собирались топить в проруби, запомнил хорошо: “Вот, дети, учитель вам сыскан... и француз, и на фортепьянах играет...”*

Был чрезвычайно чуток к языку. Мария Георгиевна рассказывала: “Однажды я сказала: “Пойдёмте кушать”. Отец ответил довольно строго: “Нет такого слова в русском языке, надо говорить “есть””.

О страсти к танцу. Монголы любили маршала, называли его “Великий Монгол” (такого титула в Монголии был удостоен только один человек — Чингисхан) и, зная его юношеское увлечение, подарили ему миниатюрную скульптуру — танцующие монгольские парень и девушка. Жуков осмотрел миниатюру с интересом и, улыбаясь, сказал: “Она танцует, а он возле неё кружит, кружок выписывает...”

---

* — Вот, дети, — сказал он им, — учитель вам сыскан. Вы всё приставали ко мне: выучи-де нас музыку и французскому диалекту: вот вам и француз, и на фортепьянах играет... Ну, мусье, — продолжал он, указывая на дрянные фортепьянышки, купленные им за пять лет у жида, который, впрочем, торговал одеколоном, — покажи нам своё искусство: жуэ!

Однажды директор АПН Владимир Ларин, заранее договорившись с маршалом о встрече в определённый час, задержался минут на десять — не мог открыты задвижку на калитке жуковской дачи. Человек деликатный и скромный, он счёл неуместным просто покричать, позвать кого-нибудь из obsługi маршальской дачи. И вот, наконец, кое-как справившись с замком, явился к Жукову. Тот даже не поздоровался, посмотрел на напольные часы и произнёс: “Человек, который опаздывает более чем на пять минут, не соответствует занимаемой должности”.

Некто из военных консультантов Института Военной истории при подготовке “Воспоминаний и размышлений” к изданию начал энергично настаивать на том, чтобы изменить название главы “Сталинградская битва” на “Битву на Волге”. Мотивировал свою настойчивость тем, что теперь, мол, так принято, что во всех изданиях, посвящённых истории войны, пишут не “г. Сталинград”, а “г. Волгоград”. Имя Сталина снова попало под запрет и вымарывалось везде, где только можно. Жуков сурово посмотрел на учёного с генеральскими погонами и твёрдо сказал: “Волгоград, говорите? Я такого города во время войны не знал”. Вопрос был снят.

Разговор с редактором мемуаров журналистом АПН Анной Миркиной:

— Георгий Константинович, как могло получиться, что после всего, что вы сделали, Сталин отправил вас в Одессу, а затем в Свердловск?

— Зависть к моей славе. А Берия всячески это чувство подогревал. Припомнили мою способность возражать Сталину.

— А теперь вы простили Сталину то, что так несправедливо с вами поступил?

— Я просто вычеркнул это из своей памяти в отношении к Сталину. Он сделал некоторые шаги для примирения: восстановил кандидатом в члены ЦК, послал меня к Молотовым в Польшу. Думаю, что он хотел сделать меня министром обороны, но не успел, смерть помешала. Сталин был талантливым организатором. Благодаря и его усилиям мы смогли в войну организовать нашу государственную машину, направив всё на победу. И потому в моём сознании его плюсы перевешивают его минусы, за исключением массовых репрессий — этого простить нельзя.

— Ну, а Хрущёв? Почему он вас отстранил от обязанностей министра обороны?

— А этот просто боялся конкуренции. Был момент, когда он зашатался, а я обеспечил ему поддержку армии. Он тогда меня искренне благодарил, но выводы сделал: а вдруг я пожелаю сесть на его место. Тогда Эйзенхауэр был уже президентом США; Хрущёв думал, наверное, что и я мечтаю стать главой государства. Напрасно! Я никогда не хотел государственной власти — я военный, и армия — моё прямое дело.

Работа над “Воспоминаниями и размышлениями” настолько увлекла маршала, что какое-то время он забывал даже побриться. И вот однажды приехал с дачи в Москву в свою квартиру на Спиридоновке. Вахтёрша не признала его и говорит: “А вы к кому?” Он бегло осмотрел себя: в дачном плаще, с кошелёком в руках, да ещё и небритый. Скромно доложил: “К себе. Я — Жуков”. Вахтёрша всплеснула руками.

Чтобы отвлечься от напряжённой работы над рукописью “Воспоминаний и размышлений”, Жуков пригласил своего редактора побродить по саду. Зашёл разговор о музыке. Жуков вспомнил, как лихо играл на гармошке его друг из Стрелковки, когда они с ним на пару покоряли сердца окрестных девиц. Потом заговорил о Лидии Руслановой. Потом вдруг замолчал. “Знаете, я тут читал недавно интервью с одним известным военачальником. На вопрос корреспондента, какого композитора он предпочитает, тот ответил: “Берлиоза”. М-да, Берлиоза... Я его хорошо знаю и совершенно уверен, что он не только не знаком с произведениями этого композитора, но и произнести правильно, без запинки, его имя вряд ли сможет. А всё вы, журналисты, сочиняете!” Снова замолчал. “Нет уж! Когда меня не станет, напишите,

что больше всего любил русскую народную песню с её широким раздольем, задумчивой напевностью и задушевностью, что за сердце берёт! Для меня “Степь да степь...”, “По диким степям Забайкалья...” или “Валенки” значат больше, чем какая-нибудь рапсодия, представляющая несомненную ценность в истории музыки. Но я русский, деревенский человек, и для меня русская народная песня всегда олицетворяла Отечество и была напоминанием о родной деревне и родительском доме в Стрелковке”.

Земляки из Угодского Завода приезжали к нему довольно часто. Это были самые желанные гости. Привозили картошку, грибы... Тёща Клавдия Евгеньевна, бывало, скажет: “И зачем было мешок картошки в такую даль тащить. Вон она, в магазине, десять рублей — мешок!..” — “Ничего вы не понимаете”, — отмахивался Жуков.

Когда стал уже плох, своим землякам из Калужской области, приехавшим в очередной раз в гости с деревенскими гостинцами, сказал: “Теперь трудно вилку держать, а прежде Берию с креслом поднимал”. Разговор этот состоялся 4 декабря 1971 года. Земляки спрашивали про арест Берии.

Главный Маршал авиации А. Е. Голованов рассказывал Феликсу Чуеву: “Жуков в последнее время заметно переменялся. Стал человечнее. Сейчас он очень болен. Узнал, что у жены рак, и его тут же, в больнице, хватил инсульт. Разговаривает с трудом, возят его в коляске. А когда был здоров, говорил: “Мы с Галиной Александровной думали, что у нас много денег, а оказалось, ничего нет. Пенсия 400 рублей, из них первой жене посылаю 200 — ей-то какое дело, что я уже не министр? Попросил солдата сдать мой баян в комиссионку, принёс 500 рублей. Я бы мог, конечно, ездить на трамвае, но я ведь одиозная фигура, меня будут снимать для иностранных журналов!”

Как известно, маршал завещал похоронить его в земле, на родине в Угодском Заводе, рядом с отцом. Сожгли. Анатолий Пилихин ехал на похороны на Красную площадь в такси. И таксист в сердцах стискивал зубы: “Я воевал на Курской дуге. На войне имя Жукова нам придавало храбрости и сил. Сожгли нашу гордость и славу... И ведь похоронят рядом с Мехлисом...”

Маршал авиации С. И. Руденко вспоминал: “Мне Жуков больше всего понравился при подписании им Акта капитуляции германских Вооружённых сил. Он достойно представлял нашу страну. В Карлсхорсте ощущалось, что Жуков характером сильнее, чем союзные генералы. По залу пошёл шёпот: “Жюкоф! Жюкоф!”, когда появился наш маршал. Он шёл твердой военной походкой. Кейтель по-русски спросил о полномочиях. “Подпись здесь”, — отрезал Жуков (записанная стенографистками фраза). После принятия капитуляции Германии к Георгию Константиновичу Жукову началось паломничество. В лице Жукова выражалось величие и почтение к советскому народу. Вслед за деловыми переговорами произносились тосты. По завершении одного из приёмов в своих суконных костюмах все запарились. Сняли кители. Жуков скомандовал: “По стакану!.. Кофе или чай?”

Военный историк Н. А. Светлишин вспоминал: “Однажды мне показали солдата-артиллериста, с которым маршал Жуков ел из одного котелка кашу. “Неужели, правда?” — не удержался, спросил я бойца. “Обычное дело, — заверил меня пожилой солдат. — Подошёл, присел рядом на станину орудия, расспросил о доме. Ну-ка, говорит, попробую, чем моих орлов кормят! Адьютант подал ему ложку...”

Однажды во время какого-то торжества, посвящённого нашей светлой Победе, к маршалу подошёл солдат. Он был в гимнастёрке, которую бережно сохранил с военной поры. На груди Золотая Звезда Героя. И сказал: “Спасибо вам, товарищ маршал, вы сделали меня Героем!” Жуков пожал Герою руку и ответил: “Спасибо тебе, солдат! Ты сделал меня маршалом!”

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

ЧИТАЯ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

* * *

Да простят меня Бог и Природа,
В ком и символ, и смысл естества, —
Я ворую Слова у народа,
Не стыдясь своего воровства.

Было Слово в начале, и Слово
Было с Богом, само было Бог.
Я хочу, чтобы снова и снова
Обрести каждый смертный их мог...

* * *

Да, любовью жива планета.
Ты мне скажешь: “Ну и чудак,
Эта песня давно уж спета...”
Я на это отвечаю так:

МОЛЧАНОВ Владимир Ефимович родился 9 февраля 1947 года в станице Ильской на Кубани. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. Автор десяти книг стихотворений, поэм и переводов, двух юмористических сборников литературных баек, трёх сборников песен и романсов. Лауреат ряда Всероссийских литературных премий, в том числе “Прохоровское поле”, и.м. А. Фатьянова “Соловьи, соловьи...”, премии Центрального Федерального округа, “Имперская культура” и.м. Э. Володина. Живёт в Белгороде.

На любовь настраивай чувства,
Будь ты гений или злодей.
Нет на свете выше искусства,
Чем искусство любить людей...

* * *

*И жить торопится,
и чувствовать спешит...*

П. А. Вяземский

И жить, и чувствовать спешим,
Смеёмся, аки дети,
И Бога хвалим, и грешим,
Живя на этом свете.

То гаснем духом, то горим,
Потворствуя наветам,
И непотребное творим,
Хоть ведаем об этом.

* * *

К чему слова? Отставить речи.
Пустое всё: хула, хвала.
Каким был день — покажет вечер,
Воздаст сторицей за дела.

Чтоб жить размахисто и смело,
И нас возвысила молва,
Должно стоять за словом дело,
И станут делом все слова...

* * *

Погасив огонь свечи,
Всяк во тьме окажется.
Сделал доброе — молчи.
Без тебя всё скажется.

Предал кто-то — в корень зри,
Боль в душе уляжется.
Добрым делом не кори —
Злом добро окажется.

* * *

Говорит сочувственно мне кто-то,
Как в последний провожает путь:
— Напрочь иссушила Вас работа,
Надо от работы отдохнуть.

Для меня же отдых есть работа,
Без неё не прожил бы и дня.
Сушит не работа, а забота:
Вдруг работа обойдёт меня?..

* * *

Ты скажешь мне: “Сроду, —
Уставясь в экран, —
Так много народу
Не видел майдан”.

Побойся ты Бога,
Глазами владей:
Народу-то много,
Да мало людей...

* * *

Сказал в годах цветущих
И думает — умён:
“От прошлых и грядущих
Уйти бы мне времён”.

Напрасно, друг мой, стонешь,
Когда-нибудь поймёшь:
Вчера — ты не догонишь,
От завтра — не уйдёшь.

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

ЗАПАДНЯ ДЛЯ “АННА НЬЮС”*

РАССКАЗ

“...двадцать девятого сентября в районе населенного пункта Красный Партизан Донецкой области в результате проведенной СБУ и нацгвардией спецоперации была ликвидирована группа российского спецназа, залегендированная под журналистов фронтового агентства “АННА НЬЮС...”

(Сообщение официального сайта СБУ, размещенное в 1 час 27 минут 1.10.2014)

Последние дни сентября прошлого года на Донбассе выдались, по обычаю, сухими. Лето ещё борется с подступающей осенью свежими утренниками, но уже всё чаще изморозь серебристой проседью выбеливает землю. Цветная поблёкшая трава, так и не отряхнувшая придорожную пыль, уныло скукожилась.

Мы возвращались обратно на базу, обходя Донецк с юго-востока. Впереди до самого Луганска две сотни вёрст разбитой вдрызг дороги, местами

---

* Отрывок из повести “В Луганске солнечно, местами “град”; печатается с сокращениями.

БЕРЕЖНОЙ Сергей Александрович, родился в 1955 году в Воронежской области. Служил в Советской армии, органах МВД. Окончил Воронежский госуниверситет и Академию МВД СССР. Секретарь Союза писателей России. Публиковался в журналах “Наш современник”, “Роман-журнал XXI век”, “Пограничник”, “Звонница” и др., автор семи книг прозы.

теснимой былками сухого подсолнечника на необрунных полях. Высушенные до черноты шляпки поникли, словно обречённые на заклятие — прошло лето, а их так и не убрали. И не уберут ни этой осенью, ни зимой, ни даже весной, и поля, густо засеянные минами, так и останутся паровать.

Ближе к Торезу асфальт с щебёночными проплешинами запетлял среди вплотную подступающих лесопосадок — бурелом почище таёжного, а потом и вовсе занырял по пересечёнке, то скатываясь вниз, то карабкаясь вверх.

— Стыль плавания дельфином. Разновидность баттерфляя, — делится своими познаниями Серёга, с завидным постоянством сначала тараня макушкой крышу бронированного “форд-транзита”, а потом резко приземляясь на “пятую точку”.

— Ты лучше палец со спускового сними, пловец, — ворчит Ведун. — А то до берега не доплывём и будет нам полный крантец в этом катафалке.

Мне эта железка тоже не по нутру, даром что новая: если шандархнут бандерлоги с “граника”¹ и положат нашего Боливара на бок, то будем героически превращаться в уголёк. А то, что сначала будут бить именно в нашу машину, а уж потом в сопровождение — факт непреложный: и по габаритам мишень что надо, и по значимости — раз в “бронике”, значит начальство. Тьфу-тьфу, не сглазить бы, беду не накликать. Никто не мандражирует, но усталость и напряжение сказываются, поэтому поддерживаю Ведуну:

— Ты с “веслом”² аккуратнее, неровен час, нажмёшь случайно и всех покрошишь в капусту.

Серёга обиженно сопит, но палец со спуска всё-таки убирает. Зря мы со своими советами лезем: Серёгу же ведь сам выбирал, он спец и с пальцами уж как-нибудь сам разберётся.

Ведун — это позывной Игоря, нашего опекуна. Говорит он редко, всё больше молча слушает, внимательно ощупывая взглядом. Вообще в этом батальоне они все лешие — и комбат, Лёша Павлов, Леший-1, и его зам по разведке и ещё по каким-то делам, Сергей Иванович, Леший-2, и даже лихо крутящий баранку Жёка — все себе на уме, неподимые, и какие мысли вороачуются в их голове — одному Господу ведомо.

Ведун, конечно, уникал: бросил свой бизнес в столице, сказав жене, что едет рыбачить на Волгу, а сам подался на Донбасс. В первый же день его с тремя добровольцами и одной эргэдэшкой³ на всех, как были в джинсах, футболках и кроссовках, засунули на окраину степного посёлка держать оборону и благополучно забыли. На третьи сутки их обнаружила батальонная разведка целёхонькими, в новенькой укровской униформе, с полудюжиной автоматов, РПК⁴ и “шайтан-трубой”⁵ с десятком выстрелов.

В штабе Ведун сначала молча взирал на любопытствующих относительно формы и оружия, потом поскрёб грязным пальцем щетину и пробасил:

— Укры поделились.

В июле он вместе с Лешим-2 попал в засаду и полдня в насквозь прошитом пулями и осколками доме отстреливался, пока не выручили мурманчане, морпехи-отпускники, оказавшиеся неподалёку по случаю.

— С тех пор брат он мне, — говорит Леший-2 и с каким-то внутренним восхищением смотрит на молчащего Ведуну.

— Руины стреляли в упор, — делится своими познаниями кинематографа Ведун и ставит диск Высоцкого. Ну, а как иначе воевать без Владимира Семёновича, он здесь, с ними.

А ещё месяц назад он кувалдой три часа кряду крушил памятник в центре города, за что был прилюдно причислен новой властью к вандалам со всеми вытекающими последствиями.

— Зачем? — удивляюсь я

— Сатане поставили и поклоняются, — басит Ведун, поборник славянских Богов.

¹ “Граник” (сленг) — гранатомёт.

² “Весло” (сленг) — автомат.

³ Эргэдэшка — наступательная граната РГД-5.

⁴ РПК — 7,62 мм ручной пулемёт Калашникова.

⁵ РПГ — ручным противотанковым гранатомётом.

Представляю, как обнаженный по пояс Ведун с играющими мускулами на мощном торсе с хэканьем опускает кувалду, и куски бетона разлетаются вокруг. Эдакий луганский Евпатий Коловрат.

Ещё сутки назад министр обороны Олег Бугров не скрывал своего скепсиса: аэродрома и самолётов нет, есть лишь один разбитый ржавый хлам и ваша фантазия. В подтверждение он веером рассыпает по столу рапорта разведчиков. Бегло пробегаю взглядом: топопривязки нет, конкретики тоже.

— Они там не были, это всё лажа.

Олегу до фени, были они там или нет, у него дела поважнее. Послать бы нас по известному адресу, но надо соблюдать законы гостеприимства даже сквозь зубы, тем более это идея Марата, а отношение к нему просто благоговейное.

— Ладно, берите Македона и езжайте.

В тот день мы сделали невозможное, и всё благодаря капризам Марата и вопреки здравому смыслу и чувству самосохранения. Был молниеносный бросок, мгновенно веером рассыпавшиеся бойцы, взятая в перекрестие прицелов дальняя лесопосадка, подконтрольная каждой пуле взлётка — всё по законам жанра. А ещё были лёгчики и техники, ключи, гайки, болты, солярка и привезенный бензин, сумасшедшая скорость сборки прямо на траве, опрокинутое в бездну неверие в удачу, взлёт, круг с выражами над полем, посадка и сорвавшее с тополей ворон и галок “Ура!”.

Марата пёрло: нервное напряжение отпускало, и на смену ему приходило безудержное веселье. Он сыпал шуточками, радостно похлопывал по плечу, и сияющее счастьем лицо в бисеринках пота расплывалось в широченной улыбке. Обожаю этого взрослого ребёнка, хотя в детстве его, наверное, баловали, а надо было пороть.

Нас распирала гордость — теперь у ополчения будет своя авиация, во всяком случае, к вечеру один “Як” уже поднялся в воздух, а завтра к утру очередь за вторым. Поставить бы ещё на крыло реактивный чешский и старую добрую “аннушку”, но времени в обрез: надо сматываться, а то до темноты не доберёмся, да бандерлоги наверняка уже пронюхали о нас, благо ушей и глаз у них хватает.

Мы сделали своё дело и уходили, но оставалась команда Македона: охрана, лёгчики, техники: их имён на случай помолиться за них не спрашивали — не принято. Оставались на заклятие, на верную гибель, собою прикрыв этот крохотный аэродром. Они должны были дать самолётам взлететь даже ценою своей жизни. Таковы законы войны и хочешь ли, или нет, но ты должен быть им верен, коль взял в руки оружие.

По пути завернули на базу в Макеевке. Затюканный Сармат — комендант базы, волоча раненую ногу, кого-то тоскливо материл, одновременно кого-то куда-то посылал, наставлял, внушал. Из влетевшего и с визгом затормозившего джипа вылез Сочи — командир базы. Переглядываемся с Маратом — ну, точно наёмник из Эль-Нусры: кепи с длинным козырьком, стильные тёмные очки, лицо в обрамлении тщательно подправленной бородки, шею небрежно охватывает арафатка, песочного цвета куртка и брюки с множеством карманов, заправленные в длинные шнурованные берцы, на боку в кобуре “стечкин”. Имидж продуман до мелочей и должен создавать образ мужественного и безжалостного борца с врагом, но всё портят появившиеся из шикарного белого “лэндкрюзера” два не страдающих истощением кавказца и ярко покрашенная блондинка с капризными манерами. Сочи сразу судлся и засеменял к ним, всем своим видом желая спросить: “Чего изволите?”

На территорию влетает бэха¹, крутит юлой, вздымая пыль, сдаёт задом под навес и замирает. С брони прыгивают один в тельнике и чёрном омовском берегу, второй в камуфляже и тапках на босу ногу, третий в пузырящемся на коленях трико и кожаной куртке на голое тело. Тот, что в камуфляже, подходит к нам, останавливается, смотрит, по-птичьи нагнув голову.

— Ара, ты, что ли? — Марат разводит руки, приглашая в объятия. Следом обнимаются Дима и Пух.

То, что это безбашенный Ара, я увидел раньше, но лучше не видеть его ещё лет сто. Ара протягивает руку — помнит, сучонок, что обещал его при-

¹ Бэха (сленг) — БМП (боевая машина пехоты).

стрелить при случае, поэтому на лице блуждает виноватая улыбка. Ладно, чего уж там, считай, прощён и всё забыто.

Серёга, Саха, Дима и Пух уже сканировали базу и её обитателей:

— Саньч, это банда, беспредельщики, местные стонут. К Бесу база отошла совсем недавно, и тот ещё не зачистил их. Левые они какие-то. От добровольцев стараются избавиться, наших почти нет. Вон только тот, небритый, подполковник из Новочеркасска, бывший замкомдива по строевой, да пацаня у стола.

Сармат зовёт перекусить:

— Довольствие ни в орган, ни в Красную армию, — сетует он. — Я здесь всего неделю, после ранения назначили. Не моё это, лучше на передовую.

Достаёт мобильник, показывает фото:

— Это моя подруга. Сейчас в Москве, в клубе танцует. Любит меня и ждёт. Говорит, вернётся, как только мы победим.

В голосе сомнения и тоска — сам не верит тому, что говорит. На фото изогнулась в типичной позе фотомодели девица с накачанными губами и ярким макияжем. Да, Сармат, влип ты, парень, по самое никуда, раз тоскуешь по такой... Стоп, вот это уже не моё дело.

Сармат прячет телефон:

— Идите ешьте, — и торопится, на ходу кого-то ругая, в дальний конец двора.

Девчонки на раздаче искоса бросают любопытные взгляды и стараются зачерпнуть с самого дна — там погуще будет. Димка окунает ложку в коричневое варево, надеясь найти там ещё хоть что-либо, кроме воды, но тщетно:

— Носки Сармата варились, по запаху чую, — он морщит нос, но всё-таки начинает есть.

Скоростное употребление жидкой похлёбки с ломтем хлеба зрелище не эстетичное, зато время экономит. Успеваю в санчасти вколоть ампулу обезболивающего — боль вкручивалась сверлом, подавляя все желания, оставляем Македона и торопимся домой.

Уже в сумерках выскочили к блокпосту у Снежного. Натянутая тетивой дорога резко обрывалась у сложенных в два ряда бетонных блоков, из-за которых выскочил ополченец, размахивая руками:

— Стой! Стой! Бронетехника, колонна, укры прорвались, — на одном выдохе вполголоса кричит он, с затаённой надеждой смотря на нас. Подспорье в почти два десятка стволов для него весьма кстати.

Внутри обдало холодом и заломило зубы: только этого не хватало для полного счастья. Голый асфальт в выщерблинах шириной в семь метров, пологие откосы обочин, наверняка в растяхках, густо переплетённая порослью посадка и тоже наверняка с сюрпризами. Радует, что впереди видимость метров на триста, днём, конечно, но и сзади столько же открытой дороги: тир, да и только. Вот попали, так попали! Можно, конечно, развернуться и уйти в Донецк, благо ещё недалеко, но оставлять ополченцев одних просто свинство.

Высыпавшие из машин ребята инстинктивно сбились в кучу, вглядываясь в темноту. “Не хватало, чтобы одной очередью всех пересчитали”, — мелькает в голове, но не кричу, а жёстко и негромко:

— Что жмётесь, как педики, быстро рассыпались. Пух, к блокам — держи сектор слева. Ведун, твой фланг справа. Дима, давай вперёд с Серёгой, твои траки и башня, но только не по касательной. Жень, разворачивай “форда”, ставь поперёк — авось прикроет, когда метелить назад будем. — Саха говорить ничего не надо — он уже удобно устроился за блоком.

Подзываю Дока:

— Твоя задача при любом раскладе вытащить Марата. Если что — уходи без нас.

Док сибирик, немногословен, уже воевал, хотя едва за двадцать. За день успел к нему присмотреться, поэтому Марата отдаю ему, не задумываясь.

Сумерки загустели внезапно, звезды россыпью сыпанули до самого горизонта, луна с завидной скоростью вскарабкалась как раз над блокпостом, предательски высветив распластавшихся на асфальте ребят. Каждая клеточка тела впитывала навалившуюся ночь, выцеживая звуки, вычленивая несущие опасность.

Старший блокпоста жмётся рядом, но особого волнения не показывает:

— У тебя сколько? — спрашиваю негромко и почти ему в ухо.

— Вообще-то четверо, но сейчас двое. Один заболел, домой отпустил, а второй в село за жратвой подался. Девка там у него, затосковал совсем.

На душе хреново: жалко ребят, заложники предательства или пофигизма, но разбираться некогда.

— Обочины, конечно, в “растяжках”?

— Ага.

— Идиоты. А в глубину вдоль дороги?

— Метров сто.

— Дебилы.

Ополченец согласно пожимает плечами: теперь до него доходит, что он не обезопасил себя, а загнал в капкан. Ну, как их ещё назвать? Остаётся отвесить затрещину в это стерильное от мыслей чело, но что это даст? Если там бээмпэшки, то минут на десять активной фазы нас хватит, а потом перемешают с ошмётками травы и щёбёнкой. Ну, а если танки, то... Вот про танки лучше не надо, заупокают за милую душу, думать не хочется. Ну, за что такая немилость? Такое утро хорошее, день выдался, что надо... день... день рождения... Стоп! День рождения? Так сегодня же день рождения! Мой! Господи, ну, зачем же в этот-то день?! Господи, спаси и сохрани!

Минуты ожидания тягостны, успеваешь передумать, переосмыслить и раскаяться — жил не всегда праведно, больше не буду. Конечно не будешь, потому как пошли отсчитывать твои последние минутки... Тьфу, это же надо, такие паскудные мысли в голову лезут.

Зуммер мобильного взрывает тишину: отбой, колонна ушла в степь. Может, её и не было вовсе? А то сразу: “Больше не буду! Больше не буду!”. Не успели напугаться, а сразу каяться. Детский сад, да и только.

На базе никто не ужинал: ждали нас. Кама с Джексонем и Малым накрыли роскошный стол: макароны с тушёнкой, ломти белого хлеба, сало, солёные огурцы. Замелькали ложки, захрустели огурцы: мужики здоровые, одной похлёбкой сыт не будешь, да и когда это было.

Появившемуся Дэну освобождает место, но он направляется ко мне, достаёт из-за борта куртки нож в чехле и торжественно протягивает:

— С днём рождения!

Дэн москвич, пришёл ещё в апреле, да так и остался в военной полиции. Он разведчик, поэтому не удивляюсь, что он каким-то неведомым образом узнал о дне рождения.

Ложки дружно звякнули, ладони изобразили нечто вроде долгих и продолжительных, Захар, командир подразделения, что-то шепнул Багире, и через минуту на столе уже коньяк, водка и вино. Невиданное дело: командир отменил сухой закон, правда, только на эту ночь.

Уже далеко за полночь, давно всё съедено и выпито, и гуляет от Джексона к Петровичу гитара. Марат ставит камеру — исторические съёмки! Такого праздника ещё не было — душевно и трогательно до слёз.

Сентиментальность — это уже возрастное, пора баньки. Осторожно выбираюсь из-за стола, проскальзываю в свою комнату, быстро раздеваюсь и ныряю под одеяло. Боже мой, какое же это блаженство! Снять берцы, коснуться прохлады простыни, вытянуться до хруста... Мысль угасает, путается, и сон медленно обволакивает сознание.

Просышался тяжело и нехотя. Но вставать надо, чёрт побери Марата и всех его татарских предков — этот потомок древних мурз решил выезжать с рассветом. Сон держал, не выпускал, но мысль уже ввинчивалась в мозг, борясь с желанием ещё хоть минуточку понежиться. Понежиться — это слишком громко сказано: в комнате холодно и сыро, тонкое солдатское одеяло совсем не греет и, лишь вжимаясь спиной в тонкий матрас, сохраняешь молекулы тепла.

Выползаю из-под одеяла, шарю по холодному полу босыми ступнями в поисках берц, нащупываю, сую в них ноги и лишь тогда размыкаю веки. Тёмный плотный, насыщенный по углам комнаты. Стараюсь не разбудить Саню, но тот уже заворочался и сонно бормочет: может, всё-таки возьмёшь? Саня из местных, хотя и живёт в Москве, парень надёжный, но в перedelке ещё не был, а начинать с нами не стоит: первый бой может оказаться последним.

— Спи, — я ещё с вечера отобрал грушу не для утренних дискуссий.

Бужу ребят, сам выхожу во двор... Уже сереет, изморозь растеклась по траве, а лужицы подёрнуты ледком. В бочке вода обжигающе ледяная, но всё равно раздеваюсь догола, обливаюсь, охая, растираюсь. По спине волнами ходит дрожь, но одеваться не спешу, тщательно чищу зубы, бреюсь. Дрожь уходит, тело полыхает жаром, и мышцы наливаются силой.

Чайник уже согрет — подсуетился Седой. Его с собою взял я — затосковал мужик совсем в Белгороде. Он из-под Луганска, там сейчас “Айдар”, так что дома будет нескоро.

Достаю шприц — обезболивающее на дорожку не помешает. Марат порывается сам сделать укол, но вежливо посылаю его и бужу Джексона — шприцом он владеет виртуозно, впрочем, как и ножом.

Уже рассвело, но солнца ещё нет. Зябко. Нашей машины нет и вчерашнего водилы тоже нет — где-то затаился, сурок, и дрыхнет. Командир базы подзывает молодого парня:

— Бери мой “уазик” и с ними.

У машины мается Саня — надеется, что возьму. Из-за угла показывается Пух в полной экипировке: противоосколочные очки, наколенники и налокотники, разгрузка с торчащими отовсюду магазинами. Ну, как не съехидничать:

— Никак, на войну, родимый?

Из-за тента высовывается грустная физиономия Седого. Сговорились, черти, понимают, что на этот раз всё может быть по-взрослому, взял бы, да мест нет.

Едем сначала к Лешему — взять вторую машину и заодно заправиться, но в батальоне проблема — нет горючки. На воротах склада ГСМ картонка с красноречивой надписью. “Бензина ни х... нет”. Ниже кто-то дописал: “А ты, сука, найди!”. Диалог затеяли, ребятки, резвятся, значит не всё потеряно. Фотографирую на память.

У Олега спозаранку совещание. Торопливо пробегает Бэтмен¹, сует руку:

— Ну, вы вчера и дали! Молотки! Мои ребята самолёт зацеловали, как девку.

— Не помяли? — откликается Марат.

— Да нет, — смеётся Бэтмен.

Бугрова вытаскиваю из-за стола в коридор, зажимаю в угол. Клянётся и божится, что горючки нет, но всё-таки по полбака на каждую машину выцганили.

У англичан ланч, а у нас опять аэродром — каприз Марата, хотя ещё раз светиться там было совсем ни к чему. За ночь мужики собрали ещё один, остальные обещают к вечеру. Марат каночит: хоть бы разок взлететь, мечта детства. Мы возражаем: мечта полетать может воплотиться на обратном пути, когда заложат мину, если вовремя не уберёмся, но Марата уже понесло. Нелестно отзываюсь о нём, о его генетической склонности к тирании и косоглазых предках, кабаливших Русь почти триста лет, но всё как в пропасть — он уже лезет в кабину. Лётчика умоляю: только один круг. Марат самоубийца: без парашюта, движок собран на траве, сам “Як” древнее египетских пирамид! Но разве его остановишь?

Самолёт сначала дрожит, словно в нетерпении, потом, переваливаясь на кочках — эдакий увалень — катит к взлётке, замирает, двигатель ревёт, разгон, и вот уже наш профессор возносится в небо. Круг, ещё один, вираж, пике, горка, на бреющем проходит на разворот. Я машу автоматом: сажай, мать твою, иначе сам приземлю вот из этой штуки. Возымело. Садятся. Рожжа Марата лоснится от счастья. Въехать бы ему от всей души прикладом, но я его обожаю: разве можно на него обижаться?

К полудню опять на седьмой базе Беса. Затюканный Сармат в шлёпанцах на босу ногу хватается за голову, как только прошу проводника до Горловки.

— Ну, где я тебе возьму проводника? У меня людей нет, все на задании.

По двору слоняются заспанные небритые тени с автоматами, на бэхе развалились бугай в тельнике — отдыхает, родимый, ещё двое дразнят овчарку в вольере, — какая-никакая, а всё же забава.

¹ Беднов Александр Александрович, погиб 1.01.2015.

— Саньч, поехали отсюда, иначе я всю эту шайку одной очередью пересчитаю, — Серёга свирепеет от такого бардака.

Неожиданно вырастает Дед и снимает головную боль с Сармата:

— Да чего там, давай я отвезу.

Знать бы, что Дед ряженный, что за нас уже заплачено и его задача лишь вывести нас на засаду — не стал бы мешать Серёге покрошить этих клоунов.

Устраиваюсь на заднем сиденье и погружаюсь в полудрёму: третьи сутки сна урывками сказываются, к тому же опять невыносимо ломит плечо. По обрывкам фраз понимаю, что за рулём Дед, но почему? Впрочем, наверное, так надо.

“Тойота” ходко бежит по вполне приличному шоссе. Слева погромыхивает в аэропорту — рукой подать, справа окраина Ясиноватой — разбитый ДК, расстрелянные дома, поваленные столбы. Дальше только воронки и зелёнка — вещь неприятная. Ещё какой-то смешной блокпост: несколько блоков, трое бойцов с любопытством провожают нас взглядом, но не останавливают. Дорога плавно входит в поворот и ныряет вниз. Марат водит камерой — надо всё успеть снять.

В самом низу спуска блокпост с развевающимся жёлто-голубым флагом. Справа на мачте ещё один жовто-блакитный.

— Это что, укры? — сквозь дремоту доносится Маратов голос, и сон слетает мгновенно.

Дед молча давит на газ и втягивает голову в плечи. Сзади отчаянно сигналит “уазик”, но разворачиваться поздно: разметелят очередями в пух. Мысль лихорадочно ищет выход, а Марат продолжает снимать: ну и нервы у этого профессора.

У поста Дед начинает притормаживать, но Ведун щёлкает затвором:

— Гони, — сквозь зубы цедит он.

Машинально фиксирую: нацик махнул рукой, требуя остановиться, вскидывает автомат, рука скользит к затвору, из лабиринта блоков выныривает второй с РПК, слева видна какая-то база, забитая бэтэрами и бэ-эмпэшками.

Ведун стволом сверлит спину Деда, и тот наконец-то давит на газ. Машина рывком прыгает вперёд и несётся сломя голову. Мелькает: хоть бы ребята развернулись и ушли.

Несколько коротких очередей заглушают рёв двигателя. Неужто наших? Оборачиваюсь — нет, это ребята “сносят” укров: тот, что останавливал, бросив автомат, на карачках ужом вьётся за угол поста, пулемётчика не видно вовсе, лишь пулемёт с задранными вверх сошками сиротливо лежит на асфальте, несколько нациков рысью уходят к базе. Потом Серёга скажет, что били поверх голов, лишь бы распластать их и не дать прицелиться.

— Ты куда, сука, завёл? — тычу “сучкой”¹ в шею Деду.

— Я не знаю, я этой дороге не знаю, — лепечет он.

— Сворачивай в посадку, — Марат откладывает камеру и тянет на колени автомат. Он спокоен, он до бешенства спокоен и даже улыбается в предвкушении экшна. Отморозок конченный, этот профессор.

Стрелка спидометра ложится вправо, десяток километров — и мы ныряем справа в кусты и россыпью из машины, залегая вдоль дороги. Торопливо обшаривая карманы, достаю бумаги и рву на мелкие части. Следующая очередь флэшкарты.

Оглядываюсь: Ведун сдирает пропуска с ветрового стекла, Серёга — локоть на колене, цевьё крепко обхвачено, палец правой — на спусковом, глаза прищурены. Красавец! Вообще мои белгородцы достойны восхищения, не зря отбирал штучно: что Серёга, что Саха, что Дима. Серёга профи в разведке, поэтому посылаю его на ту сторону посадки. Саха молча исчезает — уже обозначил свой сектор справа, прикрыв фланг. Дима заряжает “граник” и улыбается, гад — счастлив, как и Марат, от предчувствия боя:

— Саньч, лепота, классный замес должен получиться.

Тоже мне, хлебопёк, нам бы из этого замеса каравай бы испечь, не по-

¹ “Сучка” (сленг) — АКСУ, 5,45 мм автомат Калашникова.

давиться. Серёга возвращаются с нерадостной вестью — через поле в сторону Донецка не выйти: артсистемы, капониры, танки.

— Аккумуляторы из мобильников долой, — команду отрывисто и резко: пожалуй, это единственная команда, отданная за всё время.

Дед неожиданно подхватывается, прыгает за руль нашей “тойоты”, машина срывается с места и скрывается за поворотом. Упустили гада. Серёга аж застонал от злости: попадись к нему Дед — не сдобровать. Марат что-то наговаривает в камеру, делает дубль — вот клоун, всё ему нипочём. Тут с жизнью пора прощаться, а он озабочен выразительностью кадра. Закончив, советует:

— Брось аппарат и треногу.

— Ну, уж нет, фотоаппарат студийный, а тренога вообще трофейная и крайне дефицитная.

Принимаем решение: уходить в тылы к украинцам, там наверняка искать не будут. Быстро забрасываю треногу на левое плечо, фотоаппарат за спину, “сучку” наперевес. Тело — сжатая пружина, трасса пуста, отмашка, рывок, и вот мы уже вламываемся в кустарник на той стороне и сразу же падаем: слева нарастает гул двигателя. Хорошо, что посадки никогда не чистили, так что полтора десятка метров проползаем чащобы весьма кстати.

Меньше полусотни метров бега, а дыхание перехватило, сердце бьётся пойманной в силки птицей, и мечется мушка в прицеле. Вдох, выдох. Ещё вдох, задержка дыхания и медленный выдох — надо выровнять дыхание, иначе все пули уйдут в небо, как в копеечку. Жажда сушит нёбо, слюна не слглатывается, да её почти и нет, и язык шершаво ворочается, комкая слова.

Из-за поворота показывается “бусик”, тормозит метрах в двухстах, к нему выскакивает Дед, что-то говорит и тычет рукой туда, где теперь сиротливо стоит наш “уазик”. “Бусик” трогается, медленно проползает мимо: десятка полтора нациков щупают взглядами заросли посадки. Поздно, хлопцы, нас там уже нет. “Бус” скрывается за поворотом и минут через пять возвращается, но уже в сопровождении армейского “КамАЗа”, битом набитого нацгвардией. Да, парни, вы совсем охренели — почти сотня против восьмерых.

Дима ведёт стволом за фургонем — умница, мочи фугасом, а мы автоматами стрижечку под ноль сбояем. Видны затылки, торчащие в окна стволы, даже водила вытянул шею, высматривая нас. “Не останавливайся, — мысленно прошу его, — иначе конец вам”. Машины не останавливаются, увеличивают скорость и уходят. Этот бой мы уже выиграли — они боятся! Это уже радует, но и огорчает: значит, пошли за подмогой. Надо уходить, но сначала Деда выпепить.

Жека и Серёга уходят вперёд, осторожно двигаемся следом, но сухойстой хрустит и ломается, словно стадо слонов идёт по жести. Минут через пять хлещет выстрел: “Влипши? Хотя нет, выстрел один, если бы напоролись, тогда бы гасили очередями. Скорее случайность”. Так и есть: нечаянно сучок зацепился за спуск, хорошо, что флажок поставлен на одиночный. Деда в машине не оказалось, зато нашли бутылку воды. Живём, братцы!

С полкилометра ломим через кусты, не обращая внимания на снующие справа машины: нас всё равно не видно, лишь бы засаду не догадались выставить. Решаем через поле махнуть вон в тот лесочек. Выбор не ахти, метров триста голых зеленей, справа в полукилометре посадка или лес. Хорошо, если там никого нет, а если? Но надо идти. Ведун и Серёга первые, я за ними, следом Марат, остальные прикрывают. Дистанция двадцать метров, вперёд!

Жизнь прожить — не поле перейти. Но иногда и поле перейти сложнее, чем жизнь прожить. Всё вспомнишь, покаешься, зарок Богу успеешь дать.

— Господи, спаси и сохрани, Господи... — шепчут губы, а взгляд рыскает справа налево от лесочка до посадки и обратно. — Спаси и сохрани, спаси и сохрани...

Идём неторопливо, держим дистанцию, палец на спуске. Всего-то три сотни метров, но как же это много! Озимые словно зелёный ворс ковра. Плотные, изумрудные, шелковистые. Быть урожаю, если дадут убрать... Господи, о чём думаем? Нам бы живыми выбраться...

Лесок оказался садом на берегу озера, за которым теснились дачи. Просёлочек петлёю ныряет к причалу: пару катеров на привязи, одна лодка распласталась на берегу дном вверх. Рядом двое, уже в годах: один хмуро смотрит

исподлобья, гадая, кто мы, второй пьяненький, видно, в рабочих или от скуки забрёл, мелет всякую чепуху и толком на вопросы не отвечает. Серёга быстро оплеухами развязывает ему язык: нацгвардии на дачах нет, но в округе набито под завязку, в Скотовахе пехота, дальше в Верхнем Торце бронетехника. В Держинске тоже навалом и техники, и артсистем. В Васильевке мехбригада, в Авдеевке “грады”. Поля в минах. Короче, сдавайтесь.

Серёга отвешивает ещё одного “леща”, хлётко и звонко: говори, дядя, да не заговаривайся. Его мы забираем с собою проводником. Дима шутит: один завёз, второй заведёт. Марат ворчит, но так, за компанию:

— Ага, Сусанина нам только и не хватает.

— Нет, ребятки, это Моисей, — не остаюсь безучастным и я.

У того, что остался, Серёга достаёт из мобильника сим-карту и аккумулятор, предупреждает:

— Не нравишься ты мне, дядя, по закону разведки не жилец ты, но греха на душу брать не будем. За эти цацки не волнуйся, вернём приятелю твоему. Смотри, если что — из-под земли достану.

Он достанет, если живыми выберемся, какие сомнения. Серёга крут, характерный, поэтому по-доброму говорю:

— Не надо греха на душу, не отмолимся.

— Ступайте с Богом, — хмуро произносит мужик и отворачивается.

Может, Серёга прав: всё-таки восемь жизней против одной? А что я знаю про его жизнь? Ну, не рад нам, так что из этого? Может, есть причина. Может, у него жена больная, у дочки счастья нет, с внуками проблема? Не мы жить ему дали, не нам её и забирать.

Проводник периодически получает от Серёги оплеухи, приобретает нужную скорость и способность соображать. Память восстановлена, понимание тоже: в случае засады с ним разберутся так же, как с нами, поэтому в его интересах пройти незамеченными.

Наш просёлок упирается в разбитый асфальт: справа какие-то фермы, напротив элеватор метрах в двухстах и снова поле. Пока решаем, что делать дальше, как на поле из-за элеватора вырывается “Урал”, из кузова неуклюже прыгают солдаты, растягиваются цепью и стоят истуканами. Обозначились и то хорошо, жить тоже хочется. Везёт же нам пока на ценителей жизни!

Отползаем, перебежками обходим фермы — затеряться бы песчинкой в этом мироздании, раствориться, да не получается. Марат трогает за рукав:

— Пятый час идём...

Неужели пятый? Время-то как летит... Надо привал минут на пять, водички бы... С утра маковой росинки не было во рту, но голод не подкатывает тошнотой, не урчит предательски живот — ещё тот троглодит, живущий сам по себе по своим законам сытости.

Тропа петляет по балке — справа речушка с раскидистыми ивами, слева довольно круто уходящий вверх склон, карабкается по нему, жмётся к терновнику и выводит прямо к летнему базу с миномётной позиций укров, слава Богу, бывшей. В загоне понуро стоят овцы, мычит корова — время доить, по двору копошатся куры и утки, у порога мазанки лежит овчарка — видно, привыкла к людям — оружием, не лает, лишь сторожко поводит глазом в ожидании команды хозяина. Сельская пастораль, не хватает только пастушки для полной картины.

Хозяину едва ли двадцать, одет бедно, варит на костре похлёбку — жидковата, одна крупа. Вообще-то он не хозяин — хозяин в Держинске. Он здесь лишь бережёт чужое добро да смотрит за скотом. Денег не даёт, но зато кормит. Почему не ушел в ополчение? Не понятно, за что воюют. Он настрожен — время лихое, и эти невзвесты откуда взявшиеся люди в камуфляже могут и беду принести. Расспрашиваем, отвечает: в селе нацгвардия, иногда навевывается, неделю назад была здесь их батарея, но теперь ушли ближе к Донецку. Скотоваха осталась слева — слава Богу, обошли, а вот Верхний Торце как раз поперёк пути. Вправо лучше не соваться — до Держинска рукой подать, там мехбригада и вообще войск полно. Торце не обойти, надо через село, но за ним минные поля.

Информация почти та же, что и у проводника, значит, не врёт.

У нас нет карты, нет компаса, нет бинокля — вся надежда на память:

до войны мотался здесь часто, но это общее представление. Парень соглашается вести нас дальше, только просит взять с собою собаку — Лизой зовут, умная, чужого чует за версту.

Серёга шепчет мне на ухо:

— Этого клоуна надо кончать, оставлять нельзя, сдаст, — и показывает на нашего проводника.

Мужичок уже давно пришёл в себя, проникся важностью и даже пытался давать советы, но Серёга пресекал их ставшими традиционными оплеухами, поэтому он жмётся ко мне: всё-таки защита. Иногда философствует: война — дело молодых, а нам, старикам, давно по домам сидеть надо. Это он на мой возраст намекает.

— Тебе сколько? — спрашиваю.

— Полтинник разменял, да и тебе, небось, не меньше. Наверное, и дети есть? Сидел бы ты дома...

— Да поболее будет, только война — дело, всё-таки, совести, а не молодых, — замечаю я. — Дети, говоришь? Внуки у меня уже, трое. И вот что-бы они никогда в руки оружия не брали, надо нам эту нечисть выжечь под корень. У тебя в роду воевавшие есть?

— А как же, дед Вену освобождал, дядя в пехоте всю войну пропахали...

— А что ж ты, паскудник, родню предал? Ты же на их могилы, стервец, нагадил.

— Старый я воевать, да и не умею, — оправдывается проводник.

— А я молодой? Самогонку ты жрать умеешь, а воевать — нет. Бери лопату, окопы копай, раненым горшки подноси, но делай же что-нибудь!

Мужичок задумался и больше с разговорами не лезет.

А вот теперь надо принимать решение. Своей жизнью распоряжаться легче, чем чужой, даже такой никчёмной, как этого чудака. Серёга прав: чем меньше свидетелей, тем больше шансов выжить. Но потом как жить-то? И этого парня с собакой Лизой что, тоже? А ведь дали слово отпустить...

Дима трогает за плечо:

— Давай ему денег дадим, ничего он не скажет.

Ребят догоняем уже далеко за базом. Впереди Лиза — красивая, поджарая, настоящая немка, следом хозяин, рядом Серёга и цепочкой, след в след, вытянулись остальные. Серёга молчит, потом пытливо смотрит на меня:

— Ну что?

Молчу, говорить совсем не хочется. Дима смотрит вдаль:

— Отпустили мы его. Дали денег и отпустили.

— Ну, вот и ладненько, а то на душе что-то погано стало, — плотно сжатые губы Серёги трогает улыбка.

— А когда же тебе, гуманист, погано стало: когда советовал мужика убрать или сейчас?

— Да ладно, не шуми, я же знал, что ты отпустишь, — Серёга обнимает своими лапшицами наши с Димкой плечи. — А жить всё-таки чертовски хочется!

Мы уходили в ночь, надеясь встретить рассвет. И чертовски хочется жить — обидно сгинуть в безвестности и чтобы враги потом придумывали всякие небыллицы про твою смерть, а родные терялись в неведении и ждали...

У села наткнулись на протоку — неширокая, но воды по грудь, а дальше хлябь, заросшая тростником. Помогаю парню перетащить его Лизу — это же надо, сами мокрые и грязные, каждую секунду в ожидании очереди, а собаку всё равно жалко.

Перед дорогой залегли, всматриваемся, слушаем тишину. Вот проскочила БМП, и опять всё стихло. Со стороны трассы прошли три грузовика и один тягач. Опять БМП. Засаекаем: интервал минут в шесть, значит перескочить дорогу можно. Подзываю Диму:

— У тебя гривны остались?

— Никак в кабак собрался? — шутит он, протягивая смятые бумажки. Отдаю их проводнику и жму на прощание руку: — Возьми и спасибо за помощь. Не говори никому, что с нами был — нацики не погладят по головке.

— Знаю. Там, за селом, говорят, все поля заминированы, — он мнётся, вздыхает и уходит в ночь.

Идти по минам не хочется, но сплошняком ими поле засеять — из области фантастики. Теньями проскальзываем через дорогу, оставляем дома справа и слева и замираем перед подсолнечником: проклятые былки, шуршат жестью украм на руку.

Дверь в соседнем доме распахивается, в пятне света появляется тощая фигура в майке и трусах с автоматом в руках. Пошатываясь, он мочится с крыльца, затем даёт в небо очередь трассерами, довольно хмыкает и скрывается за дверью.

— А если бы нужду по-большому справил, чем бы, интересно, салютовал? — у Сахи чешутся руки. Невольно смеемся, представив картину облегчения укра.

Луна успела нырнуть за тучи, идём в полной темноте и напарываемся на изгородь — околица какого-то хутора. С Сахой осторожно крадемся вдоль сетки, едва различимы контуры танков, дом с чёрными глазами окон, тишина. Спят, суслики, сейчас бы их тёплыми спеленать...

— А у меня дед за эти места орден Красной Звезды получил. В сорок третьем, зимой, в разведке, а теперь вот и я... А ты знаешь, мне ничего не надо, мечтал только о таком же ордене, как у деда. Теперь таких нет, за Грозный орден дали, но это уже не то. А деда тогда под каким-то хутором ранили — “языка” вытаскивали и на немцев напоролись. Может, это тот самый хутор, а?

Может, всё может, друг мой Саха, вот и нам пришлось землю предков отстаивать. Кто думал, что через столько лет будем таиться, пробираясь к своим. А они даже часовых не выставили, не пуганые пока, эти хозяева нового орднунга. Ничего, придёт время, и будете вы по лесам своим шариться, а уж мы постараемся вогнать вас в землю навсегда.

Возвращаемся обратно. Ребята вповалку лежат на мокрой траве, сбившись в кучу и прижавшись спинами — так теплее, но дрожь всё равно бьёт и кажется, что тело корчится в судорогах. Устраиваюсь рядом, ворочаюсь: холод пробирает до костей, свитер отдал Коту — в одной футболке парень, а мокрые тельник и “горка” вытягивают остатки тепла. Марат обнимает, прижимает к себе — вот и надёжное плечо друга, что ещё сказать. Лежим, дрожа, минут десять, потом встаём — что толку, всё равно не согреться, только полночь и надо затемно выбраться хотя бы к железке.

Под утро пройдёт дождь — короткий, переходящий в нудную морось, но размокшая глина пудами нависнет на берцах. В рассветном тумане наткнёмся на крутой овраг с острым запахом карболки: из-под осевшей земли проглядывали контуры людских тел. Кто это? Может, солдаты украинской армии, расстрелянные нациками за отказ воевать? Может, местные, чем-то не угодившие фашистам? Придёт время, и будет у “освободителей” свой Нюрнберг. Напоремся на бэтэры и бэхи, обойдём гаубицы и танки — спасибо солнышку и отблеску триплексов, и совсем рядом услышим тихий западенский говор, и ноздри с наслаждением будут втягивать этот сладкий запах сигаретного дыма.

Обойти бы засаду, да велик соблазн: капитана, сержанта и снайпера из седьмого хмельницкого полка спецназа взяли тихо. Они выложат всё, что знают, торопливо и перебивая друг друга — так им хочется жить. Ну, что ж, право плена вы заработали, а заодно и поскатать на блокпосту, когда выберемся — вы же не москали, скачите, хлопцы, скачите. Потом дозвонимся маме мальчишки-снайпера, и она заберёт его, а вот оставшихся ознакомим с творениям рук их сослуживцев — проведём по улицам, покажем снимки и видео, и у них наступит отрезвление.

В обед выйдем к трассе, в густом подросте переждём барражирующих “Ми-24”, Кот прикопает “броник” — вторые сутки таскать его стало невмоготу, на глазах ошалевших от нашей наглости нацвардейцев перейдём шоссе, по нейтралке двинем уже в рост, не таясь — здесь уж прорвёмся, если что. Обидно, если наши примут нас за укров и положат, не спросив фамилии. Но всё это будет потом и мы выйдем, вопреки всему.

Уже на блокпосту подумалось: может, это дед Сахи, разведчик оттуда, из сорок третьего, вёл нас одному ему ведомыми тропами и вокруг постов, и по минному полю, и через растяжки, и кто-то уж очень крепко молился за нас. А эсбэушники поторопились сообщить о нашей гибели.

Русские мы, живучие, нас так просто не взять.

ВЕРА КОБЗАРЬ

ПЛЫВУТ НЕБЕСНЫЕ ГРОМА...

ОГОНЁК

Вечер сломанной сникнет сиреню,
Всхлипнет речка в объятиях лоз,
И пичуга вспорхнёт лёгкой тенью
Над беседкой из вьющихся роз.

Мягко ночь подкрадётся, как кошка,
Ветер сонной листвой прошуршит,
И засветит приветно окошко —
Во спасение чьей-то души.

ЛЕТНИЙ ЛИВЕНЬ

Плывут небесные грома,
Гудящие неотвратимо,
И ярких молний кутерьма
Летит опять куда-то мимо!

И хорошо! Как хорошо,
Что их разряды брызжут где-то,

КОБЗАРЬ Вера Петровна (Костенко) родилась в селе Красноталовка Еланского района Волгоградской области. Окончила Всесоюзный финансово-экономический институт. Автор сборников стихотворений "Вчера был снег" (1996), "Весенний дождь" (2002), "Светлый август" (2008). Член Союза писателей России. Лауреат премии "Прохоровское поле", и международного поэтического конкурса Рубцовского творческого союза "Звезда полей".

Вдруг ливень весело пошёл
Стеной по самой бровке лета!

И этот гром, и эта мощь —
Неуправляемы и властны!
Идёт обычный летний дождь
Так величаво и прекрасно!

ИЮЛЬ

Мы пили чай с вареньем чайной розы
Из белых чашек с золотой каймою.
Был летний полдень. Жарко. И стрекозы
Роились над волной горячей зноя.

Уснул паук на листьях повилики...
Шёл разговор лениво-монотонный,
В цветах играли солнечные блики,
И ложечки позвякивали томно.

И ничего как будто не случилось,
Как будто не расстались мы навеки,
И только сердце очень сильно билось,
И незаметно вздрагивали веки.

ВСТРЕЧА

Я думала, тебя уже не встречу,
И только сны мне долго будут сниться,
Как мы парим под небом, словно птицы,
И говорим весёлой птичьей речью.

Я думала, тебя мне не дожидаться,
В окне лишь дождик, постучав тихонько,
Расплачется, как маленький ребёнок,
И слёзы тут же в лужи превратятся.

Но нынче штор прозрачных кружева
Качнулись, и в распахнутые двери
Влетел твой голос! Верю и не верю...
И кружится от счастья голова...

ПЁТР МАЛЬЦЕВ

ГЕРОЙ

Часто бывает так в нашей жизни, что человек, словно слепой дождь, проходит мимо нас, и мы его не замечаем, но после такого тёплого, солнечного дождя почему-то всегда высоко в небе появляется красивая, многоцветная радуга. . .

Совсем недавно я прочитал, что в городе Орле инициативная группа, в которую вошли активные горожане, журналисты, художники, обратилась к местным властям с предложением о создании в городе к 70-летию Великой Победы сквера артиллеристов.

В школе на уроках внеклассного чтения учитель рассказывал нам о беспримерном подвиге отважного артиллериста, старшего сержанта Николая Сиротинина, вступившего в бой с целой танковой армией гитлеровцев. После того ожесточённого сражения немцы недосчитались одиннадцати танков, семи бронемашин и более полусотни солдат и офицеров.

Враг был ошеломлён дерзкой храбростью щупленького малорослого паренька, который один в неравном бою стоял насмерть, без устали поражая метким огнём ползущие на него немецкие танки, пока не погиб.

Такое на войне нечасто бывает, но, воздавая должное мужеству героя, прах его немцы предали земле с воинскими почестями, с троекратным залпом из винтовок, а опытный офицер могущественного рейха, с трудом заставивший замолчать пушку, бьющую по танкам метким огнём, стоя над могилой, сказал: “Если бы солдаты фюрера дрались, как этот русский богатырь, то немцы давно бы уже завоевали весь мир”.

На белорусской земле на месте того ратного подвига установлен скромный памятник с потускневшей от солнца надписью: “Здесь на рассвете 17 июля 1941 года вступил в единоборство с колонной фашистских танков и в двухчасовом бою отбил все атаки врага старший сержант-артиллерист Николай Владимирович Сиротинин, отдавший жизнь за свободу и независимость нашей Родины”. Рядом, в городе Кричев Могилёвской области, есть и улица имени Сиротинина. За свой подвиг солдат был награждён орденом Отечественной войны I степени посмертно.

А вот о храбрости и мужестве своего земляка, гвардии капитана артиллерии Белянинова Ивана Никитовича, награждённого орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды и Красного Знамени и довольно редким орденом Александра Невского, я узнал совсем недавно, прочитав в районной газете “Призыв” замечательную статью “Командир противотанковой батареи”. Но мы не отыщем в местах боевых действий нашего земляка ни высеченных из гранита скульптур, ни скромных памятников, не увидим улиц с именем знаменитого артиллериста Белянинова — отважного сына земли русской.

Для меня эта статья, к стыду моему, стала откровением. Я более полувека жил рядом с героем и не ведал о его боевых наградах! Но прошедшего, как ни грустно, не вернуть.

Приступая к рассказу о жизни Ивана Никитовича, я хотел поведать читателю не столько об отважном воине, сколько о мудром, надёжном человеке, имевшем любвеобильное, отзывчивое сердце. Он, защищая Отечество, превозмогал себя и находил силы управлять своей железной волей, а в послевоенной жизни никогда не важничал и не хвалился боевыми наградами.

* * *

Вытянутая под самую горою вдоль правого берега реки Готни полоска земли ничем, собственно, никогда никого и не привлекала, кроме как взбалмошных по весне голосистых лягушек, заходящихся в брачном гвалте истощенным кваканьем. Но досталась она потеснённому с Украины народу, пожелавшему служить московскому царю Алексею Михайловичу, охраняя окраины его государства. Пришлые люди обжили это место, создав здесь поселение, которое существует и поныне.

После революции в селе не один раз порывались создать коллективное хозяйство, силой у зажиточных крестьян забирали живность, к полудню сгоняя на скотный двор, но к утру неуступчивый народ с завидным постоянством разводил коней, коров и овец по домашним стойлам. Колхоз в Красном Кутке так и не состоялся, но вот многие семьи тогда раскулачили и отправили на поселение в отдалённые места под Архангельск и в Сибирь.

В октябре 1941 года сюда пришли немцы. Их воинские части располагались на территории нынешнего заповедника “Лес на Ворскле”, а в здании школы был размещён немецкий госпиталь. В августе 1943 года село было освобождено, но до сих пор в местах пребывания вражеского стана ещё можно отыскать в земле покрытые ржавчиной осколки и гильзы от снарядов.

Здесь, в селе Красный Куток, на хуторе Ваковщина, в 1920 году и родился Иван Никитович Белянинов.

Иван Никитович имел исконно русскую фамилию, которая в XVII веке по частоте распространения входила в первую сотню семейственных имен на Руси. Фамилия не только “высвечивала” белый цвет лица её обладателя, но и подчёркивала благородные качества его души: милый, дорогой, хороший, чистый, незапятнанный. Такой человек и получал прозвище “Белянин”. Недаром народная мудрость говорит: “Рубаха черна, да совесть бела”. Иван Никитович и был таким человеком – благородным, великодушным, который жертвовал своими интересами ради других, пытаясь ободрить и поддержать родных и близких, потерявших под собой в житейских бурях устойчивую опору.

* * *

Поселение Ваковщина, где родился и жил российский герой Белянинов Иван Никитович, расположилось сразу за живописно рассеянным на холмах правого берега реки Готни хутором Федосейкино. Я, передвигаясь на велосипеде по вымытому весенним дождём асфальту, обращал внимание, что довольно часто у самой горы, в глубине поднявшихся широколиственных деревьев и мелкого, опоясывающего их кустарника, стояли опустевшие дома с перекошенными дворовыми воротами. А прямо от реки к дороге во весь рост подступали наводящие тоску густые заросли серебристо-серой ольхи, окрещённой учёными людьми деревьям экономических потрясений: ольха с исчезновением сельских мужиков стала полноправной хозяйкой на когда-то укосном пойменном лугу.

Но вот неожиданно справа от меня, на взгорке, с какой-то солнечной веселостью вынырнул скромный дом на три окна по фасаду. И от одного взгляда в сторону дорожки, вьющейся вверх, к входным воротам, всё вокруг просветлело, пустилось в пляс. А мне словно почудилось, что ещё немножко – и открывшееся кирпичное строение плавно поплывёт над землёй. Прямо на глазах мир наполнялся тихой радостью, а душа пела. “Живя в таком доме, – подумал я, – невозможно быть злым и подлым. Дом, как и человек, имеет свою, ни на кого не похожую, судьбу”.

Слегка притормозив своего двухколёсного друга, я поближе подрулил к стоявшему у ворот хозяину. Выяснилось, что это и есть та самая желанная

усадыба, куда я держал свой путь, а передо мной стоял Николай Иванович – сын гвардии капитана Белянинова. Он провёл меня на кухню, усадил за стол, а сам отправился на поиски своей хозяйки.

Мне в этот раз несказанно повезло. Бывает же такое в жизни, когда какая-то невидимая сила тебя ведёт и посылает на помощь нужного человека, без которого ты просто не можешь осилить всё, тобой задуманное. Я хорошо запомнил слова Александра Михайловича, сотрудника газеты “Призыв”, который показал мне наградные листы на гвардии капитана Белянинова, найденные в архиве: мне обязательно надо встретиться с Татьяной Александровной – невесткой Ивана Никитовича. Она многое мне расскажет. Но я совершенно не предполагал, что мне придётся беседовать с моей классной руководительницей, которая в шестом классе преподавала нам уроки физкультуры и часто возила нас, футболистов, в район на соревнования. Это и была невестка Ивана Никитовича.

– Белянинов Иван Никитович, мой свёкор, – с какой-то оглядкой и недоверчивостью в голосе повела со мной довольно вялый разговор Татьяна Александровна, – дом этот строил собственными руками. А в его руках всё спорилось, всё делалось без всякой спешки и переживания.

Мне показалось, что она меня не признала. Много воды утекло с тех пор, да и само незаметно ускользающее от нас беспощадное время явно поубавило из её когда-то пламенных глаз искрящейся весёлости.

Разговор неспешно тёк дальше. По словам Татьяны Александровны, Иван Никитович – а именно так, я заметил, ей сподручнее было величать своего свёкра, – не стремился сделать многое, но, делая малое, получал внутреннее облегчение. Чувствовалось, что работа захватывала его, доставляя душевное умиротворение. Глаза Ивана Никитовича просто покоряли своей теплотой. Глядя на него, невольно верилось в самое доброе, светлое и чистое, что имелось на нашей прекрасной земле. Он, словно магнит, всё лучшее и совершенное притягивал к себе своей добротой, поражая родных и близких ясной, разумной мыслью, обеспокоенностью за человека. Иван Никитович принадлежал к тем особенным людям, которые отличаются бессознательной догадкой и благотворною силою.

Моя собеседница встала, и мы направилась в дом. Каким-то особым уютом повеяло от всех его комнат. Как всё было там просто и одновременно до мелочей продумано! Вот два пристроенных коридорчика. Для сохранения тепла обычно хватает одного, а здесь было два, и я, попав во второе помещение, прямо на себе ощутил прилив сил и тепла. Во всех комнатах в течение дня было равное количество света, независимо от их расположения по отношению к солнцу. Появилась какая-то благодатная мирность, и мне почему-то отсюда не хотелось уходить. Возникло невольное желание ещё немножко побыть в этом светлом, уютном доме, основательно построенном руками бесстрашного моего земляка.

– Здесь, по соседству, – грудной голос хозяйки положил конец моему тёплому размышлению о домашнем уюте, – стоит и дом его родителей – матери, Ефросиньи Харлампиевны, родом из Черкасской губернии, и отца, Никиты Ивановича, выходца из Хотмыжа, как в близлежащей округе именовали всем известное поселение Хотмыжск.

К этому времени я успел с жадным интересом просмотреть семейный альбом, разглядывая фотографии разных лет. Вот на фото отец капитана Белянинова, Никита Иванович, высокий лоб и узкие скулы которого говорят о его уравновешенности и в то же время о достаточной смелости, довольно часто переходящей в безрассудство. Низкое расположение бровей подчёркивает в нём отсутствие целенаправленности, последовательности и силы воли. Всё: и форма лба, и расположение глаз и бровей, выдают в нём человека, прожившего яркую жизнь. Подобные люди не созданы для семьи, но они об этом не задумываются и не пытаются исправить своё положение.

Сам же Иван Никитович, со слов односельчан, в сравнении с отцом был меньше ростом, но зато здоров, ладно скроен, с едва заметной предрасположенностью к полноте. Он больше был крепок, чем силён. Характером был не в отца. Все отмечали в нём способность терпеливо преодолевать лишения, с невероятным усердием выполнять любую грязную работу. В нём, как и в любом русском человеке, присутствовала быстрота понятий и медленность суждений. От матери своей, родом из малороссов, он был наделён живыми чувствами и пылкими страстями. Со слов моих собеседников, здоровье его редко подвергалось болезням, но до конца дней своих Иван Никитович

внутри себя пронесил осколок, оставшийся после ранения. Он жил долго, не призывая к себе свою смерть. До глубокой старости сохраняя бодрость духа, шутил: “Больному человеку и золотая кровать не в радость”. В больнице, куда его отправили на лечение, он, по словам сына, увидев тяжкие страдания больных, даже не стал из сумок выкладывать свои вещи, с порога бодро проговорил: “Их, сынок, болезнь, а наше – здоровье. Увози меня отсюда: на лечёном коне долго не проедешь. Скрипучее дерево – оно дольше стоит!”

Вспоминая народное поверье, что если сын похож на мать, счастливым будет, рассматриваю фотографию матери героя, Ефросиньи Харлампиевны. Аристократическая продолговатая форма лица выдаёт в ней человека уравновешенного, чувствительного и отзывчивого. По всему ощущалось, что она была расчётлива и рассудительна, справедлива и мудра. Её высокие, тонко очерченные брови говорят о целеустремлённости, а аккуратное веко – о повышенной эмоциональности и склонности к риску. Красивый короткий нос свидетельствует об открытости души и оптимизме. Такого рода человек всегда сам определяет срок создания семьи, рождения ребёнка, и всё в его жизни подчинено определённым правилам. Он от природы – талантливый организатор, умеющий повести за собой народ.

Вот в кого был её сын! Взяв что-то от отца, основные черты своего характера Иван Никитович унаследовал от матери.

– О, Ефросинья Харлампиевна была большая затейница, – вспоминает Татьяна Александровна. – “Пляши, когда играют!” – говаривала. Как она умела устраивать праздники! Всё горело в её руках, всё она делала с нескрываемой радостью. Многим тогда казалось, что, погрузившись в мир самозабвенной работы, она излучала чудодейственный свет.

А я подумал о том, что так же погрузался в мир дела её сын Иван, развёртывая батарею к бою. В такие моменты видна была в нём какая-то удивительная сила, и бойцы, работавшие рядом с ним на поле боя, обретали спокойствие, которое вселяло в них уверенность в правоте своего дела. Натянутые звенящей струной от нечеловеческого напряжения нервы были готовы в любой момент лопнуть, но руки спокойно управляли рулями поворота орудия, лоя в перекрестье цель. Поймать и ударить! Гвардии капитан Белянинов видел перед собой только нагло прущий танк. Без паники подпускал его вплотную и точно поражал цель, никогда не допуская промаха.

Какая невидимая сила безжалостно давила в нём постыдный страх, напрасно отымавший душевные силы? Что вселяло уверенность и спокойствие, давало выдержку, возможность хорошо выполнять напряжённую работу, от которой зависела не только его жизнь, но и жизнь каждого бойца его батареи, исход боя, судьба той пяди земли, за которую шло кровопролитное сражение?

Почему, на первый взгляд, бессвязность, путанность и нелогичность поступков русского воина, для которого не существует естественных препятствий ни в болотах и топях, ни в бездорожной степи, ни в непроходимом лесу – он везде чувствует себя, как дома, – упорно разрушала хорошо отлаженный механизм мощной, безотказной немецкой машины? Может быть, потому, напрашивается вывод, что стихийная энергия, в своей основе заложенная не одним поколением родителей по материнской и отцовской линии, всегда преображала русского человека в настоящего богатыря, который никогда ни перед кем не опускался на колени.

В своё время немецкому дипломату Отто фон Бисмарку удалось понять эту русскую ментальность. Считая войну с Россией губительной, он писал: “Россия опасна мизерностью своих потребностей. Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью. Это неразрушимое государство русской нации сильно своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей”.

Из рассказа сына о своём знаменитом отце я знал, что первое сражение на станции Снегуровка Николаевской области заставило Ивана Белянинова не думать в бою. Кто думал, тот погибал. Он хорошо усвоил этот урок. Только звериное чутьё, чувство опасности может предотвратить смерть. Шкурой чувствуя немца, он не верил глазам своим. Им управляла жажда жизни, когда он, охватывая взглядом окрестность, буквально чувствовал её, и ощущение его не подводило. Если внутри прокатывался холодок, то там таилась опасность. В первом же бою после ранения Иван Никитович сердцем чувствовал, откуда будет исходить угроза. И первым ударил по тому месту. Бился не на жизнь, а на

смерть. В том бою его артиллерийский взвод тридцать танков и более сорока автомашин превратил в груды металла. Это была хорошая победа, доставшаяся малой кровью. Они въехали в стан врага на его плечах. Гвардии капитан Белянинов любил повторять: “И один в поле воин, если он по-русски скроен”.

Война пощады не знает. Слушая рассказ сына героя, я понимал, что неосознанную правоту Иван Никитович получил по наследству. Реальная угроза жизни пробуждала в нём заложенную далёкими предками систему защиты. Проявление её не увязывалось ни с одним из логических построений. В бою не было времени на обдумывание. Любое сражение требует новых решений, а в распоряжении героя имелась всего лишь одна природная чувственность. Он, соприкасаясь с окружающим миром, невольно становился проводником посылаемых природой сигналов. Между ним и существующей реальностью была неразрывная, тесная связь. Невидимая сила управляла им с помощью лесных звуков, менявшихся оттенков зимнего пейзажа, тающих на его тёплых ладнях искристых снежинок, неустойчивых запахов морозного воздуха. Он поневоле становился частицей всего мироздания, и понимание окружающего мира было выше него. Он своим восприятием природы ощущал колебание воздушного пространства, и его понимание действовало в ритме незримой активности бесконечной бездны, бессознательно получая познания извне. Он от природы был наделён даром вневещественного восприятия, так как улавливал малейшие перемены во Вселенной и, ощущая её странные изменения, сердцем своим чувствовал таившуюся смерть.

Сколько раз на войне он схватывал бесчувственным восприятием обступавшую местность, улавливая смертельную опасность! Но вовремя опознанная угроза уже не несла в себе смерть, а являлась всего лишь тревожным предупреждением. И я хорошо понимал слова хозяина дома, что на всё происходящее его отец не смотрел с чужих рук. Только благодаря тому, что природа открывала ему свою стихию, он летом 1944 года провёл удачную разведку боем и, не дав даже секунды противнику на размышление, подавил огнём батарею врага.

Размышляя о бесчувственном восприятии опасности, я вспомнил слова моей бывшей учительницы, сказанные журналисту районной газеты: “Не знаю, как это происходит, но когда Ивана Никитовича не стало, посаженный им сад словно загрустил о своем хозяине, яблони перестали плодоносить, хотя мы ухаживаем за ними”.

Как важно в нашей жизни слышать природу, чтобы понимать друг друга! Стоит только проявить бесчувственность, вовремя не услышать боль яблони, и она перестаёт одаривать нас своими плодами.

Мы вышли во двор, где я, поскользнувшись на земле, напитанной влагою, на глазах своей бывшей учительницы на какое-то время потерял равновесие. Чтобы вконец не шмякнуться в грязь, чудом устоял и как-то неловко, бочком, бочком, еле сохраняя устойчивость, суетливо подался к воротам. Позади себя, как и много лет назад на школьном стадионе, услышал знакомый приятный смех.

— Вот теперь точно признала своего ученика! — радостно воскликнула моя бывшая учительница. — Та же молниеносная реакция, что и много лет назад на футбольном поле.

Родительский дом Ивана Никитовича расположился в лощинке с ровной, сразу через дорогу обширной площадкой пойменного луга, у подножия крутого склона горы, где наверху по железной дороге в разных направлениях когда-то беспрерывно мчались грузовые и пассажирские поезда.

Я вспомнил беседу с местным жителем Николаем Захаровичем, человеком, вписавшим золотую страницу в историю села Красный Куток, который рассказывал, как Иван Никитович Белянинов именно в этом месте меткой стрельбой из пистолета с двух рук: стоя, лёжа, с колен, с локтя, сидя — приводил в изумление кутянских мальчишек. Стрелял в пустую консервную банку с одной руки и, пока она кувырчалась в воздухе, успевал всадить в неё две пули. По всему чувствовалось, что был Белянинов не робкого десятка, и сам чёрт ему был не страшен. А было это в ноябре 1943 года, когда он осенью из харьковского госпиталя, где лечился после тяжёлого ранения, полученного в боях за освобождение Новороссийска, приезжал на родину в Красный Куток.

Оставляя за собой в стороне весёлую поляну заросшего луга, мы продолжали оживлённо беседовать с невесткой Ивана Никитовича. Отгеснив в моей памяти воспоминания о побывке на родине своего свёкра, Татьяна Александровна заговорила о том, что Иван Никитович обладал редким природным да-

ром общения, умело возвращал в дом добрые семейные отношения. Сердцем понимая, что цену вещи узнаешь только тогда, когда её потеряешь, он смотрел сквозь пальцы на всякие малозначащие дурцы сородичей. В семье кто-то обязательно должен уступать, и он, как настоящий мужчина, терпел привереды и выкрутасы родных. Признавая заслуги своей благоразумной, любимой жены Шуры, он во всём понимал и свою рассудительную мать и ради их достоинств с радостью сносил проявляемые ими слабости. Снисхождение к ним давало ему выход из любого семейного замешательства. По нежному, тёплому отношению к самому близкому на земле человеку – жене, – со слов невестки, чувствовалось, что любовь Ивана Никитовича не шла ни в какое сравнение ни с любовью к сестре, ни с привязанностью к заботливой матери. Всё происходящее в своей семье он переносил в себе, не выказывая притязаний, а его жена Шура, получая от своего спутника жизни солнечное тепло и свет, невольно задумывалась и поневоле исправлялась, становилась лучше.

По словам Татьяны Александровны, Иван Никитович тонко ощущал и волнение любимой жены Шуры, и душевную тревогу матери, – каждый цветок со своим запахом. Он умел срезать острые углы, умел найти путь к сердцу. Чувствовал, когда нужно было зайти во двор к своей маме. Молча проглотив обиду, слушал её бурчание: “Явилась, святая душа на костылях! Каким только ветром тебя сюда занесло? Вам всё недосуг да некогда, а и будет когда, да нас не будет тогда”. Он всегда чувствовал её запас прочности. Не прерываясь, послушливо глядел на мать. Радовался её ловко работающим рукам. Просил побережь себя, повременить с этим завалившимся во дворе тыном. Он сочувствовал ей во всём и пытался помочь. А она, разгорячась, переплетала тонкими палками орешника жерди, прибитые к дворовым столбам, и без всякой злобы сокрушалась: “Отдохнём, когда умрём”. Но при этом, искоса взглянув на сына, всё же лишалась последнего своего задавленного в глубине души гнева. Нередко даже не успевала моргнуть и глазом, как Иван Никитович, не находя нужных слов, молча исчезал со двора. Уходил, осознавая, что мать ещё не оттаяла душой к его любимой жене Шуре. Возвращался в свой дом, где и со стороны благоверной чувствовал холодок. Слушая её ворчание, надолго замолкал. “Ну, что ж, пусть меня малость и поругает. Она же моя жена. Губы да зубы – два забора, а языку удержу нет. Молчание – всегда знак согласия”, – беззлобно ронял он слова, понимая, что без жены – как без шапки. Крепкими пальцами мял вытащенную из портсигара папиросу. Чувствуя, что Шура больше его слов уже не вынесет, бесшумно выходил во двор, спичкой чиркал о коробок, прикуривал папиросу и про себя думал: “Ума не приложу, кто из них чего хочет? Почему они живут по соседству и не ладят?” И при этом не обращал внимания, что дымящаяся папироса уже давно обжигает пальцы.

– Отец во всём был необыкновенным, – вступил в разговор сын героя. – Он для многих так и остался неразгаданным человеком. Боевой офицер, вся грудь в орденах и медалях – и вдруг остаться голым! Работал простым лесничим в заповеднике “Лес на Ворскле”. А ведь сразу после войны ему предлагали колхоз в Манготне, но он, не раздумывая, дал отказ: “Не могу, не устою я! Сердце у меня такое: глядя на бабьи слёзы, не уберегу я колхозное добро. Такой я по натуре человек. Лучше вам подыскать скуповатого мужика. У каждого из нас своё место под солнцем”. Да и на предложение командира боевой части, где он служил, поступать в академию, ответил отказом. Как можно было расценить его поступок?

Слушая воспоминания родных, я думал о том, почему хорошая работа и обеспеченная жизнь не прельщали моего героического земляка. Осознав на войне смысл жизни, гвардии капитан Иван Белянинов понял, что душа дороже целого мира, а большая любовь к своим родным – жене Шуре, поднимавшейся на его глазах неугомонной ребятне, матери, горячо любящей его, не чаявшей души в своём брате Иване сестре – стала для него превыше всех благ на свете. Он хотел находиться в окружении дорогих ему людей, испытывая неповторимую, безграничную радость, а человек, покорённый богатством, поработён душевным волнением и тревогой. И он до невероятности упростил свою жизнь, отдав себя близким теперь уже не на войне, а здесь, на хуторе, людям.

– В любое время года приезд в дом свёкра для нас был настоящим праздником, – продолжала вспоминать Татьяна Александровна. – Иван Никитович всех встречал с распростёртыми объятиями, выказывая радушное гостеприимство. Припоминаю, как он выставлял на стол яичницу с грибами. Я знала,

что яичница бывает с колбасой, сыром, салом, ну, наконец, с помидорами и разными овощами. Но вот что она такой аппетитной получается с выложенными на сковородке обжаренными грибами – такого я никогда в жизни не представляла! В том блюде, кроме сытности, чувствовался ещё и превкусный аромат свежести осеннего леса. Вначале я всячески уклонялась от той еды. А Иван Никитович настойчиво всё ближе и ближе придвигал яичницу с грибами в нашу сторону, шутивно приговаривая: “Угощайтесь, дети, всё у нас на столе, а руки у вас свои. Дома, дочка, ешь, что хочешь, а в гостях – что велют. Ешь, пока рот свеж, а уста завянут, ни на что не взглянут”.

Слушая рассказ об умении моего героя потчевать гостей, я вновь подумал о его чистой русской любвеобильной душе, о самобытном нраве, проявлявшемся во всём: и в шутивном тоне, и в ненавязчивой заботе, и даже в подаваемой необычной яичнице.

– Его познания природы, – продолжала рассказ хозяйка дома, – для меня были непостижимы. Небо сплошь заволакивалось тучами и моросил дождичек, а Иван Никитович, глядя на выгибавшуюся у его ног кошку, назавтра всё равно строил сенокосные планы. Когда ярко светило солнце и гуси на пруду учащённо хлопали крыльями, ныряя в воду, он торопил всех метать в стога высохшее на лугу духовитое сено. И мы удивлялись его чутью, когда, завершая работу, непременно попадали под проливной дождь. Свёкор замечал всё, что его окружало: и появление росы на траве ночью, и днём над лесом синееющий воздух, и звенящие оттенки людских вибрирующих голосов, и стоящую духоту на восходе солнца, и первый туман лета.

Я слушал собеседницу и приходил к мысли, что природа Ивану Никитовичу приоткрывала свою стихию совсем не напрасно. Размышляя о его жизни, невольно сам себя погружал в тот мир, который дарил ему радость. Ночью шёл снег, под его тяжестью преображались застывшие на время кусты и провиснувшие ветви деревьев. Он, лесничий, каждое утро, скрипя валенками о нехоженный морозный снег, топтал себе тропинку. В полдень совершал обход вверенных ему лесных владений и, стоя на опушке, вдыхал сосновый воздух, слушая безмятежную тишину, разгадывая запутанные следы пробежавшего зайца, наблюдая сквозь ветви деревьев бездонное голубое небо. А вечером, когда с неба, кружась в восторженном трепете, падали лёгкие снежинки, он вытягивал руки, и белые пушинки садились на его ладони и, согреваясь человеческим теплом, лениво таяли, превращаясь в слезинки. Хорошо и спокойно было ему здесь, на освобождённой родной земле.

– В любой компании рядом с моим свёком была его любимая жена Шура, – продолжала рассказ Татьяна Александровна, – а сам он был в центре внимания.

В этом я убедился уже и сам, рассматривая семейные фотографии, отмечая взгляды празднующих друзей. Вот на фото мои родственники, дядя Митя и тётя Катя, которые приезжали к нам в гости на хутор Басов. Каким уважением и любовью светятся их взгляды, обращённые на Ивана Никитовича! Вот Михайленко Дмитрий Николаевич, который всю жизнь проработал бригадиром поездов дальнего следования, ездил во Владивосток. Уж он-то за свою нелёгкую бригадирскую жизнь посмотрелся на людей и, слава Богу, умел в них разбираться. Я обратил внимание, с каким обожанием и благоговением смотрит он на героя-земляка.

– Иван Никитович умел ценить каждый прожитый день, – нервно пробегая скачущими пальцами рук по крышке стола, продолжала разговор моя собеседница. – Я не замечала в нём душевной тревоги. Он всем всегда был доволен. Даже тогда, когда отменили льготы и перестали героям, защищавшим Отечество, платить за ордена. Подвиг воинов был обесценен. Но гвардии капитан Белянинов не обиделся на Родину. Его любовь к Отечеству была бескорыстна. Он, мужественный человек, оправдание жизненным неудачам, будь то отмена льгот или огородное бедствие, когда ухоженные грядки лука и чеснока посередине лета смывались бурлящим потоком проливного дождя, искал внутри себя. Работу лесничего Ивану Никитовичу пришлось оставить.

Односельчане любили его за доброжелательность, отзывчивость и уважение к людям, отмечая удивительную цельность характера и отсутствие всеразрушающего ропота. Моя одноклассница, в детстве помогавшая маме разносить почту в Красном Кутке, рассказывала, что Иван Никитович встречал её радушными словами: “Моё почтение Вам, барышня!” – поправляя сдвинутый

набок картуз, приветственно кивал головой и всегда улыбался. А она, вручив ему в руки почтовую корреспонденцию, часто вдогонку получала ещё и доброе пожелание: “Дай Бог тебе, дочка, жениха красивого!”

— Он был переполнен оптимизмом, — делилась со мной своими воспоминаниями одноклассница. — От встречи с человеком такой щедрой души я как-то охотней и веселее бежала по улице, да и сумка не обременяла меня уже своей тяжестью.

— Но при всей внешней мягкости характера, — вспоминала Татьяна Александровна, — Иван Никитович был твёрд в отстаивании справедливости. Он в бригаде любого мог поставить на место, привести в чувство того, кто посмел дать волю языку. У него была властная рука.

Я ловил каждое слово о легендарном, без всяких сомнений, человеке, вспоминая далеко не мягкое воспитание, проповедуемое и самой рассказчицей в пору её работы в школе классной руководительницей. Она не потакала нашим слабостям, отчего мы мигом своим поведением устремлялись в правильное направление. Добрый учитель не о себе печётся, о классе.

— Все в один голос, — продолжала рассказ моя бывшая учительница, — просили Ивана Никитовича вести переговоры с руководством колхоза о цене за проделанную работу.

Затем она прервала разговор, направила свой взор в мою сторону и, как бы освободившись от внутреннего напряжения, приглаженной скороговоркой выплеснула из себя не совсем понятные для меня слова: “Политика — дуга: недогнул — беда и перегнул — беда, а исподволь возьмёшь — и ольху согнёшь”. Словно сбросив со своей души непосильный груз, взглянула в окно на ольховые деревья с зелёной кроной, разросшиеся по всему пойменному лугу, и поставила точку в разговоре: “Расчёт всех устраивал. Как Иван Никитович добивался справедливости, одному Богу известно”.

“Легко сказать — быть справедливым”, — подумал я. Чувство беспристрастности и объективности знакомо каждому из нас. Но куда проще в жизни это чувство не замечать: из-за него мы вечно получаем неприятности. Любой из нас, обременённый объективностью, жаждущий человеческой правды, теряет самое драгоценное в жизни — здоровье, потому как от нелицеприятной правды всегда становится тяжело жить. Но видеть очевидную неправоту, ложь и молча прятать голову в песок — значит, самому участвовать в ней и не относить себя к тому великому народу, характерной чертой которого всегда являлось чувство справедливости и жажда её.

Иван Никитович Белянинов был частичкой этого великого народа и находился до конца дней своих под покровом правды. Его любовь к сослуживцам на войне и близким по дому была на грани жертвы. Он, командир артиллерийского взвода, рискуя собой, оперативно вмешивался в ход боя, координируя прицел орудий. Ради возвращения в дом добрых отношений терпеливо сносил слабости своих близких, никогда не упуская из своей чуткой памяти их достоинств. Ни на войне, ни дома не искал себе поблажек и своей тихой, скромной, непритязательной жизнью заслужил у многих из нас искренний восторг и сладостное умиление, сумев в своей жизни не проиграть свой главный бой: сохранить совесть.

Его совесть оказалась чиста и перед родимой Отчиной, и перед захолустной полоской земли под самою горою, и перед чудом сохранившимся Божьим храмом на высоком берегу реки, и перед унылым деревенским погостом, и перед шелестом листья вековых дубрав, и перед шумящими луговыми травами, и перед своими односельчанами.

Он покорила самого себя, и эта победа оказалась ценней и выше всех неустановленных памятников и обелисков вместе с безымянными улицами в местах его боевых подвигов.

Знаменитый артиллерист гвардии капитан Белянинов при жизни был незаметен в общей массе проживающего с ним народа. Его подвиги Родина отметила столькими боевыми наградами, что, по рассказам родственников, на человеческой груди все их невозможно было разместить. На День Победы он даже и не пытался крепить их к своему парадному костюму. Гвардии капитан Белянинов отказался от воинских чинов и высоких постов, избрав для себя жизнь простого, обыкновенного человека. О нём, как о знаменитом героине-артиллеристе, заговорили только спустя одиннадцать лет после его смерти. Вспомнив незаслуженно забытые военные заслуги моего земляка, мы даём возможность пробудиться герою в народной памяти в жизнь вечную.

МИХАИЛ КУЛИЖНИКОВ

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЯРМАРКА

Ярмарка.
    Рынок,
            что муравейник.
А народу
    всё
        прибавляется.
Торгаши
    во весь рот
            улыбаются,
гармошка
    поёт
        заливается,
глотку дерёт
    массовик-
            затейник.

Налево сметана, масло и мёд.
Плати вперёд.
От всех болезней
нету полезней
оладушка пышного
да медка душистого.

КУЛИЖНИКОВ Михаил Анатольевич — член Союза писателей России, автор восьми книг стихов и прозы. Публиковался в центральной и местной периодике. Лауреат литературной премии “Прохоровское поле” и международного литературного конкурса “Звезда полей”. Живёт в Белгороде.

Сметану бери без тени сомненья.
Не обойтись без сметанки пельменям.
Не ленись,
по рядам пройдишь,
получи удовольствие
от обилия продовольствия.

Симпатичная дама
с кругами
под глазами
от беспросветного бдения.
(Догадаться несложно —
учительница.
Выдают особенности лица
и специфика поведения.
Хотя и “врачиха”, возможно,
а может, и молодая мама).
Купила творожка
чуть меньше килограмма.
В аккурат под расчёт.
Всё до крошки сложила
в пакетик стиранный.
Не потому что “жила” —
знаем всем миром мы:
“копейка рубль бережёт”.

Стозвонят колокола
ближайшего храма.
Покупатели рублями
подзванивают.
Продовольственных товаров
затрапезная реклама
покупателей, как мошек,
приманивает.

А вот и власть имущие,
всласть живущие,
животы большущие.
На творог не глядят,
шествуют в мясной ряд.
Лица горят,
как семафоры.
(Им вслед мужичонка
замахнулся ручонкой
для подзатыльника.
Хихикает народец).
А морозец!
Даст фору
любому холодильнику.
Снежок под ногами —
хрусть, хрусть.
На прилавке жирный гусь.
Гусей берёт “их превосходительство”.
Какое ж без гуся Рождество?!
Покупатели “пожиже” скромны, что гости.
Зарятся на мясо — покупают кости.

Затейник раззадорился —
трепло.
Не язык —
помело.

Направо рыбный ряд.
Денег за погляд
не берут,
но и не дают.
Есть вяленая вобла,
селёdochка солёная.
Для вкуса утончённого —
осетринка копчёная.
Глади в оба,
глазами не хлопай.
Врать не буду —
весом по пуду
карпы живые
блестят чешуёй серебрёной.
Зажарь такого
до корочки хрустящей
да отведай
с картошечкой варёной —
“праздник вкуса” наступит
настоящий!

Представители богатого сословия
(Избавь от злословия, Боже:
все на одну физиономию,
готовы за копейку сесть на ежа,
а на себя не жалеют денегат)
берут российскую осетринку
и сёмгу тоже —
доставлены из-за рубежа —
будет на славу у них вечеринка.

У торгашей горячая пора.
Над головами клубы пара.
Супружеская пара,
с нею детишки
ринулись сходу
в гущу народа.
Старушка у лотка,
в ветхом пальтишке —
на латке латка —
шамкает беззубым ртом:

“С Рождеством тебя, дочка,
с Рождеством!
Почём селёdochка?..
То ничего, что с душком.
Я её — с лучком
да с хлебушком...
О-хо-хо, жись постылая.
Заждалася меня могила...
С Рождеством тебя, милая,
с Рождеством”.

Старушка
дрожащими
руками
завернула
селёдку
ту

в пожелтевшую
газету
“Красное
знамя”.

Скачут звуки из гармошки как попало.
Не уймётся никак зазывала.

Прямо посмотришь —
неужто?!
На курьих ножках
стоит избушка.
В избушке окошко,
в нём баба-яга окаянная
торгует пирожками румяными.
Горячие беляши —
хороши!
Прямо из кипящего масла.
Внутри лучок да сочное мясо.
В самый раз для среднего класса.
На заказ — расстегай.
Не зевай,
подходи, выбирай.
Закуска отменная,
первостепенная!
Гуляй!
Веселись,
пока
яр-мар-ка!

Подошёл мужчина одетый прилично.
(По сумкам видно — скупился удачно.)
Выпил “Столичной”,
крякнул смачно,
беляшиком закусил
и ещё попросил.
Эх! Я б тоже купил всё, что полагается,
да цены кусаются.
В кармане осталось от зарплаты немножко,
пойду к избушке на курьих ножках.

ИЗ ТАКИХ ПОДВИГОВ СКЛАДЫВАЕТСЯ ПОБЕДА

Уважаемые читатели!

В ваших руках – уникальный выпуск журнала “Наш современник”, в котором опубликованы творческие работы детей – потомков славных героев Великой Отечественной войны.

Ярость и боль жестоких боёв, горечь утраты, долгие месяцы оккупации – эти и многие другие темы стали предметом глубокого осмысления для тысяч мальчишек и девчонок Белгородчины, которые приняли участие в конкурсе сочинений “История моей семьи в истории Великой Победы”. Этот конкурс прошёл во всех школах Белогорья по предложению Российского детского фонда, и в нём приняло участие 70 тысяч ребят с 5-го по 11-й класс. Они проделали огромную исследовательскую работу, досконально изучив историю своих родов, найдя немало свидетельств о ратном и трудовом вкладе предков в дело борьбы с фашизмом. Каждое сочинение пронизано гордостью, истинным патриотизмом и любовью к Родине. Не сомневаюсь, что эти чувства и знания ребята пронесут через всю жизнь, передав своим детям и внукам. Память останется в веках. В этом – великий смысл и неоценимое значение конкурса.

Небывалая цена была уплачена за право будущих поколений жить и созидать, любить и быть счастливыми. Война вошла в каждый дом, принесла беды и страдания: не было адреса, по которому не приходили бы треугольники с фронта, не было семьи, где бы не плакали над похоронкой. Миллионы погибших и раненых... Стёртые с лица земли города и посёлки... Советский народ сумел пройти сквозь трудности самой кровопролитной из мировых войн, выдержал, выстоял и победил.

Уверен, что на таких высоких примерах вырастет достойное поколение, которое будет свято чтить историю и бережно хранить каждую крупницу правды для потомков.

Искренне убеждён, что эти детские сочинения не оставят читателей равнодушными. Оберегать историческую память сегодня крайне важно, это часть нашей духовной культуры, основа для объединения общества. Нам есть на кого равняться.

**Губернатор Белгородской области
Евгений Савченко**

РАДИСТКА

**СОФЬЯ ФИЛАТОВА,
ученица 6 класса Ровеньской школы № 2**

Я никогда не видела войны, но в нашей семье о ней всегда говорят, когда в День Победы накрывают праздничный стол и вспоминают родственников, воевавших в те далёкие и грозные годы.

Я хочу рассказать о своей прабабушке, Зубковой Любви Тимофеевне, потому что её я помню, она нянчила меня.

Женщина и война несовместимы. Но как быть, если в твой дом пришла беда? Если враг безжалостно разрушает всё, что дорого тебе? И восемнадцатилетняя Люба Лапина добровольно записалась в ряды Красной армии. Сибиряки – народ крепкий. Люба не была исключением. Выносливая, с детства любила охоту, метко стреляла, хорошо владела холодным оружием, на курсах радистов отличалась особым усердием. По окончании курсов была зачислена в разведку одного из артиллерийских корпусов 3-го Украинского фронта. Корпус прикрывал танки и пехоту, не допускал немецкие самолёты к военным объектам. Разведчице-радистке приходилось часами сидеть в засаде, мёрзнуть в болотах, недосыпать, голодать, но надо было терпеть, чтобы уничтожить врага.

Дважды она встречала на фронте родного брата, Петра Тимофеевича Лапина. Первый раз – в 1942 году, когда проходила курс молодого бойца. Она только что сменилась с караула, был сильный дождь, грязь. Подъехала машина с офицерами, все в накидках, прошли мимо неё в дом. И вдруг её вызывает командир. Быстро вошла, отрапортовала:

– Красноармеец Лапина по вашему приказанию прибыла!

– Узнаёшь меня, Люба? – поднялся ей навстречу высокий военный, вся грудь в орденах.

Растерялась она, а это, оказывается, брат Пётр, которого лет пять не видела (он воевал ещё в финскую, а потом началась Великая Отечественная война). Сейчас он ехал на Урал за танками.

Второй раз посчастливилось увидеться в 1943 году на Украине. Командир части вызвал разведчицу в штаб. Снова брата едва узнала, он к тому времени уже орден Ленина получил. Не думала, что видит его в последний раз. Погиб Пётр Тимофеевич Лапин 9 мая 1945 года под Кёнигсбергом.

Она никогда не забывала бой за Днепр. Не потому, что бой тяжёлый (лёгких боёв не бывает!), просто после него пережила своё второе рождение. А было так.

Накануне боя её вместе с двумя другими разведчиками перебросили на правый берег, где были немцы, чтобы разведчики выбрали удобную огневую позицию и координировали огонь нашей артиллерии. К рассвету русские орудия были на правом берегу, а разведчики вновь приблизились к врагу. Немцы предпринимали яростные атаки, чтобы вернуть плацдарм. Весь день звучал в эфире голос: “Волга! Я – Днепр! Передаю координаты...” Внезапно голос радистки-разведчицы прервался. Рядом с ней разорвался снаряд. Огнём и дымом вздыбилась земля...

После атаки нашли Любу Лапину, полусасыпанную землёй, без сознания, но живую. В бреду она повторяла одну и ту же фразу: “Волга! Я – Днепр! Волга! Я – Днепр!” Сделали перевязку, отправили в госпиталь, где хирург извлёк крупный осколок снаряда из виска. Состояние девушки было тяжёлое, так как она потеряла много крови. Врачи посчитали положение безнадежным, а вскоре пропал и пульс... Отнесли в морг, а в далёкую сибирскую деревушку Старый Майзас пошла похоронка.

И всё же не суждено было умереть храброй радистке. Случай спас отважную разведчицу. Фронтальная подруга Наташа Серкова, узнав, что тело Любы находится в морге, зашла попрощаться. Хоть не раз видела Наташа на фронте мёртвых, но, переступив порог небольшого домика, от страха оставила дверь открытой. Постояла у тела Лапиной. На бледное лицо разведчицы с улицы упал солнечный свет. И вдруг... едва заметно дрогнули ресницы незабинтованного глаза, а затем открылся и глаз.

Первое время Люба не слышала ничего, полностью отказали ноги, безжизненно висела правая рука. Больше трёх месяцев провела девушка в госпитале. Руки хирурга и молодой организм совершили чудо: она снова вернулась в свою часть.

Был случай, когда пригодилось умение метко стрелять. В их расположении объявился немецкий снайпер. Бьёт метко, а его местонахождение определить не могут. Вызвал её командир: “Лапина, займись этим гадом, покоя от него нет”. Вдвоём с напарником ночью спрятались в засаде. Утром напарник отвлек фашиста, а она выстрелом сняла его с дерева, ведь стреляла метко, белке в глаз попадала с приличного расстояния.

Здесь, в своей части, в 1944 году встретила Любовь Тимофеевна вторую половину, Зубкова Григория Захаровича, фронтовика, который стал её мужем (для него война началась ещё с финской, а на Ленинградский фронт был призван 26 июля 1941 года). Вместе прошли фронтовыми дорогами через Молдавию, Румынию, Венгрию. День Победы встретили в Будапеште. Отсюда она приехала на родину мужа, в хутор Зубков Ровеньского района.

Любовь Тимофеевна добросовестно трудилась в колхозной полеводческой бригаде, хотя была инвалидом Великой Отечественной войны II группы. Всем шестерым детям (кроме боевых наград есть у неё и медали материнства) они с мужем дали образование, все дети семьями живут и трудятся в Ровеньском районе.

ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ В ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

**ЕЛИЗАВЕТА КОНЕЕВА,
ученица 9 “Б” класса школы № 1 г. Валуйки**

Она не умеет “заходить” в интернет и читать в телефоне СМС, недоумевает по поводу нововведений в образовании (“нас учили проще, но все были грамотными”). Не ляжет спать, не разгадав парочку сканвордов, иногда забывает о том, что было вчера, но прекрасно помнит события семидесятилетней давности. Она – гордость всей нашей семьи, моя любимая, добрая, неповторимая прабабушка (я зову её просто бабушкой Тасей, бабулей) – Тимофеева Татьяна Андреевна. Это про таких, как она, написано: “скромницы из скромниц и тихонь, девушки, надевшие шинели, школьницы, шагнувшие в огонь”.

Она живёт рядом со мной, и я не замечаю её старости. Как молодо блестят её глаза, когда она любит меня мною, гордится моими успехами! Она узнает во мне себя и радуется каждому прожитому дню. Она вспоминает тревожное, мужественное время так трогательно, что кажется, будто время останавливается, и ты мысленноходишь в военное прошлое и слышишь гром орудий, крики идущих в атаку героев, и чувствуешь запах пожарищ... И видишь юную Тасю, тянущую телефонный провод... Да, они все перед нами – герои, все без исключения, чьи судьбы совпали с войной против фашизма.

Из учебников и кинофильмов мы узнаём о событиях Великой Отечественной войны. А мне выпало счастье слышать о них из первых уст, от прабабушки, которая сама побывала в сердце войны. Когда бабуля начинает вспоминать, я тихонько включаю видеокамеру и стараюсь как можно больше записать и запомнить. А она говорит, говорит... вспоминает подробности, как будто не было этих десятилетий, отделяющих её от юности.

– Как сейчас помню, – вспоминает моя прабабушка, – пошли мы с другой в кино на дневной сеанс. Вышли после его окончания, а на улицах люди собираются, плачут. Так мы узнали, что началась война.

На фронт стали уходить все, кто мог держать оружие в руках. Наравне с мужчинами воевать рвались и девушки. Тасе (так её называли и родные, и однополчане) тогда шёл семнадцатый год. В одной из школ разместился госпиталь, туда из-под Харькова привозили раненых солдат. Она помогала военным врачам, записывала все данные о поступавших раненых. Училась делать перевязки. Фронт приближался. Немец подходил к Валуйкам. Тасю определили в воинскую часть, в роту связи. А мама о том, что Тася уходит из дома на фронт, узнала в самый последний момент, долго плакала. Но понимала, что иначе нельзя. Тася дежурила на коммутаторе, на аэродроме в районе Вейделевки. В сентябре 1942 года телефонистов перекинули под Сталинград, где шли кровопролитные бои. До сих пор прабабушке помнится вой “катюш”, которые нещадно перемальвали немецкие войска. До февраля 1943 года она считалась вольнонаёмной. Но когда ей исполнилось восемнадцать, она, как и многие её сверстники, приняла присягу и надела военную форму. Окончила курсы радистов. Служила в 17-й воздушной армии,

в 388-м батальоне. “Сначала было очень тяжело, мы даже плакали, но потом привыкли. . . Человек, наверное, ко всему привыкает. . .”

Служба телефонистов. . . Представьте себе: рвутся мины и снаряды, свистят пули. А девушки с катушкой провода, автоматом и телефонным аппаратом идут вдоль линии связи, идут, чтобы найти и устранить обрыв, чтобы радиотелефонисты своевременно могли принять и передать необходимую информацию. Радиотелеграфистка Тася принимала и передавала морзянку со скоростью 140 знаков в минуту, что считалось отличным показателем.

Мне трудно себе представить, как это было. . .

Харьков–Запорожье–Николаев–Одесса–Львов, Польша–Чехословакия–Венгрия–Австрия. Это боевой путь фронтовички, телефонистки, участницы Курской битвы. В числе семисот тысяч таких же юных защитниц Отечества она, не жалея собственной жизни, изгоняла ненавистного врага с родной земли. Девчонкой уйдя на фронт, моя мужественная прабабушка прошла тысячи километров по дорогам войны, участвовала во многих сражениях. Глядя на её военные фотографии, никак не скажешь, что эта невысокая хрупкая девушка под ураганным вражеским огнём могла нести на себе и автомат, и вещмешок, и двадцатикилограммовую рацию за спиной. Свежи в памяти бывшей радистки и события Курской битвы.

– Как можно забыть кровопролитные сражения на Курской дуге! Самолёты шли на Курск со всех сторон – по 120, 170 крылатых машин за раз. Со 2 по 3 июля мы их насчитали 550. А ночью шли такие бои, что от осветительных ракет было ярко, как днём. Наши ребята улетали на боевые задания, мы знали, что многие не вернуться уже никогда, – вспоминает прабабушка Тася.

А ещё в жизни девушки была такая запоминающаяся встреча. Ей довелось лично разговаривать с трижды Героем Советского Союза, командиром дивизии лётчиком А. И. Покрышкиным. Вся дивизия гордилась, что они воюют рядом с легендарным человеком. Его уважали и любили лётчики и как человека, и как комдива. С её радиостанции он командовал воздушным боем на подступах к Берлину. Самолёт врага был тогда сбит. Татьяна видела, как падал вражеский истребитель, как развернулся парашют немецкого лётчика и его взяли в плен. И ещё запомнился навсегда такой эпизод:

Сандомирское сражение, Германия. . . Для посадки и взлёта самолётов не было условий – распутица. Тогда А. И. Покрышкин принял такое решение: перекрыл главную автостраду и принимал самолёты прямо на дороге, а машины отправляли в объезд. . .

Самое страшное было ждать возвращения лётчиков из боя. Не все ребята возвращались на родной аэродром. Неслучайно любимый фильм прабабушки Таси – “В бой идут одни старики”. Уж больно похожи герои и события фильма на её жизнь в лётном полку и на военные судьбы дорогих сердцу однопольчан.

Война войной, но были и минуты затишья, когда можно было и весточку родным написать, и отдохнуть. А ещё часто вспоминаются песни, которые они, девушки, пели на фронте. Ведь именно тогда родились и стали любимыми “В землянке”, “Синий платочек”, “Катюша” и многие другие. Я спросила её, была ли на войне любовь? Ведь там общим делом были объединены совсем молодые люди. И ошибается тот, кто утверждает, что у любви на фронте продолжения нет. Ведь именно в военное лихолетье Тася встретила своего будущего мужа, Александра Тимофеева, который служил с ней в одном батальоне, в автороте.

Эта встреча явилась радостным и светлым событием в годы войны. На одном из киносеансов (а на передовую для бойцов привозили и кино) на девушку, не отрывавшую взгляда от экрана, обратил внимание молодой солдат. Этот сеанс и положил начало знакомству. Увидел её Александр и сразу сказал: “Эта девушка будет моей”. Так и вышло. Но чтобы объединить свои судьбы, им пришлось ждать ещё долгие годы. Только в октябре 1946-го Александр приехал к своей любимой. А пока вели переписку и считали дни до встречи.

Бабушка считает себя везучей, её Бог хранил: за всю войну не получила ни одного ранения. А ещё был случай. Армия отступала. Тася ехала в полупансионной машине, рядом с водителем. Перед переправой через Дон на понтонном мосту из штабного автобуса друзья крикнули: “Таиска, едем с нами!” Бросив вещи в полупансион, она поспешила в автобус, который пропустили вне

очереди. По прибытии в Воронежскую область Тася ждала свою машину с вещами. Неделю ждёт, другую... А вскоре узнала: разбили её при бомбёжке. Вот так рядышком проскользнула смерть.

Наступила весна сорок пятого года. С рассветом 16 апреля началась Берлинская наступательная операция. Враг ожесточённо сопротивлялся, но массовый героизм советских воинов сделал своё дело, и второго мая столица фашистской Германии пала. Ночью восьмого мая часть, в которой служила Тася, получила долгожданное радостное известие: Германия окончательно капитулировала!

После войны Татьяна демобилизовалась. Работала в педучилище, в военкомате. А на заслуженный отдых ушла, отдав долгие годы работе в ЛТП, ныне ЮС 321/7. Уже давно выросли дети, обзавелись семьями. Растут внуки и правнуки. Появились новые заботы. К сожалению, земных радостей не может с нею разделить муж, который рано ушёл из жизни. Я пересматриваю фотографии военных лет, где со снимков смотрят совсем юные девчонки. Бабушка Тася помнит всех, называет поименно. Воевала в одном строю с девушками из Вейделевки, Оренбурга. Со многими встречалась спустя годы после окончания войны, ездила в гости. Кого-то даже пыталась разыскивать, обращалась по их бывшему месту жительства в военкоматы. Но, увы, розыски не дали никаких результатов.

На мой вопрос, хотела ли она что-либо изменить в своей жизни, бабушка ответила одной фразой: “Никто не хотел войны”.

На парадной форме красуются награды. И наградами своими бабушка не любит хвастать. А среди них – самые высокие: “За оборону Сталинграда”, “За Победу над Германией”, “За взятие Берлина”, “Курская битва” – самые важные, ключевые сражения! Когда бабушка Тася приходит к нам в школу на встречи, школьники смотрят на неё с уважением и даже удивлением. Ещё бы, столько наград! А я горжусь: это же мой родной человек!

Каждому из нас понятно, что Великая Отечественная война – это трагедия всего нашего народа. У моей прабабушки, Тимофеевой Татьяны Андреевны, да и у всех юношей и девушек той поры она отняла ту прекрасную часть жизни, которая называется юностью. Слишком рано им пришлось повзрослеть, слишком много выпало на их долю испытаний, которые навсегда останутся в памяти. Эхо Великой Отечественной войны звучит в сердцах многих людей и поныне. Поэтому каждый год 9 мая мы видим на глазах у прабабушки слёзы. И мы, близкие ей люди, стараемся, чтобы она чувствовала нашу любовь и внимание не только в праздничный день Победы, а ежедневно и ежедневно.

Каждый день её военной биографии – это её личный вклад в ту долгожданную весну 1945 года, в Великую Победу.

Память о войне не сотрётся никогда, потому что это память не только отдельных людей и одного поколения. Это память народа, навечно вошедшая в его историю, в его настоящее и будущее. Это память, которую я постараюсь сохранить и передать своим детям и внукам.

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ДЕДУШКЕ

**ТАТЬЯНА ВДОВЕНКО,
ученица 10 класса, Береговская школа**

Я снова бегу к дому, где живут мой дедушка Вдовенко Александр Николаевич и моя бабушка Лариса Макаровна. Я мысленно представляю нашу встречу. По традиции в День Победы к деду приедут родные и близкие люди. Опять будем сидеть за праздничным столом и слушать рассказы о военной жизни.

Вхожу в дом. Дедушка собирается на митинг, к памятнику “Погибшим воинам” в село Береговое. Бабушка достаёт отглаженную рубашку, чёрный пиджак с орденами и медалями. Мне кажется, к этому празднику они готовились целый год. Бабушка волнуется. Она дала деду чистый платочек и измерила давление. Он измерил ей. Теперь давление они измеряют очень

часто. Измеряют – и пьют таблетки. Берегут друг друга. Говорят, что по одному жить не смогут. Какие они всё-таки старенькие! Очень маленькие и хуленькие. С клюшками. Бабушка говорит:

– Может, тебя проводить к памятнику?

А дед:

– Дойду потихоньку. Поди, ещё не умру. Обидно умереть в такой день.

Медленно пошёл ветеран на свой главный праздник – День Победы. А мы смотрим ему вслед и переживаем. И мне кажется, что ему приятно наше внимание.

Назад дед Саша идёт с букетом цветов и подарком. Весёлый: всем фронтовикам налили по рюмочке, вкусно покормили. Позже за праздничным столом дед начинает свой рассказ:

– Мало нас осталось в деревне фронтовиков. Ещё троих не стало. Я самый старый. Мы возложили венок к памятнику. Хорошо, что в школе нас не забывают. Ребятишки приготовили концерт.

Я попросила:

– Дедушка, расскажи про войну.

– Да что про неё рассказывать... Страшней войны нет ничего, она – самая жестокая. Никого не щадит.

Он долго молчал. Видимо, нелегко было ему вспоминать те ужасные годы. По щеке катилась слеза. В глазах я увидела не только горечь невысохших слёз, но и память, и гордость, и силу, и радость победы.

– Ну, дедушка, пожалуйста...

Дед откашлялся и заговорил:

– Зима была очень холодная в тот год. Люди погибали от холода и голода. Солдаты, чем могли, помогали местным жителям. Фашистам тоже было тяжело. Мы стояли у дороги и видели, как они шли мимо нас, жалкие, обмотанные тряпками.

– А страшно было рисковать собой?

– Конечно, страшно... Не боятся только глупые люди.

– Дедушка, а где тебя ранили?

– На Курской дуге.

Больше он не хочет об этом говорить. А бабушка добавляет:

– Пуля прошла насквозь, дедушка потерял много крови. Всех раненых поместили в пустую школу, но он вышел кое-как на дорогу и на попутной машине, которая везла снаряды, догнал свою часть. Медсестра перевязала ему рану. Часть двинулась вперёд – и дед за ней.

Прошло два года. Дедушка и бабушка немного сдали, но, в общем, держатся неплохо. Правда, дедушка всё больше лежит и молчит.

Я подседа к деду поближе:

– Дедушка, а ты где встречал День Победы?

Он задумался и стал рассказывать:

– День Победы я встретил под Прагой. Я помню, как подошёл к нам командир и сказал, что Берлин взят и над рейхстагом русские солдаты подняли знамя Победы. Но домой я попал не сразу. Я демобилизовался в звании сержанта, спустя два года после Победы.

Интересно рассказывал дедушка Саша. Я смотрела на него, и морщинки на его лице казались мне такими добрыми и мудрыми.

Дома я вижу на полке красную книгу “Память Курской дуги”. Эту книгу подготовили специально для участников битвы на Курской дуге. А вот и дорогая для всех нас шкатулка. Открываю её. Аккуратно свёрнутый, пожелтевший от времени листок. “В суровые годы войны Вы честно выполнили свой патриотический долг – достойно несли службу, заслужили своими ратными подвигами всеобщую любовь нашего народа” – это слова из благодарственной грамоты, которую вручил дедушке от имени Сталина маршал Конев. Дедушка был награждён знаком “Отличный разведчик”, двумя медалями “За отвагу”, медалями “За взятие Будапешта”, “За взятие Вены”. Я с гордостью перечитываю вырезки о нём из газеты “Истоки”. Но мне кажется, что для деда важна была не награда, а то, чтобы через много лет внуки и правнуки вспомнили о его подвиге, ведь именно из таких подвигов складывалась Великая Победа.

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

ГДЕ РУССКАЯ КРОВЬ ПРОЛИВАЛАСЬ...

* * *

По русскому полю, по русскому полю
Бродила гадалка, вещая недолю.
Где русская вьюга, там русская вьюга,
Там боль и беда подпирают друг друга.
Там, слыша стенанья, тускнеют зарницы,
Пред ворогом там не умеют клониться.
Там ворон кружит, а дряхлеющий сокол
О небе вздыхает, о небе высококом...

О, русское поле! Гадала гадалка,
Что выйдет мужик и, ни шатко-ни валко,
Отложит косу и поднимет булаву
За русское поле, за русскую славу.
И охнет... Но вздрогнут от этого вздоха
Лишь чахлые заросли чертополоха...
Лишь сокол дряхлеющий дёрнет крылами
Да ветер шепнет: "Не Москва ли за нами?.."

АВРУТИН Анатолий Юрьевич родился в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии, двухтомника избранных произведений "Времена". Главный редактор журнала "Новая Немига литературная". Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат нескольких международных литературных премий. Название "Поэт Анатолий Аврутин" в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака. Живёт в Минске.

О, смутное время! Прогнали гадалку...
И в Храме нет места её полушалку.
Кружит воронье, а напыщенный кочет
О чём-то в лесу одиноко хохочет.
Аль силы не стало? Аль где эта сила,
Что некогда ворога лихо косила,
Что ввысь возносила небесные Храмы?..
Куда ни взгляни — только шрамы да ямы.

Лишь пес одичавший взирает матёро,
И нету для русского духа простора.
В траву одиноко роняют берёзы
Сквозь русское зарево русские слёзы...

* * *

Взьерошенный ветер к осине приник...
Одна вековая усталость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

На бой не зывают ни горн, ни труба,
Вдали не рыдает гармошка...
Лишь тополь печаль вытирает со лба
Да птицы воркуют сторожко.

Вражина коварен и так многолик!..
Но воинство насмерть сражалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

О, смерд, погибающий в час роковой —
Ему ни креста, ни могилы.
Зарублен, он вновь становился землёй,
И голубь взлетал сизокрылый,

Когда он предсмертный выдавливал рык
И падал... Всё с пеплом мешалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

Заброшено поле... Не скачет гонец.
Давно покосились ворота.
Неужто всё в прошлом?.. Неужто конец?..
Неужто не вышло полёта —

Туда, где лебяжий предутренний крик,
Где спеет рассветная алость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась?..

* * *

...Наш примус всё чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: “Хороший человек!”
Забившись в уголок дивана,

И, слезу осушив о весёлые искры рассвета,
Вдруг поймёшь, что являлись к тебе лишь в испуганном сне
Этот гул грозовой, эта песня, что так и не спета,
Этот ратник, упавший башкою к последней весне.

Потерев кулаком от испуга набрякшие веки,
Удивлённо прошепчешь: “Приснится же, ёшкина вошь...”
И всё будешь гадать: “Это ж сколько всего в человеке...”
А откуда ожог на ладони — никак не поймёшь...

* * *

Эта робкая сирость нищающих тихих берёз...
Снова осень пришла... Всё опять удивительно просто —
Если ветер с погоста печальные звуки донёс,
Значит, кто-то ушёл в ноздреватое чрево погоста.

И собака дичится... И женщину лучше не трожь —
Та похвалит соседку, потом обругает её же...
И пошла по деревьям какая-то странная дрожь,
И такая же дрожь не даёт успокоиться коже.

Только женские плачи всё чаще слышны ввечеру...
Увлажнилось окно... И я знаю, не будет иначе...
Если в стылую осень я вдруг упаду и умру,
Мне достанутся тоже скорбящие женские плачи.

Постоишь у колодца... Почувствуешь — вот глубина!
А потом напрямки зашагаешь походкой тяжёлой.
Но успеешь услышать, как булькнет у самого дна
Та ночная звезда, что недавно светила над школой.

Вслед холодная искра в зенит вознесётся, слепа
Обитателей тёплых и похотью пахнувших спален...
И звезду пожалеешь... И не пожалеешь себя...
Да о чём сожалеть, если сам ты и хмур, и печален?

МИХАИЛ ПОЗДНЯКОВ

СЛЫШИТСЯ ЗВОН КОСЫ...

* * *

До свиданья, моё Забродье!
Как здесь бегалось босоножь!..
Как сверкала на звонкой ноте
Молодая, густая рожь!

Ты прости мне, моё Забродье,
Пустоту одиноких хат.
Здесь и чучелу в огороде
Был я в юности очень рад.

Я тоскую, моё Забродье,
По разливу лесной красы,
По твоей вековой природе,
Где всё слышится звон косы.

ПОЗДНЯКОВ Михаил Павлович родился в 1951 году в д. Забродье Быховского района Могилёвской области. Окончил Белорусский государственный университет. Работал учителем в школе, научным сотрудником Института языкознания Академии наук Беларуси, директором литературного музея Максима Богдановича, главным редактором издательства «Юнацтва», главным редактором журналов «Вожык», «Нёман». Теперь — председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Поэт, прозаик, переводчик, критик, языковед, публицист. Почётный член Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Союзного государства. Автор более 50 книг. Лауреат десяти литературных премий, в том числе — Международной «Я себя не мыслю без России» (2015 г., г. Санкт-Петербург). Имеет государственные награды. Живёт в Минске.

Я счастливый, моё Забродье,
Оттого, что я там дышал,
Оттого, что я плоть от плоти
Тех, кто нынче землёю стал.

Так спасибо, моё Забродье!
Не уходят из чутких снов
Переливы родных мелодий,
Что основа иных основ.

Я приеду, моё Забродье,
Жизнь кипучая — суетня.
Сёла гибнут... И мы уходим...
Но хотя бы дождись меня...

ГЛУХИ

Июль и в Глухах не глухой —
Безоблачный, пахучий.
И пчёл извечный непокой,
И вереск — самый лучший.

В колодце, где не видно дна,
Меж недозревших вишен,
Лицо твоё голубизна
На донышке колышет.

Стоишь под звонким “журавлём”,
Чуть бронзовеют косы.
И взор такой, что тонет в нём
Сосед светловолосый.

Неспешно ведра подняла,
Листва зашелестела.
Чуть улыгнулась: мол, дела,
И не пошла — взлетела.

Не уходи... Постой, постой
На улочке немного.
Паришь над сочною травой,
Ступая легконого.

Тебе пеняют небеса,
Что к парню бессердечна.
Ты в дом уйдёшь на полчаса,
А кажется — навечно.

О, ожидания часы,
В которых столько смысла...
И только ведра, как весы,
Качает коромысло.

* * *

Выбегу из хаты,
Зашагаю в бор,
Где туман косматый
Дымку распростёр.

Разверну в ложине
Росную кудель,
Чтоб струился синих
Незабудок хмель.

Под пичужек пенье,
Терпких трав настой
Встречу новый день я —
Звонкий, золотой.

Солнце в очи брызнет —
Поверну назад.
Добрый день, Отчизна!
Как тебе я рад!

Весь в росе по груди,
Просветлев от рос,
Громко крикну: “Люди,
Солнце вам принёс!..”

*Перевел с белорусского
Анатолий Аврутин*

ПОСЛЕ

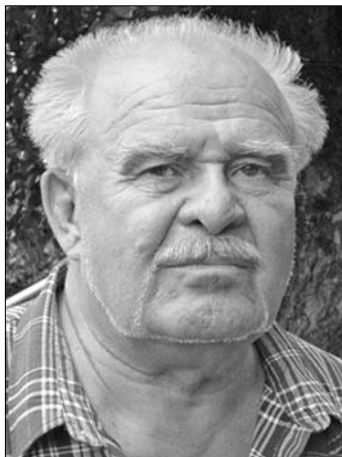
Какое чудо —
Ранним утром росным
Птиц перекличку
Слушать не дыша.
Но только
Понимаешь это
После,
Когда от сна
Пробудится
Душа.

Какое наслажденье:
Жаркий полдень —
И дождь внезапный,
Словно из ковша.
Но только
Понимаешь это
После,
Когда огнём
Наполнится
Душа.

*Перевод с белорусского
Елизаветы ПОЛЕЕС*

ЮРИЙ СТАНКЕВИЧ

ЯЙЦО КУКУШКИ

РАССКАЗЫ

“Нет, правда, у меня какой-то ненатурально жёлтый цвет лица”, — думала стареющая женщина по имени Марта Богуш, которая сидела в кресле в гостиной своей небольшой двушки и вяло следила за тем, как уходит за горизонт очередной день. За окном быстро смеркалось. В свете фонаря на уличном столбе она видела, как моросит осенний дождик. Из комнатухи её приёмного сына Дениса долетали голоса актёров, нет-нет да и прерываемые нарочито громкой и псевдозначимой музыкальной заставкой: он смотрел сериал. Как раз в это время в дверь уверенно и настойчиво постучали. Марта Богуш встала и открыла. Сразу едва уловимое чувство опасности охватило её.

— Здравствуй...

В прихожую деловито ворвалась Ульяна — подруга Дениса: чёрненькая, с немытыми жирными волосами, странноватой, со скошенным затылком, головкой — такие бывают у детей, которые в первые месяцы жизни лежат, спелёнутые, исключительно на спине. Её остренькое вульгарно-смазливое личико не выражало, как всегда, ничего.

Она без приглашения сняла мокрую заношенную куртку, бросила её прямо в угол (петля, чтобы повесить на крючок, на ней по-прежнему отсутствовала) и, не обращая внимания на неё, хозяйку дома, проскользнула в комнатуху. Марта Богуш знала, что Ульяна на год старше её Дениса. Переходный возраст, — привычно успокоила она себя, наблюдая, как дверь с треском за-

---

СТАНКЕВИЧ Юрий родился в г. Борисове. Окончил факультет журналистики БГУ. Работал в борисовской газете “Коммунистическая работа”, журналах “Малодосць” и “Крыніца” Член Союза белорусских писателей. Автор книг “Любить ночь – право крыс”, “Оплодотворение остолопа”, “Миллиард ударов”, “Пиявка” и других. Живёт в Борисове.

крылась и щёлкнул замок. Из комнатухи послышался Ульянин голос, а потом стало тихо.

Тихо, как она знала, будет достаточно долго. Что они там делают — неизвестно: женщина гнала прочь рискованные предположения. Потом они включают видеомagnитофон и будут смотреть одну за другой очередные серии популярной киноленты, которая самой Марте Богуш не то чтобы не очень, а вовсе не нравилась. Недавно Денис приобрел эту ленту в магазине на выпрошенные у неё и частично украденные, как она подозревала, деньги. “Возраст, — думала она, — такой возраст”. Сериал они смотрят четвёртый раз подряд. Завтра в школу он, ясное дело, вряд ли пойдёт. Точнее, сделает вид, что пойдёт, а когда она позвонит учительнице, та скажет обычное: “Нет, сегодня не являлся, так что принимайте меры...”

Когда ещё был жив муж, меры принимали разные, но сладить с приемышем они так и не смогли. “Хотя, скорее всего, — опять успокаивала себя женщина, — во всём виноват всё тот же переходный возраст. Переходный от чего и к чему? Вероятно, к готовности размножаться — отсюда неслыханный всплеск гормонов, неадекватные выходки, граничащие с психическими реакциями, и малообъяснимые явления, чуть ли не полтергейст в квартире. И такое не однажды, как она где-то читала, происходило”.

Случалось и так, что в школу ходили втроём. Она с мужем, словно конвоиры сзади, а впереди их пятнадцатилетний Денис. В вестибюле он раздевался, но куртку в гардероб не сдавал — они её забирали до вечера, чтобы он не сбежал с уроков, а после занятий, одетого под их присмотром, сразу уводили домой. В классе, по словам учительницы, Денис был почти незаметен, вёл себя тихо и даже досиживал до окончания уроков, но как только его куртка по каким-нибудь причинам оказывалась в гардеробе, то на первой же перемене он исчезал. Где он в это время был, чем занимался, никто не знал. На вопросы он отвечал всегда что-то невразумительное, а то и вовсе отмалчивался, был тихим, замкнутым, почти не спорил. Но незаметно начал красть из их кошельков, и деньги те исчезали неизвестно куда. Только однажды, совсем недавно, удалось отследить судьбу последней пропажи. На уворованное он нанял такси и ездил в пригород к этой самой Ульяне. Но кто такая эта девица, а тем более, кто её родители, она так до сих пор и не выяснила.

Несмотря на все созданные их воспитаннику самые благоприятные условия, родителей он определённо разве что терпел, во всяком случае, у женщины в последнее время сложилось именно такое впечатление. Чувств своих приемыш не афишировал, но время от времени Марта Богуш ловила его беспокойный взгляд — быстрый, пронзительный, недобрый.

Само собой, они с мужем никогда не позволяли себе по отношению к подростку никакого физического воздействия. Нечто подобное случилось только раз и сразу повлекло за собой неожиданные последствия. Однажды её спокойный муж, у которого накануне из кармана исчезла крупная денежная купюра, схватил приемыша за ворот и хорошенько встряхнул его, но она, не теряя времени, вступилась за своего любимца. Тем не менее, Денис сразу скрылся за дверью своей комнатки, а через несколько минут предстал перед ними с верёвкой в руке.

— Видите петлю? — каким-то неестественно тихим голосом спросил он.

Её тогда сразу охватило дурное предчувствие, и сердце сжалось от внезапно нахлынувшего страха, но муж этого не уловил.

— И что?

— А то, что если вы меня хоть раз тронете или начнёте ещё как щемить, то я удавлюсь вот на этой верёвке.

— Да ты что? — растерялся тогда её муж. Он был довольно мягким по натуре человеком. — Разве мы для тебя чего жалеем? Разве не родные?

Лучше бы он не говорил банальностей и не задавал неуместных вопросов, потому что сразу глаза приемыша, пожалуй, впервые, впелись в них с откровенной злостью.

— Вы мне и не родные, и не родители. Я всё знаю.

* * *

Их приёмный сын Денис появился на свет в заброшенном посёлке километрах в тридцати от столицы, в оставленной, полуразвалившейся халупе. Наверно, зимой бывшие хозяева жить там уже не могли, а потом вообще решили не возвращаться. Но вот летом в хате вдруг появилась молодая женщина — по слухам, пришла откуда-то, на сносях, что не мешало ей частенько быть в подпитии, с неизменной сигаретой во рту — скорее всего, как считала Марта Богуш, какая-нибудь “залётная” нимфоманка. И родила она, как животное, одна, не только без помощи врача или акушерки, но даже соседей.

Младенцу не было ещё и недели, когда мать положила его, завёрнутого в пелёнки, на кровать, растопила печь и, закрыв выюшку, исчезла навсегда.

Соседи случайно заметили, как дым просачивается через дверь и полуразбитые окна, бросились в хату и спасли дитя. А через год они с мужем собрали соответствующие документы и усыновили мальчика, забрав его из интерната.

* * *

Женщина по имени Марта Богуш по-прежнему сидела в кресле, но беспокойство не покидало её. Так всегда происходило в последнее время, когда к ним являлась эта Ульяна, или приёмный часами сидел в своей комнате перед видеомagneтофоном или просто так, сложив на коленях руки с ненормально длинными пальцами, — а о чём он думал, она никогда не знала.

Денис не интересовался ничем, ну, разве что в самом начале, когда ему приносили что-то новое. Так, в прошлом году дня два побренчал на гитаре, а потом навсегда забросил её под кровать. Чтобы научиться играть на таком относительно простом музыкальном инструменте, нужны были, как теперь прикидывала она, терпение, увлечённость и, в конце концов, хоть какой-то талант. Та же участь постигла компьютер, хоккейную амуницию, ружьё для подводного плавания, рыболовные снасти. Женщина с удивлением поняла, что всё это было для него обузой.

Она вспомнила, как однажды муж, тем не менее, пришёл домой довольный и сразу позвал Дениса. Тот неохотно вылез из своего угла.

— Знаешь, старче, я тебя в престижную спортивную секцию устроил.

— Это ещё что за секция?

— Кикбоксинга. Вот и снарядные перчатки тебе сразу купил. Встретил я тут давнего друга, одноклассника. Он теперь завучем в спортивной школе. Завтра пойдём и, так сказать, оформимся официально.

Денис на это никак не отреагировал, но пойти завтра в спортзал согласился. На тренировки он сходил три раза. В первый раз его нагрузили общефизическими упражнениями, во второй — тренер учил основам и, как водится, в третий раз поставил его в спарринг с более подготовленным ровесником, чтобы проверить, как он привык делать, не только физические, но и морально-психологические качества ученика.

В первом же раунде, получив чувствительный удар в лицо, новичок весь затрясся, побелел, бросился на противника и укусил того за шею так, что едва оторвали. Ясное дело, его сразу отчислили.

Второй странный случай произошёл в школе. Как женщине опять-таки рассказывала учительница, на перерыве кто-то из мальчишек, гораздо сильнее их приёмных, то ли специально, то ли случайно зацепил его. Потом так и не разобрались. В ответ Денис выхватил из кармана ручку и острый её конец вонзил товарищу в плечо. А целился ведь в голову, мрачней, рассказывала классная, а что, если бы попал, например, в глаз? Или в сонную артерию?

* * *

Марта Богуш, женщина пятидесяти пяти лет, с семью уже висками, сидела в кресле и прислушивалась. Тишина. Что они там делают за закрытой дверью — неизвестно. Однажды муж, когда ещё был жив, вспомнила вдруг

она, обнаружил, что дверь в комнату, куда как раз явилась гостья, осталась открытой, и зашёл туда по какой-то надобности. Что он там увидел, он ей так и не сказал, даже значительно позже, но в ту минуту она, сжавшись, услышала его крик: “Вон отсюда!” — и увидела, как он вытащил за руку девушку, которую звали Ульяной, и вытолкнул за дверь, на лестницу, выбросив вслед куртку.

Что он там увидел?

Женщина жалела его, обвиняя во всём себя: так и не смогла родить ему ребёнка, не выполнила свой, хоть и не установленный никем, долг перед семьёй, перед природой.

Как раз после того случая муж, который уже был в пенсионном возрасте, стал болеть. У него начались проблемы с желудком, появились симптомы внезапной слабости, а однажды женщина заметила, что он начал странно желтеть: кожа на руках, ногах, на лице приобретала цвет разбавленного яичного желтка.

* * *

Тишина. Женщина по имени Марта Богуш по-прежнему сидела в кресле и думала о том, что она всё-таки по-своему любит своего Дениса. Несмотря на все неожиданности и не совсем приятные отклонения, потому что всё это издержки всё того же переходного возраста, не иначе. Она помнила его совсем маленьким, никому не нужным и слабым, болезненным, а потом он незаметно вырос и в последние годы, вспомнила она, ни разу не болел даже гриппом.

Вот только девушка. Когда она появлялась в квартире, женщина почему-то испытывала странный ужас. Хотя, казалось бы, что может быть ужасного в девчужке подросткового возраста? Может, с её стороны это обычная ревность к Денису, думала Марта Богуш. Если же им нравится быть вместе, пусть дружат. Только, только...

Что тогда муж там, в комнатке, увидел?

Женщина вдруг поднялась с кресла. Вставала она теперь с трудом. Но ведь ей уже за пятьдесят. Тоже переходный возраст, разве что только наоборот. Она подумала о том, что уже давно пора идти на кухню и готовить ужин, но как раз в этот момент дверь комнаты приемного сына открылась, и он вышел оттуда, но не один, а вместе с Ульяной.

Выражение лиц у обоих было довольное и в то же время подозрительно настороженное, словно они там, в комнатке, пришли к какому-то неведомому ей выводу. Волосы на яйцеподобной, с узким лбом голове Дениса были, как всегда, расчёсаны на ровный пробор, тонкие губы в уголках рта едва заметно кривились, а тёмные беспокойные глаза смотрели куда-то в сторону.

Зато Ульяна сразу отыскала её глаза, победно выдержала паузу и тряхнула головой, отбрасывая сальную прядь, потом перевела взгляд на приёмша. Тот сказал: “Уля сегодня никуда не пойдёт”.

Женщина молча ждала продолжения.

— Она... ну, вообще, останется здесь и будет жить с нами...

(“Вот оно что, — подумала женщина. — Чего-то подобного и надо было ожидать, но ведь это, это...”)

Но Денис прервал ход её мыслей, добавив едва сдерживая удовольствие:

— Ты же не против, мама?

Женщина молчала. Вдруг, как это часто случается, словно пелена с её глаз спала, и сознание холодно, будто со стороны, начало оценивать то, что, пожалуй, давно происходило в квартире, в которой она, как до этой минуты тешила себя надеждой, была хозяйкой. Словно впервые она увидела, как приёмши ждал, вынюхивал, стараясь вывести её из себя, и тонко, безнаказанно заглушить её стремление к сопротивлению. Ужас уже пророснул в ней и постепенно рос, становясь всё сильнее.

— Нет, я, конечно, не против, — сказала Марта Богуш, а про себя подумала: “Лучше так, иначе будет хуже, они же войны хотят”.

Женщине почему-то вспомнились все события последних лет, так или иначе связанные с её приёмным сыном, которые, как она теперь понимала, характеризовали его совсем не так, как ей раньше казалось. Переходный возраст? Но можно ли им оправдать, например, постоянное воровство денег из кошелька? Или затаенную жестокость, которая легко может перерасти в ернический садизм? Кем были его настоящие родители? Живы ли они теперь? Почему они восприняли данную им жизнь как площадку для удовлетворения своих животных инстинктов? И почему именно она должна теперь расплачиваться за это?

Они, её Денис с Ульяной, пожалуй, не ожидали, что она согласится так быстро. Им, как она теперь догадывалась, хотелось покуражиться, оплести её паутиной заранее заготовленных, двусмысленных слов, в конце концов, исподволь запугать её, не иначе.

— А, хорошо, хорошо, — закивали они, — значит, не против? Значит, Ульяне можно курить в комнате? Ну, конечно, она будет открывать форточку. Не выходить же ей каждый раз на лестницу?

— Можно, — ответила она.

— И ходить в ванну?

— Можно.

— И одевать время от времени твоё пальто? У тебя же их два?

— Можно.

— И?..

— Можно.

Они одолевали легко, совсем легко, но теперь она знала, что если в доме завелась гниль, то именно она будет верховодить и побеждать — такова логика жизни. Избавиться от неё можно, только выжигая её огнём или покидая поле боя. Однако же она, несмотря ни на что, навсегда привязана к приёмному и идти ей некуда. Куда, в самом деле, она уйдёт? А его, кстати, охраняет закон, и он, пожалуй, всё давно просчитал. Пройдёт ещё три года, и он достигнет совершеннолетия. И что тогда? И тогда, если она дотянет до того времени, — что изменится? Тысячи, десятки, сотни тысяч детей страдают по вине родителей, но и тысячи родителей мучаются с теми, кого родили. О чём это говорит, кто ей ответит?

Наконец, удовлетворённые, они ретировались. Два молодых, сильных тела, чуждые всякой морали. И ей против них не выстоять.

Яйцо кукушки требует деликатного обхождения.

Из кухни давно тянуло запахом подгоревшей еды, и женщина по имени Марта Богуш встала с кресла и заторопилась туда, чтобы довести приготовление ужина до конца. Они втроем сядут за стол и поужинают. Она будет приветливо улыбаться, угощать их и предлагать им самые лучшие и вкусные куски.

(“Яйцо подброшено в чужое гнездо, но вот птенец вылупился и начал во всю проявлять природные инстинкты”.) Она готовила ужин и вдруг подумала о том, что ей совсем не хочется есть: желудок в последнее время на всё откликнулся болью. Женщина почувствовала тревогу, ей стало жутко. Марта Богуш подошла к зеркалу и заглянула себе в глаза. На неё смотрела усталая женщина с почти старушечьим лицом. Кожа на лице была жёлтая — цвета раздавленного желтка. Такое же лицо в последнее время было у мужа. Страшная мысль вдруг сковала её сознание, но женщина поспешно отогнала её.

“Чтобы выжить, птенцы кукушки делают своеобразную “зачистку” — выбрасывают из гнезда лишних...” — думала она.

Нет, всё это просто страх и нервы, в её возрасте — обычная вещь, успокаивала себя женщина. Сейчас она вернётся в кухню и приготовит вкусный ужин. На троих.

Миллиард ударов

Крыса не раз путешествовала на лифтовом канате с этажа на этаж, поскольку дом был старый, и в поисках еды у неё было много конкурентов. Ей перевалило за два года, и она безошибочно чувствовала, что жить оставалось

недолго. Сейчас она вцепилась когтями в рельефные выступы тросиков и замерла в ожидании: днём, особенно утром и вечером, лифт двигался вверх-вниз почти непрерывно, замирая разве что ночью. Крыса немного расслабилась, длинный хвост её свесился вниз, сердце билось ровно — двести шестьдесят циклов в минуту.

Наконец в лифт зашли. Человек, как подсказывала ей интуиция, был один. Пассажир нажал кнопку, внутри что-то щёлкнуло, загудело, и лифт поехал вниз. Небольшой блок ограничения скорости начал вращаться, стремительно ускоряя обороты: обычное дело, если бы не один незначительный нюанс, который касался непосредственно крысы и непредсказуемо изменил ситуацию. Сказался возраст животного — подвела сила мышц, острота зрения и слуха, да и просто реакция на опасность: хвост неожиданно попал в блок и сразу же намотался на цилиндр. Крыса была мгновенно затянута внутрь и моментально раздавлена. Трос автоматически сбросился.

Лифт остановился.

* * *

Человек по имени Павел Дук торопился. В прихожей, на выходе из квартиры любовницы, он мельком взглянул на себя в зеркало, критически усмехнулся и пригладил волосы. Он был уже не молод, имел лишний вес, но широкие плечи и узкие бедра скрадывали эти не очень существенные, по его мнению, недостатки. В зеркале он увидел ничем не примечательное лицо лысеющего мужчины с прямым носом, серыми глазами и впалыми щеками.

Любовница — женщина лет сорока, дородная, но без явных жировых отложений, темноволосая, с чувственным ртом, — набросив халат, вышла проводить его и закрыть дверь. Её пышная обнажённая грудь выпирала из-под халата, а голова, когда женщина прильнула к нему, доставала ему почти до подбородка. Мужчина вдруг почувствовал, как опять проснулось желание, но заглушил его и торопливо поцеловал женщину на прощание.

— Созвонимся, — сказал он, выходя на лестничную площадку. Это был последний, девятый этаж, и человек по имени Дук поспешил к лифту. Он нажал кнопку вызова, дверь почти сразу открылась — лифт был рядом.

Уже в кабине, отыскивая при слабом свете плафона кнопку первого этажа, он мысленно опять вернулся к тем двум-трём часам, проведённым в квартире любовницы. Их связь длилась уже несколько лет. Мужчина иной раз задавался вопросом: почему его неудержимо тянет к этой женщине? Ведь его жена ни в чём ей не уступает — и красивее, и нежнее. Любовница же иной раз была прямо-таки вульгарной, несдержанно-похотливой, но искренней в своих чувствах и не стыдилась этого. Прокручивая теперь в голове минуты, проведённые с ней в постели, мужчина облизал внезапно пересохшие губы и опять почувствовал, как его исподволь охватывает желание. “Разве ж эта женщина, если бы он, к примеру, на ней женился, оставалась бы для него все такой же привлекательной? — думал он. — Вполне вероятно, что всё могло быть наоборот: он стал бы к ней равнодушен, а законная жена, встретить он её в то время, превратилась бы во всегда желанную любовницу”.

Кабина лифта качнулась и двинулась вниз. Быстротечные мысли между тем вернулись к повседневным заботам: вот он явится домой и примется объяснять жене причину своего опоздания. Потом мужчина вспомнил о служебных обязанностях: с утра надо было согласовать ряд вопросов с базовой фирмой. Человек по имени Павел Дук работал начальником отдела маркетинга препаратов узкого профиля. Вдруг в кабине, прямо под ногами, что-то глухо щёлкнуло, и лифт остановился. Мужчина начал беспокойно искать глазами панель и нажимать на кнопки, но безрезультатно. Его неожиданно бросило в жар. Слабая волна пока ещё неосознанного страха пробежала по телу.

“Без паники, — приказал себе человек по имени Павел Дук и обвёл глазами все четыре стены кабины, а также потолок и пол под ногами. — В конце концов, ничего не случилось, он просто застрял, но через секунду-другую вызовет дежурного диспетчера или ещё там кого, и его вызовят. Правда,

это произошло с ним впервые, однако же о подобных случаях он знал, даже видел в каком-то комедийном фильме или слышал в юмористических капутниках с участием знаменитых комиков”.

Но уже первый, весьма поверхностный осмотр камеры его временного содержания вызвал в душе новую, безотчётную волну страха. Кнопка вызова дежурного диспетчера была вырвана “с мясом”, содрана была и табличка с номерами аварийных телефонов.

Мужчина привычно опустил ладонь в карман, где всегда лежал тёплый прямоугольник мобильного, и — похолодел. Лицо его покрылось потом.

Мобильника не было. Он предусмотрительно оставил его дома, чтобы жена не докучала. Мало приятного, когда в разгар интимных ласк “труба” вдруг начинает наигрывать призывную мелодию. Так, сейчас надо было, во-первых, не поддаваться панике, а во-вторых, спокойно искать выход. Должен же быть в его ситуации какой-то выход?

“Вентиляция”, — подумал он. Ему нужен свежий воздух, потому что неизвестно, сколько времени он просидит в этой коробке, может, даже до утра.

Он опять ужаснулся: подростками вентиляция была сплошь забита и зацементирована жвачкой, и мужчина сразу же ощутил острую нехватку кислорода — вот-вот начнётся приступ удушья. “Но ведь это всего только шумение, — убеждал он себя, — воздух просачивается через всякие незаметные щели, проникает под дверь, а он в кабине один и ему вполне хватит кислорода”.

Человек по имени Павел Дук набрал в лёгкие как можно больше этого самого воздуха и крикнул:

— А-а-а-а-а!

И опять:

— Помогите!

А потом начал барабанить в стены кабины и в дверь ногами:

— Лифт остановился! Слышите, кто-нибудь?!

И опять уже на выдохе:

— Помогите!

Ответом было молчание. Мужчина замер и прислушался. Тишина. Страх с новой силой накатил на него, и он с отчаянием понял, что если не возьмёт себя в руки и не сумеет успокоиться, будет хуже. Тем более, он уже имеет проблемы с сердцем и гипертензию, пусть себе и в начальной стадии, но от этого не менее опасную.

Мужчина нащупал пульс и поднёс к глазам часы. В тусклом свете оплавленного спичками и окурками плафона он принялся считать.

Он насчитал почти тридцать циклов, пока секундная стрелка часов пробежала четверть циферблата.

“Почти сто двадцать, — мысленно запаниковал он. — Тахикардия на грани срыва, к тому же затылок сжимает. Давление”.

Но он сразу же принялся успокаивать себя: например, у американских астронавтов, когда они спускались в модуле на Луну, а потом выходили из него на поверхность, пульс, как отметили в Центре полётов, был около ста двадцати циклов в минуту. Так это же происходило на Луне, а он находится на Земле, даже неподалёку от своего дома, всего в нескольких остановках. Ну, а то, что он застрял в лифте, так это мелочь, достойная разве что смеха. В конце концов, лифтом всё время пользуются, люди обнаружат, что кабина не работает, сообщат, кому надо и его освободят.

Мужчина даже деланно усмехнулся и вдруг вспомнил про таблетки от давления, которые в последнее время нет-нет да и носил в карманах. Он ощупал их: один, второй, третий, но ничего, кроме перочинного ножика и портативного калькулятора, который неизвестно как здесь оказался, не обнаружил. “Видно, таблетки остались в другом пиджаке”, — подытожил он, и опять почувствовал, как холодеют спина и ладони.

Сердце билось в прежнем ритме. Человек по имени Павел Дук неожиданно вспомнил известные ему факты, которые теперь почему-то всплыли в памяти. Проведённые расчёты по частоте сердечных сокращений для разных видов животных совпадают с фактическими величинами продолжитель-

ности их жизни. Сердца животных за период жизни делают приблизительно одинаковое количество сокращений: в пределах одного миллиарда.

Однако же и человек, как утверждает современная наука, — животное, пусть себе и развитое.

Миллиард ударов.

Чтобы занять чем-нибудь свои мысли и успокоиться, а этого надо было добиться любыми путями, мужчина вытащил калькулятор и принялся подсчитывать: в одной минуте — шестьдесят секунд, что приблизительно соответствует такому же количеству сокращений сердечной мышцы. В шестидесяти минутах содержится три тысячи шестьсот, в сутках — восемьдесят шесть тысяч четыреста, в месяце — два миллиона пятьсот девяносто две тысячи, в году — тридцать один миллион сто четыре тысячи циклов, в шестидесяти годах — ...получалось немногим более миллиарда. Но продолжительность жизни современного человека искусственно увеличивают гигиена и медицина, а раньше люди вообще не жили больше сорока лет, прикидывал он.

Манипуляции с цифрами, тем не менее, не дали никакого результата. Страх с новой силой охватил его. Мужчина начал бить в стены кабины кулаками, а потом и ногами, пока наступающий припадок удушья не остановил его. Он сбросил пиджак и рванул ворот рубахи.

“Клаустрофобия?”

Действительно ли он страдает клаустрофобией? Человек по имени Павел Дук начал лихорадочно перебирать в мыслях прошлое — возможно, с ним уже случалось что-то подобное? На первый взгляд, ничего такого как будто не обнаруживалось. Однако же и ситуации, подобной нынешней, он не мог припомнить. Проверить это не было случая, впрочем... впрочем, вот оно: неожиданно воспоминание тридцатилетней давности услужливо выплыло из глубин памяти. Да, это было давно, в студенческие годы, когда он жил в общежитии. Он привёл девушку своего факультета к себе в комнатушку, но кроме него там жили ещё трое его однокурсников, и оставлять её на ночь было никак нельзя. “Комендантская как раз свободна, — дали ему совет, — комендант в отпуске. Только вот замок там трудно открыть, еле ключ подобрали”. Но об этом он знал и сам.

Они выпили вина, выкурили по сигарете, и он помог ей снять с себя одежду. Но она вдруг вспомнила, что забыла в его комнате “косметичку”.

— Потом заберу, там всё равно ничего особенного нет, — сказала она.

— Я принесу, — услужливо предложил он, ощущая надобность сбежать в туалет. Сказать об этом постеснялся, благо причина нашлась сама: сходить за оставленной “косметичкой”.

Но дверь не открывалась. Ключ был намертво заблокирован в замке.

И он сразу же почувствовал страх, нахлынувший ниоткуда: комнатка, минуту назад казавшаяся уютным гнездышком, вдруг мгновенно превратилась в опасную западню. Ключ упрямо не поворачивался, руки тряслись, а движения стали суетливыми, как у безумца.

— Да брось ты, — посоветовала ему девушка, — потом откроем, иди ко мне.

Преодолевая ужас, он вернулся в постель, разделся, но желание, снедавшее его минуту назад, пропало. Вместо него с новой силой навалился страх.

Тогда он вскочил и, не обращая ни на что внимания — ни на свои руки, ни на язвительную улыбку девушки, ни на поднятый им излишний шум, — начал выбивать дверь.

И как только она открылась, страх исчез, будто его и не было.

Теперь мужчина уже смутно помнил, чем закончилось любовное приключение. Скорее всего, а, несомненно, так оно и было, девушка сразу ушла, а он вернулся к себе, упал на кровать и забылся тяжёлым сном.

“Ужас”.

Человек по имени Павел Дук почувствовал, что ему становится по-настоящему плохо. Руки похолодели, а ноги утратили способность держать вес тела, и он, спиной по стене, съехал вниз, на пол.

“Опасность”.

Степень этой опасности он осознал только сейчас. Действительно, он не молод, и как все люди в его возрасте, имеет изрядный “букет” болезней, некоторые уже явственно проявились, другие находятся в зародышевом состоянии. Многие его ровесники внезапно умирают, к удивлению знакомых и родственников. Умереть не сложно. Что такое существование человека? Как он когда-то вычитал, а теперь вспомнил, тонкая красная нить, которая сразу рвётся, если сила жизни возобладает. А красная потому, что живая: красный цвет — цвет крови.

В конце концов, в его положении это не что иное, как пустые разглагольствования, оборвал он себя. Когда дверь этой западни откроется, то его, вполне возможно, найдут на грязном, заплёванном полу, с синим обезображенным лицом, под стенами, испещрёнными гнусными словами, отвратительными в своей предельной мерзости. Можно только представить, какие психические отклонения водили рукой тех, кто это писал... Вызовут “скорую помощь”, потом жену, подключат вечно всем недовольных милиционеров-тугодумов. Интересно, что подумает жена, когда обнаружит его тело в этом районе, в незнакомом доме — месте, никогда ранее им не упоминавшемся? Взрослые дети? Впрочем, тогда ему будет на всё это глубоко наплевать. Пожалуй, что так.

Новая волна страха накатила на него.

— Помогите! — опять закричал он что есть силы.

Молчание.

Безусловно, он теперь как раз в том возрасте, когда его сердце уже работало свой миллиард сокращений, — думал мужчина, — а это значит, что надо подготовиться и встретить неизбежное без лишних волнений и жалоб на судьбу. Разве смерть, всегда находящаяся, как он однажды вычитал у Кастанеды, рядом с нами, за спиной с левой стороны, на расстоянии метров полтора, может проявить к кому-нибудь интерес, сочувствие, милость, ещё какие-нибудь чувства, кроме безразличия и враждебности? Конечно, нет. Однако же человеку, если он осмотрителен и не лишен интуиции, стоило бы не сетовать на эту извечную враждебность, не бояться, не враждовать в ответ, а, наоборот, попытаться подружиться с ней и прийти к согласию.

“Не бояться?”

Мужчина готов был поклясться, что его теперешнее состояние как раз не является боязнью смерти. “Здесь что-то совсем иное, необъяснимое, возможно, какая-то патология, годами дремавшая в нём, не имевшая случая проявиться”, — лихорадочно рассуждал он. Бояться же люди темноты, замкнутого пространства или, наоборот, бескрайнего и открытого, молний, пауков, мышей, громких звуков, вида крови, глубины, змей, да мало ли ещё чего. “Может, и он из этой категории? Фобиями страдают почти все. Однако же нет, здесь не совсем так, — пытался он анализировать и доказывать самому себе. — Чего именно он боится? Замкнутого пространства? И только? Этот фактор, несомненно, присутствует, но вряд ли он имеет существенное значение, нет — здесь не то. Тогда что?”

Ответ был на первый взгляд простым. Он боится погибнуть вот так глупому, нелепо, и не достичь своей цели. У каждого человека — своя цель. Можно разбогатеть, удачно жениться, или, как говорят в простонародье, высоко взлететь, вырастить и хорошо устроить детей, но при всём при том не быть счастливым в этом конформистском мире. Счастливым можно быть только тогда, когда достигнешь цели. “А я достиг своей цели? Вообще, какая она у меня? — думал человек по имени Павел Дук, перебирая мысленно отдельные факты жизни, какие-то несущественные усилия, слабые попытки, мелкие стремления. — Доволен ли я своим нынешним положением? И чего конкретно я хотел, считая от сознательного возраста — приблизительно двадцати лет — до настоящего времени? Эти желания осуществились?”

И была ли вообще у него цель?

Мужчина припоминал разве что отдельные моменты чего-то аморфного, бесформенного. Сначала его целью было стать студентом, потом окончить институт, и он этого добился, несмотря на нищету, голод, одиночество. Потом, с трудом перенося духоту системы, решил бежать за границу, но бегство

в результате предательства тех немногих, кому доверял, не состоялось. Его следующей целью была любовь, но и здесь его ждало обычное непонимание, а потом измена. Наконец он решил, что его цель после брака с женщиной, которая доверилась ему, достичь определённого достатка, воспитать детей, но вот дети выросли, а он, как говорится, должен уйти со сцены, ибо биологический барьер уже преодолён, и природе он, отработав свой миллиард циклов сердца, больше не нужен.

Неожиданно мужчина ужаснулся. У него не было цели. “Но я платил добром тем, кто мне доверялся, — мысленно оправдывался он. — И сама жизнь — разве она имеет цель?”

Вдруг свет в оплавленном от спичек и окурков плафоне слабо замигал и погас.

Мужчина оказался в темноте. Мрак значительно ухудшил его состояние, но заставил настойчиво искать пути к избавлению. “Если мне уже совсем хана, то и бояться нечего”, — убеждал он себя. Самое опасное, что сейчас напрямую угрожает ему, это высокое давление и тахикардия. Обе причины не представляют опасности для молодого организма, но для него это может закончиться тяжёлым сердечным приступом, и помощи ему ждать неоткуда. Когда его, в конце концов, найдут и вызовут из этой душной клетки? Возможно, он вынужден будет находиться в ней гораздо дольше, чем рассчитывает. Как и сколько времени будет тянуться это “дольше”?

“Однако же, — рассуждал он, — надо относиться к любой беде, а в его случае к маленькой разновидности техногенной катастрофы, с холодным спокойствием. Мы давно живём в мире, где личная безопасность стала иллюзией. И мир этот настолько сложен, что катастрофы, которые он порождает, невозможно предупредить только по одной причине: они абсолютно не предсказуемы”.

Ему вспомнились события совсем недавнего прошлого, о которых сообщалось в прессе. Например, в Стокгольме, когда там случился пожар в туннеле, где был проложен электрический кабель, места, снабжённые электросистемами, сразу оказались отрезанными от цивилизации. Перестали работать водопровод и проводная телефонная сеть, от перегрузки вышла из строя и сотовая связь, а на улицах с наступлением темноты сразу появился криминал. Или когда от удара молнии произошёл крупнейший сбой в системе всей мировой энергетики и больше суток такие мегаполисы, как Нью-Йорк, Оттава, Детройт, Монреаль и другие города, оставались без света. Остановились поезда в метро, лифты небоскрёбов, погасли светофоры, в краны не поступала вода.

Как чувствовали себя тогда некоторые люди — его собратья по несчастью? Заблокированные в вагонах подземки, в лифтах, в обстановке неопределённости и страха?

Руки его по-прежнему тряслись, когда он снова начал лихорадочно ощупывать карманы. Носовой платок, расчёска, открытая пачка с контрацептивами, блокнот, шариковая ручка, перочинный ножик...

“Перочинный ножик?”

В темноте мужчина вытащил маленький, почти декоративный складной ножик, который носил на всякий случай, как это делает большинство людей: им можно заточить карандаш, порезать хлеб или бутерброд, откупорить бутылку да мало ли ещё что. Он вытянул лезвие из паза и потрогал пальцем. Лезвие было острое, он сам однажды в свободное время наточил его.

Сердце по-прежнему колотилось в груди.

Миллиард ударов. За ним уже край...

На запястье левой руки он нащупал выпуклый бугорок, где бился пульс, прижал к нему лезвие и, стиснув зубы, провел по вене. Из ранки сразу брызнула и потекла кровь. “Кровопускание — самое простое и эффективное средство от высокого давления и лучшее предупреждение апоплексического удара, если нет больше никаких других средств, — вспомнил мужчина. — Основное средство, которым, кстати, пользовались в древности лекари. Разве что применяли ещё пиявки...”

Тёплым ручейком кровь струилась из ранки на руке. Может, впервые за последнее время человек по имени Павел Дук почувствовал, что к нему воз-

вращается надежда. Сколько он уже здесь сидит, во тьме и скрежете зубном? Час, два, пять? Но теперь он способен перехитрить надменную судьбу, которая обошлась с ним так немилосердно.

В темноте он не мог разглядеть циферблат, но безошибочно определил, что пульс замедлился, и ему стало немного лучше. Правда, подступили непривычные апатия и слабость, но впервые начал отступать страх.

“Страх. Вот причина. Вот почему смерть, которая всегда у нас за спиной на расстоянии вытянутой руки, приближается вплотную и по-дружески хлопает вас по плечу. “Пора, — говорит она. — Не надо бояться”.

Мужчина хотел было встать на ноги, но передумал: зачем напрасно тратить силы, когда их и так мало. Вдруг злость заклокотала в нём, но прошла очень быстро. И правда — на кого ему теперь злиться? На устаревшие технологии, на изношенную технику, на людей, которые не могут дать ему гарантию безопасности даже на примитивном, бытовом уровне, даже в этом похожем на гроб лифте, на их равнодушие, эгоцентризм?

“Но ведь так было и будет до скончания света”. Человек всегда остаётся одиноким перед роковыми силами природы, перед непостижимым Космосом. И что он сам в конце концов значит, на что годен, если ему отмерен всего лишь миллиард ударов сердца?

Тёплой тоненькой струйкой кровь из вены стекала по его ладони на пол. Другой рукой мужчина вытащил платок и держал его наготове, чтобы в нужный момент пережать ранку. Он чувствовал, что ему становится легче. Лучше потерять немного крови, чем жизнь. Ему вспомнилось, как он однажды сдавал кровь на станции переливания и как после этого в тот же день работал и ничего плохого с ним не случилось ни в тот день, ни на следующий, ни позже.

Ему теперь значительно лучше, даже в сон стало клонить, скоро его найдут, он вернётся домой, и, вполне возможно, будет вспоминать обо всем, что с ним случилось, с улыбкой. Разве что коллегам расскажет всю правду о своём приключении, однако больше никогда не будет пользоваться лифтами в старых, обветшалых домах. Нет, никогда не будет.

Мысли мужчины начинали путаться. Ему вдруг пригрезилось, что он идёт по лугу, покрытому цветами, нестерпимо терпкий аромат которых наполняет его лёгкие. Луг этот спускается вниз, ведёт к реке. Он уже видит эту реку, удивительно спокойную, неторопливую — ни одной волны, и вдали — другой её берег, но на тот берег ему и не надо, хорошо и здесь, в тени, среди цветов и тишины.

Мужчина встрепенулся. “Опасно впадать в сон, — подумал он. — Тем более, что кровь, пожалуй, ещё течёт из раны, а он до сих пор не перевязал её платком”.

Он пошевелился и осторожно перевязал тряпочкой запястье. Хорошо, что в голову ему пришла такая удачная мысль, и он так хорошо всё сделал: лёгкое кровопускание заменило искусственные лекарства, которые ещё неизвестно, помогли бы ему или нет. А так — всё отлично, давление снизилось, он спокоен, вот-вот его вызволят из этой клетки. И самое главное — исчез страх.

Человек по имени Павел Дук опять задремал. Но больше он не видел себя на речном берегу, утопающем в цветах. Ему вспомнилось детство, школьный класс, где он сидел за партой, а рядом с ним — Кривоножка, которую перевели в их класс из другой школы и которая хромала на одну ногу, за что моментально получила соответствующее прозвище. Кривоножка наклонилась к нему и шептала на ухо, просила, чтобы он не прогонял её со своей парты — ей неприятно и горько. Между ними лежала открытая книга с каким-то текстом, он начал читать, но очнулся.

Мужчина вдруг понял: этот сон из далёкого прошлого вовсе не случаен. Он тогда в присутствии всего класса во всеуслышание заявил, что отказывается сидеть с Кривоножкой за одной партой. Она пересела на другую парту, около двери, которая у них считалась самой непрестижной, и сидела одна. Все бы ничего, но через некоторое время Кривоножка наглоталась барбитуратов, и ее не смогли откачать.

Он не отплатил добром тому, кто ему доверился. Мужчина мысленно пытался убедить себя: девушка сделала это вовсе не потому, что он прогнал её. Но тогда — почему? А если именно это стало последней каплей, и тонкая нить не выдержала напора жизненных сил и порвалась?

Неожиданно он почувствовал, что лифт тронулся и поплыл вниз. “Ну, вот и дождался, — мелькнула мысль. — Минута, и он будет свободен”.

Действительно, кабина, так долго бывшая для него местом заключения, спускалась вниз, пока, наконец, не остановилась. Сработали механизмы и дверь открылась. В лицо ему ударил свет. Он начал вставать с колен, ему было трудно: тело налилось невероятной слабостью, ноги дрожали, но он сделал усилие, и вот он уже поднялся и сделал шаг вперед. Мужчина был несколько удивлён, что никто его не встречает, нет никаких спасателей, аварийщиков или ещё кого-нибудь. Вообще нет никого, только свет впереди, и он с радостной улыбкой устремился к нему навстречу.

* * *

— Здесь, пожалуй, всё прозрачно, — сказал судебно-медицинский эксперт, обращаясь к оперативнику в гражданском и двум милиционерам в форме, которые выносили тело и накрывали его целлофаном, — смешанная экзогенно-циркуляторная подострая гипоксия. Редко, но случается, особенно при ишемической болезни, к тому же боязнь замкнутого пространства. Что интересно, в аналогичных случаях люди ведут себя по-разному: одни спокойно дожидаются, когда их освободят, даже спят, если пьяные, иногда, заметьте, что-то читают, иногда злятся на лифтёров, а одна женщина, помнится, за несколько часов поседела, мужчина в годах свихнулся и его сразу отправили в “дурку”. Неясно одно: зачем воспринимать это всё так драматично и резать себе вены?

На улице с утра было сыро и пасмурно. Шёл дождь. Капли его попадали и под козырёк подъезда, где стояли несколько человек в ожидании спецмашины.

ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

И ВСЯ БЕЛАЯ РУСЬ — ДОМ РОДНОЙ...

*Светлой памяти моих незабвенных
матери и отца*

ТРИ РОДИНЫ

Хозяин дома — муж, отец —
Весь род — из Украины.
А в Беларуси — сердца свет —
Дочушка и два сына!
Из Брянска я... Ах, как цвели
Сады, и пели соловьи,
Когда на тройке русской
Меня невестой увезли,
Я стала белоруской.

Три Родины во мне живут.
Да как же им не жить?
Моя любовь и там, и тут,
Её не разделить.
Как своё сердце разорвать?!
Россия, детство там и мать,

КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара Ивановна родилась в 1948 году в деревне Щепатино Брянской области. Окончила филологический факультет Брянского и логопедический факультет Минского государственного педагогического института. Автор 19 книг поэзии, в том числе стихов и сказок для детей. Лауреат пяти Международных литературных премий, Всероссийской премии имени Ф. И. Тютчева, многих республиканских и областных литературных конкурсов. Живёт и работает в Витебске, председатель областного отделения ОО "СПБ".

Он видит тебя, потому что прописка
Теперь не роднит на земле... Ёдок дым
Горящих костров: изживают со света
Любви идеалы и дружбы святой.
Но всё ж после ночи приходят рассветы,
Сквозь сердце, сквозь сердце...
Ведь мир этот — мой.

ДУРАЧОК

В нашей деревне юродивый жил,
— Й-ох! — с придыханием он говорил,
С торбой своей по посёлку ходил,
Всё что-то прятал да хлеба просил...
В жизни он больше не мог ничего,
Так и прозвали все Ёхом его.

Дети бежали за Ёхом гурьбой,
Хлеба никто не жалел ему дать,
Часто терял он дорогу домой,
И, отыскав его, плакала мать:
— Любенький, жалкий, сыночек родной! —
И вводила беднягу домой.

Тихая, кроткая Марья была,
Кланяясь всем, незаметно жила.
Но заблудился Ёх под Рождество.
Как ни искали его, не нашли.
Сердце у матери разорвалось,
Люди чужие её погребли.

А растопило сугробы весной —
Все увидали: помилуй же Бог!
С торбой своею сидел под сосной,
Видно, замерзший нечаянно Ёх.
Все спохватились: а как его звать?!
Имя какое на крест написать?

Так и поставили в жёлтый песок
Крестик с дощечкой: “Любимый сынок”...

ТРОИЦА В БРЯНСКЕ

Не наглядеться! Мешают слёзы.
О чём ты, сердце? Я — о берёзах...
А что берёзы? Везде такие —
И в Беларуси, и по России.
Что тут ответить? Что с моим сердцем:
Не надыхаться, не наглядеться.
Здесь родилась я, вон в той деревне,
И эта зелень — в крови, наверно.

Крест на погосте. Могила мамы.
Троицей — в гости еду с цветами.
Дом мой — далёко. Судьба жестоко
Вырвала с корнем, бросила щепкой,
И — будь покорной, терпением крепкой.
Бойся лишь Бога, живи, не старься,

Вся жизнь — дорога, в путь собирайся...
Путь твой — не дальний, да и не близкий,
Родина манит, я — за гра-ни-цей!!!

Глядела б вечно, да дом — далёко...
Меж нами речка — ох, как глубока...
Не наглядеться ни сном, ни оком.
Здесь любо сердцу, а я — далёко...
Дом мой далече, с белым крылечком...
Ох, не мельчает синяя речка.
И как не рваться, не плакать сердцу?!
Не надыхаться...
Не наглядеться...

“ПЕРЕВЕДИ МЕНЯ ЧЕРЕЗ МАЙДАН...”

(Запев из песни “Последняя просьба старого лирника”)

Переведи меня через майдан,
Сегодня он неистово бушует
На нём ревет народный океан,
Он чашу гнева пьёт свою большую...
Переведи...
Переведи меня через майдан,
Что по-отцовски вёл меня по жизни,
Светло и чисто жизнь шумела там...
Там праздник жил, а нынче всюду тризна.
Там праздник жил...
Там ясный путь лежал в моё село,
Там первый крик прорезался на зорьке,
Там всё росло, звенело и цвело,
И лишь на свадьбах нам кричали “горько”...
Там ясный путь...
Там голос матери и дом родной!
И он вовеки жив, мой голос детства,
Сливаясь с шумом трав над головой,
Он превращает в песню жизнь и сердце.
Там голос мой...
Там было всё, во всём жила любовь!
И первый поцелуй сжигал, как пламя,
Предательства непостижимость, боль,
И гибель сына, и могила мамы.
Там было всё...
Там было всё! Служение и долг,
И Родины посмертные награды
Отцу и брату, и тому, кто смог
Дожить и выжить, обещали радость.
Тому, кто смог!..
Стою под небом я, оглушена.
Понять пытаюсь, и не понимаю.
Такой была огромною страна!
Где большаки мои теперь, не знаю...
Переведи меня...

ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

СВЕТЛЫЕ ПРОВОДЫ ЛЕТА

* * *

Пересохшие губы раскрыли колодцы.
Не сыскать уголька в прошлогодней золе.
Но весна по привычке сюда доберётся,
улучив своё время на этой земле.

Будет солнце упрямо на запад катиться.
Будет слышаться ставни отчаянный всхлип.
И, как прежде, опустится глупая птица,
заприметив дрожащие остовы лип.

Закричит, закурлычет, зайдётся по-вдовьи,
заслоняясь от горя усталым крылом.
Это — время стенать над погибшим гнездовьем.
Время строить, наверное, будет потом.

Долгий клёкот в закаты бездонные канет.
Во дворах по-собачьи завоют ветра...
На церквище темнеет нетёсаный камень —
сколько их по Отчизне ещё собирать...

КРИКЛИВЕЦ Елена родилась и живёт в городе Витебске (Беларусь). Кандидат филологических наук. Доцент кафедры литературы Витебского государственного университета. Член Союза писателей Беларуси. Член Союза писателей России. Автор сборника стихов "На грани света". Лауреат VII Международного Пушкинского конкурса (2007, Россия). Лауреат Международных литературных конкурсов: "Северная Аврора" (2012, Россия); "Мир без войны и насилия" (2013, Польша); "Словенское поле" (2013, Россия); "Литературная Вена" (2013, Австрия); "Русский Stil-2014" (2014, Германия); "Арфа Давида" (2015, Израиль).

А земля налилась бабьей нежностью вешней,
в первоцвет, как невесту, себя обрядив.
В небе новенький серп на гвоздочек подвешен.
Время сеять.

А жатва ещё впереди.

* * *

А липы гнали свет со старого двора.
Струилась тишина, как молоко в подойник.
Они уже срослись — трухлявая кора
и корка на сухих натруженных ладонях.

Не отогреть платком серебряный куржак.
Распахнуты в туман морщинистые веки.
За этой пеленой — расстеленный пиджак,
и нежность, и тела, как сцепленные ветви.

— Ни солнца, ни тепла, — соседи говорят. —
Срубить бы их пора. Поможем, если надо.
Ну, как им объяснить, что летняя заря
давно погасла там, где ржавая ограда,

где столько долгих лет колышется трава
под красною звездой на дальнем перекрёстке?
Исчерпаны до дна и слёзы, и слова.
И губы запеклись шершавою коростой.

Отшелестит закат прогретой резедой,
уснувшие сады смородиной задышат...
И снова будет ночь. Как та, перед бедой.
И липы зацветут над обветшавшей крышей.

* * *

Август телегу с дороги свернул,
доверху полную спелым ранетом.
Вьётся над церковью праздничный гул.
Ярмарка. Светлые проводы лета.

Полно. В каком это было краю?
Скорби и радости? Лики и лица?
Время отломит краюху свою
и не подумает ею делиться.

Только садов предосенний настой,
в город проникший по улочкам старым,
сердце наполнит прозрачной тоской,
словно антоновку соком янтарным.

Туча на яблоне виснет с утра,
как на заборе мальчишка бесстрашный.
Ветер погонит её со двора —
вырвется клоч из помятой рубашки.

В свежей прорехе блеснёт синева
и освятит благодатью пролитой
преображение мысли — в слова,
завязи — в яблоко, веры — в молитву.

* * *

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит...*
А. Ахматова

Ни стона, ни горького вздоха —
кладбищенский строгий уют.
Здесь снова хоронят эпоху,
и снова вороны снуют.

Процессия курит в сторонке.
От заступов комья летят.
“Об этом расскажут потомки”, —
могильщики пьяно твердят...

И ты, безусловно, намерен
исполнить отцовский завет.
И прошлое загнанным зверем
рванётся из чаши на свет,

в убийственной жажде спасенья
помчится быстрее и быстрее
туда, где в угожьях осенних
плывут голоса егерей.

* * *

Тополь, подпирая небосвод,
в толщу дней глядит с немим укором.
И тропинка робкая ведёт
к старенькой скамейке у забора.

Здесь и тени поросли быльём...
Только почему-то год от года
окон заколоченный проём
не пускает душу на свободу.

Этот груз не разделить ни с кем.
Горький крик не вырвется наружу.
Тихо дрогнет жилка на виске,
и морщинки сделаются глубже.

Ни в погонных метрах, ни в рублях
не измерить дедовские хаты...
На таких вот сизых тополях
выбьет время памятные даты.

* * *

По лужам бежит ветерок торопливый,
балует за настезь открытым окном,
у низкой калитки, где старая ива
застыла почтенно в поклоне земном.

И бродит Господь в этих далях уездных,
хлеба рассыпая дающей рукой.
А жизнь, как вода во облацех небесных,
неясно темнеет за спящей рекой.

Делам и посевам отмерены сроки.
Взлетает над берегом визг детворы.
Своих пассажиров у тихой затоки
услужливый лодочник ждёт до поры.

Промытое утро антоновкой дышит.
Тихонько скрипят, в синеву уходя,
ступени, зовущие прямо на крышу
к нападавшим яблокам после дождя...

Щемящие запахи давнего Спаса
отыщешь в потёртом своём рюкзаке,
откуда годами достать не решался
росинку на маминой тёплой щеке.

* * *

Ивы косами воду мели,
очумев от июльского зноя.
И натужно гудели шмели,
и коровы плелись к водопою.

Он достал из котомки вино,
на бурёнок прикрикнул нестрого...
Как же всё это было давно:
незнакомка, июль и дорога...

В непонятные дали спеша,
протянула ладошку, смутилась,
повернула на старый большак
и растаяла, словно приснилась...

Этот вечер теплом уголька
снова в память угасшую канул.
Обмелели и жизнь, и река,
и граненая зелень стакана.

И бродило в дешёвом вине
всё, что Блоком не вовремя спето.
А шмели продолжали звенеть
в обжигающем мареве лета.

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

ПО СЛЕДАМ ТАМАНЦЕВА

ПОВЕСТЬ*

Часть первая

Запад—Восток

— Ваши документы, — сказал мне сержант-крепьш, намётанным взглядом выделив меня из толпы пассажиров. Невольно подумалось: да, не очень ласково встречает гостей Москва. Хотя я понимаю, сам виноват. Сознывая, что мне предстоит долгая дорога, а в ней и иголка тяжела, я взял с собой небольшую сумку, куда положил смену белья, бритвенный прибор и диктофон. Одежда тоже по-походному: джинсы, на ногах кроссовки, на голове панамы защитного цвета, а пространство между джинсами и панамой сокрыто футболкой камуфляжной раскраски и серым жилетом.

И хотя во мне трудно признать “лицо кавказской национальности”, — документы проверяли уже дважды. Первый раз — на Белорусском вокзале. Второй — у авиакасса, куда я приехал, чтобы купить билет на самолёт до Новосибирска. Но если на Белорусском милицейский патруль сначала представился, а уж потом попросил предъявить паспорт, то околотовоздушная милиция была более бесцеремонна. Сержант повертел паспорт в руках, потом по-

---

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович родился в 1950 году в городе Карасук Новосибирской области. Служил в армии, работал на заводе. Окончил факультет правоведения Свердловского юридического института, Высшие курсы КГБ СССР. С 1990 года живет в Минске. Член Союзов писателей России и Белоруссии, секретарь Правления Союза писателей Белоруссии. Автор повестей и романов, не раз публиковался в журнале “Наш современник” и других изданиях.

* Журнальный вариант.

вернулся и пошёл прочь, но вдруг, будто вспомнив о чём-то, быстро возвратился назад, сунул паспорт мне в руки и, не говоря ни слова, направился далее, оценивая потенциальных пассажиров взглядом высшего судьи.

Добравшись до Ясенева, я попал в район, где на меня смотрели не так подозрительно, и это вселяло надежду на более спокойное пребывание в столице.

Весь день я пробыл у своего друга и коллеги. Мы о многом переговорили, вспоминали всех однокашников и преподавателей. И конечно, я пожаловался ему на негостеприимность московской милиции. На что мой бывший коллега сказал:

— Не хрен выражаться так, война идёт...

Что я мог ему возразить?

* * *

Я летел работать с одним из прототипов романа Богомолова и, прощаясь с другом в аэропорту, попросил его связаться с коллегами в Минске и уточнить информацию по некоему Коловратову. По непроверенным данным, он разжалованный майор “Смерша”.

— До этого он, предположительно, участвовал в операциях “Смерша” на территории современной Беларуси.

— А на Востоке почему осел?

— Спроси что-нибудь полегче. Впрочем, я тебе смогу всё объяснить по возвращении.

* * *

Всего через три с небольшим часа Ил-86 доставил меня из столицы России в Толмачёво — аэропорт неофициальной столицы Сибири, и, получив багаж, я взял такси и приехал на улицу Сибирскую, 17.

— Привет, дядь Серёж, — сказала мне повзрослевшая за прошедшие годы нынешняя хозяйка квартиры Соня Самохина. — Тюфячок вас ждёт. Можете спать хоть до обеда. Если будете уезжать — ключ отдайте соседке слева. Мы с девяти на работе. Помните соседку слева?

— Помню.

— Да, кстати, как там в Белоруссии?

Деловой стиль общения современной молодёжи.

— Потом расскажу, — сказал я и пошёл в комнату, где меня ждал расстеленный на полу матрасик, который почему-то назывался тюфячком.

Выспавшись, я позвонил на киностудию. Приятный женский голос ответил, что директор задерживается, но к обеду обязательно будет.

— Распрекрасно, — произнёс я вслух, — к обеду я доберусь до киностудии.

Без четверти два я был на киностудии. Директор появился с шестым радиосигналом, извещающим о конце обеденного перерыва.

Перед выездом из Минска я звонил ему по телефону и в двух словах изложил цель своей поездки. Поэтому директор, как человек деловой, начал с главного:

— Ты привёз заявку?

— Нет, — ответил я, — до заявки ещё далеко.

— Ты полагаешь, что этот человек мог умереть?

— Всё возможно.

— Но это не беда для кинематографа, тем более документального, есть материалы, свидетели...

— Так-то оно так, но...

— Напрасно сомневаться. Москва уже требует заявок и сценариев к будущему юбилею Победы. Пока заявим, пока они утвердят...

— Съезжу, посмотрю, а на обратном пути всё детально обсудим. Заявку ведь недолго написать.

— Как знаешь, — сказал директор. — Ты не обедал?
— Я недавно завтракал.
— Это не важно, пойдём, у меня есть бутерброды и кофе.
— Я пью чай.
— Найдём и чай. Для гостей можно чего-нибудь и покрепче, а мне нельзя, я на работе.

Перебрасываясь подобными фразами, мы прошли в комнату за кабинетом, директор открыл холодильник и стал доставать ингредиенты к бутербродам, с некоей мужской эстетикой разложил их на столике на салфетках, затем заварил чай и спросил:

— Ну, как там у нас в Белоруссии?

* * *

На другой день меня ждали сплошные огорчения. Во-первых, в сумке почему-то не оказалось диктофона, а во-вторых, из Красноярска в Благовещенск не оказалось билетов на самолёт, и пришлось ехать проходящим поездом, который отправлялся только поздно вечером.

В купе, на которое указал мне проводник, спали три закутанные в одеяло фигуры, определить их пол и статус, как говорили мои коллеги-следователи, не представлялось возможным. Я забрался на верхнюю полку и попытался заснуть, дав себе обещание утром привести в порядок свои мысли и тщательно спланировать то, для чего я поехал на Дальний Восток за семь тысяч километров от Беларуси.

Коловратов

Лесок, в котором притаилась группа, только-только стал покрываться листвой, и надёжно спрятаться в нём было ещё трудно. Однако за сутки в сторону леса ни со стороны города, ни от просёлочной дороги не прошёл ни один человек, и “опасность демаскировки могла возникнуть только теоретически”. Так заумно мог оценить ситуацию только нынешний командир группы.

— Теоретически, — произносит шёпотом Коловратов, — теоретически...

Слово не вызывает у него никаких ассоциаций. “Умные все больно”, — думает Коловратов, которому иногда кажется, что его товарищи специально употребляют разные мудрёные слова, чтобы подчеркнуть разницу между собой и им.

Коловратову хочется курить, но командир группы проверил лично, чтобы никто из бойцов не брал с собой ни махорки, ни трофейных сигарет.

Командир любит порядок, его фамилия Граббе. Впрочем, это скорее всего не настоящая фамилия, а псевдоним. Наверное, он получил его потому, что в совершенстве владеет немецким: говорит без акцента и документы на немецком читает, как на родном.

Наступила ночь. Граббе выставил двух дозорных. Всё это означало, что все остальные могут немного покемарить. Правда, сон в тылу врага — это даже не сон вполглаза и вполуха. Это бред какой-то. Вроде и спишь, но всё слышишь. Наверное, подсознание, опять же выражение Граббе, не позволяет отключиться полностью, чтобы, упаси Бог, не “уснуть навсегда”.

Спустя час Коловратов слышит какое-то оживление, затем приглушённые голоса, чья-то рука толкает его. Это Трошин, впрочем, Трошин ли он на самом деле, Коловратов тоже не знает, возможно, и это выдуманная фамилия. Группа комплектовалась из кадровых “смершевцев” и прикомандированных военных, которые по каким-то признакам попали в поле зрения контрразведки и были привлечены для проведения операций.

— Пришёл, — говорит Трошин и идёт дальше, где спит ещё один боец.

Командир о чём-то перешёптывается с мужчиной в бесформенном брезентовом плаще. Это и есть тот, кого группа ждала последние сутки, — агент из местных жителей.

Коловратов не слышит, о чём говорит с ним командир, но догадывается, какое он примет решение. На базе они неоднократно отрабатывали комбинацию, которую сегодня надо будет провести в реальности. Правда, к тренировкам большинство бойцов относилось с прохладцей. В группе почти все в действующей армии чуть ли не с первых дней войны, и играть в войнушку понарошку считается “западлю” и даже аргументы Граббе, что это может когда-нибудь спасти им жизнь, не принимаются во внимание.

Тактика нападения проста, как берёзовые чурки, которыми когда-то молодой Коловратов топил печку в доме своей матери в Сталинске. Несколько бойцов группы затевают кутерьму возле какого-нибудь охраняемого объекта, отвлекая силы гарнизона, а основная часть решает главную задачу. Так, скорее всего, будет и на этот раз.

Продвигаясь по маленькому аккуратенькому городку, они достигли комендатуры. Командир глянул на часы. До условленного времени надо было немного подождать. Коловратов мельком увидел лицо местного. Он был бледнее смерти. Его можно понять — человек сейчас между двух огней. Не успел вовремя уйти — тебя и твоих родственников ликвидируют немцы. Пройдёт неудачно операция — попадёшь под подозрение у своих.

— Твою мать, как тяжело переносится эта неопределённость, — думает Коловратов. К тому же невыносимо хочется курить. Прав Граббе, нужно бросать это занятие совсем, а не только на время операций.

Где-то на окраине раздаётся взрыв гранаты, ему вторят автоматные очереди.

— Уже веселее...

Сейчас сработает знаменитый немецкий порядок... Часть комендантского взвода помчится на место взрывов, посты удвоятся, но это и нужно нападающим. По уставу немецкой армии у часового те же обязанности, что и у нашего: он должен не только охранять, но и оборонять пост. И если они не будут убиты в первые секунды, то потом им не дадут поднять головы, часть группы будет вести непрерывный огонь, пока другая не проникнет в комендатуру.

Группу не интересуют “языки”, это не операция армейской разведки. Задача у нее иная: документы. Под них каждый боец имеет свободный вещмешок.

Вот немцы усилили стрельбу и тем самым обнаружили посты. Вот тревожная группа на мотоциклах рванула на окраину города, где завязался бой. Значит, теперь пора и нам.

— Начали, — шёпотом произносит командир, и огонь восьми автоматов разрывает ночную тишину. Пятеро бойцов должны прикрыть трёх штурмовиков, которых ждёт комендатура. Коловратов один из трёх. Он впадает в то почти нереальное состояние, которое всегда возникает у него в бою. Граната в окна. Очередь впереди себя, и он уже в коридоре, но коридор почему-то пуст. Мелькает мысль: а не ловушка ли это? Но все становится на свои места, когда Коловратов видит дежурного офицера, который почему-то без оружия. Коловратов нажимает на спусковой крючок, поворачивается направо и выбивает ногой дверь, краем глаза видя, что его напарник то же самое делает с левой дверью. Его охватывает состояние какой-то жуткой радости, а мозг автоматически фиксирует происходящее вокруг.

На стуле в комнате — девочка-подросток с чёрным от многодневных побоев лицом. Рядом две мужские фигуры. Одна в штатском, другая — в военной форме. Военный хватается за кобуру, но его пистолет лежит на столе. Две короткие очереди. Затем Коловратов, оглядываясь на дверь, сгребает бумаги со стола, достаёт документы из открытого сейфа.

За всем этим следят испуганные детские глаза. Надо же, она ещё может пугаться!

— Сё — знаю, сё знаю, — вдруг произносят распухшие губы девочки...

— Свои, — раздаётся голос Трошина, который появляется в проёме двери, затягивая горловину вещмешка.

— Всё знает, — Коловратов кивает на девочку.

— Она говорит, что она связная, — произносит Трошин, — пошли.

— Сё — знаю, — слышит за спиной Коловратов и бьётся головой в дверной косяк. Когда-то его за этот рост, грозную внешность и виртуозное умение стрелять взял к себе в группу Граббе.

Коловратов возвращается в комнату, берёт одной рукой девочку и, держа автомат в другой, движется к выходу. Его обеспечивает огнём группа поддержки. То, на что решился Коловратов, конечно же, нарушение всех гласных и негласных правил рейда за линией фронта. Однако никто не говорит ему об этом, не требует оставить девочку. Штурмовая тройка отходит первой. Остальные, меняясь и отстреливаясь, следуют за ней.

Уже на выходе из города в некотором отдалении заметили группу людей. Это могли быть только немцы, но они сознательно “не видят” продвигающиеся к окраине тени: лето сорок четвертого — всем выжить хочется.

Вскоре к штурмовикам присоединяется первая часть группы.

— Потери? — спрашивает Граббе.

— Макаров, — отвечает кто-то.

— Отпусти её, — говорит Граббе Коловратову, — пусть уходит.

Но ему, да и всем понятно, что девочка в таком состоянии никуда не сможет уйти.

— Оставим партизанам, — хрипло возражает Коловратов.

— Хорошо, — соглашается Граббе, — вперёд...

Группа идёт вместе с девочкой, но все прекрасно понимают, что если ситуация изменится, её придётся оставить.

Однако всё складывается как нельзя лучше. В нужную точку они выходят на рассвете. Там их уже ждут партизаны. Далее передвигаются ещё быстрее. Партизаны соорудили носилки, в которые уложили девочку. Уже на подходе к основной базе Граббе дал сигнал о высылке самолёта.

С ним отправили всё, что взяли в комендатуре, и раненую девочку. Коловратов только и смог узнать, что её зовут Настя.

Отлежавшись на базе трое суток, они пошли в новый рейд. Но то ли удача от них отвернулась, то ли немцы после нескольких нападений разгадали тактику таких операций. Рядом с комендатурой их ждала засада. А затем их ещё долго и организованно преследовали. Потеряв половину группы, они вернулись на партизанскую базу. Был легко ранен и Коловратов. Но что ему, Коловратову, такое ранение, на нём этих шрамов, как на бродячей собаке блох. Одним меньше, одним больше.

* * *

Год назад мне позвонил пограничник, который когда-то служил на границе по Амуру, но с распадом Советского Союза вернулся в Беларусь. Он попросил встречи, намекнув, что обладает уникальной информацией по спецоперациям “Смерша” на территории Белоруссии.

В то время я пытался найти материалы и свидетелей деятельности партизанской группы Шаповала. На информацию о ней я натолкнулся почти случайно. В книге “Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны” нашёл несколько строк о том, что эта группа, в состав которой входили выходцы из России, оказавшиеся волей судьбы на белорусской земле, в апреле сорок четвертого пустила под откос вражеский эшелон с тремя вагонами с живой силой и 14 вагонами техники. На счету бойцов Шаповала было много других боевых рейдов и диверсий. Но написать очерк об этих людях, как планировалось вначале, не получилось: Шаповал после войны из Беларуси уехал, но в место призыва не вернулся...

С бывшим пограничником мы встретились в кафе “Узбекистан”.

— Моя фамилия Терекый, — сказал он, — я из кубанских казаков. Я видел ваши фильмы “про шпионов” и готов дать ещё одну “наколку”. Как вы к этому отнесётесь?

— Думаю, положительно, — ответил я.

— Вы читали “Момент истины” Владимира Богомолова?

— Да.

— Да как вот, в Амурской области в сорока километрах от пограничного посёлка Поярково в деревне Канино живёт прототип богомоловского Таманцева.

— А вам-то это откуда известно?

— Я служил там в пограничной комендатуре.

— А почему бы вам самому не взяться за это?

— Я пробовал, — честно признался он, — но у меня ничего не получилось.

И он достал из папки с замком-молнией три рукописных листка.

— Вот фактура по Таманцеву—Коловратову.

К тому времени я действительно был автором сценариев пяти фильмов “шпионской” тематики. Этот опыт давал надежду, что удастся справиться и на этот раз, независимо от того, жив герой или его уже нет. Просмотрев оставленные мне тексты, я окончательно решил делать сценарий.

* * *

Но как добраться до Благовещенска? Это не Москва и не Питер, куда я ездил устанавливать контакты с родственниками моих героев и самими героями. Тут всё намного сложнее, но никто ведь не отменил ещё принцип бархатающей в молоке лягушки. Той самой, которая долго молотила лапками по молоку, взбила масло и выбралась из кринки.

Начав “молотить лапками”, я почти сразу вышел на одного из своих друзей, который порекомендовал обратиться в организацию под названием “Белазсервис”: её представители часто ездили в Минск из-под самого Улан-Удэ.

— Давай, давай, — сказал мне друг, — Улан-Удэ — это почти рядом с Благовещенском, я по карте посмотрел.

И я стал искать выходы на “Белазсервис”.

Так бывало и раньше, когда я писал предыдущие сценарии, а потом искал деньги на съёмки фильмов. Всё это похоже на попытку раскрутить огромное, старое колесо, к тому же надетое на ржавую ось. Сначала эти попытки не удаются, и у тебя возникает желание бросить всё к чёртовой матери. Но наступает момент, когда ты чувствуешь: колесо стронулось с места и стало потихоньку крутиться.

Так вышло и на этот раз. Помочь мне взялся представитель “Белазсервиса”, который работал в Восточной Сибири. Звали его Александр, а вот отчество он имел редкое — Отгович. Разгадка его появления у белорусского парня не таила в себе никакой интриги: его дед, как истинный патриот своей Родины, назвал своего сына и будущего отца моего партнёра в честь руководителя экспедиции на пароходе “Челюскин” — Отто Юльевича Шмидта.

Чётко уловив суть предложения и цепко удерживая в своих руках ситуацию, Александр Отгович сразу же заявил, что представители его фирмы не ездят в Минск на машинах, потому что это неудобно и долго. Но помочь мне белорусские сибиряки могут и сделают это в рамках сотрудничества Беларуси и России.

— Если ваш журнал или какое-то издательство напишет бумагу с просьбой помочь вам съездить в творческую командировку, чтобы осветить жизнь тех, кто каким-то образом был связан с Беларусью в годы войны, наша бухгалтерия не будет иметь претензий.

И вот я мчусь, хотя к поезду, который огибает Байкал, это мало относится, по просторам Сибири на встречу с очередным своим героем.

Коловратов

Коловратов нехотя открыл глаза. Что-то щекотало в носу. Увидел рядом Коровина, который травинкой осторожно касался его лица.

— Начальство тебя зовёт, — сказал Коровин.

В госпитале Коловратов пробыл до июня сорок четвёртого, затем снова вернулся в часть. Всё это время он пытался разыскать или хотя бы узнать что-либо о судьбе спасённой им девчонки. Но всё было напрасно. Группой командовал новый командир, да и задачи у неё были иные.

Но в начале августа его разыскал Граббе, и он оказался в составе совсем уж крошечной группы из трёх человек. Третьим был радист Коровин, долговязый белобрысый парень, начавший войну, наверное, не более года назад.

— Выспался? — спросил Граббе.

— Угу, — буркнул Коловратов.

— Пойдешь со мной, — сказал командир, — Лёша нас подстрахует.

“Тоже мне, страховщик”, — подумал Коловратов.

Но ничего не сказал.

Они пошли к опушке леса, где была назначена встреча.

Коловратов знал свою роль. Он, громила-телохранитель, всегда должен возвышаться за спиной Граббе и таким образом играть окружение короля — грозное, неумолимое, беспощадное. Сам же король — аристократ, говорит тихо, но каждому его слову внимают при полном молчании.

Какой-то большой чин контрразведки, вручая Граббе медаль, назвал его полigliотом. Коловратов долго не мог запомнить это слово, пока не соотнёс его со словом “проглот”. Оказалось, что его командир “проглотил” в своё время несколько языков, в том числе и польский.

Вообще-то награды у закордонников — вещь редкая. Дают их за большие заслуги, и чаще всего посмертно. С чем это связано, Коловратов до сих пор не может понять.

На встречу пришли двое. Без преувеличения — две их уменьшенные копии. Переговорщик — маленький, холёный, в сапогах, бриджах и некоем подобии френча. Второй едва угадывался за его спиной, но угрюмым и грозным видом старался показать своё назначение и роль. На нём была кепка, брезентовая куртка, в правой руке — “шмайссер”, с каким-то шиком примотанный к предплечью кожаным ремнем. Всё это должно было, видимо, говорить о том, что он и автомат — одно целое. Но Коловратов, хотя и не учился в вузах, знает, что если человек выпячивает что-то, значит, он что-то пытается спрятать. А что может прятать эта “уменьшенная копия” Коловратова, как не собственную неуверенность?

Граббе так быстро говорит по-польски, что Коловратов не понимает, о чем идёт речь. Хотя, о чём бы она ни шла, всё было просто и ясно, как божий день. Болтаясь по лесам и выдавая себя то за жовнеров Армии Крайовой, то за некую третью силу, которая возжелала бороться с Красной Армией и Советами, они не только выявляли подозрительные группы оставшихся в тылу немцев вооружённых людей и сообщали о них руководителям операции, но и устанавливали контакты с нарождающимся бандподпольем.

Эти прощупывания, намёки, разговоры вокруг да около мог вести только Граббе. И у него никогда не было срывов. Его внутренняя аристократичность была неким знаком, который вызывал к нему доверие, помогал выглядеть своим среди чужих. Он не выглядел советским, а это первое условие не для успеха даже, а только для начала переговоров.

В разговоре Коловратов часто слышит слово “пан”. Вот и сейчас:

— Цо пан хце?

Чего хочет пан Граббе, ему ясно. А чего хочет пан Коловратов, никого не интересует. А он хочет выспаться хоть раз за всю неделю. Не мешало бы попариться в баньке, потом выпить чарку водки или, на худой конец, самогонки.

Думая об этом, Коловратов как-то выпал из своей роли. Наверное, этот птичий шипящий язык его усыпил. Шевеление в кустах он заметил с опозданием и, не целясь, выстрелил. В это же мгновение что-то рвануло его за плечо, закрутило по спирали и невыносимой тяжестью прижало к земле.

Собственно, чему было удивляться. Если их подстраховывал Коровин, то и “контактёры” должны были позаботиться о своей безопасности.

Коловратов застрелил страховщика переговорщиков, а Коровин, поскольку держал на мушке тех, с кем они разговаривали, положил их, но зацепил и Коловратова. Кто стрелял и попал в Граббе, было непонятно. Слово кто-то специально держал его на мушке и точно выполнил поставленную задачу.

Осень сорок четвёртого Коловратов встретил в 145 военном госпитале в Подольске. Госпиталь был энкавэдэшный. Размещался он в здании бывшей гимназии. И хотя до фронта было рукой подать, город бомбили редко и спускаться в подвал-бомбоубежище почти не приходилось.

Первое своё ранение Коловратов получил в Севастополе, откуда был эвакуирован в Сталинград. Однако долечиться окончательно ему не удалось. Начались бои за город, и Коловратов вместе с другими “недолеченными” ушёл воевать в десантно-штурмовые группы, которые действовали на танках.

— Коловратов, к начальнику госпиталя, — сказала сестра, заглянув в палату.

Коловратов, накинул халат и двинулся на второй этаж. Интуиция подсказывала ему, что не начальник госпиталя его ждёт. Только и дела начальнику до таких, как Коловратов.

В своих предчувствиях он не обманулся.

В кабинете начальника его ждал капитан в общевойсковой форме.

— Следователь Попатенко, — представился он.

Коловратов ничего не ответил, присел на краешек стула, чуть ссутулившись.

Попатенко по-своему оценил эту позу, усмехнулся, достал из портфеля лист бумаги, ручку и спросил:

— Что вы можете показать по делу о гибели группы Граббе?

— Да я уже всё рассказал в полевом госпитале, — ответил Коловратов.

— Я ознакомился с вашими показаниями, — сказал следователь, — и они меня не устроили.

Коловратов пожал плечами, насколько это позволяло раненое плечо.

— Вам не кажется, — начал следователь, — что такого рода провал не мог быть не связан с предательством?

— Предательством?

— Да, предательством одного из членов группы. Вы отбывали срок до войны? — спросил следователь

— Да, — ответил Коловратов.

— Почему это не отмечено в вашем деле?

— Я не знал, что такое дело есть.

— За что вы отбывали срок? Только не говорите, что за хулиганство...

— Именно за него, — сказал Коловратов.

— Пусть будет так, — согласился следователь, — и в чём же оно выразилось?

— Долго рассказывать, — недружелюбно ответил Коловратов.

— А я куда не тороплюсь, — заметил Попатенко, — и готов внимательно и терпеливо слушать...

— Подрался с командированными...

— Где?

— В Сталинске... — сказал Коловратов, вспоминая события почти пятилетней давности.

Он, хотя и работал тогда на строительстве Кузнецкого металлургического, всё-таки считался местным, так как родился и вырос в Сталинске, а всех остальных называл командированными. Стычки между молодыми людьми были не так уж редки, но на них никто не обращал внимания: подумаешь — парни подрались. Но, видимо, в тот раз начальство решило навсегда избавиться от “позорного явления прошлого” и устроило показательный процесс, под который и суждено было попасть Коловратову. Впрочем, ему всегда не везло: дерутся все, а замечают почему-то его. Наверное, в первую очередь, из-за его устрашающего вида и неумения потом, после драки, поплакаться в жилетку и покаяться.

Прояснить ситуацию я хотел ещё в Беларуси. Больно уж много нестыковок выходило с этим Коловратовым. То он служит в “Смерше”, а потом куда-то исчезает. То объявляется на Дальнем Востоке и участвует в войне с Японией, но за какие-то действия, граничащие с нарушением закона, был разжалован и уволен из вооружённых сил.

Впрочем, с теми, кто когда-то служил в разведке, контрразведке и спецподразделениях, всякое могло случиться. И Коловратов мог объявляться то там, то тут вовсе не по своей воле, а по приказу. Такие мысли роились в моей голове, пока поезд пробежал последний участок пути от Белогорска до конечного пункта — Благовещенска.

Разумеется, я не поехал за тридевять земель, не созвонившись с коллегами из Поярково. Однако в Поярково отделение УФСБ возглавлял новый человек, который слышал что-то о старике-смершисте, но новой информации к той, что я имел, добавить не мог. Да, собственно, зачем ему мне помогать? У него другие задачи и проблемы.

От Белогорска поезд шёл с опозданием, и в Благовещенск мы прибыли затемно. Я уже планировал было искать пристанище на вокзале, чтобы утром отправиться автобусом в Поярково, как высокий молодой парень, стоящий на перроне, вдруг обратился ко мне по имени-отчеству.

Оказалось — это водитель начальника Поярковского отделения УФСБ. Через минуту появился и сам начальник — молодой человек лет тридцати с небольшим.

Мы сели на привокзальной площади в машину и поехали в Поярково. По дороге я выяснил, что Коловратов в районе не значится. По непроверенным данным, родственники поместили его в дом престарелых в Белогорске. Но в Поярково живёт человек, который хорошо знал Коловратова, поскольку когда-то служил на заставе, рядом с которой находилась деревенька Коловратова. К герою-ветерану ему неоднократно приходилось возить корреспондентов.

Мы ехали в темноте и довольно быстро, но в Поярковскую гостиницу добрались только к часу ночи. Водитель называл начальника Петровичем, не стал ломать традицию и я.

— Спасибо, Петрович, — сказал ему на прощание, — как завтра?

— Водитель приедет за вами в девять, — пообещал Петрович и откланялся.

Я разобрал постель, улёгся и посмотрел на часы, пытаясь фосфорными стрелками загибнотизировать себя. Эти стрелки показывали второй час ночи по амурскому времени. Но обмануть внутренние часы долго не удавалось. Ведь в Минске было только шесть вечера. Промучившись в постели с полчаса, я встал, умылся, достал из сумки несколько листов бумаги и стал сочинять план завтрашних действий.

Коловратов

Срок Коловратов отбывал, работая на той же стройке, только уже за колючей проволокой.

— У вас, — подчёркнуто вежливо, что обычно не предвещало ничего хорошего, сказал следователь, — странный послужной список. Вы вдруг возникли в Севастополе в моряхах, потом вдруг оказались среди танкистов?

Что мог ответить ему Коловратов? Он и сам не понимал зигзагов своей судьбы. С началом войны он попросился на фронт. Его направили сначала в штрафную роту, но уже на разборке всех, у кого были небольшие сроки, и кто не имел 58-й, отправляли на фронт обычным порядком. И громила Коловратов понравился какому-то “покупателю” в морской форме.

Так он оказался в Севастополе. Его ремесленное образование пригодились, и он попал на тральщик помощником моториста.

— В Севастополе я оказался по мобилизации, — сказал Коловратов. — А после ранения меня отправили в госпиталь, в Сталинград. Тогда никто и не думал, что немцы начнут наступление на Сталинград.

— И вы оказались в рядах танкистов?
— Нет, с моими габаритами в танке не поместиться, я был в танковом десанте.

— А кто вас рекомендовал в “Смерш”? — спросил следователь.

— Меня отобрали его представители, — ответил Коловратов.

— Странно всё это, — заметил Попатенко, — с вашей биографией нельзя попасть в “Смерш”, а вы в него попали.

— На фронте биографиями не интересуются...

— Интересуются, ещё как интересуются, — не согласился с Коловратовым следователь. — Вот я, например, выяснил, что в Сталинграде при странных обстоятельствах погиб командир вашей роты.

— Там все погибали при таких обстоятельствах, — сказал Коловратов.

— Да, — поддался ему Попатенко, — но перед этим им не угрожали подчинённые...

— Я ему не угрожал...

— То и подозрительно, вы действительно ему не угрожали, но за тем, кто угрожал, стояли вы... Старый эковеский приём — сделать что-либо чужими руками. А теперь скажите, почему вы умолчали о вашей судимости и пребывании в лагере во время беседы в Сталинграде с представителями “Смерша”?

— Меня об этом не спрашивали, да и беседы никакой не было. Меня нашёл Граббе и взял к себе в охрану.

— Есть ещё более странные обстоятельства. Человек, который привёз вас в Севастополь, погиб. Ваш командир роты в Сталинграде — погиб. Граббе, после того, как взял вас к себе, тоже погиб. Как вы можете это объяснить?

— Никак, — коротко и зло ответил Коловратов.

— Правильно, — почти дружелюбно согласился Попатенко. — Однако вам придётся ответить ещё на один вопрос. Куда вы исчезли на целых двадцать четыре часа перед последней операцией в прифронтной полосе?

Коловратов промолчал.

— Но отвечать на этот вопрос вам придётся уже в другом месте.

Попатенко встал, и тут, словно этого ждали невидимые соглядатаи, открылась дверь, и вошли двое солдат с автоматами.

Попатенко поморщился:

— К чему этот театр. Мы с раненым выйдем во двор, пройдем к выходу, а вы уж потом с автоматами...

В госпитале был тихий час, и Коловратов с Попатенко подошли к машине с будкой никем не замеченными.

Пока один из конвойных бегал за его обмундированием, а затем отнесил халат, он сидел с Попатенко в будке. Потом следователь выпрыгнул наружу, а вместо него забрались солдаты с автоматами.

— Проваторов, — раздался голос Попатенко.

— Я, тащ капитан, — отозвался один из конвойных.

— Будешь за старшего.

— Есть.

Коловратов присмотрелся к своим конвоирам. Бритва ещё не касалась их лиц.

— Давно на службе? — спросил он

— Разговор-рчики, — прорычал старший Проваторов.

“И то верно”, — подумал Коловратов. Однако между тем Коловратовым, который тянул срок с тридцать девятого по сорок первый, и нынешним, впитавшим опыт спецопераций в тылу и вне тыла врага, была дистанция огромного размера. Когда машину начало качать, в голову Коловратова пришла интересная мысль. А что если при очередном качке придать телу дополнительно ускорение и перелететь на противоположную лавку, где сидел второй конвоир. Чуть придержать его автомат и ударить ногой Проваторова, а затем задавить второго. И это должно получиться, поскольку начало его движения ни у кого из конвоиров не вызовет подозрения.

“Я тебе покажу разговор-рчики”, — подумал он с некоторым злорадством и стал ждать следующей кочки или впадины на дороге.

Кто-то стучался ко мне. Я глянул на часы — была половина девятого. Петрович обещал появиться в девять.

— Да-да, — заорал я, чтобы они не подумали, что номер пуст, — сейчас открою.

Конечно же, я уснул под утро, но спал не более двух с половиной часов. Я открыл дверь. Передо мной стоял свежий, выбритый и пахнущий одеколоном Петрович.

— Извините, — сказал он, — я на полчаса раньше. Готов проводить вас на завтрак.

— Не стоит — есть я захочу только к обеду. А к выезду готов уже сейчас.

— Хорошо, — ответил Петрович, — я жду вас в машине.

Вода в кране оказалась жёсткой, мгновенно снимала мыльную пену, но я сумел побриться и не порезаться. Затем захлопнул дверь номера и с папкой под мышкой спустился вниз, где у входа в гостиницу меня ждал Петрович.

— Человек, о котором я вчера говорил, — сказал Петрович, — в двух шагах отсюда, может, начнём с него?

— Фёдор Антонович Крючков, — представился человек, о котором мы говорили вчера, когда мы зашли к нему в кабинет, расположенный с торца гостиницы, — чем могу?

Я назвал себя и спросил, не знает ли он некоего Терского, который когда-то служил здесь в погранкомендатуре.

— Знаю, — сказал Крючков, — и очень хорошо.

— Значит, я на верном пути.

— Возможно, — ответил он.

— Петрович сказал, что вы были знакомы с Коловратовым.

— Был, и довольно хорошо, но рассказывать о нём — дело неблагодарное.

— Почему?

— Много непонятного. Я полагаю, что вы должны всех послушать и сами оценить сказанное.

— А где сейчас Коловратов?

— Он в доме престарелых, во всяком случае, был там полгода назад.

— Это в Благовещенске?

— Нет, это ещё дальше, в Белогорске.

— Так, сто шестьдесят до Благовещенска и сто до Белогорска. Действительно далеко даже по меркам Сибири.

— Дальнего Востока, — поправил меня Петрович.

— Извините, совсем запутался.

— Ничего страшного, — сказал Петрович, — раз уж вы здесь, надо обработать этот участок, а потом заехать в Белогорск.

— Логично, — сказал Крючков, — мы можем начать с местного музея. Там есть материалы о ветеранах войны. Но можно съездить и в деревню, где жил Коловратов.

— Можно, — вмешался в разговор Петрович, — тем более, что мне туда надо по делу.

— Такую оказию нельзя упускать, — сказал Крючков. — Если не возражаете, я съезжу с вами, а то жена Коловратова без меня с вами говорить не станет.

— У него жива жена?

— Конечно, она же значительно моложе его.

— А как её зовут?

— Её зовут Анастасия.

— А уж не она ли...

— Коловратов говорил, что она...

— Ну, таких чудес не бывает.

— Бывает, — сказал Крючков, — и вы в этом убедитесь.

Когда все уселись в машину и она, пропегляв по улицам посёлка Поярково, выехала на трассу, Крючков, откинувшись на сиденье, спросил:

— Как там в Белоруссии?

Коловратов

— Ну, — сказал Коловратову Попатенко, — было время подумать?

— Н-да, — неопределённо отозвался Коловратов.

— Так где мы отсутствовали целые сутки перед очередным выходом на задание?

— Я был... у одной знакомой.

— Так и запишем. Это было 20 августа?

— Да.

— И где живёт ваша знакомая?

— В Лиде.

— А точнее?

— Не знаю.

— И как давно вы знакомы?

— С двадцатого августа.

— Лихо, — следователь внимательно посмотрел на Коловратова.

Коловратов промолчал, только неопределённо пожал плечами. Двадцатого августа он пошёл на рынок за самосадам. Трофейные сигареты его не устраивали. Он хотел перед операцией накуриться до одури, чтобы тошнило, — это на некоторое время избавляло от желания закурить. Он выменял мешочек самосада за пару банок немецких консервов и стал бесцельно ходить между торговыми рядами, пока не заметил полногрудую бабу, бойкую, язвкатую. Он остановился перед ней и стал бесцеремонно её разглядывать. Трудно сказать, что заставило его выделить эту женщину из множества других торговочек. Впрочем, это не столь важно. Он уже давно заметил, что к определённого вида дамам его тянет, как магнитом. И, как ни странно, почти такое же влечение испытывали эти женщины к Коловратову.

— Пан офицер хочет угостить пани сигаретой? — спросила женщина с едва уловимым акцентом низким грудным голосом.

— Н-да, — Коловратов протянул ей начатую пачку трофейных сигарет.

— Пан офицер свободен?

— Н-да, — так же неопределённо сказал Коловратов.

Дама тут же стала собирать вещи с прилавка.

— Как её зовут? — спросил Попатенко, вернув Коловратова из воспоминаний в сегодняшний день.

— Лёдя...

— Это имя или прозвище?

— Имя.

Лёдя жила в домике на окраине Лиды, который был окружён палисадником. Во дворе чисто, значит, ни живности, ни кур у Лёди не было.

Они зашли в дом. Коловратов снял вещмешок и поставил на пол. Леокатия прошла мимо него к буфету, при этом она чуть коснулась гостя, от чего Коловратова мгновенно бросило в жар. Женщина достала из буфета бутылку с самогонном, поставила её на стол и тем же путём двинулась обратно. Но Коловратов не дал ей пройти. Он протянул к ней свои ручки и по тому, как она жадно потянулась к нему, понял, что её рейды за бутылку и закуской были наживкой, на которую она ловила его, а он не мог не попасться.

Из дома с палисадником он ушёл утром, пообещав прийти ещё, хотя наверняка знал, что обещания своего не сдержит.

— Так, — сказал следователь, — значит, вы дважды нарушили требования конспирации. Во-первых, ушли накануне операции на рынок, а во-вторых, исчезли на целую ночь, правда, прикрываете всё это контактом с женщиной.

— Ничего я не прикрываю, — сказал Коловратов, — я действительно был с женщиной. И я сказал об этом Граббе.

— Ну, с Граббе сейчас взятки гладки, — ответил следователь, — он расплатился за излишнюю доверчивость своей жизнью.

— А я тут при чём?

— Вас надо было отстранить от операции, операцию отменить, а Граббе не сделал этого. И мало того, он же попросил Коровина не говорить никому о том, что один из бойцов перед операцией отлучался из расположения

группы. Но самое главное доказательство вашего предательства я оглашу сейчас...

* * *

В Канино приехали через час. И весь этот час Крючков готовил меня к встрече с женой Коловратова. Делал он это как хороший сын, который намеревается показать посторонним свою не совсем психически здоровую мать.

Я не должен был обращать внимания на беспорядок в доме, если таковой будет. Не должен удивляться тому, что на один и тот же вопрос Анастасия Дмитриевна может ответить по-разному и так далее.

Канино было небольшим селом, перерезанным пополам довольно широким ручьём.

Мы крутанулись по главной улице, съехали в переулок и остановились у полуразрушенного домика. Крючков вышел первым и закричал:

— Анастасия Дмитриевна, к вам гости.

Через час мы вышли из дома жены Коловратова. Я был обескуражен. Всё, о чем меня предупреждал Крючков, произошло. Анастасия Дмитриевна путалась в показаниях, не могла пояснить, как она оказалась в Белоруссии. Крючков пришёл к ней на помощь.

— А где фото Григория Ивановича? — спросил он.

Хозяйка тут же достала из комода старую картонную папку и принесла к столу.

Крючков бросился ей помогать. Он долго возился со шпагатными тесёмками. Видя, что их не развязать, хозяйка пошла во вторую комнату и вернулась с охотничьим ножом. Уверенное движение — и клинок разрезает тугой узел. В папке несколько фотографий Коловратова в морской форме, вырезки из газет.

— Это статьи про Гришу, — говорит хозяйка.

— А где письма? — спрашивает Крючков.

— Какие письма?

— Те, что ему писал Богомолов.

— Не знаю, наверное, кто-то украл.

— Кто?

— Завистники.

— А, понятно.

На самом дне папки был свёрток, точнее, что-то завернутое в пожелтевшую от времени газету. И я, и Петрович напряглись, потому что в нём могло содержаться то, что расставляло все точки над “i”, или, наоборот, то, что ставило крест на красивой легенде о прототипе Таманцева.

Крючков стал разворачивать газету. В ней была книга Владимира Богомолова “В августе сорок четвертого” — одно из первых изданий. Я стал листать страницы в надежде найти посвящение, которое подписал автор своему прототипу, но не нашёл. Зато увидел множество подчёркиваний, которые когда-то делал Коловратов.

Они все были в главах “Таманцев”. Подчёркнуты были в основном ключевые фразы, освещающие биографию Таманцева и основные эпизоды его службы в качестве “чистильщика”^{*} и грозы “паршей”^{**}. И только в одном месте карандашом был выделен большой отрывок текста. Это было описание “дуэли” Таманцева с Павловским.

Коловратов

Ещё сутки провёл Коловратов в КПЗ — не КПЗ, гауптвахте — не гауптвахте. Это было странное сооружение: отдельно стоящий дом, что-то вроде флигеля с решётками на окнах, крепкими дверями и часовым за стенами.

* Чистильщик — сотрудник СМЕРШа, специализирующийся на операциях по очистке прифронтового тыла от диверсантов.

** Парш — диверсант, сброшенный в тыл на парашюте.

На следующий день его опять повели на допрос к Попатенко.

— Ну-с, — сказал тот, увидев Коловратова, — вот и наступает...

— Что наступает? — спросил Коловратов.

— А вы не догадываетесь?

— Нет.

— Момент истины наступает. Знаете, что это такое?

Коловратов ничего не ответил. Что такое момент истины, он не знал да и не хотел знать. А всё, что было выше его понимания, он не только не принимал близко к сердцу, но и вообще не брал в голову.

— Повторим пройденное, — сказал следователь, — вы утверждаете, что 20 августа ходили на рынок не для встречи со связником.

— Каким связником?

— Армии Крайовой, — ответил следователь.

— Не знаю я такой армии.

Следователь сочувственно покачал головой, а потом вдруг сказал:

— Не знаете и не знаете, они же не представляются?

— Не понял.

— Ну, конечно, не представляются. Да, как звали ту женщину, с которой вы провели целые сутки вне части?

— Я провёл с ней ночь...

— Ах да, всего лишь ночь... Тогда я поставлю последнюю точку в нашем расследовании.

После этих слов Попатенко встал, прошёл к сейфу, демонстративно достал папку, вынул оттуда лист бумаги стал читать:

— На ваш запрос от 30 августа сорок четвёртого года, входящий... сообщаем, что Пшебельская Леокадия Казимировна, тысяча девятьсот четырнадцатого года рождения, уроженка Белостока, проживающая в городе Лида, по улице Лесная, дом 21, нам известна. Разрабатывается нами как близкая связь “Янека”, руководителя разведпятачки в Гродно...

— Чего руководителя? — переспросил Коловратов.

— Разведпятачки, — пояснил следователь. — За сим наше следствие окончено. Вас требует под своё крылышко трибунал... Проваторов!

В комнату вошёл уже знакомый Коловратову конвоир.

— Будете сопровождать подследственного, — сказал ему Попатенко.

— Руки назад, — грозно скомандовал Проваторов, — вперёд, шагом марш.

Во дворе их ждал второй конвоир и машина. Коловратов влез в будку, за ним прыгнул второй конвоир, а Проваторов чуть задержался. В это время из дома вышел военный, звание которого Коловратов не успел рассмотреть, и скомандовал:

— Хватит одного...

— Но по инструкции... — попытался возразить Попатенко.

— Я здесь инструкция, — отрезал военный.

Проваторов закрыл дверь будки, и машина тронулась. Коловратов посмотрел на своего конвоира. Чокнулись они здесь в тылу, что ли? Оставить его один на один с этим пацаном, у которого автомат в положении “на грудь”. Да он и в первый раз мог задавить обоих конвоиров, но машину почему-то перестало качать.

Коловратов ещё раз взглянул на своего конвоира. Паренька трясло и, как догадался Коловратов, трясло от страха. Он боялся Коловратова, боялся три дня назад, когда конвоировал его с Проваторовым, и тем более сейчас. Его прямо парализовало от страха. Но не тяжёлый взгляд Коловратова был этому причиной, а что-то другое. Именно это “что-то” остановило Коловратова. Звериным чутьём он почувствовал здесь опасность ловушки.

Однако постарался сделать свою физиономию ещё более зверской. Этим он довёл конвоира до состояния шока, что в какой-то мере компенсировало его унижения в последние трое суток.

Когда-то его дед, живший в Горной Шории, брал его на лето к себе в деревню. Именно дед научил его стрелять, а вовсе не инструктора в Севастополе. От него Коловратов усвоил железное правило: чтобы всегда попадать

в цель, нужно выработать в себе чувство устойчивости. А оно не зависит от того, пятьдесят в тебе кэга или сто. Устойчивость — это внутреннее состояние. Устойчив ты внутри, устойчиво и твоё тело.

Ещё там, в тайге, стало появляться у Коловратова интуитивное чувство будущей удачи на охоте. Он знал, в какую цель попадёт, а по какой цели стрелять не будет.

И какое бы оружие потом ни брал в руки Коловратов, ему достаточно было сделать несколько пристрелочных выстрелов, и он словно срастался с автоматом или пистолетом. Однако пистолет он не любил. Однажды увидел, как Трошин стреляет из двух пистолетов одновременно, и предложил тому пари. Спор он выиграл, но никогда больше не стрелял из пистолета.

Перед тем пари он почувствовал, что будет победителем, а сейчас этого чувства у него не было, хотя внешне все было на его стороне.

Прошло более часа. И вдруг машина остановилась. Дверь будки открылась, и Коловратов увидел, что машина стоит в лесу. Конвоир без команды спрыгнул на землю и поменял положение автомата, взял его на изготовку к стрельбе.

Прошла минута, как вдруг раздался голос Попатенко:

— Коловратов, чего вы ждёте, выходите.

— Мне некуда спешить, — сказал Коловратов.

— Я бы так не сказал, — ответил ему Попатенко.

Коловратов немного помедлил, но потом всё же выпрыгнул из машины и не поверил глазам. Машина находилась в двухстах метрах от входа в 145-й госпиталь.

— Вот ваши документы, — сказал ему Попатенко и протянул красноармейскую книжку и аттестаты, — о наших беседах, а тем более о гражданке Пшебельской вам надлежит забыть.

Коловратов стоял неподвижно, не веря случившемуся. В это время затахтел мотоцикл и подъехал военный, звание которого Коловратов не разглядел во дворе. В коляске мотоцикла с автоматом на изготовку сидел Проваторов. И только тут Коловратов всё понял. Его дважды проверяли: три дня назад и сегодня. С доказательствами возможной вины у Попатенко не густо, вот он и решил проверить его на вшивость: дать возможность попытаться убежать и таким образом доказать его вину.

“Наверное, дырку для медалей уже крутили, сволочи”, — подумал Коловратов. Подумал, но ничего не сказал, а повернулся к машине спиной и пошёл по направлению к госпиталю.

— Счастливо долечиться, — сказал ему вслед Попатенко.

— Пошёл на хрен, — сквозь зубы процедил Коловратов.

* * *

В Поярково мы вернулись после обеда. Петрович сразу же уехал к себе, Крючков занялся своими делами, а я направился в музей, чтобы встретиться с людьми, которые когда-то собирали материалы, в том числе и о Коловратове как участнике Отечественной войны.

Музей размещался в старом здании, как мне сказали, временно приспособленном для этой цели. Оказывается, полгода назад здание музея сгорело, о чём сотрудники очень жалели, и я как гость долго и терпеливо выслушивал их сетования по этому поводу.

Мы ждали бывшую заведующую музеем, которая должна была подойти с минуты на минуты. А пока она не подошла, мне показали экспозицию.

Я осмотрел утварь, с которой переселенцы начала прошлого века прибыли на Дальний Восток, поразился тому, что почти всё, что было необходимо им для жизни и земледелия, они могли делать сами.

Молодая сотрудница, которая рассказывала мне об экспонатах, вскользь заметила, что у них есть материалы по партизанскому движению в Белоруссии.

— Как они у вас оказались? — спросил я.

— Это уже послевоенное переселение европейцев на Дальний Восток, — объяснила она, — а среди переселенцев были те, кто партизанил в Белоруссии.

Конечно, ей почему-то хотелось обратить моё внимание на этот факт, но я был заиклен на Коловратове и пропустил её сообщение мимо ушей. А сотрудница не стала возвращаться к этой теме ещё раз.

Вскоре подошла бывшая заведующая. Звали её Нина Петровна. Мы уединились в кабинете — длинном, больше похожем на коридор. Видя мое недоумение, Нина Петровна, не зная, что я уже осведомлён о пожаре, рассказала мне эту историю ещё раз, пояснив, что кабинеты сгорели и сотрудники вынуждены ютиться по бывшим кладовкам.

Потом мы поговорили о Коловратове.

— К Коловратову наши сотрудники стали проявлять интерес в середине семидесятых, — сказала Нина Петровна.

— А до этого?

— До этого он не был замечен. Конечно, он — орденосец, воевал в Севастополе и Сталинграде. Но в то время ветераны войны были ещё молоды, было их много, и всё это было в порядке вещей.

— А что подтолкнуло вас...

Моя собеседница не дала мне закончить вопрос.

— В областной газете появилась статья о Коловратове, в которой он рассказывал об участии в спецоперациях в Белоруссии.

— И вы...

— И мы не могли пройти мимо. Но когда мы стали изучать его биографию детально, у нас выявилось много нестыковок...

И чем глубже мы вдавались в детали, тем было непонятней, то ли Богомолов писал книгу после рассказов Коловратова, то ли Коловратов внимательно читал Богомолова.

— В чём это выразилось?

— Он всё время использовал несколько ключевых фраз книги. Например, “и стреляли мы их, пока не поушнели”. Или часто говорил о том, что “стрелял диверсантам в коленную чашечку”.

— И он стал вам не интересен.

— Да, но не только поэтому: последнее время он много пил, впадал в буйство, и жена не вытерпела — сдала его в дом престарелых... Я полагаю, что вы проделали такой путь совсем для другого. У нас есть дневник одного из членов диверсионной группы Шаповала.

— Вы сказали Шаповала, я не ослышался?

— Нет, не ослышались. А вы его тоже знаете?

— Я знаком с деятельностью группы Шаповала, но не знал, что он ваш земляк, поскольку в его биографии значится, что он родился и призывался в армию из Сталинграда.

— Так-то оно так, но после войны он почему-то не прижился в Белоруссии и с женой-белорусской приехал сюда. Здесь и он, и она нашли свою вторую родину. К сожалению, его уже нет с нами.

— И как выглядит этот дневник? — спросил я, представляя себе несколько листочков, похожих на те, что мне передал Терский.

— Я знала, что вы заинтересуетесь этим, — сказала Нина Петровна и открыла ящик стола. — Сам дневник в экспозиции, а это его ксерокопия.

И она протянула мне то, что по-белорусски называется шитком, а по-русски тетрадью.

“Ни хрена себе, — подумал я, — козльевичина какая-то. Надо было сорваться и проехать семь тысяч километров, чтобы найти то, что я безуспешно разыскивал в Белоруссии. Да... это тебе не из Испании в Египет перебраться, здесь расстояние раз в пять больше”.

— Мне вам её вернуть?

— Нет, можете взять с собой и распорядиться, как вам будет угодно.

После всего этого бывшая заведующая сказала:

— Что-то мы все про Коловратова и Коловратова... Расскажите, как там у вас, в Белоруссии?

Коловратов

— Гришка, Гришка, — тряс его за плечо Мордашев, сорокалетний мужик, у которого были ранения в обе руки, — расскажи, как тебя дочка генерала принимала.

Мордашев самый старший в палате и считает, что может обращаться с более молодыми без церемоний.

— Я уже рассказывал, — говорит Коловратов.

— Ну, ещё расскажи...

— Отстань, — отбивается Коловратов, но только для проформы: делать в госпитале нечего, и он опять рассказывает в лицах, как его вызвал какой-то капитан и передал приглашение от генерала, фамилию которого он называть не хочет. Коловратов поехал с капитаном, а потом оказалось, что это был вовсе не генерал, а генералова дочка. Она увидела Коловратова в госпитале и вспылала к нему любовью.

Отсутствие Коловратова в госпитале начальство “не заметило”, а ребятам в палате он рассказал историю о любовной связи с дочерью генерала. Он думал, что этим и ограничится, но его стали просить рассказать об этом ещё и ещё. И, как ни странно, Коловратов, который и матом-то ругался потому, что не мог связать трёх слов, вдруг почувствовал себя совсем другим человеком, человеком, к которому судьба относится не так, как к другим.

В госпитале он стал достопримечательностью, на него ходили смотреть из других палат. Одно было плохо — левая рука так и не восстановилась. Уже зимой его перевели в один из уральских госпиталей, а потом и совсем уволили из армии по ранению.

По выписке Коловратов уехал в Горную Шорию и целый год прожил в деревне деда. Старые таёжники парили ему руку в настое конских яблок, заставляли играть на гармошке. Точнее не играть, а нажимать на басы. В конце концов, всё это дало результат: он стал чувствовать пальцы и почти восстановил подвижность руки в суставах. В те времена такая инвалидность была счастьем: вон сколько вернулось с фронта и одноногих, и однуруких, а то и без рук и ног, “самоваров”, как называли их тогда.

* * *

Я вышел из музея и направился в отделение УФСБ, с радостью воспринимая то, что я сам ориентируюсь хотя и в небольшом, но районном центре, где я никогда до этого не работал.

Петрович проводил совещание со своими подчинёнными. Он познакомил меня с сотрудниками.

Затем мы с Петровичем уединились в его кабинете.

— Ну, — спросил я его, сгорая от нетерпения.

— Она не могла быть ни связной, ни радисткой.

— Почему?

— Она 36 года рождения и в сорок четвёртом ей было восемь лет.

— Да-а.

— Что будете делать?

— Ехать обратно, но в Белогорск я всё же заеду.

— Дело ваше.

— Петрович, а сколько сейчас в Москве?

— Минус шесть, — ответил Петрович.

— Значит утро.

— Угу.

— Один звонок в Белокаменную?

— Ну, если только один.

Я набрал номер Анатолия. Соединение прошло безукоризненно. Слышимость была тоже хорошая, правда, параллельно с голосом было какое-то завывание.

— Привет, начальник, — обратился я к своему однокашнику, — моя просьба?

— Выполнил, но порадовать ничем не могу. Коловратов Григорий Иванович, рождения 20 года, уроженец Сталинска, в кадрах “Смерша” не значится.

— А может, он был прикомандирован?

— Нет, такие тоже учитывались.

— Спасибо, отбивайся. На обратном пути я к тебе заскочу...

— Ну, что? — спросил Петрович.

— По учётам не проходит.

— Что будем делать?

— Простимся с Крючковым и в путь.

— Прямо сейчас?

— Нет, думаю, завтра.

Однако проститься с Крючковым не удалось. Он был занят и сказал, что может встретиться со мной только утром. Вечер я провёл в компании коллег в квартире начальника отделения. Во время товарищеского ужина показал им свой последний фильм, затем пошёл в гостиницу.

Утром я встал пораньше и заглянул в кабинет к Крючкову.

— Готовитесь убить? — спросил меня он вместо приветствия.

— Да, — сказал я, — поэтому хочу проститься и, если позволите, задать несколько вопросов.

— К вашим услугам, — не без иронии ответил он.

— Как вы сами познакомились с Коловратовым?

— Я, как и Терский, служил когда-то в погранкомендатуре, а это — мужской коллектив, мужские интересы.

— И в чём заключались интересы вашей комендатуры?

— В охоте, в чём же ещё.

— И в этом вам помогал...

— И в этом мы не могли обойтись без помощи местных...

— Охотников-любителей?

— Ошибаетесь, — сказал он, — профессионалов. Коловратов когда-то был профессиональным охотником и даже инструктором по охоте и туризму. В одно время появился у нас зам по воспитательной работе, фамилию его называть не буду, назову по-старому, как привычней и вам, и мне, — замполит. Имел он большую страсть к охоте, хотя охотник был слабый. Так вот, он сколотил маленькую группу из подчинённых, чтобы не быть одному, и привлёк к этому делу в качестве проводника и знатока здешних мест Коловратова.

— И чего же охотничья братия не заступилась за него, когда жена сдала его в дом престарелых?

— Не дело братии вмешиваться в дела семейные — это во-первых, а во-вторых, к этому времени братия уже распалась...

— Почему?

— Времена наступили для меня малопонятные.

— В смысле?

— Во-первых, стали приезжать совсем молодые офицеры, а это поколение даже я не совсем понимал...

— А во-вторых?

— Во-вторых, сам Коловратов перестал быть понятен. И когда он начал говорить о войне, над ним стали потихоньку посмеиваться. Правда, делали это не в глаза, но он, видимо, чувствовал это. Однажды тот же замполит сказал ему, что о войне невозможно узнать правду, пока живы ветераны войны.

— Да, — согласился он. Но Коловратов не подумал, что в эту фразу замполит вкладывал совершенно другой смысл.

— И какой же?

— “А ветеранов с каждым годом становится всё больше и больше”, — сказал тогда замполит.

— И Коловратов обиделся?

— Да, но тогда он виду не показал, а отомстил замполиту по-своему.

Коловратов

В сорок шестом перебрался Коловратов в Сталинизм и стал инструктором по спорту и туризму. В сорок восьмом отменили карточки, жизнь стала лучше, появились люди с деньгами. Они жаждали развлечений. Коловратов стал водить группы в тайгу. Работа — не бей лежачего. Неделя — на маршруте, две недели — дома. На маршруте даже интересней. Разный попадался в группах народ, но опять же, что нравилось Коловратову, он для всех в тайге — царь и бог. Он один всё знал и умел. Иногда у костра как-то неожиданно, сам по себе заходил разговор о войне, и Коловратов мог рассказать туристам о рейдах в немецкий тыл. Но когда особо любопытные пытались выяснять детали, многозначительно умолкал. И слушатели правильно понимали: время деталей ещё не наступило.

Осенью сорок девятого он пошёл в тайгу с очередной группой. В группе был мужик по имени Владик, который ему сразу не понравился. Но разве в мужиках дело, ведь ещё от первого срока на бедре Коловратова красуется наколотая тушь в три иголки надпись: “Вот что нас губит”, — а ниже её — бутылка, нож и женщина.

Была в той группе женщина, которую взял с собой Владик. Звали её Клавдия. Её интерес к своей персоне Коловратов почувствовал сразу. Была ли это истинная страсть или только способ позлить своего дружка, тогда трудно было понять. Но между мужиком и Коловратовым началось незримое соперничество. И надо же такому случиться, что на одном из привалов Владик предложил устроить соревнование по стрельбе. Но не просто так, а после стакана спирта.

Разлили спирт по кружкам, поскольку в поход стаканы не брали, выпили. — Пошёл, — сказал мужик.

Кто-то бросил в воздух кепку. Владик выстрелил первым, но промахнулся. И тогда выстрелил Коловратов. Кепку резко подбросило вверх, раздались восторженные возгласы.

Но мужик не согласился с результатом. И тогда они повторили соревнование. Владик опять проиграл.

Ночью в палатку Коловратова пришла Клава. Раньше он никогда не допускал на маршруте вольностей с туристками. Но спирт сделал своё дело, и Клавдия осталась у него, пообещав, правда, утром перебраться в свой спальник.

Солнышко уже ощущалось даже сквозь брезент палатки. Коловратов выбрался наружу и увидел свой нож, всаженный по самую рукоять в спальный мешок Клавдии. Нож был широкий, и на спальнике совсем не было крови. В первую минуту Коловратов подумал, что его так жестоко пытаются разыграть, мстя за вчерашний проигрыш в стрельбе. Но всё оказалось не так просто. Потом была драка с Владиком, который прекрасно разыграл роль оскорбленного любовника и мстителя за убитую подругу.

“Два петра”, как говорили эки, из своего двадцатилетнего срока оттянул Коловратов и решил в Сталинизм не возвращаться. Он поступил в Хабаровске в строительный техникум. Окончив его, попросился в самую глушь, в посёлок Канино, оттуда потом никуда не уезжал.

Перед самым отъездом из Хабаровска познакомился он с женщиной, наминавшей ему ту девочку-связную, которую он спас в Белоруссии. Впрочем, с той поры Коловратов, казалось, прожил несколько жизней — и настоящих, и вымышленных, и стал их путать.

* * *

Петрович довёз меня до Благовещенска. Там я попытался взять билет до Улан-Удэ, но выяснилось, что самолеты из Благовещенска туда не летают. Пришлось брать билет до Иркутска на завтра, прощаться с Петровичем и спешить на вокзал, откуда я электричкой отправился в Белогорск.

Дом престарелых я нашёл быстро, но начальства на месте не оказалось. Точнее, самым главным человеком там на момент моего появления была кастаньяна. После недолгой беседы я напрямую попросил её о помощи. Ска-

зал, что хотел бы поговорить с Коловратовым, но знаю, что он старик вздорный и может меня послать...

— Нет, — перебила меня кастелянша, — не может.

— Почему? — удивился я, не догадываясь о причинах такого ответа.

— Он умер, — просто ответила кастелянша.

— И давно?

— Полгода назад.

— А почему об этом никто не знает?

— Мы сообщаем родственникам, но если они не приезжают и не забирают умершего, хороним сами на местном кладбище.

— Вот как.

— Вы его родственник?

— Нет, я человек, который его хорошо знал.

Я не стал спрашивать у кастелянши, как проехать на кладбище. Кладбище самое известное место в любом городе. Если не верите мне, то проверьте: все жители городов, посёлков и других населённых пунктов могут не знать, где у них сидят начальники, но где находится кладбище, вам подскажет любой. Недолго думая, я поймал частника и попросил его отвезти меня на кладбище. По дороге я сказал ему, что захоронение должно быть свежее, полугодичной давности.

— Частное или общечеловеческое? — спросил мой водитель, ошарашив меня последним прилагательным.

— В каком смысле? — не понял я.

— В прямом. Если его хоронят родственники, то это частное захоронение, если организации, то общечеловеческое.

— Они что, в разных местах?

— Разумеется.

Подъехали к кладбищу. Я попросил водителя подождать меня и пошёл влево, туда, где были так называемые общественные захоронения. Могилу я нашёл быстро. Табличка, прибитая к деревянному колу, сообщала, что здесь похоронен Коловратов Григорий Иванович. Там же значился год рождения и год смерти, а ниже кто-то приписал шариковой ручкой: “Награжден орденом Красного Знамени и орденом Отечественной войны второй степени”.

Вернувшись с кладбища в город, я решил добраться до вокзала и уехать в Благовещенск. Но всему этому не суждено было сбыться, поскольку на последнюю электричку я опоздал. Я обратился к старушкам, которые “дежурили” на подступах к вокзалу, и не ошибся. За триста рублей одна из них согласилась предоставить мне комнату.

Звали старушку Антоновной. Она привела меня в квартиру, показала комнату, в которой было ещё три кровати, и стала опрашивать по схеме, известной со времен римского права: кто я, откуда, с какой целью и по какой нужде прибыл в Белогорск.

— Это вам для анкеты проживающего? — пошутил я.

— Нет, — совершенно серьёзно ответила Антоновна, — товарки вечером на лавочке соберутся и спросят: откуда жилец?

— А вы скажите им, что я из Новосибирска.

— Правильно, — ответила Антоновна, — а то, если скажу, что из Минска, так они вопросами замучат, а из Новосибирска... это же рядом...

Я отдал Антоновне деньги, она указала мне кровать, снова пожаловалась, что “на жильцов не сезон”, и пошла на улицу к подругам. Правда, дойдя до дверей, она вдруг остановилась и спросила:

— Да, а как там в Белоруссии?

— Так же, как и у вас.

— Ясно, — сказала Антоновна и закрыла дверь.

А я развалился на кровати, достал из сумки дневник и стал читать.

Коловратов

К вечеру подстрелили косулю и притащили её в лагерь.

Коловратов наклонился над тушей, рассматривая добычу, затем вытащил нож, чтобы снять с неё шкуру и разделать.

— Шкуру нужно снять, а мясо на куски резать не надо, — сказал замполит, — мы пожарим тушку на вертеле.

Но Коловратов не тот человек, чтобы слушать кого бы то ни было. Он снял шкуру, а потом стал рубить тушу на части.

— Ну, я же просил, — возмутился замполит.

— Сварим в казане, — сказал, как отрезал, Коловратов.

Он не то, чтобы был против этого экзотического способа приготовления мяса, просто не знал, как его жарить на вертеле, а признаться в этом было выше его сил.

Мясо ещё варилось, а охотничье сообщество уже уселось вокруг скатерти “самобранки”, которую заменяла клеёнка, густо уставленная всем, что называют холодной закуской.

Выпили по первой, закусили, потом — по второй. К третьей подоспело мясо.

Большие дымящиеся куски разложили на крышке от казана.

— Кто под горячее не пьёт, — сказал замполит, — тот богато не живёт.

Все выпили и навалились на мясо. После горячего пиршество пошло медленнее.

— Когда я служил на Кавказе, — сказал замполит, — я видел, как на вертеле жаривают быка, а в быка помещают барана, а в барана — гуся, а в гуся — утку, а в утку — фазана, а в фазана — голубя, а в голубя — воробья.

Подчинённые выразили удивление.

— Царское блюдо, — произнёс замполит.

— У-у-у, — поддержали его подчинённые.

— Западно, — сказал на это Коловратов.

— Что? — не понял замполит.

— Западно воробья есть.

Замполит обиделся. Присутствующие стали его успокаивать.

Компания разбилась на две группы: одни уговаривали замполита не обижаться на старика, а другие говорили старику, чтобы он не заводил начальника. Но вскоре все забыли об этом инциденте. В устоявшихся охотничьих компаниях — большие они или маленькие — у каждого своя роль. И не только на охоте, но и после её завершения. Апофеоз мероприятия вовсе не щедрое застолье, а послеобеденная или “послеужинная” беседа.

Уязвленный замполит лучше других знал это. Он ждал своего часа и дождался.

Все уже самые ненасытные отвалились от скатерти-клеёнки и расслабленно отдыхали, глядя на дымок костра. Разговор шёл сначала ни о чём, а потом, как обычно в мужских компаниях, зашел о женщинах.

— У нашего бывшего коменданта, — начал один из охотников, — была жена — золотая женщина. Все считали, что они дружили в детстве, а потом выяснилось, что познакомились они весьма странно.

— А Иваныч, — сказал один из охотников, кивнув в сторону Коловратова — вообще свою жену у немцев утащил...

Все примолкли, давая Коловратову возможность рассказать о том, как вынес он свою будущую жену из немецкой комендатуры. Однако в паузу вклинился замполит:

— У Василия Шукшина, — сказал он, — есть рассказ, который называется “Миль пардон, мадам”. Там один мужик, которого смешно звали Бронькой Пупковым, рассказывал всем на охоте, как покушался на Гитлера.

Коловратов разозлился: его ещё никто не перебивал, когда он соглашался что-то рассказать о своём военном прошлом. Но замполит, видимо, решил как можно больше уязвить Коловратова.

— Вот вы говорите, — сказал он, — что стреляли с двух рук, но кто это может подтвердить?

— Я сам и могу, — угрюмо прогудел Коловратов.

— Всё это слова, — распалился замполит, — я уверен, что вы сейчас и в верблюда не попадёте.

— Со ста шагов в твою коленную чашечку, — сказал Коловратов.

Дело заходило слишком далеко. Собравшиеся это почувствовали, зашумели. Но как-то уговорили замполита и Коловратова не заводить и продолжать пьянку. Замполит даже предложил тост: за поколение, прошедшее самую жестокую войну двадцатого века, и налил Коловратову полную кружку водки. Потом треп продолжался, но некий осадок от стычек начальника с Коловратовым остался, и, наверное, поэтому в тот день выпили больше обычного и стали делать то, чего никогда не делали.

Установили рядышком две пустые бутылки, отмерили пятьдесят метров и стали стрелять.

Коловратов смотрел на развлечение молодёжи с иронической усмешкой и не участвовал в нём.

— А не слабо, — предложил ему замполит, — самому, это, конечно, не верблюд...

— В твою шапку, — сказал Коловратов.

— Годится, — ответил замполит, — но бросаю я.

— Угу, — согласился Коловратов.

Замполит сорвал с себя шапку и подбросил вверх. Шапка взлетела очень высоко, на какое-то мгновение остановилась в воздухе, и именно в это мгновение её догнал заряд дроби из ружья Коловратова.

Что эту шапку уже нельзя будет носить, поняли все ещё до того, как она упала на землю.

Но Коловратов на этом не остановился. Мрачным взором оглядел он притихшую компанию, резко повернулся и выстрелом из второго ствола разнёс бутылки, в которые так и не смогли попасть собутыльники.

— Фраера! — сказал он сквозь зубы, покачнулся и пошёл спать.

С той поры на охоту с военными он не ездил.

* * *

На следующее утро я без приключений добрался на электричке до Благовещенского вокзала, пересел там на маршрутку и уже через полчаса был в аэропорту. Чувствовал себя неважно, потому что не выспался. Была на то своя причина. Стоило мне погасить в комнате свет, как что-то стало меня отчаянно кусать. Зажег свет, обшарил постель, но ничего не обнаружил. Позднее понял, что это, скорее всего, были клопы, которые не входили в перечень услуг Антоновны, но внесли свой колорит в мое белогорское приключение.

У входа в аэропорт заметил знакомую фигуру Петровича.

— Ну, как поездка? — спросил он. — Удачно?

— Любопытствуешь или есть свой интерес?

— И то, и другое.

— Коловратов умер полгода назад.

Петрович развёл руками: мол, всё в воле Божьей.

— Здесь по делу? — спросил я.

— Нет, я же помню номер и время рейса, заехал проводить.

Мы двинулись на регистрацию, после которой я опять вспомнил поговорку: “не имей сто рублей...”

Молоденький сержант пограничник спросил меня:

— Ваша регистрация?

— Я только что зарегистрировался, — ответил я ему.

— Вы зарегистрировались на рейс, — сказал он мне тоном, каким обычно папаша наставляют неразумных дитятей, — а где ваша регистрация в Амурской области — вы же в пограничной зоне?

— Твою мать, если бы я был командировочным, то сохранил бы квитанцию из гостиницы, а так... она сейчас лежит в урне в далёком поселке Поярково”.

— Володя, — радостно произнёс сержант, обращаясь к милиционеру, стоящему поодаль, — твой клиент.

Милиционер лениво двинулся ко мне, пришлось звать на помощь.

— Петрович, — окликнул я своего коллегу, — у меня проблемы.

Милиционер уже рассматривал мой паспорт, когда подошёл Петрович, представился и, кивнув на меня, сказал:

— Это наш коллега и гость... из Белоруссии.

Милиционер неумело козырнул и оставил меня в покое. А я ещё раз тепло попрощался с Петровичем.

Была жара, и пассажиры страдали от духоты в салоне. Но вот двери закрылись, самолёт взлетел, стало прохладно. Я достал из сумки сшиток. Но читать не было сил. Сказалась бессонная ночь, и я уснул.

Проснулся, когда самолёт уже заходил на посадку в Иркутске. Я пожалел, что просмотрел Байкал с высоты птичьего полёта. Но вспомнил, что увижу его ещё раз из окна поезда, и успокоился.

Билет до Улан-Удэ взял на какой-то проходящий и поехал в обратную сторону, предвкушая приятную встречу с моим спонсором в Улан-Удэ и листая дневник Трубника.

Часть вторая

Восток—Запад

Шаповал

Шаповала бьёт мелкая дрожь. До чего же холодно лежать в снегу. Даже полушубок не спасает. Впрочем, разве это полушубок — одно название. Ему лет десять, и подшёрсток, — а именно он даёт тепло, — давно вытерся. Да что там подшёрсток! И шерсть стала короче наполовину. Стоило ли менять телогрейку на такой полушубок? Но... в партизанской иерархии командиру диверсионной группы не пристало ходить в телогрейке... Однако, что-то на этот раз уж очень холодно, уже начинает трясти мелкая дрожь. Не заразился ли он тифом, ночуя два дня назад в одной незнакомой крестьянской избе? Спали они на соломе и всю ночь слышали, как кашлял на печи больной старик.

“Не приведи господь заболеть, — думает не верящий в Бога Шаповал. — Что скажут ребята? Хотя ясно, что скажут: надо лечиться, отлежаться. А, возможно, кто-то подумает, что испугался Шаповал, решил не участвовать в операции”.

Эту операцию Шаповал готовил давно. Сначала поставил задачу местным мальчишкам следить за движением на железной дороге и фиксировать крупные эшелоны с техникой и живой силой. Трубник собирал информацию через своих связных. Особое внимание обращали на составы, безопасность которых обеспечивалась дополнительными средствами. Потом данные Трубника и Шаповала сравнили. В основном они совпадали.

Пока собирали сведения, отрядные умельцы приделали детонатор к 152-миллиметровому снаряду и передали его ребятам Шаповала. Общий вес взрывного устройства потянул почти на сорок килограммов. Пришлось искать подводу и ночью везти его поближе к железнодорожному полотну магистральной Минск—Москва.

Это не бог весть какая акция, но Шаповал знает, что немцы через своих пособников внимательно следят за всеми передвижениями у дороги. И чем меньше посторонних людей привлечено к операции, тем больше надежды на её успех.

Устройство закопали в снегу неподалёку от железнодорожного полотна, обозначили вешками, чтобы можно было найти его в темноте. С этого момента тянуть было нельзя. Не только потому, что у немцев были свои глаза и уши вокруг железной дороги, но и потому, что могло случиться множество совершенно непредвиденных вещей: скажем, на устройство случайно натолкнётся кто-то из полицаев или местных жителей, либо самодельный детонатор отсыреет.

По собранным данным, особо охраняемых эшелонов в сутки могло проходить несколько пар. Днём подобраться к железнодорожному полотну и тем

более заложить заряд невозможно, значит, операцию необходимо проводить ночью.

И вот они ждут состав. Рядом с Шаповалом лежит Трубник. Невдалеке от них Кашин, Львов и Антонов. Все молчат. Ночью, да ещё и в лесу даже шёпот слышен очень далеко. Все это знают, потому научились обмениваться информацией при помощи жестов.

Середина марта: днём тепло, снег начинает чернеть и таять, а ночью растаявшее схватывается морозом. Эти тонкие льдинки сейчас больно режут руки. Чтобы время шло быстрее, нужно научиться его убивать. И Шаповал думает о том, что ещё два года назад он и не предполагал, что будет лежать возле полотна железной дороги и караулить немецкий эшелон.

Он призывался в сороковом году, начинал службу в 120-м отдельном батальоне связи стрелковой дивизии. Войну встретил под Гомелем. Дивизию мгновенно перебросили под Оршу, где после боёв она попала в окружение. Но большая часть дивизии всё же вышла из него. Вышел и Шаповал, в военной форме, с оружием и документами. Было это под Смоленском. После переформирования Шаповал попал в 136-й отдельный саперный батальон 28-й армии маршала Тимошенко. Опять бои, и опять окружение.

На этот раз все сложилось менее удачно. Фронт стремительно уходил на Восток. Разбившись на мелкие группы, бойцы пытались прорваться к своим, но вскоре стало ясно, что второй раз из окружения им не выйти.

Группа, в которой был Шаповал, решила идти обратно в Белоруссию, где, по слухам, уже развернулось партизанское движение. Но партизан им пришлось искать долго, поскольку первые группы, которые специально оставили в тылу, в большинстве своём были уничтожены немцами, а массовое партизанское движение началось только в середине сорок второго.

Через местных жителей Шаповал вышел на партизанский отряд “За победу”, который входил в состав партизанской бригады имени Кирова. Здесь-то игодились его техническая подготовка и военный опыт. После нескольких операций он становится старшим диверсионной группы. А потом...

Зашевелившийся Вася Трубник вернул Шаповала из мира воспоминаний к реальности. Вася указывает пальцем на дорогу.

— Ага, вот и патруль, значит, скоро будет эшелон.

Шаповал слышит, как тяжело и напряжённо дышит Трубник, и ему кажется, что дыхание остальных членов группы слышит не только он, но и патруль.

Фрицы идут медленно, переговариваясь по-немецки, просвечивая фонариками пространство впереди на рельсах и рядом с насыпью. Как только они скрываются из виду, Шаповал приподнимается и кивает головой. Трубник и Кашин берут в руки носилки, на которые уложен снаряд, и быстро несут их к насыпи.

Шаповал, прижавшись к стволу дерева, пытается увидеть в темноте то, что может помешать им. Ему кажется, что Трубник и Кашин работают слишком медленно и могут не успеть заложить снаряд. Новая отмашка, и на помощь Трубнику и Кашину устремляется Антонов, мгновенно преодолевая пространство до насыпи.

В той части группы, что сейчас устанавливает взрывное устройство, главную роль играет Трубник. Работают маленькие лопатки, но Василий на секунду останавливает Антонова и Кашина и прикладывает ухо к рельсу.

Лёжкое его подрагивание говорит о том, что состав на подходе. Снова замелькали лопатки, но работа идёт медленней, чем хотелось бы. А звук приближающегося состава становится всё явственней. Его уже слышит даже Шаповал.

— Твою дивизию! — ругается Шаповал, и в отчаянии бьёт кулаком по снегу.

Именно в этот момент три фигуры, пригнувшись, отбегают от полотна. Но это ещё не всё. Шаповал лучше других знает, что до успеха ещё далеко. Он видит, как Трубник возвращается к полотну.

— Не приведи господь, — думает Шаповал.

В это время Трубник вновь отбегает от насыпи. Теперь ему предстоит самое главное и трудное — выдернуть чеку из взрывателя. Чека привязана

за шнур, а шнур очень короток. Но не потому, что партизаны не нашли более длинного шнура. С коротким надёжнее, хотя и опаснее. Сейчас многое зависит от Трубника, он ставит точку во всей операции. Чеку нужно выдержать, когда паровоз поравняется со снарядом, и при этом постараться не пострадать самому.

Вот уже показалась дрезина, на ней мешки с песком и пулемёт. Уже виден и сам состав. Впереди паровоза две платформы, на которых за мешками с песком — пулемётный и зенитный расчёты. А вот паровоз поравнялся с заложённым под рельсы снарядом.

Трубника не видно, не видно шнура, не слышно ничего, потому что грохот проходящего состава вытеснил все звуки. И вдруг — столб огня, а затем взрывная волна оторвала Шаповала от дерева и бросила в снег. Но уже в следующую секунду он поднялся и побежал в лес, с удовлетворением и радостью чувствуя за спиной дыхание Трубника.

— Молодец, Вася, ай да молодец!

* * *

Поезд пришёл в Улан-Удэ точно по расписанию. Александр Оттович уже ждал меня на перроне. Мы сердечно обнялись, и он повёз меня в гостиницу. Утром следующего дня притащил меня в Общество Российско-Белорусской дружбы, которое располагалось в самом конце первого этажа и занимало две смежные комнаты. Председатель ждал меня. Он тактично спросил, каким ветром меня занесло столь далеко от Беларуси. Я поведал историю о своей поездке на Дальний Восток. Глаза его загорелись, оказалось, что по профессии он журналист, автор нескольких сценариев документальных фильмов, а также участник поисковых экспедиций, по результатам которых писал статьи.

— Но у нас к вам, — сказал он, наконец, — конкретный интерес.

— Рад буду помочь, — поспешил заверить его я.

— В соседней комнате вас ждут два представителя нашей прессы — самой взрослой газеты Бурятии и газеты молодёжной. Кроме того, через час сюда подъедет съёмочная группа телевидения. Всем интересно знать, как живёт братская Белоруссия.

Я открыл было рот, чтобы сказать, что я не уполномочен говорить от лица Беларуси, но мой собеседник продолжал:

— Мы также хотим использовать вас для восстановления контактов с големьчанами.

— Но я живу в Минске.

— Это всё равно ближе, чем от нас, согласны?

— Да.

— Тогда за работу. А после обеда вас свозят в этнографический музей и дацан — буддийский храм, — пояснил он на всякий случай.

Я честно отработал свою командировку, дал интервью газетчикам и телевидению. Когда всё было закончено, мне предложили выпить чаю вместе с журналистами.

После первого глотка беседа пошла оживленнее и представитель взрослой прессы вдруг сказал:

— Наверное, я выражу общее мнение, если спрошу о том, как там у вас в Белоруссии?

* * *

После обеда мы с Оттовичем посетили этнографический музей, а затем съездили в дацан. На выходе девушки, торгующие сувенирами, стали предлагать нам свой товар:

— Возьмите этого монаха, — сказала одна из них, — он приносит счастье.

— Хорошо, — сказал я, — возьму, только объясните, как он это делает?

— Что делает? — не поняла девушка.

— Счастье приносит.

— Очень просто: нужно загадать желание, а потом провести триста кругов возле пупка.

Я вспомнил занятия по судебной медицине и сказал:

— После такого количества кругов на пупке будет кровоподтёк.

Взрыв хохота был мне ответом.

— Вы меня не так поняли, — сказала девушка. — Нужно водить вокруг пупка монаха... А не статуэткой вокруг вашего пупка.

То ли от огромного количества контактов, то ли от избытия информации, но к вечеру у меня разболелась голова. Пришлось принять обезболивающее и расстаться с моим белорусским сибиряком.

Утром следующего дня всё повторилось. Оттович позвонил, что едет за мной. По дороге в аэропорт он комментировал всё те же достопримечательности, но в обратном порядке.

Трубник

— Миша, ребята вернулись из рейда, — говорит Трубник, входя во взводную землянку.

Шаповал затягивает ремень поверх полушубка, собираясь выйти наружу.

— Все живы? — спрашивает он.

— Да, — говорит Трубник, проходит к железной бочке, которая служит печкой-буржуйкой, и греет возле неё руки, — есть интересные новости.

— Какие?

— Жителей деревень, что вокруг места диверсии, привлекали к перевозкам убитых и раненых.

— И сколько их было?

— Судя по тому, что работали трое суток, а ранеными забиты все близлежащие деревни, около полутысячи.

— Солидно.

— Тебя можно поздравить.

— Всех нас можно поздравить.

— В деревнях развесили листовки.

— С фотографией?

— Нет, но твоя фамилия указана правильно. За тебя и твою группу назначено вознаграждение.

— И какое?

— Десять тысяч немецких марок.

— Всего-то! Пожадничали фрицы, наша группа стоит намного дороже.

Но не это интересно.

— А что?

— А сам подумай, ты же диверсант.

— Не догадываюсь.

— Откуда у них такая точная информация?

— Да, любопытно. Выходит, они тоже не зря хлеб едят?

— Не зря, не зря. Но о чем это говорит?

— Не знаю.

— О том, что конспирацию соблюдать надо, — говорит Шаповал и выходит из землянки. Трубник остаётся один. Он падает на сено, что покрыто старым половиком, принесённым из ближайшей деревни, и закрывает глаза.

“Откуда у Шаповала — гражданского человека — столько понимания законов войны и в особенности партизанской войны? — думает он. — Службу начинал связистом. Командиром не был, громовым голосом не отличается. Да и вид у него не начальственный: всегда торчащие русые волосы, вздёрнутый нос, лукавая улыбка. Никогда не высовывается. Правда, очень живой, подвижный, про таких говорят: “семь дыр на месте вертит”. Но мало ли в отряде подвижных ребят”.

Сколько раз попадал с ним Трубник в трудные ситуации, но ни разу не видел его растерянным. И каждый раз удивлялся его самообладанию. Иногда ему казалось, что Миша где-то получил специальную подготовку, но по законам конспирации не может об этом рассказать.

А может, никакой подготовки и не получал? Он просто прирождённый воин. Может быть, эти качества дремлют до поры до времени в каждом мужчине, а унаследованы они от многих поколений предков, каждый из которых на своем веку не раз брался за оружие, чтобы защитить себя, свою семью, свою землю.

— Отдыхаешь? — прервал размышления Трубника голос Виктора Михневича, одного из тех, кто только что вернулся из рейда.

— Да нет, прилёг на минутку, — говорит Трубник, поднимаясь с тюфяка. — Шаповала там не встречал?

— У командира твой Шаповал, — говорит партизан и так же, не раздеваясь, падает на сено, где только что лежал Трубник, — поваляюсь, пока Марковна крупу варит.

— Поваляйся, — отвечает Трубник, — дело хорошее.

И направляется к выходу.

Неподалеку от землянки Марковна, не старая ещё женщина, но опытная партизанка, пережившая с отрядом две блокады, готовит кондер для тех, кто вернулся с задания.

— А где Миша? — спрашивает её Трубник.

Марковна кивает головой в сторону командирской землянки. И Трубник замечает в её глазах то же, что минуту назад он прочитал в глазах Михневича.

— Не можешь минуты прожить без своего Миши.

Трубник ловит себя на мысли, что действительно не может, но чтобы перевести всё в шутку, подтверждает слова Марковны:

— Так точно, не могу.

Марковна улыбается. Миша — любимец всего отряда, и многие молодые парни хотели бы походить на него и дружить с ним. Многие девчата хотели бы видеть в нём если не жениха, то друга. Но Миша не был ловеласом и даже больше того — девушек сторонился. Однако в последнее время он изменился.

И это насторожило Трубника. Появилась в нём некая рассеянная грусть. Трубник уже год в партизанах. Он не раз видел смерть и знает, что перед ней странно меняются люди. Они словно предчувствуют свою гибель. На их лицах появляется какая-то маска отрешённости от забот этого мира, будто человек уже попрощался со всеми и готов покинуть их.

Трубник стал держаться рядом со своим командиром, чтобы в нужный момент иметь возможность помочь. Больше всего боялся Василий, что у Шаповала наступил период, когда человек, сам того не понимая, устаёт от войны и начинает искать смерти.

Это легко было определить — такой человек без всякой осторожности рвётся в самое пекло. Он похож на свечку, запалённую с двух концов.

Однако в бою Миша был по-прежнему дерзок, но спокоен. Без нужды на рожон не лез. Значит, причина изменения его поведения в другом. Чтобы разобраться с этим, Василий стал тенью своего друга. Это не прошло незамеченным. Правда, партизаны, если и подшучивали над Трубником, то достаточно беззлобно. Так продолжалось несколько недель, пока Трубник, наконец, не понял, что Шаповал, скорее всего, влюбился.

Вычислить объект Мишиного поклонения не составило особого труда. Эта была единственная молодая женщина в отряде, которой Шаповал тщательно избегал. А та, скорее всего, и не знала о чувствах, которые испытывал к ней один из любимцев отряда.

* * *

Когда я перелетел из Красноярска в Новосибирск, начал действовать синдром перемещения на запад. Даже за те несколько дней, что я провёл на Дальнем Востоке, организм уже привык к его часовому поясу и просыпается раньше, чем это принято в Новосибирске.

Студия кинохроники находилась на левом берегу Оби. На этот раз я не спускался в метро, а по старой памяти проехал автобусом до Горской, а там двинулся переулками на Немировича-Данченко.

Несмотря на сезон отпусков и одновременно киноэкспедиций, директор студии был на месте.

— Ну как? — спросил он.

— Как видишь, я жив и здоров, значит, всё в порядке.

— Будешь писать заявку?

— Не знаю...

— Почему?

— То, что хотел получить, я не получил...

— Но ты, судя по физиономии, получил что-то другое?

— Да.

— Тогда пиши заявку.

— Видишь ли, с позиций исследования человеческой психологии то, что я нашёл, безусловно, интересно, но в рамки госзаказа, о котором ты мне говорил перед поездкой, она не вписывается.

— А ты что, против чествования ветеранов и празднования юбилеев Победы?

— Да нет, я не против, и чествовать надо, и праздновать тоже. Но эти чествования не должны ограничиваться одним днём в году или в пятилетие.

— Ты, конечно, прав, но мы с тобой здесь ничего не изменим. Так будешь писать заявку?

— Нет.

— Почему?

— Именно потому, что к однодневному празднованию он не подойдёт.

— А к многодневному? — сострил директор.

— К многодневному подойдёт, но здесь можно впасть в нашу славянскую крайность.

— Поточнее.

— После войны началась кампания по идеализации войны или изображению её в некоем облегченном варианте.

— Астафьев назвал его опереточным.

— Да. Но это было ещё не всё. Потом началась перестройка, и новая элита, чтобы оправдать смену власти и собственности, стала дискредитировать всё, что было в Советском Союзе, в том числе победу над фашизмом, представляя войну как серию ошибок и просчётов, живописуя дебилизм её участников...

— Это было временное сумасшествие...

— Нет, это не сумасшествие, это вполне осознанная акция. Но её результаты были бы не так ощутимы и болезненны для участников войны, если бы ранее не раскрутили этот опереточный вариант. Именно он позволил так называемым реформаторам высмеять и войну, и победу. А у нынешнего поколения сложилось превратное представление о войне и о том, что реально происходило на фронте и в тылу. А это само по себе страшно!

— Почему?

— Потому, что этот исторический урок неверно отражён обществом, а раз так, то и не усвоен им.

— Да мало ли уроков не усваивалось обществом?

— Немало, но если урок не усвоен, он может возвращаться вновь и вновь.

— Зачем?

— Чтобы быть усвоенным либо...

— Что "либо"?

— Либо уничтожить тех, кто не способен его усвоить.

— Да, — сказал директор, — докторам наук нельзя писать сценарии.

— Не в докторам дело.

— А в чём же?

— Дело в истине.

— Что есть истина? — спросил директор и сделал вид, что он, как Понтий Пилат, заворачивается в тогу.

— Истина, — ответил я, — это адекватное отражение действительности.
— Совершенно верно, — сказал директор, — поэтому и нужно запретить учёным писать киносценарии.

Мария

Колеса телеги были разболтаны, и её всё время бросало из стороны в сторону. Мария сидела посередине, прижимая к себе Гену и Лилю. Гена — сын Марии, а Лиля — её сестра, хотя обоим по четыре года.

Охрана: два полицая. Один из них правит лошадей, второй сидит сбоку от Марии, положив карабин себе на колени, и что-то насвистывает.

У Марии болит всё тело, но особенно ноет левое плечо. Прежде чем увезти, полицая избил её. А тот, который свистит, ударил её прикладом, когда она пыталась вытолкнуть из хаты Гену. После того как её посадили в телегу, Мария поняла, что её везут в город, а избил только для того, чтобы по дороге она не смогла убежать. Впрочем, даже если бы она и могла это сделать, то не сделает: лучше всякой верёвки привязана она к телеге и полицаям Геной и Лилей.

Когда полицая вломилась в хату, Мария подумала, что пришли за её братом Толей. Возможно, кто-то донёс, что он сдал немцам сломанный приёмник, а детекторный оставил себе. Брат слушал сводки Совинформбюро, а Мария писала листовки и затем передавала их жителям близлежащих деревень, где собирала продукты, за которыми приходили люди из леса.

Мать успела быстро сунуть им немного еды и тёплые вещи Гене и Лиле. Куда их везут? Скорее всего, в Борисов.

Так и есть, телега въехала в Борисов, долго петляла по грязным улицам и остановилась у ворот тюрьмы. Недолгий обыск, уточнение фамилии, имени, отчества, и вот их ведут по гулкому тюремному коридору. Мария мысленно готовится биться за детей, за то, чтобы их не разлучали. Но ничего плохого не происходит. Лязгает замок, и всех троих вталкивают в камеру, в которой находится несколько десятков человек.

Ей указывают на место в углу на соломе, и она устраивает детей, а потом устраивается и осматривается сама. Её сокамерники в основном сельские жители, и понятно, что все они сидят здесь за связь с партизанами. Отсюда и термин, который употребляют и немцы, и сами партизаны, — связные.

Рано утром в камеру вошёл молодой надзиратель. Марии показалось, что она где-то видела его. В руках у надзирателя картонная папка. Он быстро сделал переключку, причём не ошибся ни в одной фамилии.

— Будут вызывать на допрос, — говорит Марии соседка, женщина лет сорока, — оставь на кого-нибудь детей.

— Как оставить? — не понимает Мария.

— Познакомь с кем-нибудь, чтобы они не боялись остаться в камере. А то надзиратели не любят, когда дети плачут.

— А меня будут вызывать на допрос?

— Конечно, — говорит женщина.

— Так может, вы и присмотрите? — спросила Мария.

— Нет, — ответила женщина, — лучше попросить кого-нибудь из мужчин.

— Почему? — удивилась Мария.

— В тюрьме дети их лучше слушаются.

Но первый раз на допрос Марию вызвали только на третий день. А до этого она вдоволь насмотрелась и вызовов, и возвращений с допросов сокамерников. Иногда они приходили на своих ногах, иногда их приносили. Работу эту выполняли несколько заключённых из тюремной обслуги.

Повернулся ключ в дверях камеры, и она открылась:

— Пронина, — и снова молодой надзиратель показался Марии знакомым. Она уже знала, если вызывают без вещей, значит, к следователю.

Она шла по коридору впереди надзирателя и вдруг не поверила своим ушам.

— Мария, — сказал он, — не молчи, но и по делу ничего не говори, а главное, не бойся и не верь обещаниям...

И тут Мария вспомнила этого парня. Его зовут Анатолием. Когда она после окончания педтехникума уезжала из своей деревни, он был ещё мальчишкой. А вот теперь вырос...

В кабинете её ждали двое: следователь — мужчина лет сорока — и его помощник.

Следователь протянул листок бумаги:

— Фамилия, имя, отчество, учебное заведение, которое закончила, — сказал он почти вежливо.

Ещё не понимая подвоха, Мария написала на листке требуемое.

Следователь положил листок в папку и стал задавать вопросы:

— Кто из партизан бывал у вас в доме?

— Приходили какие-то люди, — сказала Мария, — просили поесть.

— Оказание помощи бандитам уже преступление перед оккупационными властями, — сказал следователь равнодушно, видимо, эту фразу он вынужден был повторять много раз на день.

— Время такое: кто с ружьём, тот и прав, — сказала Мария.

— Значит, с партизанами связи не было?

— Не было.

— Ну да, — сказал следователь, — все вы так говорите, но потом каетесь...

После этих слов помощник поднялся со своего стула и ударил Марию по лицу. Мария упала на пол, а помощник несколько раз ударил её ногами.

— Поднимайся, — сказал он и указал на стул.

Ошеломлённая случившимся, Мария поднялась с пола и присела на краешек стула.

— Продолжим, — сказал следователь. — Кто в деревне помогает партизанам? Где они находятся? Как осуществляется с ними связь?

— Не знаю, — повторила Мария.

— Знаешь, — ответил за нее следователь, и показал два листка бумаги.

На одном из них были только что написанные ею фамилия, имя и отчество, а на втором — переписанная ею же листовка-сводка Совинформбюро.

— Не знаю, — сказала Мария.

— Знаешь, — сказал следователь, — сейчас ты вернёшься в камеру и хорошенько подумаешь. А потом мы вызовем тебя ещё раз, а может, и ещё... Но это будут твои последние визиты к нам. Мы работаем с теми и даём возможность жить только тем, кто не пытается водить нас за нос...

Следователь махнул рукой. Помощник открыл дверь и позвал надзирателя.

Снова она шла по коридору впереди надзирателя, ужасаясь ситуации, в которую попала. Она понимала: когда у следователя кончатся кулачные аргументы, он вспомнит про Гену и Лилю.

Каждый следующий день она ждала нового вызова на допрос. Но с ней словно играли в кошки-мышки. Шли дни, и она всё больше боялась, что в нужный момент у неё не хватит сил сопротивляться, в особенности если следователь попытается использовать в качестве средства давления на неё сына и сестру.

Через неделю всё повторилось. Опять ленивые угрозы следователя и остревенные удары его помощника. И всё те же вопросы: “Кто помогает партизанам в деревне? Как и кто поддерживает с ними связь? Где находится лагерь партизан и гражданский лагерь их родственников?”

Мария пыталась говорить о том, что в деревне действительно появляются какие-то люди, но кто это — ей не известно, да и приходят они редко и неожиданно.

Следователь выслушал её и пообещал:

— В следующий раз мы будем беседовать в присутствии ваших детей.

И опять она возвращалась в камеру, едва держась на ногах. Надзиратель поставил её лицом к стене и стал открывать ключом дверь.

— Не бойся, — сказал он ей тихо, — всё будет хорошо.

Она ничего не ответила. Чем ей может помочь этот почти мальчишка, тем более служба оккупантов? Странное чувство нереальности происходящего охватило её. Она машинально кормила детей, отвечала на вопросы сокамерников. И когда в одну из ночей вдруг открылась дверь, и знакомый молодой голос произнёс:

— Всем взять вещи и на выход...

Она так же машинально разбудила детей, взяла их за руки и пошла в коридор. Когда их колонна проходила через тюремные ворота, вышла небольшая заминка.

— Почему без конвоя? — вопрос Анатолию.

— Спроси у начальства, — уверенно ответил тот, — они тебе объяснят.

Держа карабин наперевес, Анатолий повёл колонну не главной дорогой, на которой был пост, а какими-то обходными путями. К утру они были уже далеко от города.

— Привал, — сказал их конвоир, — кто не желает идти со мной, могут возвращаться домой... Всем остальным короткий отдых, и уходим к партизанам.

— В какой отряд? — спросили конвоира.

— Придём, там всё узнаете, — был ответ.

Так Мария Павленок оказалась в партизанском отряде “За победу” бригады имени Кирова. Детей со временем переправили родственникам в соседнюю деревню: домой возвращать их было опасно, да и не было у неё больше дома: его сожгли полицаи в отместку за побег.

Трубник

И чем взяла Мишу эта учительница? Ничего примечательного — рыжие волосы, правда, красиво вьющиеся, ровный и всегда тихий голос. Нет в ней никакой лихости, ни огня, которые, по здешним понятиям, должны отличать боевую подругу. Сама простота.

Идём с задания, все устали, много дней спали урывками по несколько часов. Все клюют носом, кемарят на ходу.

— Отстань немного, — говорю Мише.

— У тебя есть секреты от ребят? — спрашивает.

— Есть, — отвечаю.

— Ну ладно, давай отстанем.

— Миша, — начинаю я, когда расстояние между группой и нами стало достаточным, чтобы нашего разговора никто не услышал, — я всё вижу...

— Что ты видишь?

— Твои метания.

— Ну, это мои заботы.

— Нет, брат, на войне так не бывает. Ты сам говорил, что от настроения каждого зависит жизнь всех бойцов группы. Говорил?

— Угу.

— А ещё ты говорил, чтобы между нами не было никаких обид, размолвок и недоговоренностей. Так?

— Так.

— Дак вот, чтобы всего этого не было, давай я стану твоим посредником.

— То есть?

— Посредником в переговорах с Марией.

Легкая краска бросилась в лицо Мише, но я “не заметил” этого и продолжал.

— Ты любишь её, она тебя, чего же вы в прятки играете?

Миша долго молчит и кажется невозмутимым. Но меня обмануть трудно. Походка его выдаёт. Он напряжён, чего с ним не бывало даже во время операций.

— Вася, — говорит он, наконец, — война...

— Вот потому-то и не нужно молчать.

— Нет, Вася, ничего из этого не выйдет. Она пережила смерть мужа,

сама чуть не погибла в тюрьме... А если меня убьют, каково ей одной оставаться.

— Здорово...

— Ну, здорово или нет, не знаю, зато правильно.

— Нет, ты не прав.

— О себе я не думаю, за это время научился думать о себе. Я к смерти готов в любую минуту. Ну, а как потом она? У неё муж погиб в финскую. Она это едва пережила. А вдруг я погибну, она совсем сломается.

— Знаешь, в чём ты не прав?

— Нет.

— Любовь — дело двоих, а ты сам всё решаешь.

— Ну, а кто же ещё должен решать?

— Оба...

— Но я решаю за двоих.

— А ты реши сначала за одного.

— Это как?

— Поговори с ней, а если сам не можешь, я выступлю посредником.

— Ладно, обойдёмся без посредника.

* * *

Выйдя от директора киностудии, я вспомнил, что собирался позвонить в Москву. Однако возвращаться в кабинет после столь резкой беседы мне не хотелось. Перебравшись на правый берег Оби, зашёл в кассу, где когда-то продавали авиабилеты. Располагалась она в левом крыле здания областной администрации или, проще, облисполкома. Там я неожиданно легко взял билет до Москвы на завтрашний утренний рейс. Впрочем, это был все тот же ИЛ-86.

После этого поехал на Главпочтамт и позвонил оттуда в Москву в Союз писателей России, чтобы узнать номер телефона Богомолова. Но там мне сказали, что он не член Союза писателей, однако номер найти помогли.

Я повесил трубку, постоял немного в кабинке и, собравшись с мыслями, набрал номер, продиктованный мне коллегами из Москвы.

— Да, — ответил низкий мужской голос.

— Это Владимир Иосифович? — спросил я.

— Да, — так же бесстрастно повторил собеседник на другом конце провода.

Тут я немного растерялся. Как войти в контакт с человеком другого поколения, если ты его даже не видишь? Решение пришло ниоткуда.

— Это коллеги-контрразведчики из Белоруссии вам звонят, — сказал я, — мне ваш телефон дали в Союзе писателей России.

— Там есть мой телефон? — сказал Богомолов и замолк. Пауза затягивалась, и я продолжил монолог:

— Я автор нескольких документальных фильмов о разведчиках, у меня есть задумка написать о тех, кто работал в контрразведке. Не могли бы вы, как автор романа “Момент истины”, сказать несколько слов перед камерой о контрразведке времён Великой Отечественной...

— Нет, — ответил Богомолов категорично, — я человек не публичный и камер не люблю.

— Но у меня есть весьма любопытная для вас информация, по одному из прототипов ваших героев...

— Моих героев?

— Да.

— Любопытно...

— Я завтра буду пролётом в Москве, и если бы вы согласились встретиться?

— Не знаю, — ответил Богомолов, — чем я вам могу помочь...

— Вы очевидец и летописец той войны...

— Я летописец, — прервал меня собеседник, — одной операции и на большее не претендую, пока... во всяком случае...

— Я не настаиваю...
— Вообще-то я занят...
— Тогда, может быть, во время следующего моего приезда в Москву или вашего в Минск?

— Ладно, чего не сделаешь для коллег и белорусов... Когда появитесь в Москве, перезвоните мне...

Установив контакт с Богомоловым, я тут же сделал ещё один звонок в Москву. Услышав в трубке знакомый голос, сообщил:

— Андрей, завтра я прилетаю в Москву, буду в девять ноль-ноль в Домодедово рейсом из Новосибирска.

— Вас надо встретить?

— Да, но это не главное. Помнишь, ты когда-то хотел встретиться с Богомоловым, взять автограф, поговорить...

— Помню, — сказал Андрей.

— Так вот, завтра такая встреча может состояться. Если ты, конечно, не занят.

— Что вы, ради такого дела я отпрошусь у начальства.

— Обязательно отпросись. Кто знает, будет ли ещё когда возможность поговорить с Богомоловым... Да, не в службу, а в дружбу — купи коробку конфет его супруге, по возможности белорусских, наверняка ему будет приятно. А я с тобой рассчитаюсь.

— А у него есть супруга?

— Думаю, есть...

— Всё сделаю.

— Да, и книгу прихвати для автографа.

— Книгу не смогу, она в Минске осталась.

— Поищи где-нибудь. Это нужно для знакомства и разговора.

Я повесил трубку. Всё складывалось как нельзя лучше. Я удачно “наживулил” завтрашние контакты в Москве, и осталось просить Господа, чтобы самолёт не задержали, в полёте ничего не случилось, Богомолов не передумал, и Андрей приехал в аэропорт. Впрочем, Андрей не может не выполнить своего обещания.

Он был самым способным моим учеником, но, как часто бывает с неординарными личностями, эта неординарность сыграла с ним злую шутку. В военное время или в экстремальных обстоятельствах деловые качества таких сотрудников позволяют маленьким и большим начальникам с их помощью успешно решать сложные боевые задачи. Это устраивает всех: самого сотрудника, так как он объективно оценён, его начальников, которые тоже ценят его и стараются у себя в подразделении иметь побольше таких, как он.

В мирное время всё иначе. Неординарность таких сотрудников при отсутствии реальных задач может быть расценена как желание выделиться, “подсидеть” начальство. И начальство начинает “гнობить” возможного конкурента. Со временем на него вешается ярлык неудобного и неуправляемого человека, с которым “в разведку уж никак нельзя”.

Так вышло и с Андреем. К счастью, рядом дружественное государство — Россия, в которой есть нужда и в хороших спецназовцах, и в тех, кто умеет их готовить.

Был ранний вечер, я решил пройти пешком по Вокзальной магистрали до железнодорожного вокзала.

Потом я взял несколько бутылок пива “Сибирская корона” и стал продвигаться к себе “на базу”. Хозяева были уже дома. Мы сели за стол. Через какое-то время пришло благодное состояние расслабленности, и хозяин спросил:

— Кстати, а как там у вас, в Белоруссии?

Трубник

В нашей землянке готовится праздник. Марковна, в помощь которой выделили партизанку Настю, руководит Кашиным и Антоновым. Сначала те по её команде носили воду, затем кололи дрова для костра, на котором Марковна готовит “праздничный кондер”. Но в отличие от обычных дней сегодня и

костёр праздничный, точнее, два костра. За первый отвечает Кашин, а за второй — Антонов. На первом Марковна варит в котле своё главное блюдо, на втором на сковороде шипят шкварки, которыми она собирается заправлять кондер.

Потом “диверсанты” накрывают “стол”, располагая на половике, который постелен прямо на лапник в землянке, алюминиевые чашки, кружки, а также холодную закуску — всё, что удалось добыть в деревнях по такому случаю.

В полдень пришли гости. Первыми появились хозвзводцы во главе с командиром по фамилии Грахович. Они тут же возмутились, поскольку полоник, на котором был накрыт “стол”, предназначался ими для подарка молодым. Но Кашин успокоил их, сказав, что потом молодые используют его по назначению: отгородят им угол в землянке и “будут жить-поживать и добра наживать”.

Землянка набита битком. Но у торца половика, где сидят Мария и Миша, есть свободное место. Его держат для командира отряда.

Командир хозвзвода сидит на лапнике, скрестив ноги по-турецки, а рядом с ним стоит обшарпанный саквояж. Он закрыт на два замка. Но в отряде все знают, что в нём две бутылки. Одна — с самогоном, другая — со спиртом. В трудные времена, когда спирт кончался, лечить больных и раненых было нечем, партизаны просили местных жителей выгнать самогона. Когда же удавалось создать запас спирта, самогон переставал быть неприкосновенным запасом. И опять же все знали, что Грахович вовсе не ждёт команды командира отряда, какую бутылку открыть. Всё гораздо тоньше. Если командир появится в полушубке, перетянутом ремнём, и в шапке, надвинутой на лоб, про спирт можно и не вспоминать, подальше спрятать его в саквояж, а на “стол” выставить бутылку с самогоном. Но если он будет в расстёгнутом полушубке, а шапка сдвинута на затылок, — можно рискнуть и подать на стол спирт, что для партизанской свадьбы предпочтительней.

Слышится скрип снега перед землянкой, открывается наклонная дверь и, пригнувшись, входит командир. Радостное оживление на лицах: он без полушубка и в шапке, сдвинутой на затылок. За его спиной стоит писарь.

Командира усаживают на свободное место, писарь пристраивается рядом. Это не первая партизанская свадьба в отряде, и все знают об особой роли писаря. Обоим наливают в кружки спирт, подвигают поближе хлеб, сало, пучки черемши. Командир отряда кивает писарю. Тот протягивает молодым гроссбух, перо и чернильницу. Миша и Мария расписываются в месте, где писарь поставил карандашом две большие птички. Потом слово берёт командир. Подняв кружку, он говорит:

— Сегодня у нас родилась ещё одна партизанская семья. Сегодня у нас праздник. А завтра опять будут будни. Я предлагаю тост за скорейшую победу над врагом. Она будет лучшим подарком, в том числе и нашим молодым. Мише не надо будет ходить в рейды, а Марии с тревогой ждать его возвращения. Они будут жить, работать и радоваться жизни. За это мы сейчас и выпьем.

Командир обвёл всех взглядом, как бы подытоживая тост:

— За победу!

Он выпил до дна, быстро закусил и встал, писарь потянулся вслед за ним. Правда, возле дверей командир остановился и, глянув на Граховича, погрозил ему пальцем. Тот вдруг вытянулся в струнку, насколько ему позволяла его поза по-турецки, и сказал: “Есть”.

Впрочем, после ухода командира гости и хозяева недолго пировали. Грахович тоже произнёс тост, но, перед тем как выпить “за победу”, не преминул сообщить, что хозяйственники для обустройства молодой семьи дарят молодым ковёр. Все зааплодировали и дружно выпили. Потом слово взял Кашин.

— Миша, — сказал он, — тебе досталась лучшая женщина в отряде, да ты и сам парень не промах... Дожить вам до победы и прожить ещё сто лет!

После тоста Кашина выяснилось, что вся холодная закуска кончилась, и помощники Марковны внесли кондер, который тут же разлили по чашкам и через пять минут уничтожили. Остаться в землянке не было смысла, все

высыпали на улицу, если можно было назвать улицей партизанский бор. Кашин и Львов чуть задержались. Они должны были сделать молодым сюрприз: оборудовать для них жильё. Ребята достойно справились с этой задачей: при помощи палки и половичка соорудили то, что в партизанских землянках называли “семейными углами”.

Антонов развернул гармошку, и все, опережая музыкальное сопровождение, не очень стройно запели:

*Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...*

И такой мирной жизнью пахло от этих слов, словно и не было вокруг войны, погибших товарищей, сожжённых деревень, прошлых и будущих боев с оккупантами.

*Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...*

Закончилась песня, и Антонов, который морщился от того, что большинство певцов не попадали в аккомпанемент, без всякого перехода грянул краковяк.

Все, кто имел пару и кто не имел её, пустились в пляс. Кто-то топал ногами в такт музыке, кто-то прихлопывал себя по бокам, а кто-то вообще решил пройтись впрысядку.

— Русский, немец и поляк танцевали краковяк...

Все грохнули от смеха. За два года войны в сознании каждого партизана чётко отложилось, что одновременно свести в танце представителей этих национальностей невозможно. Правда, если поляка, танцующего с русским, ещё можно было представить, то того и другого с немцем — никогда.

Закончился танец, и Грахович запел:

*От паняделка да паняделка
Дробный дождь иде-е...
Са-абралася бидна босота
Мёд, гарэлку пше...*

Все дождались, когда он закончит куплет, и вместе с ним повторили последние две строчки.

После этого Антонов опять заиграл краковяк. Веселье продолжалось до темна. Потом партизаны выкурили по самокрутке и разошлись по землянкам.

После свадьбы Миши жизнь наша не изменилась. Мы по-прежнему уходили на задания, на 2–3 недели, отмеряли по сотне километров от базы до шоссе или железной дороги, до крупного гарнизона противника. Мария каждый раз провозжала Мишу.

Шли они вдвоём, отстав от группы. О чём говорили, можно было только догадываться, но я ни разу не видел у неё слёз, а Мишу — угрюмым. По всему было видно, что она для него — источник радости и веры.

* * *

Самолёт, пробив облака, пошёл на посадку. И опять все напряглись, ожидая, когда он коснётся посадочной полосы. Когда это произошло, все с облегчением вздохнули, однако аплодисментов на этот раз не было.

На выходе из аэропорта меня ждал Андрей. Мы отбились от профессиональных вымогателей-таксистов и прошли к “Пежо” красного цвета.

Я попросил у Андрея мобильник и набрал нужный номер.

— Коллеги из Минска, — пошёл я проверенным путём, — я звонил вам вчера.

— Да, я помню, — сказал Богомолов.
— Мы в часе езды от вас.
— Вообще-то я занят, но если вы подъедете сейчас, полчаса я вам уделю.
— У нас есть полчаса, — сказал я Андрею.
— Нормально, — ответил он.
— Ты не захватил книгу, чтобы взять автограф?
— Нет, — сказал он, — я хочу его спросить...
— О чем?
— Об основном движении при “качании маятника”.
— А из книги ты этого не понял?
— Нет.
— Ну, что ж, спрашивай, только тактично.
— Трудно тактично спросить человека о том, что...
— Что?
— О том, что его способ “качания маятника” никуда не годится. Нет достаточной устойчивости.

Андрей знал, что говорит. Он был автором одной из методик подготовки к стрельбе спецназовцев.

— Вот и спросишь его об этом.
— А это удобно?
— Если ты сделаешь это не с порога, а выбрав нужный момент и в уважительной форме, я думаю, будет удобно.

Возле метро “Проспект Мира” мы оставили машину и стали искать нужный нам дом.

Когда поднялись на двенадцатый этаж, было ровно двенадцать. Помня, что у нас полчаса, я постарался быть предельно кратким.

— Мой коллега и наш выпускник, — сказал я, представив Андрея.
— Проходите на кухню, — ответил хозяин дома.

Я видел его на фотографиях, но не ожидал, что он такой крупный. Однако ощущения скованности, какое бывает при встрече с незнакомыми людьми, у меня не появилось. И объяснялось всё просто: хозяин был уверен в себе, и эта уверенность передалась нам.

Андрей передал хозяину коробку белорусских конфет и сказал, что это для хозяйки. Богомолов поблагодарил.

— Сразу хочу извиниться, — сказал он, — но я жду друга, чтобы передать ему конскую колбасу. Мне её подарили почитатели, а я конину на дух не переношу... Я ею объелся на фронте у вас в Белоруссии.

Мне хотелось защитить конскую колбасу, которая никого отношения к конине не имела, но я сдержался. Хозяин между тем поставил на плиту металлический чайник, а на стол — чашки, сахарницу и тарелочку с печеньем.

Пока он делал это, я решил не терять времени:

— Ещё раз просим прощения, — сказал я, — есть у меня задумка написать сценарий неигрового фильма о прототипах героев вашего романа.

— У меня есть опыт съёмок по мотивам моего романа, — сказал он, — не очень удачный... если не сказать больше...

Разговор неожиданно перешёл в то русло, которое не имело к нашему визиту никакого отношения. Но нам ничего не оставалось, как выслушать хозяина, дать ему возможность выговориться. Была при этом робкая надежда, что в этом монологе прозвучит ответ и на мой вопрос. Но, видимо, мы все говорим лишь о том, что нам близко и больно.

— Все режиссёры, — подвёл он итог, — снимают *свои* фильмы и не хотят видеть, что литературная основа их — совершенно иная.

— Абсолютно с вами согласен, — ответил я, — но это объективные законы кино, и от них никуда не деться. Другое дело, если у кого-то из режиссёров есть свои тайные задумки и ожидания, которые он хочет реализовать в картине...

— Итак, что за идея? — вернул нас к теме визита Богомолов.

— У меня появилась идея снять фильм о прототипах ваших героев.

— Каких?

— В частности, Таманцева.

— У Таманцева не было прототипа.

— Вообще не было? — удивился Андрей, который в детстве бредил Таманцевым.

— У меня, — медленно произнёс Богомолов, — не было прототипов положительных героев...

— А отрицательных? — спросил Андрей.

— А вот отрицательных были... Точнее, был. Например, прототипом Мищенко стал известный диверсант Грищенко. Кстати, на этой фамилии появились спекуляции.

Раздался звонок в дверь. Хозяин пошёл открывать, а я посмотрел на часы. Наше время истекло, и если это приехал друг, то нам надо откланиваться. Тут из прихожей на кухню вошел хозяин с новым гостем.

— Слава, — сказал Богомолов гостю, — у меня коллеги из Белоруссии, так что я тебе отдам колбасу, а об остальном поговорим в следующий раз. Хорошо?

Слава, а по возрасту он был ровесником хозяина, кивнул головой. Богомолов достал из холодильника колбасу, передал её Славе, проводил его до лифта, а затем вернулся к нам.

— Один из не очень... — здесь Богомолов сделал паузу, — нормальных людей недавно прислал мне телеграмму, что на родине Грищенко под Ростовом ему поставили памятник. Причём мне это было преподано как инициатива земляков в пику моим положительным героям.

— Прототипам положительных героев?

— Нет, именно положительным героям. Поскольку реальных прототипов ни у Алёшина, ни у Таманцева, ни у Блинова не было. Это собирательные образы... Давайте пить чай.

Мы стали пить чай и говорить на темы, не связанные ни с кино, ни с литературой.

Настало время откланяться.

— А если, — сказал я, — у кого-то появится желание дать средства на фильм о человеке, который, будучи взрослым, играл в ваших героях, я могу надеяться на несколько фраз перед камерой?

— Нет, — отрезал Богомолов, — это для меня не представляет ни писательского, ни человеческого интереса.

Трубник

Три попытки подобраться к железнодорожному полотну — три неудачи. Первый раз нам помешали немецкие секреты, второй раз диверсионная группа партизан, которые вышли на полотно раньше нас, третий раз мы напорлись на двойные фашистские секреты.

И если бы немцы не поторопились оторвать огонь, трудно сказать, чем бы для нас закончилась эта вылазка. Отстреливаясь, мы отошли. На наше счастье, никого не потеряли.

Стало ясно, что подходы к полотну в этом месте изучались нашими связными неважно. Но и претензий к ним быть не могло: против них играли профессионалы.

Время, отведённое на очередную операцию, подходило к концу. Но возвращаться на базу без результата было не в наших правилах. Что делать?

— А не использовать ли нам резервный вариант? — предложил Кашин. У нас действительно был такой.

Связные отмечали постоянное движение двух машин из села Дохудаево через Смолзавод в деревню Радица, где немцы сооружали зенитную установку.

Детально обсудили план операции в хате одного из крестьян, где нам пришлось ждать наступления ночи.

— Принимается, — сказал Шаповал, подводя итог разговору.

— А сколько их там? — спросил вдруг Антонов.

— Подсчитаем в бою, — ответил Шаповал.

— Их не должно быть более двадцати, — заметил Кашин.

— Значит, будем рассчитывать на двадцать человек, — согласился Шаповал.

— А это не много на шестерых? — засомневался Антонов.

— Ну, какой же ты партизан, если не справишься с четырьмя фашистами, — полушутя-полусерьёзно говорит Миша. — На нашей стороне внезапность, напор, наконец, опыт...

— Всё это хорошо, — говорю я, понимая, что Шаповал раздосадован нашими неудачами. — И опыт за нас, и внезапность. Но мы всё-таки играем в самодеятельность, плохо знаем вооружённость противника...

— Да, тут ты прав, — говорит Миша. — Но я забыл сказать, что на эту самодеятельность к нам просятся двое партизан из отряда имени Суворова.

— Кто же это? — спросил Кашин.

— Комвзвода Бакулин и его постоянный спутник Хадосевич.

Сергея Бакулина мы хорошо знали, да и Хадосевича — тоже, пути наши пересекались много раз. Мы были осведомлены об их делах, они — о наших.

— Тогда это другое дело, — примирительно говорит Антонов.

— А чего они здесь? — спрашивает Львов.

— Пошли за разведанными в один из гарнизонов. Сегодня ночью будут возвращаться и зайдут к нам. Так что ночь отдыхаем, а на рассвете уйдём в лес.

— Где будем делать засаду? — спрашивает Кашин.

— Засаду сделаем между Смолзаводом и Радицей, в перелеске. Лес у дороги, где ходят машины, не вырублен. Поедем на двух упряжках, в каждые сани — пару лошадей, — говорит Шаповал.

— А если не пройдут лошади? Снег-то глубокий?

— Ориентируемся на месте...

Готовимся ко сну, уже проверили оружие, гранаты, всю нехитрую экипировку. В 23 часа стук в окно, и в хату вместе с облаком пара вваливаются “суворовцы”:

— Принимайте гостей! Да вы тут неплохо устроились, приятный запах борща, — говорит Бакулин. — Перекусить найдётся что-нибудь?

— Для хороших людей — ничего не жалко, — отвечает Антонов.

Сегодня он главный кашевар. Антонов расставляет на столе миски.

Пять часов тридцать минут — мы уже в саниах. Едем, немного прохладно. Ребята сжались, не столько от холода, сколько от неизвестности.

Однако приехали мы напрасно, следов от машин нет. Надо возвращаться, но днём это делать нельзя: кругом немецкие гарнизоны, заметят — тогда операции уже не провести.

— Повторим заход, — говорит Миша, — а до вечера побудем в лесу.

— Костров не разводите... Сало не жарить, — подхватывает Кашин. Все улыбаются, поскольку знают — еды у нас нет. Уходим к лошадям. Греемся, прыгая вокруг саней или затевая борьбу друг с другом. К вечеру изрядно устаём, но благо — зимний день короток.

Возвращаемся на свою стоянку. Горячий ужин, провальный сон, подъём, и опять та же дорога. Всхрапывают лошади. Едем к магистрали.

Есть следы машин. Но сколько их прошло — понять трудно. Если больше двух, то справиться с ними будет тяжело. Делимся на две группы и прячемся в кустарнике. Полагаем, что нас с дороги не видно.

— По команде “к бою” выбегаете к сосне и расстреливаете тех, кто сидит в кузове, — говорит Шаповал, — остальные работают с теми, кто в кабине. Они же выводят машину из строя.

Шаповал выставляет дозор, следовательно, всем остальным можно подремать. Неожиданно для себя я засыпаю, и тут же чувствую толчок в бок.

— Машина, — говорит мне Бакулин.

Действительно, до нас доносится звук работающего мотора.

— Метров пятьдесят, — говорит Бакулин.

Гул машины становится всё отчетливей. Мы с Бакулиным перебегаем к сосне. Берём оружие на изготовку...

— Как только... — произносит Бакулин.

— Знаю, знаю.

Машина поравнялась с нами. Стрелять с Бакулиным мы начинаем одновременно и без какой-либо команды. Мы точно братья-близнецы не нуждаемся в сигнале для того, чтобы действовать одновременно.

Сидящие в кузове мгновенно падают. Тут же раздаётся стрельба со стороны основной группы. Чувствуется, что машина потеряла управление, хотя ещё движется по инерции. Но вот она прошла метров десять и остановилась.

Но это ещё не конец. Раздается команда:

— Фоер!

Оставшиеся в живых немцы приподнимаются над бортами, и отвечают нам автоматным огнём. Затем снова скрываются за бортами — стреляные воробы.

Я и Бакулин продолжаем стрелять по кузову. Но стоит нам прекратить огонь, как снова раздаётся команда:

— Фоер!

Противник отвечает огнём. Кто-то толкает меня в бок. Это Шаповал. В это время с его головы пуля срывает кубанку. За дальним от нас колесом устроился автоматчик. Я стал обходить машину, но он, поняв маневр, бросился бежать.

— Хальт, — ору я.

Но он не останавливается и бежит в лес, в одной руке у него автомат, в другой портфель. Понимаю, что мне его не догнать. Останавливаюсь и с колена стреляю. Попал. Подхожу ближе — офицер. Лежит лицом вниз. Времени на изучение его нет, забираю портфель и автомат. Ухожу. Со стороны Смолзавода слышатся автоматные и винтовочные выстрелы. Подхожу к машине. Ребята выбрасывают из кузова трофеи.

— Бери, Вася, что можешь.

— Много не могу, — отвечаю, — а кое-что возьму.

Тут же на меня вешают два автомата, медицинскую сумку, боеприпасы. В руках у меня портфель.

— Отход, — командует Миша.

Мы быстро уходим в сторону леса. Но уже через двадцать метров засветили и защёлкали по стволам деревьев пули от одиночных винтовочных выстрелов, а затем ударили автоматные очереди.

Подбегаем к лошадям. Все в сборе. Подсовываю портфель под солому и сажусь на него. Лошади, несмотря на то, что застоялись, взяли дружно. Несут нас изо всех сил подальше от преследователей. Стрельба не стихает. Отъехав километра четыре, сворачиваем круто направо и по балке спокойно въезжаем в деревню.

На стоянке открываю портфель.

Ба! Там яичница вперемежку с кусками мыла и стеариновыми свечами. Но в другом отделении портфеля карта минных полей, чертежи блиндажей и сооружений вокруг зенитных установок — того, что, видимо, строили немцы.

Осень. Темные ночи. В лесу сыро, пахнет прелостью. Птиц уже не слышно. Тишину притихшей деревни нарушает лишь собачий лай да редкое мычание коров. Даже не верится, что идёт война. Но об этом постоянно что-либо напоминает. Вот и сейчас взлетает ракета, слышится пулемётная очередь, и всё становится на свои места.

Мы идём из деревни Прудиче Смолевичского района, где была наша временная стоянка, в деревню Осовец. Идём тихо, каждый размышляет о своём. “Наверное, суждено мне жить”, — думаю я.

Припомнилось, как в Прудичах мы стояли в сених одного дома, прислонившись к косяку, и беседовали с Мишей Любимовым. Он шутил, рассказывал анекдоты. И вдруг высоко в небе показалась итальянская “рама”.

— Высоко летают, — заметил я. — А кого боятся — непонятно: зениток и артиллерии у партизан нет, да и партизаны здесь появляются редко.

— Почему нет, — возразил Миша, — есть зенитная артиллерия — спаренный пулемёт на вращающемся комле. А ты, между прочим, отойди от двери, а то неровен час...

И только он это сказал, как свистнули пули и воткнулись в стену позади нас... Смерть была в нескольких сантиметрах.

— Значит, не судьба сегодня, — философски заметил Миша, осматривая пулевые отверстия.

Мои размышления прервал шедший впереди проводник. Он остановился и предложил несколько вариантов подхода к автомагистрали Москва—Минск.

Долго совещаемся, каждый выдвигает свои доводы. Наконец, решаем идти через деревню Осово. Один конец этой деревни упирается в лес, а другой выходит к автомагистрали. Здесь немцы меньше всего могут ожидать появления партизан.

Провели разведку: неприятеля в деревне нет. Проходя мимо школы, увидели свежие следы её погрома, зашли. На полу — разбитые стекла, разорванные тетради и учебные пособия. Я взял в руки глобус. Он был без ножки и со следом сапога на помоям боку. И так мне стало его жаль, словно это было близкое мне живое существо, безмолвное и беззащитное.

— Изверги, — говорит Степа Иванников и добавляет крепкое словцо. — Что делают...

— Чума, — в тон ему отвечает Володя Пашкевич.

Открываю дверь в учительскую, и невольно останавливаюсь. Там на стене висит новенькая гитара. Как она могла уцелеть?

— Возьмём, — говорю Мише Шаповалу. — Антонов её быстро освоит, у него слух музыкальный.

Миша думает, а потом говорит:

— Не сейчас...

— А на обратном пути?

— Если... — говорит Миша, но тут же спохватывается, наш негласный кодекс не позволяет говорить о худшем, тем более накануне операции.

— Что скажет командир? — спрашивает Пашкевич.

— На обратном пути.

К магистрали подходим метрах в трёхстах от деревни, чтобы не навлечь впоследствии карателей на её жителей.

— Ребята, — говорит Миша, — наша задача — оседлать магистраль и вырубить полметра кабеля, соединяющего ставку Гитлера с фронтом. Провод проложен на глубине 75 сантиметров вдоль правой стороны магистрали, если смотреть на восток.

Миша — профессиональный связист и знает, что говорит.

— Трое будут рыть, а по двое пойдут в боковые охранения, — даёт команду старший группы.

Начинаем работать кирками и лопатами. Но проходит десять минут, и правое охранение в минском направлении замечает патруль. Новички, входящие в группу, без приказа покидают магистраль, за ними следуют и другие. Мы с Шаповалом не сразу понимаем, чем вызван переполох. Но сработал рефлекс: сначала укрыться, а потом оценивать обстановку. Залегли в кювете. Через несколько минут видим в тумане колонну людей, точнее, только её начало. Миша прицеливается, то же самое делаю я.

— Миша, — говорю ему шёпотом, — мы не знаем, сколько их. Если много, они нас прижмут, отступать будет некуда, кроме как через болото. Давай чуть отойдём.

Миша кивает в ответ, и мы отбегаем в тень большого ветвистого дуба. Колонна идёт спокойно. Впереди двое, — видимо, офицеры. На наше счастье, за дубом небольшая воронка от снаряда. В ней мы укрыты надёжно. Хвоста колонны по-прежнему не видно.

— Давай пропустим часть колонны, а потом дружно ударим, — шепчет Миша. — Я по голове, а ты — по хвосту.

Фашисты идут не спеша, тихо переговариваются. Автоматы держат на руке, чуть опустив, впрочем, у многих они на плече или на груди. Это хорошо видно, поскольку они идут почти рядом с нашим укрытием. Голова колонны минует нас, и мы открываем огонь.

Наше оружие работает чётко. На дороге вопли, крики, стоны. Миша перезаряжается, а я продолжаю стрелять — у меня в диске 71 патрон. Но вот на дороге не остается никого: уцелевшие скрылись за насыпью. Раненые и убитые лежат на дороге. Противник приходит в себя: надо отходить.

Но уйти нам удалось только метров на тридцать. Взвывается ракета. Падаем. Миша бьётся ногой о пень и тихо ругается. Светло, как днём, а то и лучше. Замечаем несколько пней и небольшое углубление. Видимо, лес вырублен недавно. Поворачиваемся в сторону противника. Начинается стрельба в нашу сторону. Сначала редкая, а потом дружная. Огонь ведётся из автоматов. Но вскоре подключается ручной пулемёт. Часть пуль трассирующая. По ним судим о направлении огня противника. Стреляют в нашу сторону, значит, заметили, но пули летят выше. Отползаем ещё на несколько метров. Гаснет ракета. Мы срываемся с места. Миша сильно хромает. Снова ракета, и мы снова падаем, ползём, понимая, что постепенно неприятель приходит к себе и ведёт всё более прицельный огонь. На наше несчастье, из-за туч выходит луна, освещает местность не хуже ракеты. Добираемся до ближайшего овина. Видим, что на дороге появился броневик, и первым же выстрелом попадает в овин. Начинается пожар.

Положение критическое. Мы как на блюдечке, да ещё освещены луной, пожаром и ракетами. Почему-то опять вспоминаю одиноко висящую на стене учительской гитару.

Бежим дальше. Останавливаемся, убеждаемся, что преследования нет. Но стрельба по-прежнему очень плотная. Снаряды ложатся всею вокруг нас, летят в сторону деревни.

— Почему не преследуют? — спрашивает Миша.

— Наверное, оказывают помощь раненым, убирают убитых — это же магистраль. Да и засады боятся: знают тактику партизан.

Бежим дальше, минуя деревню, к лесу. Миша хромает всё сильнее. Вот уже и окраина, и одиноко стоящая школа.

— А гитара, Миша? Не оставлять же её фашистам.

— Ты видишь, какой огонь? Вдоль деревни. А школа на противоположной стороне. Схватишь шальную пулю.

— Я попробую.

— Тогда идём вместе.

Перебегаем улицу напротив школы. Не зацепило, пронесло. Вбегаем в школу, в темноте находим учительскую, берём гитару. Идём обратной дорогой. Бежим. Группу мы, разумеется, потеряли. Вот пролесок заканчивается, начинается настоящий лес. Можно чуть расслабиться. Но что это? Перед нами вооружённые люди. И сразу понятно, что это не жители деревни. Они, как по команде, приседают на одно колено и берут оружие на изготовку. Рой мыслей пронесется в голове, самая главная: “Кто это?”

Мы падаем и также изготавливаемся к стрельбе.

Идут мучительные секунды. Противник огня не открывает. Молчим и мы.

— Кто вы? — наконец, произносит Миша.

В ответ молчание.

Миша твёрдым голосом командира, за которым минимум взвод, повторяет вопрос.

В ответ молчание. Лежим, проходит не одна минута.

— Уходим, Миша, назад, к лесу, — говорю я ему, — хватит лежать. Чего доброго, это каратели.

Полусогнувшись, отходим назад, держа оружие наизготовку. Понимаем, что мы видны. Но по нам не стреляют. Не стреляем и мы: авось, пронесёт. Вот и лес. Спокойно. Решаем обойти подальше неизвестных и вновь заходим в деревню.

Тут же натываемся на своих. Ребята чувствуют свою вину, тараторят:

— Где вы пропали? Что за бой рядом с деревней? Мы беспокоились за вас. Думали, что вы напоролесь на засаду, — говорят они, перебивая друг друга.

— Не все сразу, — останавливает их Шаповал.

Ребята замолкают.

— Знаете, почему погиб Василий Иванович Чапаев? — с лёгкой иронией спрашивает Шаповал.

Ребята опускают головы.

— То-то, — говорит Шаповал, — но не переживайте, за одного битого двух небитых дают. Идём отсюда...

Тут Володя Пашкевич замечает гитару.

— О-о! Да вы гитару не забыли!

— Не забыли, — говорю я ему, — на, неси...

Володя берёт гитару. Идём в лес подальше от деревни, от боя.

Слышу, как сзади Володя спрашивает кого-то.

— А почему погиб Чапаев?

— Потому что в дозоре у него раздолбаи были, — отвечают ему.

Когда мы отошли достаточно далеко, Антонов взял у Пашкевича гитару, чуть подстроил, и мы пошли дальше в лес, распевая хриплыми голосами:

*На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят...*

Через день я и Шаповал вернулись в деревню Осовец, чтобы узнать о том, что же произошло. Из рассказов местных жителей и информации связанных мы установили, что нам удалось вывести из строя около десятка солдат противника.

На следующую ночь нам удалось перерубить кабель, идущий вдоль магистрали. А по возвращении в отряд нас с Мишей ждала благодарность от командования за смелость и находчивость.

* * *

День после командировки я отсыпался, затем пошёл в редакцию.

— О, какие люди, и без охраны, — сказал главный редактор, — ждём материал.

— Материала не будет, — ответил я ему.

— Почему?

— Я налетел на “пустышку”.

— Давай подробнее...

— Герой, скорее всего, трансформировал легенду в биографию...

— То есть врал?

— Скажем мягче — преувеличивал.

— Ясно. А ты не подумал, что можно написать очерк о том, как этот мужик придумал себе... героическую биографию.

— Можно, но...

— Никаких “но”! Если не будет публикации, мы не сможем дать тебе компенсацию, это — во-первых, а во-вторых, так даже интереснее. Да-да, и, пожалуй, будет похлеще, чем у Шукшина... Помнишь Броньку Пупкова, который должен был расстрелять Гитлера?

— Дался вам этот Пупков.

— Ты не отказывайся, подумай.

Потом был звонок с киностудии.

— Ты вернулся?

— А что, меня хотят пригласить на главную роль в сериале с названием: “Несправедливая справедливость”?

— Нет, — ответил мне редактор студии документального кино. — Формируем портфель на ближайшие годы. Нужна заявка на военный или имеющий отношение к войне фильм.

— Могу написать сценарий о своем путешествии на Дальний Восток, в поисках прототипа богомоловского Таманцева.

— Кому это интересно?

— Мне.

— А ты мог бы прямо сейчас в двух словах изложить суть?

— Пожалуйста. Живёт на земле крутой мужик, но все не считают его крутым, потому что стереотипы героя у его окружения иные. И тогда он дотягивает свою биографию до этих стереотипов.

- Знаешь, всё хорошо, но нет драматургии. Ничего не попишешь, старик, кино — это зрелище.
- Вот это и не даёт возможности в ряде случаев передать на экране...
- Да хватит тебе, — перебил меня невидимый собеседник, — не завидись. Лучше расскажи, как там, в России?
- Да всё то же, только люди порезче, расстояния побольше и проблемы поглобальнее.
- Ясно, но ты всё-таки подумай.

Трубник

Трижды пытались уничтожить фашисты нашу партизанскую бригаду. Делалось это обстоятельно, с немецкой педантичностью. В зону приходили войска. Близлежащие деревни выселялись во временно организованные концентрационные лагеря. Район блокировался, и начиналась охота на партизан.

Последний раз бригада была заблокирована весной 1944 года. Артиллерия, танки, пулемёты через каждые пятьсот метров. Самолёты постоянно бомбят расположение отрядов бригады. Прорваться через такое кольцо практически невозможно. Разбившиеся на группы партизаны уходили от поисковых подразделений противника налегке: ни пищи, ни связи. Ели павших лошадей, питались клюквой, заячьей капустой, шишками, корнями растений.

С опушек леса периодически слышалась речь на русском языке, впрочем, если это можно назвать русским языком. Партизанам сообщались последние новости. Вот и сейчас слышно:

“Манька, Ванька! Сдавайтесь! У нас в плену командир бригады Гамза, начальник штаба Подобаев, начальник разведки Шаповал. Шаповал ранен. Ему оказана помощь. Все, кто сдался, накормлены, помылись в бане. Не бойтесь. Вам будет дарована жизнь”.

Правдой в этой психологической акции было лишь то, что Михаил Шаповал действительно был ранен. Мы несём его на носилках, постоянно уклоняясь от поисковых групп противника.

Прошли какой-то отрезок пути, остановились, прислушались: нет ли рядом немцев? И все же просмотрели одну из групп. Пулемётная очередь, и сквозь редкий пролесок уже видны серые мундиры.

Некогда думать и оценивать случившееся. Бросаем носилки и вместе с Шаповалом лезем в болото. Кашин накрывает голову кочкой, а Михаилу кочек не осталось, и он маскируется сорванными на берегу листьями лопуха.

Немцы выходят на поляну перед болотом. Брошенные носилки их раздражают, они начинают искать: рыщут вдоль болота, стреляют в подозрительные места, затем уходят.

Выбираемся на сухое место. Никто из нас не пострадал. Мише совсем плохо. Снова укладываем его на носилки и несём дальше. Он то приходит в сознание, то впадает в забытё.

Несколько месяцев назад отрядный врач освободил Марию от длительных переходов и походов, и её прикрепили к кухне. Мария ждала ребёнка. Как радовался этому Миша! И, казалось, ещё немного — и всё, кончится оккупация, и все заживут... Но, видно, не судьба...

Находим остров, чтобы в его в зарослях скрыться от вражеских самолётов. Миша снова открывает глаза:

— Пристрелите меня, — тихо говорит он, — мне все равно не выжить, а из-за меня вы все погибнете.

— Ерунда, Миша, — говорю я ему, — не из таких сетей выбирались.

Хотя сам понимаю, что в такую передрыгу мы ещё не попадали ни разу.

— Дайте пистолет... Я сам, — тихо произносит наш командир.

— Вспомни нашего врача — Моисея Абрамовича, мудрый был старик. Что он говорил? Минута жизни — тоже жизнь, крепись...

Когда мы подошли к острову, Миша уже в сознание не приходил. На острове под защитой болот и кустарников было чуть спокойнее, но в отряде почти не осталось продуктов. Теряем силы, начинаются голодные отёки.

Командование отряда принимает решение идти на прорыв. Эстафета начальника разведки от Шаповала переходит ко мне. Собираем остатки съестного и оставляем их Мише. Уходим. С Мишей на одном из многочисленных островков Домжерицких болот остаются Мария и Костя Кашин.

Уже отойдя на некоторое расстояние, соображаю, что может произойти в ближайшее время. Возвращаюсь и отдаю из санитарной сумки несколько упаковок бинтов, вату и марганцовку.

Прорыв мощной блокады малыми силами, ослабевшими от голода людьми, с дефицитом боеприпасов был равен одному шансу из ста. И этот шанс нам выпал.

Остатки отряда с боем вышли из окружения. А через две недели мы соединились с частями Советской Армии. Сразу же за Михаилом и его спутниками послали повозку с бойцами отряда. Их привезли в страшном состоянии, Мария и Костя едва держались на ногах. Миша лежал на носилках и слабо улыбался. Он преодолел кризис, справился с болью, потому что рядом была она. У них родился сын. Через месяц партизанский отряд расформировали. Большинство партизан ушло на фронт. Мишу в армию не взяли — он был признан инвалидом.

— Миша, — сказал я ему, — всё время я думал, что ты подрывник, отправленный с Большой земли в партизанский отряд для проведения диверсий.

— Нет, — возразил мне Миша, — я человек гражданский, монтёр по специальности.

Мы уходили на фронт, в регулярную действующую армию, и прощались со своим командиром. Всем почему-то вспомнился тот трагический эпизод, когда во время последней блокады чуть было не погибли, столкнувшись в лесу с поисковой группой противника.

Каким-то чудом было то, что немцы не обратили внимания на “растущий” посередине малого болотца куст лопуха, которым была прикрыта голова Шаповала.

— Твоё счастье, Миша, — говорили все, — что немцы не знают, что лопух на болоте не растёт.

* * *

Вечером я позвонил ещё по одному телефону. Мне казалось, что этот разговор расставит всё по своим местам. Здесь осечки быть не могло.

— Я буду дома завтра после обеда, — ответил знакомый голос, — можешь подойти часам к пятнадцати.

На следующий день ровно в пятнадцать я набирал код подъезда в большом доме по улице Столетова.

— Сколько лет, сколько зим, — сказал хозяин, которому было уже за семьдесят, но назвать его стариком не поворачивался язык. Он был одет по-домашнему: в спортивный костюм и тапочки с загнутыми вверх носами. Это Геннадий Владимирович Юшков — герой одного из моих сценариев. Он начал войну мальчишкой в Минской области, затем воевал в тылу врага в Восточной Пруссии, а после войны окончил школу НКВД и боролся с бандподпольем в Западной Белоруссии.

Пожалуй, это был единственный человек в моём окружении, кто мог помочь выпутаться из создавшейся ситуации.

— Да не так уж и давно, — ответил я, вынимая из пакета шоколадку и бутылку коньяка, — это в бар...

— В бар так в бар, — сказал хозяин, — проходи в комнату.

Комната напоминала музей, причём, в первую очередь, — восточный. Поскольку я оказался в этом музее впервые, хозяин стал рассказывать, что он объездил весь мир, но почему-то его поездки в Корею, Китай, Вьетнам запомнились больше всего. Именно потому он привёз оттуда множество сувениров. Это были шкатулки, картины, статуэтки из различного материала — от эбенового дерева до слоновой кости.

Я слушал его и удивлялся. Может быть, именно его тяжёлое голодное военное детство, в котором он не раз видел смерть других людей и не раз

рисковал собственной жизнью, пробудило в нём такой интерес к людям? Причём к людям других культур.

— Ладно, — сказал он наконец, — соловья баснями не кормят, ты тут посиди, а я чай приготовлю.

Я уселся на стул и стал рассматривать картины, привезённые хозяином из Китая. На них были изображены странные деревья, что-то среднее между саксаулом и ракитой. Я никогда не был в Китае, но видел множество картин, на которых красовались именно такие деревья. Что это? Китайская флора или художественный символ страны? Пока я раздумывал, появился Геннадий Владимирович с подносом, на котором были грибы в маленькой пиалке, бутерброды с сыром и колбасой, две рюмки.

— А где же чай? — спросил я.

— А чай будет потом, он сейчас заваривается.

Хозяин достал из шкафчика бутылку необычной формы и сказал:

— Корейская, ты такой никогда не пробовал и не видел.

Юшков разлил водку по рюмкам, мы выпили.

Вкус её был непривычен:

— Сказать, что приятная, не могу...

— И не говори! Водка она и есть водка, напрасно ждать от неё приятности. Это не настойка, не вино, которые можно оценивать на свет, греть в руках, вдыхать букет, пробовать на вкус... В водке весь смак в результате, а не в процессе потребления...

— Наверное, это так, — подтвердил я, — а вам во время войны — в партизанском отряде и там, в Восточной Пруссии, — приходилось пить водку?

— Приходилось, но у меня никогда не было тяги к ней — ни тогда, ни в дальнейшем. Хотя, как ни странно, выпить я мог много, но пил очень редко.

Помолчали.

— Что тебя сегодня привело... — спросил он.

— Попал я в интересную ситуацию. Столкнулся с описанием того, что сейчас называют партизанщиной.

— А именно?

— Читаю дневник одного из партизан и вижу, что операции проводились с большим риском одной группе подставить другую. Разведку каждая группа осуществляла сама, не было единого координирующего центра, чтобы “развести” их при необходимости.

— А как ты вышел на автора дневника?

— Здесь ещё более интересная история. Пограничники поделились информацией, что на Дальнем Востоке живёт прототип богомолковского Таманцева.

— И он действительно там живёт?

— Он там жил, но вряд ли он был прототипом. Хотя мне непонятно, почему этот сильный мужик, имеющий два ордена за Сталинград, приписал себе ещё и операции “Смерша” в Белоруссии.

— Как бывший следователь бывшему следоку, — сказал он. — Ты знаешь, кто по статистике больше всего осуждался за разглашение секретных сведений?

— Догадываюсь, — сказал я.

— Правильно догадываешься — это мужчины. Так что ты и сам мог ответить на этот вопрос. А насчёт партизанщины... Это было народное движение. И как его ни пытались привести к какой-то стройной организации, стихийность в нём всё время выпирала. Упорядочить всё это было тяжело, даже невозможно. Впрочем, если бы это случилось, то, может, и движения никакого бы не было. Всякое тогда бывало. Хотя к сорок третьему всё стало более или менее управляемым. У партизан ввели военную структуру. Отряды разделили на роты, роты — на взводы, а последние на отделения и группы.

Командиры отвечали за всё — боевые операции, поведение своих подчинённых, контакты с населением. Сбором продуктов после сорок третьего года занимались только хозяйственные взводы, всем остальным было запрещено делать это.

— И это исполнялось?

— Да, и контролировалось жёстко, по-военному. В соседнем отряде был такой случай. Вернулся из рейда партизан на лошади, а вместо седла — красивый коврик.

— Где взял?

— Да, так, — говорит, — в одной деревне.

Стали разбираться и выяснилось, что он самовольно заехал в деревню и отнял коврик у одной женщины, муж которой был в партизанах. Парня в назидание другим судили и расстреляли.

— Да-а...

— Вот тебе и “да”... Давай ещё по одной...

Мы выпили ещё по одной.

— Вот ты говоришь, что этому прототипу не хватало? А, наверное, и не хватало признания. Воевал мужик, всё видел, а потом писатели стали описывать войну не совсем такой, какой она была на самом деле. Появились литературные герои, и они заслонили реальную войну и реальных героев. Вот и обиделся мужик, и чуть-чуть подправил свою биографию, дотянул её до неких образцов массового сознания.

— Да, это я и сам понимаю.

— А в чём вопрос?

— Что с этой информацией дальше делать?

— А это ты уж сам решай, не перекладывай на чужие плечи. А что касается операций... — продолжил прежний разговор хозяин. — Вся правильность их с позиций военного искусства тоже появилась потом, после войны. Когда в учебных заведениях все те операции превратились в схемы, а схема от жизни отличается, прежде всего, правильностью... А ты прочитал дневник и видишь, что всё там происходило неправильно...

— Значит, всё идёт не от...

— Да, всё идёт от идеализации войны, от идеализации партизанского движения, а идеализация всегда плохой помощник...

— Почему?

— В ней есть элемент того, что в реальности не могло существовать, то есть...

— То есть вымысла.

— Да, вымысла, но вымысла, который порождён конъюнктурой времени...

Так, слово за слово, мы допили бутылку, но вопреки известной поговорке, что без бутылки — не разберёшься, так ни в чём и не разобрались.

Просто стали говорить сумбурнее, перебивая друг друга...

Первым решил поставить в этом точку мой собеседник.

— Ладно, — сказал он, — подведём маленький итог...

— Подведём, — согласился я.

— Первое. Что тебе делать с полученными материалами — решай сам.

— Угу, — сказал я и сделал вид, что загибаю палец.

— Второе... В любом случае, ты не суди их строго, они свою миссию выполнили, и самое интересное, выполнили отнюдь не по чьей-то указке... А то, что они не вписываются в какие-то стандарты героев или схем негласной работы, то это потому, что схемы эти слишком правильны, а значит, нежизненны, да и появились они спустя целое поколение... Понял? Пойдём, я тебя провожу и по дороге расскажу ещё один случай...

* * *

Домой я пришёл в полном смятении, сказал жене, что сильно устал, и завалился спать, рассчитывая утром принять решение. Но спрятаться за рассвет не удалось. Утром позвонил главный редактор.

— Ну, — пробурчал он вместо приветствия.

— Не запряг, — ответил я ему.

— Пытаюсь запрячь, — перевёл он всё в шутку, — что надумал?

— Ничего.

- Ну, вот. А я полагал, что ты уже набросал черновик статьи...
- Нет, — ответил я.
- Что же ты так просто сдаёшься? Побойдайся...
- Нет.
- Выходит, зря ты съездил за семь тысяч верст, — сказал главный редактор, пытаясь хоть этим меня завести.
- Именно так.
- Дать тебе подумать ещё денёк?
- Нет, всё решено.
- Ну, дело твоё, — сказал он и повесил трубку.

Итак, я отказался, но, вопреки ожиданию, не почувствовал облегчения. А вдруг я поступил неправильно? Может, всё-таки надо было описать историю Коловратова?

Теперь меня стал мучить вопрос: стоило ли отказываться от написания очерка или сценария? Как обычно бывает в таких случаях, начал искать аргументы. Если бы я знал или хотя бы интуитивно догадывался, что эта история приблизит меня, а потом и читателя, к какому-то выводу, который можно назвать истиной, а усвоение этого вывода позволит ему в будущем не совершать ошибок, которые выпали на долю предыдущих поколений, я бы, конечно, не отказался. Но сделать такой вывод я не мог...

А, может быть, дело и не в выводе, а просто в отсутствии некоего штриха, который мне не даётся и который бы подвёл черту и сделал моё повествование законченным в полном соответствии с литературными канонами?

Яд писательства настолько крепко въелся в меня, что я не мог представить читателю материал в необработанной форме, в виде неких путевых заметок с описанием дороги, средств передвижения, а главное — людей, которые встречались мне в пути, как в настоящем, так и в прошлом. Заметок без начала и без конца, без завязки и развязки; заметок в том неправильном и несимметричном виде, в каком не может существовать литературное произведение, но распрекрасно существует сама жизнь, причём ни на секунду не чувствуя себя ущербной.

Юшков

— Знаешь, — сказал мне Геннадий Владимирович, когда мы перешли мост через закованную в бетон речушку Цянку, — в так называемую “перестройку” появилось много произведений о войне, о её страшных и чёрных страницах. Многие писатели и режиссёры совершенно искренне считали, что наступила та “эра милосердия”, о которой писали когда-то братья Вайнеры.

В их книгах и фильмах стала звучать мысль о том, что некая добрая цивилизованная сила пришла к нам, чтобы сделать нас лучше и счастливее, а мы уничтожили её себе во вред, да ещё и радуемся тому, как варварски, не щадя себя, мы это сделали.

Каждый значительный эпизод того страшного противостояния был использован, в том числе партизанская война и все её проявления: и “рельсовая” война, и “мостовая”.

А надо сказать, что ещё в “Войне и мире” Толстой очень образно сказал о *дубине народной войны*. Так вот, сопротивление оккупантам постоянно нарастало, став массовым в сорок третьем — сорок четвёртом годах. Как ни крути, но это было то движение, которое порождало и настоящий массовый героизм. Мы почему-то стали стыдиться его в семидесятых и оплевали в конце восьмидесятых. Многие мальчишки того времени готовы были выполнить любое задание даже ценой своей жизни.

Не был исключением и я. В начале сорок четвёртого Михаил Иванович, наш командир группы, стал собирать информацию об охране Станьковского моста. На последнем этапе на доразведку к мосту послали меня. Я обошёл его, спустился на быки, посмотрел места возможной закладки взрывного устройства. Присмотрелся, как его можно будет доставить к месту будущей диверсии. В общем, сделал всё довольно-таки профессионально.

Одновременно с этим я “заразился” идеей участия в будущей диверсии. Мне казалось несправедливым, если в этой акции не буду участвовать я, причём на её завершающем этапе.

Я прямо-таки стал бредить предстоящей операцией, готов был выполнить всё, что потребуется. Я даже представлял себе, как будут печалиться после моей геройской смерти мои взрослые боевые товарищи.

Однако перед тем как принять окончательное решение, мы получаем информацию от своих связных, что немцы узнали о готовящемся подрыве моста и усилили его охрану.

Мы дополнительно изучили систему их новой охраны и, как опытные в тайной войне люди, разработали несколько вариантов операции. Разумеется, главная роль в ней отводилась мне. Поскольку лет мне тогда хотя и было пятнадцать, но роста был небольшого, а голодное военное детство не позволило набрать более тридцати килограммов веса. Появление на мосту “заблудившегося” ребёнка вряд ли могло вызвать подозрение у охраны.

Стали докладывать Михаилу Ивановичу. Он выслушал всех, потом сказал: — Геннадий, погуляй пока на свежем воздухе.

Я без обиды вышел из землянки и стал ждать решения. Удивительного в этом ничего не было, правда, Михаил Иванович никогда не называл меня Геннадием. Он всегда звал меня просто Геной. Через какое-то время вышли остальные члены группы.

— Ну, что, — спросил я их, — какой вариант приняли?

— Единственно верный, — буркнул Наполеон Ридевский, — операцию проводить не будем.

Я, полагая, что в ходе обсуждения мои старшие товарищи не смогли доказать командиру мою способность снять ножом часового, вошёл в землянку и сказал, что могу это сделать...

— Геннадий, — ещё раз назвал меня так Михаил Иванович, — мы не сомневаемся в этом.

— А в чём же дело? — спросил я.

— Этот мост, — ответил командир, — не стоит твоей жизни.

ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

ЛЬЮТ НА РУСИ КОЛОКОЛА

КОЛОКОЛА

Льют на Руси колокола
Под голубой небесной сенью,
И свет великого Спасенья
Зарёю красит купола.

Льют на Руси колокола
С молитвенным, священным словом.
Под Божьей Матери Покровом
Льют на Руси колокола.

О, скольких, Церковь, ты спасла!
Пылают пламенные свечи.
Для дней земных, для жизни вечной
Льют на Руси колокола.

Во все века им нет числа.
Их слышат праведные люди.
Всегда так было, есть и будет.
Льют на Руси колокола...

ПОЛИКАНИНА Валентина — поэт, журналист, член Союза писателей Беларуси и Союза российских писателей. Родилась в 1958 году в городе Кричеве Могилевской области. Закончила филологический факультет БГУ. Автор восьми поэтических сборников. Лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь в номинации “Художественная литература”, первой премии Союза писателей Беларуси “Золотой Купидон”, российской литературной премии им. А.П. Чехова. Живет в Минске.

Льют на Руси колокола
И для последних, и для первых.
И дрожь любви пронзает нервы,
Когда звонят колокола.

Когда звонят колокола,
Стихают все людские драмы.
Звон — правда православных храмов.
Храни, Господь, колокола!

РЕЧНАЯ РУСЬ

А на Руси прекрасней нет зари...
На Волге лодок тихое скольжение.
И над водой стоят монастыри,
Умноженные чудом отраженья.

Речная Русь... А как её назвать,
Минуя с ней сырой туман кромешный?
И можно крест душой поцеловать —
И неба зачерпнуть рукою грешной.

Здесь не один святой нашёл причал,
Забыв, что где-то жизнь течёт мирская,
И, сделав вдох, надёжно замолчал,
Душе освобождённой потакая.

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

Житьё-бытьё осиротелое,
Где в отрешенье — глубь видней...
Над Белым морем ночи белые
Да серый берег из камней.

Крупны, как зерна, мысли спелые;
Светло читается Псалтирь...
Над Белым морем ночи белые
Да Соловецкий монастырь.

Следы на прошлом огрубелые,
Дороги вечности — в пыли...
Над Белым морем ночи белые
Да память северной земли.

Шальных людей нападки смелые,
Стрелецких рук жестокий плен...
Над Белым морем ночи белые
Да гордый взлёт валунных стен.

Врагов атаки оголтелые,
Флажок английский на оси...
Над Белым морем ночи белые
Да крепость матушки-Руси.

Ряды пришельцев поределые;
Слеза, замерзшая в тиши...
Над Белым морем ночи белые
Да боль раскольничьей души.

Цепные псы расвирепелые,
Донос и подлости без слов...
Над Белым морем ночи белые
Да звук тюремных кандалов.

Ушли ли дни осатанелые?..
Плывёт туман, горчит полынь.
Над Белым морем ночи белые
Ждут возрождения святынь.

Луна, волна да камни беглые...
Святоотеческий народ,
Земля родная, ночи белые
Да во спасенье — Крестный ход.

МОЛИТВА О РОССИИ

Упаси нас, Господь, от проклятий грядущего дня,
От пустой очерёдности серых нестоящих будней,
От шального родства, там, где мать, своё чадо кляня,
Опоив молоком, закачает рукой беспробудной.
Огради нас, Всевышний, от низменных мыслей и дел,
От погибельной скачки в сетях штормового развала,
От гарцующей гонки, несущей проклятый удел:
Быть глупцами, слепцами, в чьём доме беда ночевала.
Отведи нас, Грядущий, от прошлых поверженных стен,
Там, где камня на камне мы, буйствуя, не оставляли,
Оставаясь, как нищие, да с погорельцами, с тем,
Что, как память, живило, желание жить утоляя.
Охрани нас, Святейший, от адových очередей,
Где к душе прижимаются намертво бесы-пронеры,
От безбожных идей, от не знающих веры вождей,
От кровавых дождей, заполняющих чёрные дыры.

* * *

Камни древнего острога,
Моря шальные следы —
И монашеская строгость
Всей природы у воды;
Путь окольный, ветер вольный,
Время веры и потерь...
Деревянной колокольни
Покосившаяся дверь.
Продолженье разговора:
Слово к слову, не спеша;
Ясный-ясный взгляд помора
И наивная душа.
Крик гусей перед грозой,
Пониманье: жизнь — чиста,
Свет в избушке бабы Зои —
И святая простота.
Хлеб в печи и в чае — клевер,
Правда в книгах именных...
Это старый русский Север,
Самый дальний из родных.

ТАТЬЯНА ДАШКЕВИЧ

Я КРИК КОЛЫБЕЛЬНЫЙ, Я СКОРБИ ЮДОЛЬ...

* * *

Снега покрыли Русскую равнину.
Как боязно, как стыдно славянину,
Как бедно он и плохонько одет...
В который раз народная дубина
Осмеяна и высечены спины,
Язык отрезан, разmozжён хребет.

Стоит Россия чёрная, немая,
Стоит, к лицу ладони прижимая:
На мёртвом мёртвый — некуда ступить!
Опять цветут кровавые погоны,
Из преисподней пляшут легионы,
Зовут остатним головы рубить.

С востока кобели ревут цепные,
На севере — хмельные да больные,
На юге — враг, на западе — бедлам,
Здесь города российские толпятся,

ДАШКЕВИЧ Татьяна Николаевна родилась в 1968 году в посёлке Озерище под Минском, закончила Литинститут им. Горького. Вдова выдающегося русского писателя Николая Шипилова. Автор нескольких поэтических книг, многочисленных сборников стихов для детей, книги в серии ЖЗЛ "Фатьянов". Лауреат международных литературных премий имени Андрея Платонова "Умное сердце", "Имперская культура". Член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси. Живёт под Минском.

Того не знают, этого боятся,
Москва последний потеряла срам.

Спокойный храп доносит ветер с Дона.
Слезоточит Державная икона...
О летаргия, русская чума!
Языческие огнища пылают,
Отравный дым Отчизну выстилает.
Вновь наступает долгая зима.

1993

* * *

Тихие спокойные погоды.
Волны намывают янтари.
Валуны — несбывшиеся своды
Возлежат в сиянии зари.

Незнакомо женщины усталой
Тень ложится ломаной чертой.
Как понять, что я такую стала
Из весёлой девочки простой?

Кажется, что я не изменилась,
Что душа открыта и чиста,
Что чужая жизнь мне вдруг приснилась...
Длится сон, как зимняя верста.

Тихо всё. Не шелохнутся сосны,
Утки не решаются летать.
До сего дня я считала весны.
Начинаю осени считать.

1999

МАРИЯ*

Бросали. Лежала ничком на траве,
Как ветка сухая лежит на тропе,
И губы сухие шептали: "Умру", —
И думала, сердце уймётся к утру...

Бросали. Лежала. Вставала и шла
Туда, где давно ни двора, ни кола,
Туда, где грозою разбило порог,
Откуда любимый уехал в острог,

Откуда меня повели, повели,
Где каплями слёзы дорогу прожгли,
И плакали вербы, и враг приходил,
И тело моё на руках уносил.

Да плакали вербы живою росой,
Сплетаясь навеки с девичьей красой,
Да падали вербные слёзы в траву.
Я нынче воскресла. Я снова живу.

---

* Госпожа, любимая, желанная (древнееврейск.)

Свои мне трава, пепелище, цветы.
Но, путник, меня испугаешься ты:
Я крик колыбельный, я скорби юдоль,
Я призрак-Мария, я птица, я — боль.

1986

* * *

Что за рекою?
Светлый погост,
Роза-шиповник...
Иди через мост.
Птицы тебе пропоют — голоса
Эти
Вовек не слышали леса.

Что за рекою?
Звёздный ночлег,
Соль там земная, Ноев ковчег,
Там праотец и праматерь, и там
Ходят прасын и прадоць по цветам.

Что за рекою?
Лучше молчи.
Там, за рекою, зарыты ключи,
Там для тебя расцветает весна,
Там, под крестом, человечья вина.

1988

ДЫМ

Вериг мне тяжелее косы
И ночи гордая печаль,
Во снах идущие матросы,
Несущие в гробу Грааль.
Они идут неумолимо,
Они чугунный шаг куют,
Они Грааль проносят мимо
И хрипло “Яблочко” поют.
Я не вдова, не сиротина,
Серёжки есть и три кольца.
За это мне попали в спину,
Не разглядев совсем лица.
Теперь я знаю, кто мессия,
Но гиблой мне — не рассказать.
Он слабо выкрикнул: “Россия”, —
И на устах его печать.
И дым Отечества прекрасный,
Как правый фланг, вставал за ним.
Я расскажу, кому не ясно:
Отечество — не просто дым.
Я ничего совсем не знаю,
Я никого не узнаю,
Я дым Отечества вдыхаю
В расстрелянную грудь мою.

1991

Николаю Шпилову

Ах, не вернуть мимолётного слова,
Душу на слёзы дробя..
Как я любила тебя молодого,
Старого — тоже тебя!

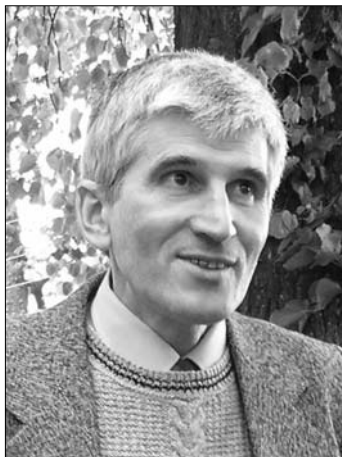
Нет, не унять запоздалого пыла,
Звёздами душу смилив..
Близится плавно и точно могила,
Землю земле отворив.

Воздух и чёрен, и ал, и непрочен,
Смыслом наполнен пустым.
Ты только, миленький мой, непорочен,
Грешникам вровень святым.

Ты обернёшься, как птица немая,
На оглушительный зов.
Тьма молодая, тебя обнимая,
Землю запрёт на засов.

Мрак поседевший, меня обнимая,
Землю запрёт на засов.
Я обернусь, словно птица немая.
На оглушительный зов.

МИХАСЬ БАШЛАКОВ

МУЗЫКА В ОСЕННЕЙ РОЩЕ

* * *

Звездопад,
за окном звездопад...
Звёзды падают прямо в наш сад,
Где висят золотые наливывы,
Августовские светятся сливы...

Листопад,
за окном листопад...
В желтизне и багрянце весь сад.
Ах, какая пора золотая!..
Осень светлая догорает...

Снегопад,
за окном снегопад...
Белый-белый заснеженный сад.
Но надеждой живительной веет:
Сад весною зазеленеет.

Время свой продолжает рассказ,
И природу меняя, и нас...

БАШЛАКОВ Михась (Михаил Захарович) родился в 1951 году в посёлке Станция Терюха Гомельского района Гомельской области. Окончил историко-филологический факультет ГГУ. Работал учителем, корреспондентом-организатором бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей по Гомельской области, в аппарате Минского городского отделения СП Беларуси. Автор многих книг, лауреат Государственной премии Беларуси. Живёт в Минске.

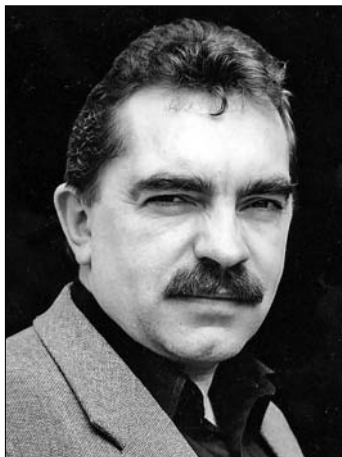

Пусть лето отошло... Такая вот пора...
Тепло опять придёт, наверное, в апреле.
И гроздя у рябин, что мокнут вдоль двора,
Вобрав мою тоску, опять запунцовели.

Я тёплому деньку обрадовался вновь,
Хоть то, что отошло, воротится едва ли...
И снова тишина шептала про любовь,
И вновь была любовь предвестницей печали...

*Перевёл с белорусского
Анатолий Аврутин*

АЛЕСЬ БАДАК

ИДЕАЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

РАССКАЗ

Учитель не может мечтать об идеальном ученике, потому что идеальный ученик всегда лучше учителя, из-за чего тот в глубине души ощущает свое несовершенство. Точно так же, как хирург не может мечтать об идеальном больном, поскольку идеальный больной — это, как известно, тот, кто болен неизлечимо, а какой хирург готов признать свою профессиональную беспомощность?

Впрочем, на свете хватает профессий, представители которых могут мечтать об идеальном потребителе их таланта.

Я помню повара из ашхабадского “Grand Turkmen Hotel”, где мне, участнику международной книжной ярмарки, довелось жить целую неделю. Мне очень понравился вечерний плов, и я сказал повару, назвавшемуся Атамурадом, что хотел бы, чтобы этот вкус узнала и моя жена, поэтому не скажет ли он мне рецепт его приготовления.

Но Атамурад помотал головой:

— Это агурджалинский аш. Чтобы овладеть всеми секретами его приготовления, надо быть туркменом не ближе, чем в пятом колене. А чтобы ощутить его настоящий вкус, надо родиться и вырасти там, где Сумбара впадает в Атрек.

— Почему именно там? — спросил я.

— Потому что оттуда мне привозят шафран и ажгон, которые добавляются в агурджалинский аш. Потому что там пасутся бараны, мясо которых

БАДАК Александр Николаевич родился в 1966 году в д. Турки Ляховичского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет. Работал в периодических литературных изданиях. Автор сборников поэзии “Будзень”, “За ценом самотнага сонца”, “Маланкавы посах” и др. Директор издательства “Мастацкая літаратура”. Живет в Минске.

идёт на агурджалинский аш. Потому что я родился там. Каждый раз, когда готовлю агурджалинский аш, я с нежностью и любовью вспоминаю свои родные места, и эти любовь и нежность придают блюду особенный привкус, который ощутит только тот, кто, как и я, родился и вырос там, где Сумбара впадает в Атрек.

Атамурад мечтал об идеальном посетителе ресторана “Grand Turkmen Hotel”, который мог бы ощутить в его блюдах привкус любви и нежности, а я мечтаю о своём идеальном читателе.

Написав несколько страниц будущей книги, я люблю выйти из квартиры и в городских парках и скверах, на улицах и проспектах, в магазинах и кофейнях, в автобусах и метро наблюдать за людьми, пытаюсь по лицам узнать того, для кого, в первую очередь, эта книга пишется. Того, кто безошибочно может определить, над какими страницами я мучился больше всего, а в каких местах делал паузы во время работы, чтобы прогуляться по городу.

Идеальный читатель признаёт только оригинал, а не перевод, что значительно сужает пространство моих поисков, а значит, увеличивает шансы найти его. С другой стороны, это пространство сегодня уже слишком мало, чтобы в нём обязательно мог появиться идеальный читатель, и с каждым годом оно сужается всё больше.

Да, я пишу на языке, на котором поэзию и прозу читает не слишком много людей.

Я знаю, что сказал бы на это Атамурад: “Чем чаще видишь людей с хот-догом в руках, тем более вкусный аш мне хочется приготовить”.

Я спросил Атамурада, когда однажды мы сидели с ним на лавочке возле памятника поэту Караджаоглану, думает ли он о том, что у него в действительности не так-то много шансов встретить в ресторане того, кто родился и вырос там, где Сумбара впадает в Атрек, поскольку подавляющее большинство постояльцев “Grand Turkmen Hotel” — приезжие из других стран. На что Атамурад ответил:

— У того, кто ждёт, четыре пары глаз, и он одновременно смотрит в четыре стороны света. У того, кто перестаёт ждать, нет ни одной пары. Я редко разговариваю с посетителями ресторана, поэтому не могу наверняка знать, был ли среди них тот, кто родился и вырос в долине Атрека. Возможно, он был вчера, но был слишком голоден и в дурном настроении. Голодные, как и те, что садятся обедать без настроения, не могут почувствовать настоящей вкус еды. А может, он сидит в ресторане сейчас или придёт завтра. Поэтому каждый раз я готовлю аш для прошлого, для будущего и для сегодняшнего дня. Ожидание помогает держать себя в форме. Я боюсь потерять свою работу не из-за того, что больше ничего не умею, а потому, что тогда перестану ждать.

Атамурад помолчал, будто бы до мельчайших подробностей восстанавливая в памяти один из эпизодов своей жизни, а после вспомнил, как познакомился с выдающимся, по словам рассказчика, белорусским пианистом Валентином, который так и не дождался своей славы на большой сцене. В Ашхабад он приехал вместе с братом Андреем, который тут служил офицером перед самым развалом Советского Союза и у которого тут осталась дочь Марина — она вышла замуж за туркмена. Квартиры Атамурада и Марины разделяла одна стена, пропускавшая звуки так, как листва деревьев пропускает солнечные лучи. Благодаря этому уроки игры на пианино, которые по выходным давала её дочке семидесятилетняя Вазига (о ней говорили, что она положит в пустой кошелек копейку, а достанет из него рубль), давались его сыну даром.

Сам Атамурад хоть и любил музыку настолько, что не пропускал ни одной премьеры в оперном театре, нотной грамоты чурался, поскольку считал, что у человека может быть только одно призвание. Это та работа, о которой думаешь всё время, даже во сне, и как нельзя в одном казане одновременно готовить ыштыкму и аш, так нельзя одновременно думать о разной работе.

Однажды вечером Атамурад услышал, как за стеной кто-то начал играть на пианино. Это была не соседская дочка и не семидесятилетняя Вазига: играли не просто профессионально, а виртуозно. Причём звучал фортепианный концерт Равеля для левой руки. Последнее обстоятельство особенно заинтриговало Атамурада, поскольку тому, у кого две руки и десять пальцев, играть

музыку, написанную для одной руки — такая же дурная примета, как здорому на обе ноги ходить на костылях.

Атамурад подхватился со стула — и через минуту уже стоял перед Валентином. Когда они знакомились, Атамурад, не отрываясь, смотрел ему в глаза, но рукопожатие выдало, что у Валентина на правой руке не хватает безымянного пальца.

Как человек, у которого есть настоящее призвание, о котором он думает даже тогда, когда говорит совсем о другом, Валентин во всём слышал музыку и на всё смотрел глазами музыканта. В последний день перед возвращением в Минск он испек большой бисквитный торт и попросил Марину позвать на прощальный ужин Атамурада. Торт имел вид размещённых по спирали клавиш пианино — 52 клавиши были белого и 36 — красного цвета. Над последней — “до” пятой октавы — возвышался шоколадный скрипичный ключ. Валентин сказал, что каждая из клавиш имеет свой вкус, как каждая клавиша в действительности — свой звук. Чтобы почувствовать настоящий вкус торта, нужно ложечкой зачерпывать от них в той последовательности, в какой нажимаются клавиши при исполнении определённой мелодии одной рукой. Разные мелодии придавали тарту свою вкусовую особенность.

Когда Валентин рассказал это присутствующим, за столом повисло молчание. Мало того, что никто, кроме Валентина и Мариной дочки, не знал нотной грамоты, каждый из присутствующих не мог отважиться первым ложечкой взять общий торт.

И тут из-за стола подхватилась Марина. Она полоснула по беззвучным клавишам ножом.

Атамурад увидел, как вздрогнула правая рука Валентина.

— А я предлагаю... — звонко сказала Марина и смолкла, не закончив фразы: её дочка подхватилась из-за стола и бросилась к дверям.

— Что такое? — крикнула ей вдогонку Марина. — Дядя Валентин пошутил! Какие ноты, какая мелодия?!

Я спросил у Атамурада, знает ли он, где теперь Валентин и чем занимается.

— К сожалению, я не уверен, что он живёт счастливо, чтобы спрашивать о нём у Марины, — сказал Атамурад. — Люди сами рассказывают про свою родню, когда у тех всё хорошо, и стараются обойти эту тему, когда всё плохо. Валентин называл себя музыкантом, у которого прошлого больше, чем настоящего, поэтому я не знаю, где и кем он теперь работает, но если у меня спросить, кто такой Валентин из Беларуси, я, не раздумывая, отвечу: в первую очередь — выдающийся пианист, а всё остальное не имеет большого значения.

Я посмотрел на руки Атамурада, напоминавшие руки двадцатилетнего юноши.

— Может, он стал хорошим поваром?

— В его торте слишком много музыки, — с улыбкой помотал головой Атамурад. — А это то же самое, как если в агурджалинский аш добавить слишком много перца.

подавляющее большинство писателей мечтает о своём массовом читателе, и только немногие грезят о читателе идеальном, прекрасно понимая, что идеальных (это значит, талантливых) не намного больше, чем талантливых писателей. К сожалению, слишком часто отыскать одного человека труднее, чем найти тысячи людей. Был ли такой читатель у Купалы — тот, кто, прочитав в 1925 году его строки:

*Мне бацькаўшчынай цэлы свет,
Ад родных ту я адварнуўся...
Адно... не збыў яшчэ ўсіх бед,
Мне сняцца сны аб Беларусі* ,*

---

*Отчизной мне весь белый свет,
От нив родных я отвернулся...
Но... не избыл ещё всех бед,
Мне снятся сны о Беларуси.
(Перевод А. Тьяловского)

предчувствовал (как и сам автор, когда писал их), что поэта ждёт ранняя смерть?

Идеальное чтение напоминает настоящую любовь: при нём взгляд бегаёт по словам, будто по телу, и, прежде чем проникнуть вглубь текста, чтобы получить от этого наивысшее наслаждение, он получает наслаждение от созерцания того, как построены фразы и поделён текст на абзацы.

Нетрудно догадаться, что идеальное чтение, как и любовь, может явиться не сразу, не с первого знакомства с текстом, а идеальный читатель со временем может остыть к своему любимому автору и увлечься другим.

Наконец, что тоже очень важно, чтобы иметь своего идеального читателя, обязательно быть гениальным писателем, потому что приверженность к творчеству конкретного автора порой бывает столь же необъяснима и непредсказуема, как и любовь. Правда, надо признать, что многие, когда берут в руки новую книгу, сначала обращают внимание на яркую обложку, а не на имя автора, которое скоро забудут, поскольку чтение для них — возможность избавиться от лишних минут, как от мелких купюр, что отягощают кошелек и из-за чего они покупают совсем не нужные вещи. Так какой-нибудь юнец с несдержанной плотью в первую очередь обращает внимание на девичьи формы, а имя девушки, нужной ему на одну ночь, может забыть очень скоро.

Часто, гуляя по городу, я перебираю в памяти слова, будто гальку для мозаики: я подбираю их друг к другу и складываю в фразы, чтобы после вложить их в уста своих героев. Бывает, слов аж в избытке; бывает, наоборот, их не хватает; но и в первом, и во втором случае далеко не каждый раз удаётся составить фразы, которые после не рассыпались бы на отдельные слова — так, как это всегда бывает с банальными фразами.

Однажды, через три года после поездки в Ашхабад, во время таких прогулок я почувствовал, что во мне звучат не слова, а музыка, и фразы для моих героев превращаются в ноты. Я вспомнил мелодию: это был концерт ре-мажор Равеля для левой руки, написанный им за несколько лет до того, как он перестал узнавать собственную музыку. У меня есть запись этого концерта в исполнении Пауля Витгенштейна и Королевского оркестра Концертгебау, но в этом случае звучал один рояль. И я догадался, что это играл Валентин, которого я никогда не видел.

Только теперь я понял, что последние три года не просто не забывал о Валентине, но подсознательно хотел встретиться с ним. Почему же только теперь я осознал это? Наверное, потому что все годы после поездки в Ашхабад я думал так, как думал Атамурад: убивая в человеке мечту, невозможно не попасть в сердце. И тогда можно догадаться, чего боялся Валентин.

В истории музыки широко известно имя австрийского пианиста Пауля Витгенштейна. Завистники говорили, его пальцы заряжены такой энергетикой, что во время игры на фортепиано они не касаются клавиш, и в этом секрет его виртуозной игры, но тут не обошлось без помощи дьявола. В качестве аргумента они приводили тот факт, что после того, как Витгенштейн на Первой мировой войне потерял руку, одной левой он играл лучше, чем до того обеими, а левая рука, как известно, считается нечистой, и то, что делается ею, делается с помощью дьявола.

Витгенштейн, несомненно, был лучшим из всех известных в истории одноруких пианистов, но не первым, поскольку первым был венгерский граф Геца Зичи, который в 1863 году подростком потерял на охоте правую руку, но оттого не потерял желаний стать известным пианистом, почти пять лет брал уроки у Ференца Листа и после выступал с ним на пару, переложив листовский “Ракоци-марш” для исполнения в три руки. Главное, чего добивался Лист от своего ученика, — нужно слушать не рояль, а собственную душу, ибо не рояль должен рождать звуки, а душа пианиста. И правда, как свидетельствовали современники Листа, когда на сцене стояли только два рояля, за которыми были он и Зичи, казалось, что играет целый оркестр.

Однако Зичи не умел того, что умел Витгенштейн, и это не позволило венгру стать лучшим одноруким пианистом мира. Когда он начинал играть,

зрители всегда поражались тому, как виртуозно он играет одной рукой. Когда начинал играть Витгенштейн, зрители превращались в слушателей и забывали, что у него только одна рука.

Возможно, однажды думал я, гуляя по городу и неосознанно бросая взгляд сначала на руки прохожих, а потом на их лица, Валентин знал обо всём этом и боялся, что в наш прагматичный и циничный век разговоры о его покалеченной руке всегда будут идти впереди разговоров о его игре, а сочувствие к нему всегда будет находиться впереди восхищения.

Впрочем, а почему бы за эти годы, которые в нашей жизни многое изменили, он не мог заняться бизнесом? Да и мало ли кем он мог стать сегодня в мире, где больше всего ценится умение зарабатывать деньги, а значит, вероятность встретиться с ним у меня такая же, как вероятность того, что воробей, который сейчас сидит на городском фонаре, на лету поймает клювом дождевую каплю. Это может случиться через мгновение, а может не случиться никогда.

А вообще, думал я дальше, переступив порог своей квартиры и раскрывая зонт, чтобы быстрее высох, — а вообще, какое мне дело до какого-то Валентина, которого я никогда не видел, никогда не слышал, как он играет, и кто знает, понравилась ли бы мне его игра, как, впрочем, и он сам.

Я подошёл к книжному шкафу и поглядел на поставленные в ряд четыре книги Милорада Павича. Некогда мне восхищённо рассказала о нем знакомая журналистка, которая в правительственной газете ведёт колонку мини-обзоров новых книг и, надо сказать, делает своё дело виртуозно, хоть это не обязывает меня соглашаться с теми оценками, которые она даёт очередной новинке. Поэтому, услышав из её уст хвалебные слова в адрес Павича, я не бросился тут же в ближайший книжный магазин, а только многозначительно улыбнулся. Разумеется, это имя я слышал и до неё, знал, что Павич в новейшей литературе считается одним из главных мифотворцев и что он придумал в ней новое направление: нелинейную прозу. Но к разным постмодернистским штучкам я отношусь настороженно и слишком хорошо знаю силу рекламы, поэтому, многозначительно улыбнувшись, я предложил своей знакомой:

— Повтори какую-нибудь фразу, придуманную им.

Она прикрыла глаза, будто не хотела, чтобы эту фразу я прочитал в них прежде, чем она её произнесёт, и через несколько секунд сказала:

— “Время, как мяту, можно посеять, и оно прорастёт”.

В тот же день я купил четыре книги Павича, не раскрывая, поставил их в ряд в книжный шкаф и пробормотал самому себе: “Время, как мяту, можно посеять, и оно прорастёт”. Для чтения хорошей книги нужно подбирать соответствующий момент, созвучный твоему состоянию души, и я понял, что этот момент для меня ещё не пришёл. Тем не менее, в компаниях знакомых литераторов я начал уверенно говорить: “Павич, несомненно, один из самых ярких прозаиков двадцать первого столетия”, — и вспоминал его фразу, которую некогда услышал из уст обозревательницы правительственной газеты. Эта фраза часто оживала в моей памяти, и каждый раз она мне казалась не такой, как раньше, поэтому каждый раз с неё можно было начинать новый сюжет. Я подумал, что постепенно становлюсь идеальным читателем Милорада Павича, при том, что пока не прочитал ни единой его книги. Я всё отказывал себе в этом удовольствии, чтобы как следует изголодаться по нему, пока однажды не понял, что уже боюсь браться за него, поскольку боюсь в нём разочароваться, потому что тот Павич, который сложился в моём представлении, в действительности может оказаться совершенно иным, не моим, пыскай себе и трижды талантливым.

Не так ли я боялся разочароваться и в Валентине?

Однажды после душной июльской ночи, когда кажется, что подушка может обжечь щеку, меня разбудил мобильник.

— Привет! Можешь говорить?

Говорить? Казалось, я лишь минуту назад наконец заснул, поэтому то, что мне хочется сейчас сказать тому, кто ждёт от меня ответа, лучше не

знать. Но говорить, тем более женщине, в большинстве случаев нужно то, что она хочет услышать от тебя.

— Ты на работе?

Какого дьявола мне делать на работе в первый день своего отпуска?!

— Ой, прости! Я хочу сегодня пригласить тебя на обеденный прямой эфир.

Ясно. На прямой радиоэфир договариваются загодя, хотя бы за несколько дней. Значит, кто-то пообещал, но не смог. Я сам 14 лет работал на радио, знаю, что чувствует автор программы в таких случаях, поэтому сразу прикидываю, во сколько мне надо выехать из дома. Часа за полтора — чтобы не опоздать. Однако в действительности выхожу за два, на станции “Площадь Якуба Коласа” поднимаюсь из метро, чтобы пройтись пешком по проспекту Независимости до Дома радио. Мне надо настроиться на радиобеседу.

Я иду по проспекту против тёплого потока солнечных лучей. Я бросаю взгляд на незнакомых мне людей, на минуту задерживаю их в памяти и представляю своими слушателями. Я думаю, что им сказать.

Много лет тому назад, когда я учился на филфаке БГУ, мой друг и однокурник Мирослав советовал мне, как сдавать экзамены по литературе: если тебе выпал несчастливый билет, старайся переключиться на то, что хорошо знаешь, и втянуть преподавателя в диалог.

На экзамене по классической русской литературе мне попался Достоевский. Не сказать, чтобы я плохо знал его творчество, однако же это был любимый писатель моего экзаменатора. А в отношении к своим любимым часто проявляют ревность, которая в этом случае могла повлиять на мою оценку, поскольку ревнивцам угодить очень трудно. Поэтому я не стал рисковать и сначала выразил восхищение романами Федора Михайловича, при этом подчеркнув, что наше отношение к нему — вопрос, прежде всего, духовного, а не эстетического характера. А вообще, продолжал я, когда решил, что самое время начать отдаляться от Достоевского, наибольшее обогащение от чтения литературных произведений мы получаем не посредством знаний, а посредством веры. Духовное начало в художественном слове — самое мощное, поэтому оно наполняет нас, прежде всего, верой, а не знаниями. А вера, в отличие от науки, того же литературоведения, сближает разные по своему масштабу величины, показывая их отличия в той плоскости, в которой наука показать не в состоянии. Поэтому, с точки зрения духовного восприятия, мы можем сказать, показывая разницу между ними: Пушкин — для всех, а Лермонтов — для каждого.

После этих слов преподаватель, который всё время, пока я говорил, смотрел в мой билет, будто сверял то, что я рассказываю, с тем, что там написано, резко поднял голову, наши взгляды встретились, и за несколько мгновений до того, как он сказал, что ставит мне “отлично”, это решение я прочитал в его глазах.

Позже я не раз пользовался советом своего друга Мирослава в самых разных ситуациях, как, например, в нынешней: я не знаю, о чём меня будут спрашивать радиослушатели, но я уверен, что обязательно расскажу им историю про Валентина.

Я поднимаюсь на второй этаж Дома радио за 40 минут до начала эфира. На сердце легко, словно вместо него воздушный шарик. Я знаю, почему: есть шанс, что на эту передачу отзовётся кто-то, кто знает Валентина. А может (хотя вряд ли, конечно), он сам.

Я останавливаюсь возле двери с табличкой “Руководитель литературно-музыкальных проектов Татьяна Якушевич”. В её кабинете с правой стороны у стены стоит пианино “Беларусь”; стоит ещё с тех времён, когда мы не знали ни компьютеров, ни интернета, и композиторы приходили на радио не с CD или флешками, а с нотными листами, и, сев за это пианино, показывали музыкальному редактору свои новые песни. Крышка откинута, и мне кажется, что в воздухе ещё можно уловить последние звуки мелодии, которую тут недавно играли.

— Скажи, пожалуйста, — спрашиваю я у Татьяны и при этом внимательно гляжу на клавиши пианино, — возможно ли испечь торт в виде клавиш?

Татьяна удивлённо и, как мне кажется, настороженно смотрит на меня. Я думаю, она боится, что я недоволен своим вынужденным появлением на радио во время отпуска, поэтому могу нести в эфире всякую чушь. И я рассказываю ей про Валентина. Она слушает, но видно, что в то же время думает о чём-то своём. Её глаза смотрят мимо меня. Мне кажется, она думает, что всю эту историю я выдумал по дороге на радио. Если так, я не буду рассказывать в эфире про Валентина.

Наконец наши взгляды встречаются, и Татьяна говорит:

— Знаешь, Валентин — это мой брат.

Я сидел в небольшой, четыре на шесть, комнате, где в каждой вещи жила музыка. Она не исчезала насовсем, когда смолкал рояль, как не исчезает насовсем ничто и никогда, а переходила в другое состояние, неуловимое для слуха. Присутствие музыки ощущалось скорее физически, стоило дотронуться до стола, до нотных листов на нём. Она не исчезала насовсем, поэтому всё более накапливалась тут с годами, и теперь уже любые звуки в комнате казались музыкой.

Я сидел в широком кожаном кресле напротив окна, и лицо Валентина то темнело, когда он поворачивался ко мне, то светлело, когда склонялся над роялем и левой рукой легко, будто глядя, проводил по клавишам. Это был так называемый кабинетный рояль немецкой фирмы August Forster, славившейся чистотой звуков своей продукции. Мне не нужно было рассказывать Валентину всю предысторию нашей встречи. Несколько дней тому назад за меня это сделала Татьяна. Правда, не знаю, насколько её пересказ соответствовал истине: одни и те же слова, произнесённые разными людьми, порой несут разную информацию.

— Есть люди, перед которыми самоуверенность раскрывает новые высоты, а есть те, кого она заводит в тупик. Мне кажется, я своевременно разглядел этот тупик впереди своей дороги, чтобы ещё успеть свернуть на иную, — Валентин кивнул в сторону синтезатора Casio на высоких ножках, стоявшего рядом с роялем. — Я стал аранжировщиком, и на хлеб мне хватает. И дело не в этом, — он приподнял с клавиш и тут же опустил на них правую руку, на что они отозвались жалобным лязгом. — Просто я не выдающийся пианист по своей природе.

— Ты мог бы стать лучшим белорусским пианистом, но стал лучшим аранжировщиком, — Татьяна принесла мне чашечку кофе и поставила на столик из чёрного стекла, рядом с креслом, а сама снова вышла из комнаты, вероятно, чтобы не мешать нам.

— Атамурад — чудесный слушатель с превосходным прирождённым слухом! Благодаря своей соседке Вазиге он неплохо усвоил теорию музыки и при этом не научился слушать сердцем, а не разумом. Однако он не знал одного секрета моей игры.

Валентин сказал эти слова с улыбкой, будто в шутку, но я был убеждён, что сейчас услышу нечто важное для себя.

— Я левша. А левше концерт для левой руки играть значительно проще. Вот и всё.

Признание Валентина для меня было полной неожиданностью.

— Скажите, вы слышали о том, что для левшей характерно так называемое одновременно-визуальное мышление, в то время как у правшей преобладает мышление линейно-последовательное? Например, правша берёт в руки роман, читает первое предложение, анализирует его, потом читает следующее, анализирует. Предложения, как бусины, по очереди нанизываются на нитку сюжета, и правша, пока не отложит или не закончит чтение, на каждом этапе держит в сознании только ту мизерную частичку романа, на которую направлен его взгляд. Тот, кто делает бусы, увлечён работой, держит взглядом только те бусины, которые в этот момент нанизывает на нитку. Левша одновременно и читает, и анализирует роман. Для него

роман — это не бусы, а... ну, скажем, новогодняя ёлка, которую ему, с подсказками автора, разумеется, нужно украсить предложениями-бусинками. На каждом этапе он видит и оценивает её всю, его мысли идут не строго следом за развитием действия романа. Они то возвращаются назад, на предыдущие страницы, то пытаются спрогнозировать то, что может происходить в романе дальше. Мне кажется, идеальный читатель обязательно должен быть левшой.

Я сделал короткую паузу, чтобы убедиться, что мои слова у хозяина квартиры не вызывают иронии. Мне хотелось, чтобы Валентин спорил или соглашался со мной, но он молчал, с чуть заметной улыбкой, смотрел в пол и ритмично кивал головой, будто в такт мелодии, звучащей в нём.

— Не мне вам рассказывать, что пианист-правша и пианист-левша технически одинаково хорошо справляются с самыми сложными произведениями, например, транскрипциями Листа. При условии, конечно, что они оба одинаково хорошо подготовлены, — на всякий случай уточнил я. — Но во время игры правша своими мыслями только дублирует движения пальцев рук в той последовательности, в какой от них этого требует клавиш. Поэтому он слышит то, что в этот момент выдают клавиши рояля — не больше и не меньше. А левша слышит произведение целиком, сразу в трёх измерениях — в прошлом, в настоящем и в будущем — и это делает его игру более оригинальной, виртуозной, и каждый раз она в его исполнении звучит по-другому. Что касается вас — тут ещё более интересный и редкий случай, который вносит неповторимость в вашу игру, в ваш талант, понимаете? Мы не говорим об оперном певце: у него талантливый голос. Мы говорим: талантливый оперный певец. Потому что талант не в голосе. Талант творца — в его душе, о которой мы за миллионы лет своего существования так ничего и не узнали. Можно только сказать, что она заполняет всё наше тело, как кровь заполняет жилы, и остро реагирует на все его проблемы. Поэтому Ван Гог до того, как отрезал себе мочку уха, и Ван Гог после того — в определённом смысле разные художники. Как есть два Бетховена — тот, у которого нормальный слух, и тот, который слух утратил. Причём второй Бетховен создал более знаменитые произведения, чем первый. Как, к слову, и Ван Гог. Но я пришёл не ради того, чтобы услышать вашу, не сомневаюсь, замечательную игру. Наверное, правильней сказать: ради того, чтобы перестать слышать её. С того времени, как мне рассказывали о вас Атамурад, она часто звучит в моём представлении: Равель, Брамс, Прокофьев — та, что композиторы писали для левой руки. Причём звучит в самые неподходящие моменты: когда я сажусь за стол и начинаю работать над своей новой книгой. Она стала мешать моим мыслям, и я понял: чтобы музыка перестала звучать, мне нужно познакомиться с вами...

Когда я поднялся с кресла, чтобы попрощаться, было уже поздно.

Не знаю, почему, но в тот момент я был убеждён, что наша с Валентином встреча — первая и последняя. А главное, мне почему-то этого хотелось. Он стоял передо мной слегка поникший, но всё с той же неизменной, чуть заметной улыбкой на губах, значительно ниже ростом, чем я его представлял, в серых тапочках на босу ногу, а я глядел на его со вчерашнего дня небритое лицо, на котором неровно росла рыжая щетина, и думал о том, что вижу другого Валентина, не того, которого помнил Атамурад. Это был человек, у которого от своего прошлого остались одни зачерствелые крошки, и ему хотелось смахнуть их с памяти, как со стола.

Оставалось последнее, что я хотел узнать от Валентина.

— Скажите, как вам пришла в голову идея испечь торт в виде клавиш рояля?

Валентин, казалось, был рад вопросу.

— Это не совсем моя идея. Есть такой известный на весь мир итальянский шеф-повар Антонио Корлуччи. Он издал книгу “Паста и опера”, где описал семнадцать рецептов блюд, к ней прилагается диск с семнадцатью знаменитыми итальянскими операми. Корлуччи рекомендует конкретные блюда готовить и есть под конкретную оперу, только тогда они приобретают необычайный вкус.

Татьяна проводила меня до автобусной остановки.

— Ну как? — спросила она.

— Спасибо за знакомство с братом, — сказал я. — Он правда много аранжирует?

— Да. В последнее время ему даже поступают заказы из Москвы.

— О, это большие деньги!

Я слышал, что “для Москвы” стремятся работать многие наши молодые музыканты, однако в тамошнем шоу-бизнесе всё куплено и поделено на сферы влияния, поэтому пробиться туда кому-то со стороны почти невозможно.

— Кстати, он аранжировал “Вольную птушку”.

Я не слишком люблю современную популярную музыку, однако эта песня не выходила из моей головы всю дорогу после прощания с Татьяной. Дело в том, что песня “Вольная птушка”, которая в последние месяцы ежедневно звучит на всех белорусских FM-станциях, была написана на мои слова.

*Перевод с белорусского
Андрея ТЯВЛОВСКОГО*

СВЕТЛАНА ЕВСЕЕВА

МОЛОДОСТЬ—ЗИМА

СВОИ СОБИРАЮТ СВОИХ

Что земля человечества знает про Марс?
Про его метеорный поток?
— Гены Марса хотят плоти наших пространств,
Чтоб смутить наш земной кровоток.

Прилетает к нам в гости Венера зло,
Чтоб изгнать нас отсель насовсем.
Не замолк в атеизме молитвенный слог,
И ничто не сбывается всем.

Но не зная о том, из извилин низин
Самозванцы в цари так и прут!
— Где ты, Цезарь? Воистину, незаменим!
Не становится Цезарем Брут...

А Поэт на Земле — яви сбывшийся сон,
Даже если он внешне простак.
Одолов арифметику школьных времён,
Он поэзия квантов в стихах.

ЕВСЕЕВА Светлана Георгиевна родилась в 1932 году в Ташкенте в семье военно-служащего. Окончила литературный факультет Ташкентского педагогического института и Литинститут. Автор книг "Женщина под яблоней", "Евразия", "Последнее прощание" и др. Переводит стихи белорусских поэтов. Является членом СП СССР (1962). Живёт в Минске.

Где не зреет миндаль, вызревают хлеба.
За чужой счёт грешно пировать.
От чужого достатка остатки хлебать?
Свой достаток — своя Благодать.

Свой Язык есть на знаках славянской Судьбы:
Щит, Колосья, Серп, Крылья-Орлы...
Эти символы мощи для каждой избы —
Обереги от каждой орды.

...Первый Рим как империя неповторим.
Рим второй отгордился. Затих.
.....
После войн мировых третий Рим — это Мир,
Где свои собирают своих.

АНГЕЛ РЕЧИ

Взросла в Казахстане. Не белой вороной.
Казалось мне:

Азия — Белый мой Свет.
Мой Ангел связал меня с русской Европой:
— Сбывается, былинноязычный поэт!

В Евразии пели, враждой не хвоя,
Всех певчих сословий её соловьи.
— О Белая Русь,

я — славянка такая,
Мой Ангел-хранитель — язык-славянин!

Когда поселились братки в небоскрёбе,
Когда бизнес-центром стал творческий Храм,
Лечил меня Ангел от немощной скорби,
Жизнь Слова склоняя по всем падежам.

Речь-Ангел.

Где святы мои интересы,
Пойду и по терниям — даже босой! —
В наш Век Золотой, не черня за порезы
Страну, горовавшую рядом со мной.

А там, у соседей,
всё жарче и жарче,
Где жгут самосудами русскую Речь.
Но Золота сжечь не дано брэнной ржавчине,
И Ангела
фосфором белым не сжечь.

Стоит и на Западе, и на Востоке
— Извечно —
свой каждый Язык на своём,
Где пишут и думают, нет одиноких:
Всегда каждый с Ангелом рядом вдвоём.

У переворотов пиратские флаги,
И в жерле майдана кровавый призыв.
.....

Меня защищает от Хаоса
Ангел,
Мой русский былинноподобный Язык.

ВСПОМИНАЮ

В Беломорье моём, где давно нет весны,
Где я свой добываю улов,
Вспоминаю свои промелькнувшие сны
Про грядущую Явь, про Любовь.

Вспоминаю свой праведный творческий час
В той всегда младостарой Москве,
Где я знала, готова предчувствия чай:
Не чаёвничать здесь мне ни с кем.

Вспоминаю в прохладе безлиственных чаш,
Вспоминаю в дожде под горой,
Вспоминаю Любовь!

Память — это мой плащ,
Мне в плаще не хворать хрипотой.

Понимаю, ножи в тесной кухне тупя,
Что от грубости больно в груди.
Мне когда нагрубят,
вспоминаю тебя,
И с Поэзией вновь по пути.

Поезд Лирики вечной на металлолом
Не сдаёт постаревший поэт.
Вспоминаю тебя!

В сердцевине — метро,
У меня чувств поверхностных нет.

Не браню чёрный день свой за чёрную боль,
В нём собою себе навредив.

.....
Вспоминаю Москву, и —
такая Любовь,
Что мерещится Явь впереди!

АНДРЕЙ СКОРИНКИН

ПРОЩАЛЬНЫХ СЛОВ РОНЯЯ МЕДЬ...

АПОКАЛЫПСИС*

Повсюду кровь и слёзы... В наши дни
Упразднены Священные законы...
Героев нет, предатели одни —
Лукавые, как змей, хамелеоны...

Но ты судьбу напрасно не кляни!
Сгорят дотла земные Вавилоны...
В колокола небесные звони
И Господу отвешивай поклоны!..

В сердцах гремит духовная война,
За горний трон дерётся сатана...
Грядёт конец, а с ним — начало света...

Померкнут звёзды, солнце и луна...
Но за зимой ворвётся в мир весна
И расцветёт спасённая планета!..

---

* Апокалипсис (греч.)

СКОРИНКИН Андрей Владимирович родился в 1962 году в Минске. Окончил Белорусский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Автор пятнадцати поэтических книг и трёх музыкальных альбомов. Член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси.

* * *

*Над этой тёмною толпой...
Взойдёшь ли ты когда, Свобода,
Блеснёт ли луч твой золотой?*

Ф.И.Тютчев

Блеснул Свободы светлый луч
Над угнетённою толпою,
Но снова штормы тёмных туч
Её укрыли с головою.

Надежд обманутых зола
Ещё тепла в наивных душах,
Меж тем невеста доплела
Венец для будущего Мужа...

“Куда ж нам плыть?” — вот в чём вопрос,
Не покидавший человека;
Кто разрешит проблемы века —
Он сам? Иль всё-таки Христос?..

ПРОВАЛ*

Пещера есть в горе Машук
С целебною водой;
Я там бывал, и злой недуг
Лечил водой святой.
А через лунку потолка
В Провал вползали облака,
Влетали валуны;
Я опасался валунов,
Но услышал из облаков:
“Не бойся сатаны!

Он будет брошен сам сюда
(А с ним и лжепророк),
Наделал много он вреда,
Его накажет Бог!
И вспыхнет озеро огнём,
И древний змей погибнет в нём,
И близок этот миг...
Ты тайну в сердце сохрани,
Пока из уст вождя страны
Не грянет древний рык...”

Язык чесался, но секрет
Я много лет берёг.
Но вот увидел: губит свет
Лукавый лжепророк;
А вслед за ним и зверь идёт
И диким голосом ревёт...
И с уст моих печать
Сама собой слетела вдруг,
И я свидетельствую, друг,
О чём уж грех молчать!..

---

* Пещера в горе Машук, затопленная сероводородным озером и имеющая в своей верхней части отверстие, образованное в результате обвала.

НЕРАВНЫЙ БРАК

Израженный жестоким роком,
В земном блужданье одиноком,
Похоже, я схожу с ума...
Мне жаль, что кончилась зима
И вновь повеяло весной,
И ты сияешь надо мною,
Моя волшебная звезда...
Люблю тебя, но вот беда:
Как дуб, грозою опалённый,
Я, от любви испепелённый,
Хочу тебя, да не могу...
Я очерствел, а ты в соку...
Но дружба может быть меж нами...
Ты тщетно бьёшься, как цунами,
В меня, как в каменный утёс...
Как обветшалый Дед Мороз,
В твоих объятиях я таю
И в мир иной перетекаю...
Тебе бы юного орла,
Чтоб раскалиться добела
От страсти огненной и мощи!..
Ведь я давно, как месяц тощий,
Твоих лучей — на склоне лет —
Всё реже преломляю свет...
Хоть я герой, но старый воин,
Увы, тебя я недостойн...
Тебе цвести, а мне дряхлеть,
Прощальных слов роня медь...

ГЕННАДИЙ ПАШКОВ

ЗАНАВЕСКА ЗЕЛЁНОГО ЛЕТА

У КАЖДОГО ЕСТЬ...

У каждого
есть свой грибной лесок,
где молчаливо бродишь по опушке,
где таинства нехоженных дорог
нам напророчит
вещая кукушка.

У каждого
есть речка в камышах,
что в летний зной почти пересыхает.
На весь широкий
солнечный распах
она одна искристая такая.

У каждого
есть дальний огонёк,
что никогда светить не перестанет.
И как бы ни был
путь к нему далёк,
его поддержит
женское дыханье.

ПАШКОВ Геннадий Петрович родился в 1948 г. в Чашникском районе Витебской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик, публицист. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живёт в Минске.

У каждого
есть холмик...
В полдень, в тишь,
здесь чуть дрожат
былинки иван-чая.
И над плитою памяти стоишь,
святым молчаньем
душу очищая.

У каждого
есть грусть,
и сосен шум,
и чей-то взгляд,
что полон укоризны.
У каждого
есть светлая от дум,
совсем как жизнь,
одна навек
Отчизна...

Перевод Анатолия Аврутина

* * *

Милый край, где растёт ежевика,
Хвойный воздух струится, как дым,
Никогда, никогда не привыкну
Я к дарам и красотам твоим.
На пригорке — деревня лесная
В тихий вечер,
Как мать у плетня,
Возмужавшего сына узнает
И приветливо встретит меня.
Луч заката скользнёт по оконцу,
И займётся от радости дух —
Так горит
В жарком отблеске
Солнца
На знакомых воротах петух.
Перед каждой тропинкой примятой,
Перед каждой криницей твоей
Буду вечно в долгу неоплатном,
Как пред старую мамой своей.
Занавеску зелёного лета
Подниму, чтоб опять и опять
Видеть сосны и воздух прогретый
И ночей золотистую гладь.

Перевод Анатолия Иванушкина

* * *

В сумерках зажгу валежник рыжий
возле вербы, над парной водой;
это засвидетельствует свыше
розоватый месяц молодой.

Запахами леса опьянелый,
студит горлышко влюблённый птах.

Стелется на тонях пояс белый,
переплёскиваясь в берегах.

Разгадать во мраке не берусь я —
ведь не мудрено и сесть на мель, —
кто реку захватывает:
гуси
иль тумана сизая кудель?

Вербы, шире ветки протяните,
потому что кто-то свысока,
озаряясь вспышками в зените,
высекает искры на стога.

Спать пора. Но гулу нет отбоя,
как на Страшный суд, во тьме слепой
гулкою архангельской трубою
комары трубят над головой...

* * *

Однажды разбудит окно
задумчивый взгляд Миловицы,
где млечное поле давно
космическим снегом струится.

Тревога набросит мне плащ
осенних болот журавлиных,
пойду,
где тревожат, хоть плачь,
нетроганым словом
былины.

И кажется:
в мире всё спит,
спят злые и добрые люди.
Душа от чего же болит?
И ветер ту боль не остудит.

Ах, ветер, беду не пророчь!
В душе моей песня...
О, Боже,
как лист на осине,
всю ночь
дрожит,
а сорваться не может.

Перевод Константина Рябенского

КЕДРЫ НАД ПРИПЯТЬЮ

Скажешь, наверно:
— С орбиты он вылетел!
Или:
— Заврался, пожалуй, стократ...
“Кедры над Припятью!..”
Кедры над Припятью
шишками громко

Среди интеграционных проектов, реализуемых под эгидой Постоянного Комитета Союзного государства, особое место занимает Конкурс молодых литераторов России и Беларуси “Мост дружбы”. Он ориентирован на поиск и поддержку молодых талантливых авторов, привлечение их внимания к истории, культуре и литературным традициям наших двух стран. Задача Конкурса: укрепление социально-культурного взаимодействия в рамках Союзного государства, развитие российско-белорусских литературных контактов, знакомство читателей с произведениями молодых писателей.

По итогам Конкурса в 2015 году были названы имена победителей, как с российской, так и с белорусской стороны. Журнал “Наш современник” публикует произведения лауреатов.

ВИКТОРИЯ СИНЮК

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ФИЛОСОФ

РАССКАЗ

Почти всё свободное время Виктор Велемыслов проводил в библиотеке. Согласно индивидуальному плану работы аспиранта, он должен был подготовить первый раздел диссертации к апрелю. Кроме того, ему нужно было написать статью к ежегодной мартовской конференции, чтобы разжиться первой аспирантской публикацией. Сроки поджимали, а у Виктора по-прежнему не получалось засесть за кропотливый научный труд. “Чем же занимался этот бездельник в библиотеке? — спросите вы. — Гонял чай с маковыми булками в буфете или попусту бродил по мраморным лабиринтам огромного здания, разглядывая нелепые гобелены и барельефы, развешанные на его стенах?” Да-да, и чай он гонял, и гобелены рассматривал (“Это же сколько

СИНЮК Виктория Александровна родилась в г. Минске в 1988 году. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Печатались в журналах “Новая Немига литературная” (Минск), “Брега Тавриды” (Симферополь). Живёт в Минске.

времени нужно было угрожать на эту нелепицу!” — думал, глядя на них, Велемыслов). Но не чай и гобелены занимали его. Попадая в благоуханный, призывно шуршащий миллионами страниц мир книг, он пропал, возносился в ноосферу и с большим неудовольствием покидал её, когда третий звонок приглашал последних читателей оставить уютные залы. Постклассическая нарратология, на которую обрёл его профессор Роботенков, мало занимала Виктора, хотя, надо отдать ему должное, он неплохо в ней разбирался. И всё же она проигрывала философии, психологии и классической литературе, которым Велемыслов отдавался со всепоглощающей страстью. Настала блаженная пора, когда все экзамены, все списки для обязательного чтения остались позади и можно было лакомиться знаниями, как того пожелает ненасытный разум.

Коллег-аспирантов, иногда появляющихся в библиотеке, Велемыслов старался обходить стороной. Впрочем, так было не всегда. “Шёл я к людям с открытой и детской душой...” — писал Александр Блок. Так и Виктор шёл к своим товарищам по факультету: щедро делился идеями, почерпнутыми из книг, увлечённо рассказывал интересные и поучительные случаи из жизни их авторов, поверял свои сокровенные замыслы — до тех пор, пока однажды в буфете две милые аспиранточки с кафедры языкознания не вернули его из мира горнего в мир дольний:

— Ох, и нелегко, Велемыслов, будет с тобой твоей будущей жене! — подначивали они Виктора после его великолепного монолога о психоаналитических изысканиях Карен Хорни.

— Не понял. Это почему?

— Она тебе: “Витька, купи норковую шубку! Холодно ведь!” А ты ей что? “Дорогая, у тебя компульсивно-обсессивное расстройство”?

— Между прочим, это не так уж далеко от истины. Ведь все эти шубки покупаются женщинами вовсе не для тепла, а для того, чтобы соответствовать предписаниям гламура и не чувствовать себя чужими на празднике жизни. Уверяться в собственной состоятельности, приобретая модные и трендовые штучки, — согласитесь, в этом определённо есть что-то нездоровое, даже невротическое...

Здесь филологини не выдержали. Они расхохотались так, что суровая, каменноликая буфетчица попросила всю троицу немедленно покинуть помещение.

Больше Виктор просветительством не занимался и родственных душ не искал. Если коллеги, с которыми он время от времени сталкивался в библиотечных коридорах, спрашивали Велемыслова, чем он занимается, Виктор, пряча за спиной жизнеописание Пушкина, или Чехова, или Сократа, отвечал:

— Пишу первый раздел диссертации и доклад на мартовскую конференцию.

Идеи, культурное значение диссертации и доклада никого не интересовали, зато всех беспокоил объём проделанной работы и сроки сдачи её научному руководителю. Когда Виктор говорил, что написал не слишком много и сдаст раздел ещё не скоро, они облегчённо вздыхали:

— Ой, и не говори! Эта диссертация — вынос мозга какой-то! Меня научрук поедом ест, а толку мало! Нет, уж лучше б жениться!

Однажды солнечным февральским утром Велемыслов отправился в зал периодических изданий. Он с трепетом выгреб из специального ящичка все номера одного философского журнала за минувший год и, предвкушая увлекательный экскурс в ноосферу, устроился поудобнее в кресле. Виктор не спеша перелистывал чистые, никем не тронутые страницы — к его разочарованию, интересного было немного. Начиная читать статьи с интригующими заголовками — не увлекало: казённый, мёртвый академический язык никак не соответствовал представлению Виктора о языке живой философии. Даже Гегель изъяснялся не столь мозголомно! С каждым номером разочарование всё более охватывало его... Он мрачно перелистывал страницы последнего журнала, и тут глаз зацепился за странное слово — “технобиэволюция” (оно фигурировало в названии одной из статей). Велемыслов стал читать.

Авторы статьи вдохновенно вешали о грандиозном антропологическом сдвиге, который уже стартовал; о совершенствовании природы человека с по-

мощью новейших технологий; о невиданных прелестях прогресса вроде каких-то лекарственных суперпилюль, которые — представьте себе! — будут телефонировать человеку в случае, если он забудет их принять, и так далее, и так далее. Больше всего Велемыслова впечатлил проект одного чудо-устройства: специальный чип, вживленный в организм “техночеловека”, будет полностью сканировать состояние здоровья его владельца и в трудную минуту на основании своих показаний сам вызовет “скорую помощь” вышедшему из строя “киборгу”. Провозвестники технобиоэволюции призывали не бояться этих грядущих новшеств и принять их как должное. Ведь станок Гуттенберга или радио тоже когда-то казались чем-то вопиющим и неслыханным! Такое развитие человечества вполне закономерно, а против объективной исторической необходимости ничего не попишешь. Что поделаешь, коль природа человека столь несовершенна! Слаб человек, слаб. Чип, разработанный лучшими умами современности, спешит на помощь!

Велемыслов вернул журналы на место и сел за стол возле окна. В голове его калейдоскопически менялись картины будущего. Вот он, дряхлый старик, может быть, именитый профессор, сидит в своём кабинете и вздыхает о прошлом: о весёлом деревенском детстве, о набегах на соседские сады и сладком соке краденной черешни, о первом поцелуе с дерзкой Ленкой, которая уже на следующий день целовалась с Серёжкой за огородами... Ах, эта Ленка! До чего хорошо, до чего коротко было её синее в белый горошек платье! До чего милы круглые коленки в маленьких ссадинках! И тут его старческое сердце ёкнет, застучит быстрее, в глазах сверкнут слёзы ностальгии и умиления... И в этот самый момент бдительная пилюля, о которой он совсем позабыл, начнёт трезвонить по телефону. Чип, вживленный в ткани организма, добросовестно зафиксирует: “Аритмия”, — и немедленно вызовет “скорую”. Через несколько мгновений в квартире профессора Велемыслова ворвутся врачи-киборги и начнут оказывать экстренную помощь. Их супердатчики, обладающие способностью к полному сканированию психологического и физического состояния человека, определяют причину сердечного сбоя: воспоминания о прошлом. Профессор незамедлительно получит инъекцию, раз и навсегда освобождающую его от волнительных мыслей, тревожной памяти и ненужных фантазий....

— Пресвятой Хаксли! Бред какой-то! — Виктор вскочил. Ноги понесли его в буфет: нужно было обдумать прочитанное за чашкой горячего кофе...

* * *

Однажды в библиотеке Велемыслов наткнулся на антропологический трактат одного неизвестного философа современности. Этот труд столь поразило молодого человека, что он ничтоже сумняшеся наделил автора статусом гения, непризнанность которого была вполне объяснима: его идеи, как принято говорить, опережали время, шли вразрез с самим духом эпохи, с её идеологической органикой. “Нет-нет, — возразил Виктор расхожему мнению, — это не идеи опережают время, они как раз весьма современны, — это человечество катастрофически отстаёт от них!” Больше всего Виктора вдохновили взгляды мыслителя на будущее и на перспективы развития человеческой природы. В отличие от журнальных философов, обеспокоенных чудо-чипами и киберпилюлями, автор труда говорил о том, каким должен стать человек, чтобы подлинная история человечества, освещённая солнцем разума, наконец началась. Ум, сознание, духовность — вот качества, которые превращают человека в Человека, в Личность, каковых, увы, пока ничтожно мало. Большинство организует свою жизнедеятельность согласно императивам коллективного бессознательного, главные из которых — обогащение и власть. Именно поэтому социальное бытие человечества омрачено нескончаемыми войнами, революциями, проблемами экологии. И частная жизнь человека, в которой главенствует всё тот же принцип власти, чаще всего не имеет никакого отношения к счастью, подменяемому довольством и удовлетворением властных амбиций. Смысл жизни умного человека, личности —

не в довольстве и не в господстве над ближним, а в полнокровном, разумном счастье, основанном на любви и познании, на жизнетворчестве и гармонии. Не тюнингованный киборг должен прийти на смену современному человеку, а человек воинственно разумный, духовно здоровый, для которого главной заповедью станет заповедь Сократа: “Cognosce te ipsum”*. Вот это была бы эволюция! Новая, невиданная эра! Социум, состоящий из людей, культивирующих духовные потребности и гуманистические ценности, — это социум без войн и угрозы техногенного апокалипсиса, перед которой даже сверхмощный интеллект окажется бессильным. Не интеллект, пролагающий новые пути приспособления к действительности, а разум, постигающий истину и на основе истины гармонизирующий универсум, — вот в чём жизненно нуждается Homo sapiens, получивший свой видовой эпитет авансом! Пора, наконец, начать его отрабатывать! Пора умнеть, человеке, иначе не обузданный разумом и нравственностью интеллект сотрёт тебя в космическую пыль, с которой, как с горсткой золы, будут играть ветра Вселенной.

Эти идеи всколыхнули Велемыслова и в то же время подарили ему ту мировоззренческую почву, которую он долго искал, но нигде не находил. В невостребованном, никем не прочитанном томике, завалывшемся в библиотечных хранилищах, он нашёл ответы на вопросы, задавать которые в двадцать первом столетии было не принято. Спроси-ка — в чём смысл жизни? — начни рассуждать об истине, и тебя непременно заподозрят в сочувствии проклятым тоталитарным режимам! Развлекайся, милый Homo ludens**, прекрасный “техночеловек”, и не ищи ума. Поклонись малютке чипу — он подскажет, как жить, как мыслить и страдать...

После роковой встречи с этой книгой у Велемыслова и начались проблемы с диссертацией: постклассическая нарратология утратила для него своё схоластическое обаяние и стала казаться чем-то таким, что назойливо отвлекает его от главного...

Виктор пробовал найти какую-нибудь информацию об авторе трактата, мечтал связаться с ним, если тот ещё жив, однако всеведущий интернет не знал о нём ровным счётом ничего.

* * *

Через несколько часов Велемыслов сидел на кухне у своего друга, Пашки Железнова, студента машиностроительного факультета, и излагал ему свои сумбурные соображения о “техночеловечестве”. Пашка терпеливо слушал, вовремя подливал чай, но не совсем вникал, из-за чего Витя, обычно спокойный и уравновешенный, так кипит. Конечно, он и раньше с жаром что-то доказывал Пашке, но в этот раз градус явно побил все рекорды.

— Нет, Пашка, ты понял, да? — негодовал Велемыслов. — Технобиоэволюция! И они с восторгом об этом пишут! Эти кабинетные умники снимают свои цилиндры перед техногенным варварством! Сократа на них нет!

Наконец, Павел не выдержал и от чистого сердца решил заступиться за идеологических противников Велемыслова:

— Вить, если подумать, а что плохого? Прогресс не остановишь, да и зачем? Всё течет, всё изменяется, как сказал философ. А чипы — это же новые ощущения, новые возможности! Поставь себя на место пенсионера, которому, случись что, некому вызвать “скорую помощь”. А чип взял и вызвал! Гуманно, между прочим...

— Допустим. Ещё гуманней пересоздать человека так, чтобы у него в принципе никогда и ничего не болело, не находишь? Иными словами, поменять жизнь “умным” железом — со всеми вытекающими последствиями. Как ты не понимаешь, что “гуманные” чипы — это всего лишь частный случай стратегии тотальной дегуманизации! Масштабней мыслить нужно, дружище!

---

* Познай самого себя (лат.).

** Человек играющий (лат.).

Пашка не горел желанием вникать в подобные диалектические каверзы (такого рода рассуждения казались ему типичной гуманитарной болтовней) — он был очарован тем, что услышал ранее:

— Нет, послушай, ведь действительно когда-нибудь у каждого человека в мозгу будет встроены компьютер! Это же какая экономия пространства, времени, а! Какая свобода действий! Нет, Витёк, ты как хочешь, а я тоже снимаю свою бейсболку перед таким будущим. В каком, говоришь, журнале эта статья? Не думаю, что её авторы так наивны, как ты себе это представляешь!

Витя обхватил голову руками и стал нервно дрейфовать по небольшой Пашкиной кухне.

— Пашка, ты совсем одурел? Эволюция должна пойти по другому пути, голова ты дубовая! Человек разумный, а не киборгоподобный интеллект-ал, — вот альтернативный вектор эволюции! Думаешь, компьютер в голове сделает тебя свободным? Как говорили древние, истина сделает тебя свободным! А не чип в башке! Ты, Железнов, просто ещё не понял, что технический прогресс амбивалентен: даруемая им “свобода действий” для большинства людей оборачивается новым “крепостным правом”, а в нашу эпоху оно, между прочим, самое коварное за всю историю — информационно-виртуальное! Вот тебе и “свобода действий”! Заранее запрограммированная и просчитанная! Наслаждайтесь, рабам Рима такое и не снилось!

— Да ты чего, братан? — Пашке уже не хотелось продолжать этот странный разговор с взвинченным Витей, и он предпринял попытку его успокоить: — Не кипятись ты так! Тебя, может, вообще не будет, когда эти “технолюди” с чипами явятся!

Виктор рассвирепел на шутку. Принцип “после нас хоть потоп” был отвратителен его душе, устремлённой в разумное будущее человечества.

— Нет, Паштет, они уже явились! Ох, прошу прощения — вы, вы уже явились! Здравствуйте, добро пожаловать на Землю! Приятного вам апокалипсиса! — Витька схватил рюкзак и выбежал из Пашкиной кухни.

— Придурок! — бросил вдогонку обиженный Пашка.

Не кипятиться и смириться с этим будто бы естественным ходом вещей Велемыслов не мог. Бездействовать тоже. О собственной роли в истории он не помышлял (разве когда-то, давным-давно, в наивном отрочестве, но кто не тешился подобными фантазиями?), однако сидеть, сложа руки, перепоручив судьбу — свою и общечеловеческую — амбициозным закройщикам будущего, не входило в его планы. Если действовать, то как? Наука — вот единственный инструмент, находящийся в его распоряжении! От постылой постклассической нарратологии он откажется (профессор, конечно, будет страшно разочарован в аспиранте, подававшем большие надежды), но что дальше? Кому нужна наука, обеспокоенная этими, так сказать, сомнительными проблемами и не верифицируемыми гипотезами? Надо заниматься текстами, дискурсами, семиотикой — никто не поспорит с тем, что это научно. А личность, например, или духовность, или разум — это чертовски ненаучно, с этим вам, товарищ, в монастырь или в Древнюю Грецию! Субъективистский каприз, понимаешь ли! То ли дело “техночеловек” с его “технодискурсами”! Нет, всё-таки нужно, нужно отыскать того философа (что-то подсказывало Виктору, что он жив), сделаться его учеником и писать, писать! Иначе к концу жизни превратишься в одного из этих, кабинетных...

Побродив по городу, Велемыслов решил отправить в редакцию философского журнала письмо. В нём он, ссылаясь на своего учителя, изложит концепцию альтернативного вектора эволюции и выскажет собственную точку зрения на различия между кабинетной, академической философией и живой мыслью о бытии, которая не трепещет перед истиной и не торопится за идеологическими поветриями эпохи...

Было около пяти часов вечера. Если вернуться в общежитие, соседи по комнате, любители шумных пирушек, не дадут ему осуществить то, что он задумал, поэтому Виктор решил вернуться в библиотеку — только там в этом чужом городе он чувствовал себя как дома и мог работать.

К девяти часам письмо было готово. По правде говоря, оно куда более походило на философское эссе, нежели на произведение эпистолярного жанра. К редакторам Виктор обращался вежливо, но в изложении своей позиции был категоричен и прям. Он старался не оставить ни одной логической бреши, чтобы титулованные софисты поняли, что перед ними — подкованный оппонент, а не какой-нибудь взбалмошный мальчишка.

В конце письма Виктор указал свои координаты и, немного подумав, назвал свой возраст (было ему двадцать три года). Затем его осенило: а что, если кто-нибудь из редакторов журнала слышал о том философе? “Была не была!” Виктор оформил свой вопрос в виде постскриптума. В зале периодики он уточнил электронный адрес редакции и, несколько раз вдумчиво перечитав свой труд, отправил его в путешествие по просторам мировой сети...

Всю следующую неделю Велемыслов ежечасно проверял почту — ответа не было... Напряжение ожидания постепенно ослабевало, и рассудок переключался на другие дела. На диссертацию, например. Профессор настоятельно требовал первый раздел, хотя и согласился дать Виктору ещё неделю отсрочки. Вылетать из аспирантуры Велемыслов пока не собирался, потому и возобновил научную работу...

А в один из последних дней февраля, когда долгожданная весна и мартовская конференция были совсем близко, Виктор, наконец, получил заветное письмо из Москвы. Содержание его было следующим: “Здравствуйте, уважаемый Виктор! Невзирая на то, что взгляды, изложенные в Вашем письме, в корне не соответствуют концепции нашего журнала (философская фантастика не наш профиль), мы благодарны Вам за отклик на опубликованный материал. Вы интересовались, не известен ли нам философ А. В. Головин, автор трактата “Природа человека”. Что ж, рады сообщить Вам следующее: этот автор нам известен, так как в прошлом году он прислал в редакцию журнала вышеназванный труд, удостоившийся впоследствии разгромной рецензии. По информации, актуальной на 2013 год, А. В. Головин проживает в г. Тихвине Ленинградской области и является преподавателем одного из средне-специальных учебных заведений города. Более точными данными мы не располагаем. Всего доброго, Виктор. С уважением, редакция журнала “Философия и современность”.

Прочитав письмо, Виктор просиял от счастья. Нашёлся! Его наставник, его далёкий друг нашёлся! И не где-нибудь, а в родном городе композитора Римского-Корсакова, участника пресловутой “Могучей кучки”! В этот же вечер Велемыслов разузнал в интернете координаты тихвинских сезонов — к счастью, их оказалось всего два. Уже к обеду следующего дня он владел информацией о том, что А. В. Головин является преподавателем кафедры гуманитарных дисциплин промышленно-гуманитарного колледжа. К утру письмо для философа, которое Виктор (за неимением личного адреса) решил отправить прямо на кафедру, было готово. Никогда в жизни он не испытывал столь напряжённых творческих мук и столь чистой радости от проделанной работы!

* * *

В конце марта, как раз в день конференции (по иронии благосклонной судьбы), Виктор Велемыслов, сияя и искрясь, словно весенний ручеек, в котором искупались солнечные лучи, сел в поезд “Минск — Санкт-Петербург”. Александр Валентинович Головин должен был встретить его на автовокзале в Тихвине ровно через сутки.

ЕКАТЕРИНА ФЕДОТОВА

МАРЬИНА ОСЕНЬ

РАССКАЗ

Ветер постучал в стекло яблоневым сукон, и Марья в очередной раз пожалела, что не спилила его: не дай Бог, выбьет стекло. Оно и так чуть держалось, заклеенное пластырем аж в трёх местах, а при особенно сильном ветре звенело жалобно и тонко. Марья тяжело поднялась, припала лицом к холодному окну, молча вглядываясь в осеннюю темноту. А там — глухой и слепой ноябрьский рассвет — хоть глаз выколи... Где ты теперь найдёшь ту пиду в сараюшке... Едва переставляя ноги, Марья добралась до кровати и села, долго, по-стариковски, принаравливаясь, чтоб прилечь. Но опять разболелся бок — не полежишь. За ночь ветер выстудил дом, и было так холодно, что не спасало и тёплое одеяло. Марья сидела на кровати и слушала, как шумит ветер, как горько плачет стекло... Не выдержала, тяжело подошла к щитку печки, прижалась к нему старческой грудью — холодно... Плотнее завернулась в старую поддёвку, стащила со щитка тёплый платок и завязала его крест-накрест. Протяжно загудело в дымоходе, и сук хлопнул по стеклу так сильно, что затрепетало от страха сердце, но стекло выдержало. Марья подошла к окну, вглядываясь в мокрую непогоду. Со стекла на неё смотрело маленькое, сухонькое личико с обветренными жизнью губами...

Ветер подул не на шутку. Стекло уже не просто звенело от его порывов, а просто стонало, предупреждая хозяйку, что скоро не выдержит. Марья взяла с кровати подушку и приложила к оконной раме. Та сразу успокоилась, и в доме стало тихо, даже белоснежные занавески перестали шевелиться.

ФЕДОТОВА Екатерина Николаевна родилась в д. Сапеги Сенненского р-на Витебской обл. Окончила музыкальное училище г. Новополоцка. После училища — заочно Белорусский государственный университет культуры и искусств. С 2012 года возглавляет Центр ремёсел и традиционной культуры г. Новополоцка. Печатались в журналах “Маладосць”, “Дзеяслоў”. Живёт в г. Новополоцке.

Бок как будто успокоился, уже не рвал нутро, не дёргал, просто висел тяжелой нитью навязчивой боли. Дочь говорила, как называется эта болезнь, лекарство из Москвы привозила, но что с того...

Дочь у Марьи умная — врач... Сразу после школы поехала учиться в медицинституте. И поступила... И выучилась, и замуж сразу вышла... в Москву. Люди говорят — хорошо... Тодорова дочь счастлива, богатая... Марья тяжело вздохнула.

Тихо отсчитывали минуты часы на окне, в углу на кухне скреблись мыши.

— Вот уж кот на вас нет, чтоб вас... Кот... Кот... Кыщи-кыщи-кыщи...

Мягко спрыгнул на пол старый серый кот и одним махом оказался рядом со старой женщиной. Она на ощупь протянула к нему руку, погладила по мягкой шерсти. Кот сразу заурчал и примостился рядом на кровати.

— Совсем ты от рук отбился, мыши по дому пешком ходят, а ты только на печи лежишь... — почесала Марья мягкий бок и замолчала. Старческая тонкая рука лежала на теплой кошачьей голове. Спустя несколько минут она перевернулась на спину и спросила:

— Может, придет наша Танечка на Рождество? В том году не было... И на эти Коляды не придет, наверное...

Кот вытянулся и мягко зевнул, показывая, что разговоры эти пустые, но Марья не успокоилась.

— А помнишь, Кот, раньше все собирались на Рождество... И Танечка. И Иринка из Минска придет, и Петя с Васей... Девчата мне дом уберут, всё вымоют, хлопцы кабанчика заколют... Помнишь, Кот? А потом вечером кабана разберём, печёночки нажарим, сальца... Колбасы крутим... Помнишь, как Танька не могла кишки в руки брать... А ещё врач... А теперь нет никого... Никто не едет, все городские стали... Всем некогда. Иринке писала — приезжай... А она мне — некогда, работаю, может, летом... Ну, и пусть летом... Летом работы много. Петя с Васей, близнецы, не так далеко живут, в райцентре. Километров тридцать... Эти чаще бывают, да и внуки приезжают... Но чтоб все собрались... Кот, почему мышей не ловишь? Скоро по голове ходить будут... Старый ты стал... Как и я. Это же тебе уже сколько годков? Тебя ещё Иринка привела, котёнком от Игнатихи... А Иринка уже одиннадцатый год как уехала... О-хо-хо-хо-хо... Старый ты, котик, как и я...

Кот ещё минуту полежал рядом, потом осторожно поднялся и изогнулся, грозно сверкнули зеленоватым светом глаза. В углу снова прошелестела мышь, и полосатый спрыгнул на пол.

Холод брал своё, забирался под платок, не спасала и старая поддёрвка, стыли ноги в вязаных бурках. Старуха слезла с кровати и пошаркала к печке, взялась растапливать.

Сначала огонь только ласково лизнул сухую лучину, будто приглашая, а потом вошёл в охоту и, проглотив её всю, весело поскакал по сухим поленам. В доме стало тепло, а на дворе незаметно посветлело, и Марья отправилась во двор, в хлевушок. Оттуда сначала слышалось тихое чириканье, потом беспокойный квохтанье потревоженных кур, и вот Марья вышла из сарая с ведром в руке и двумя яйцами в подоле. Кроме кота делили с Марьей судьбу свою коза Манька и две курочки.

Картошка сварилась. По дому пошёл сытный картофельный запах. Полилось из подойника в кошачью миску молоко. Потом в чашку, белую с голубыми горошинами, — Танина любимая. Как придет, бывало, то только из неё пьёт.

— Кот, иди, есть будем, — позвала Марья. И он тут же спрыгнул с печи. Лениво подошёл к миске с молоком.

— Кот... Кот ты, Кот. Кот-муркот...

Марья тихо сидит на диване. В доме тепло, тихо.

— Ай-яй-яй-яй-яй... Дробны-ы дожджык, ды накрапае...

Марья поёт... Кот привык уже. Раньше пугался и убегал... А теперь смотрит на Марью зелёными глазами и слушает. Марья часто поёт. А бывает — и сказки рассказывает... Кот любит сказки больше, чем песни... Под сказки

Марьяна рука мягко гладит его, чешет за ухом плавно, как сам рассказ. Ни на минуту не останавливается... А под песню разное бывает... Может даже и за шерсть дёрнуть... Сказки лучше. Сегодня Марья пела, поэтому Кот наблюдал за ней со стороны, близко не подходил.

— Ну, что смотришь? — Марья перестала петь. — Думаешь, баба с ума сошла? Нет, не сошла... Баба твоя ещё всё понимает... Вот Васька с Петькой зазывали на зиму к себе, а я ж не согласилась... У Васьки детки, квартиры нет, куда мне... А к Петьке я сама не хочу... Там невесточка такая, что не приведи Господи... Глупая была б — поехала бы... Иди-ка сюда...

Кот вроде бы только этого и ждал — запрыгнул на колени к хозяйке.

— Какой это день сегодня? Суббота? Мозги-то совсем отсохли... А может, воскресенье? Ящик этот поломался... Так хоть новости смотрели... Одного только боюсь: умру и буду лежать... Одна здесь, пока не найдут. А кто меня найдёт? Сыновья раз в месяц звонят — некогда, дочки — далеко... О-хо-хо-хо... А и быстрее бы уже... Ведь восемьдесят шестой годок... Пожила ведь уже... Пожила. Всего было...

Кот не стал слушать дальше: с ней всегда так — все разговоры одинаково заканчиваются. Повернулся, махнул хвостом и исчез.

День входил в полную силу, но был неярким. Низко над землёй ходили серые тучи, готовые вот-вот прорваться снегом, тоскливо смотрели они на одинокую Марьяну избушку. А она ещё ниже прижималась, старалась стать незаметной, слиться с черной осенней землёй, а то и сравняться с ней, как уже сравнялись остальные.

Марья поплелась в сени. Накинула на плечи старый мужник кожух и вышла на крыльцо. Влажный ветер вырвал из рук дверь, и она гулко ударила о стену. От неожиданности Марья ойкнула. Осторожно, чтобы не поскользнуться, спустилась с крыльца и пошла к сараю. Где-то там, на полке, лежала пила. Через несколько минут Марья осторожно наклонила яблоневый сук, мокрый и скользкий, да пила все никак не хотела резать, соскакивала, скользила... Марья и так подступалась, и этак. От усердия сполз кожух и платок, но сук не поддавался. Тогда Марья отступилась. Тяжело дыша, подошла к яблоне, положила руки на ствол.

— Смотри ты... Тёплый... Прости ты меня, старую... Я же знаю, что болит... И мне больно. Каждую ночь, моя родная, болит... А выбьешь стекло — что буду делать? — Марья опять взялась за ножовку и, наконец, спилила сук, бросила на мёрзлую землю — тащить в сарай уже сил не было.

— Хай себе лежит, — махнула она рукой и тихо поплелась в дом. Не дошла, тяжко колотилось в груди сердце, и опустилась на старую, хрупкую скамейку, прислонилась к тёплому боку дома.

Свет медленно уступал место осеннему полумраку. Ещё можно было рассмотреть одинокие очертания деревьев, низкие кусты шиповника и сухие стволы жёлтых георгинов, но и они начинали сливаться в ровный серый туман. Тихо-тихо было вокруг. Показалось, по тропинке кто-то идёт, Марья присмотрелась... Показалось... Откуда-то появился Кот, потёрся об ноги.

— Не успела оглянуться. А жизнь — вот она, как ниточка в клубок завилась-закрутилась. Будто и не было... Эх, короткая она, жизнь эта... Такая короткая, что только вчера, кажется, бегала маленькая, босая, в одной майке... И мама смотрела из-под руки, и папа... Короткая жизнь моя... Одно хорошо — прожила её так, как хотела, правильно прожила... Никому обиды не делала, а если кого и обидела, то не со зла, так, по глупости... Детишек вырастила, каждого в мир выпустила... С мужем всю жизнь вместе прожили — от свадьбы до последнего его денёчка вместе... Кажется, и не поссорились ни разу... Хорошую жизнь прожила — дай Бог каждому. Да вот под старость одна осталась... Слышишь, Кот. Никому не нужна. Оно конечно, старые никому не нужны... Но сейчас такой мир, что никто никому не нужен... Каждый сам по себе — бегут. Как бешеные, а куда бегут — неизвестно... И мои вот гонятся за чем-то, бегут... Некогда им, а я одна... Так и не дождусь, видать, детей своих... Что-то, Кот, сломалось в этом мире, а что — не знаю... То ли я не досмотрела, то ли мир поменялся... Кто его знает... Так-то...

Ветер выдул из старческого глаза слезинку и оставил на тонкой восковой щеке.

Низкие тучи расступились и выпустили осеннее солнце на свободу. Оно не собиралось долго смотреть на одинокую землю, прошлось по небу, взглянуло на Марью и растеклось розовой лентой по вершинам близкого леса. Тихо опустилась на воротник кожаной белой муха, потом ещё и ещё... Пошёл снег. Споро и тихо, будто старался прикрыть неприглядную эту землю, людские поступки и мысли.

Марья, замётённая снегом, смотрела на розовое солнце и видела там такую короткую жизнь свою. И чудилось ей, будто идёт она маленькая, в белой длинной рубахе, по росистой высокой траве навстречу большому красному солнцу и входит в тёплую его красноту, и сама наполняется ею до краёв, до доньшка. До последнего волоска... Красным ласковым светом, основой всего живого. Наполняется и поднимается высоко-высоко, и летит над всем белым светом, и видит дальние страны и людей, и высокие горы. А поднявшись так высоко, что и птицы не долетают, рассыпается по земле тёплыми прозрачными каплями дождя и прорастает зелёной травой, прекрасными цветами и вновь соединяется с солнцем, чтобы не расставаться с ним никогда.

АЛЁНА ПОПКО

ВОЛЧИЦА

РАССКАЗ

Сколько было счастья для десятилетней Женьки, когда её дедушка-лесник принёс домой настоящего живого волчонка! Девочка прыгала от радости и хлопала в ладоши.

— Волчонок! — руки сами потянулись к дедушке, чтобы тот дал и ей поддержать этот тёпленький серенький комочек, что испуганными глазами поглядывал на Женьку. Такой маленький, худенький. Потерялся, наверное.

— Держи, — Игнат передал внучке волчонка, которого та ласково прижала к груди и начала гладить по головке. Волчонок был серый, за исключением передних лапок и шерсти на животе белого цвета.

— Ласка, — окрестила его девочка.

— Возвращаюсь домой, смотрю, а у нашего забора что-то шевелится. Присмотрелся — и вот, — начал рассказывать Игнат жене, которую почему-то находка мужа не очень обрадовала.

Волчонок скупо принялся глотать пищу, иногда оглядываясь недоверчиво по сторонам, словно боясь, что кто-то заберёт вкусности, которыми угощала его Женька.

— Дедулячка, можно я с ним поиграю? Ну, совсем чуточку! — взмолилась внучка, соорбив такую умоляющую мордашку, что Игнат не выдержал, только кивнул в ответ:

— Но потом мы вернём его обратно в лес, потому что он будет скучать по своей маме.

ПОПКО Алёна Николаевна родилась в 1990 году в Брестской области. Окончила Брестский госуниверситет им. А. С. Пушкина. Публиковалась в журнале “Малодосць” и в еженедельнике “Літаратура і мастацтва”. Лауреат республиканского литературного конкурса им. М. Багдановича.

Этих слов девочка уже не слышала — радостно подхватила волчонка и понеслась с ним в свою комнату.

— Не надо было его приносить. Потом слёз не оберёшься, — покачала головой жена, Дарина Алексеевна, женщина лет шестидесяти, сообразительная и острая на язык.

Игнат снял с плеча ружьё, добродушно улыбнулся жене и сел за стол, где его уже ждался обед.

— Дариночка, пусть порадуетя малая, — Игнат взял ложку и стал хлебать борщ. — Вкуснятина... — похвалил он жену. И та тотчас подобрела.

— Хитрый ты, однако! Столько лет, а не меняешься. Вон, седой уже, — задумчиво проговорила женщина, не сводя с Игната глаз.

Действительно, повезло ей с ним. Всегда найдёт, чем её удивить, чем порадовать. Вырастили они сына, который и сам уж женился. Вот, привёз к ним на каникулы внучку. Чего сидеть в четырёх стенах в городе! А тут и воздух свежий. Вдохнёшь полной грудью — и такое чувство, будто вновь на свет родился. Так легко сразу! Несколько метров — и ты в Беловежской пуце, где Игнат работает лесником. Всю свою жизнь он защищает этот вековой лес и его живность от браконьеров.

А какая богатая история у пуци! Эти могучие дубы-великаны, которым и лет-то не сосчитать, а вдвоём — не обхватить, помнят князя Витовта, подарившего когда-то своей дочери, которая любила природу, пуцанские уголья. Была она не только самой красивой девушкой на всю округу, а ещё и слыла большой оригиналкой: носила одежду только белого цвета. Люди прозвали её Белой княжной. Влюбился в неё сын польского князя Ягайлы. Такое сильная любовь была у молодых, что и водой не разлить. Они с удовольствием путешествовали по лесам пуци, любовались её животными и растениями. Но в 1383 году князь Януш Мазовецкий, воспользовавшись междоусобной борьбой Витовта и Ягайлы, захватил Каменец и пуцанские уголья. Молодые люди решили тайно жениться, так как понимали, что не смогут прожить друг без друга, несмотря на то, что родители были против. Девушка ждала своего возлюбленного у стен Каменецкой башни, которую через несколько недель осады взял Ягайло. С Витовтом они примирились, после чего князь Витовт присоединил Каменец к своим землям. Тогда они и решили благословить брак своих детей. На белых конях, в белых одеждах молодые, объехав три раза Каменецкую башню, направились в город, который теперь называется Беловежем. Дорога, по которой они ехали, была выстлана белым полотном, которое ткали женщины пуцанских деревень, а потом отбеливали в реке. Кстати, все башни замка, в котором жили влюблённые, были окрашены в белый цвет. Много названий осталось, связанных с Белой княжной, а край стал называться Беловежским...

...Несколько дней пробыл волчонок в доме Загорских, подрос, возмужал. Женьке не хотелось возвращать его в лес. Глаза наполнились слезами — так она привыкла к этому пушистому серому комочку. Такому незащитному, с грустными блестящими глазками. Кроме того, это была девочка. Не ошиблась Женька, назвав её Лаской.

Маленькая волчица быстро побежала по тропинке в лес, а после исчезла среди кустов и колючих елей.

— Дедулечка, я её никогда не забуду, — пообещала девочка дрожащим от слёз голосом. Ей так понравилось заботиться о лесной гостье!

Тёплый сосновый запах щекотал ноздри. Сосны, будто тоненькие свечи, смотрели в небо, тянулись к солнцу, которым август щедро одарил в этом году пуцанские леса. Бодро и звонко перекликались птицы, в горе и радости помолвленные со своей зелёной родиной. Доносились и протяжно-монотонное “тук-тук” дятла, и колдовское кукушкино “ку-ку”, полное одиночества. Пуца жила своей, ни с чем не сравнимой жизнью. И неизвестно, кто тебя подстерегает там, среди мрачных и молчаливых елей, алчущих горячих следов человека, или среди выцветших от старости болот: вертлявая камышовка, бородатая неясуть, лесная куница, благородный олень или хищница-рысь?

В школе Женька с удовольствием сообщила друзьям о новой подруге. А когда учительница попросила написать учеников о том, как они провели лето, Женька написала о волчонке, принесённом дедушкой из леса в один из летних солнечных дней. Когда он вырастет, обязательно превратится в красивую волчицу.

С тех пор прошло много лет. Женья Загорская, девятиклассница, приехала с родителями к бабушке с дедушкой на новогодние праздники. Девочка украшала ёлку разноцветными игрушками, пока её родные готовили праздничный ужин.

— А вчера трех браконьеров поймали... — поделился новостью дед с искорками справедливой радости в глазах.

— Папа, бросать тебе надо этот лес и к нам с Нюркой в город перебираться, — сказал сын, глядя, как отец чистит ружьё.

— Слышь, Дарина, меня уже в пенсионеры зачислили, — не удержался от улыбки Игнат, обратившись к жене, нарезавшей овощи вместе с невесткой.

— А что ж тут плохого? На пятом этаже жить будем и к тому же — в столице, — проговорила иронично Дарина, чтобы поддержать разговор. Знала, что Игнат никогда не согласится, да и она без него не поедет.

— Нет, детки, извините, но пока я жив, отсюда не поеду. Нечего мне кости отлеживать раньше времени. Что я там буду делать? А здесь хоть какую-то пользу принесу, — отчеканил Игнат, надев рубашку.

Его сыну ничего не оставалось, как согласиться.

Нюрка ничего не ответила, промолчала. Она не понимала, зачем муж с дочерью её сюда затащили. Новый год в лесу! Детектив какой-то! Лучше бы в гости к Якушкиным сходили. Муж её подруги получил повышение. Посидели бы в кругу интеллигентных, богатых людей.

— Дедушка, а ты обещал, что возьмёшь меня на работу, когда я подрасту. Ведь я уже взрослая, — подбежала Женька к дедушке и обняла его за плечи.

— Даже не думай, — запротестовала Нюра, — там волки ходят, кабаны. А это опасно.

— Но со мной же будет дедушка, — подбодрила Женька маму.

— Ну, какой может быть лес в такую погоду? Снега по колено! — не унималась Нюра.

— Собирайся, сейчас пойдём, — Игнат вскинул на плечи ружьё. — Если обещал, то пора выполнять обещание.

Женька оделась потеплей, и они отправились в лес. Серое небо нависало над головой, а вокруг лежал снег, в который проваливались сапоги. Лес в зимнее время был похож на какое-то белое царство, в котором и жила её величество зима. Как будто она, седая старушка, по три месяца в год убирается в доме, где полно мусора. Вот и падают на землю красивые снежинки...

— Смотри! — Женька подтолкнула дедушку в плечо. — Белка!

Действительно, такая серенькая и ловкая! В мгновение ока перескочила с одного дерева на другое и спряталась в дупле.

— Лесные жители, — заметил Игнат и прислушался — неподалёку стреляли из ружья. Надо проверить. Игнат подкрался поближе, а за ним и Женька.

— Кто это? — спросила она, не отрывая взгляда от двух широкоплечих мужчин, что склонились над волком, который лежал на земле и тихо скулил от боли.

— Чужие это, Женька. Чужие...

Красные пятна крови горели на чистом снегу. Сердце сжалось. Она вспомнила волчонка, гостившего в их доме. А что, если это она?

Игнат сжал от злости кулаки, его лицо напряглось, излучая ненависть и отвращение:

— Сиди здесь, не высовывайся, — скомандовал он и набрал по мобильному номер лесника, с которым работал. Приказал собрать остальных и спешить на объект под номером... Каким, Женька не услышала, молча сидела в засаде, пока дедушка пробирался в другом направлении.

Чужие люди подошли к убитому волку, который ещё дышал и судорожно корчился на земле. Раздался хохот — и выстрел. Волк затих.

На глаза Женьки навернулись слёзы. Нелюди! Решили пристрелить его для забавы.

И тут Женька увидела среди белоснежных деревьев серую фигуру: на браконьеров испепеляющим взглядом смотрела волчица. Она выжидала момент, чтобы броситься на них. Женька почувствовала, как внутри всё похолодело, даже дыхание перехватило от страха. Волчица прислушалась и, почувствовав сердцебиение живого человека совсем рядом, недоверчиво повернула голову в сторону девушки. Они были в нескольких метрах друг от друга. Женьке показались знакомыми её глаза, взгляд. Только теперь он был полон горя и отчаяния.

“Это твой ребёнок?” — спросила её мысленно Женька.

Волчица, будто поймав невидимую радиоволну её мысли, чуть кивнула, подготовилась к прыжку.

— Нет, не делай этого! Пожалуйста... — тихо прошептала Женька, но та уже была рядом с браконьерами — повалила одного из них на землю. Тот застонал, сжав зубы от боли. Второй дрожащими руками поднял ружьё и выстрелил, но промахнулся от волнения. Волчица взвыла. Пуля задела лапу, оставив на снегу алые капли крови. Волчица оскалилась, готовясь к нападению. Что-то похожее на злорадную усмешку промелькнуло на лице браконьера, он уверенно нажал на курок. Но... впустую. Пули закончились. Бедняга отчаянно заметался туда-сюда, и только серые глаза разозлённой волчицы, обжигая, жадно следили за ним.

Через несколько минут браконьеров окружили. Игнат приказал преступникам сдаться и сложить оружие. Послышались голоса остальных лесников.

— Беги! — закричала девушка, которая выскочила из своего укрытия. — Ласка, беги!

Волчица понимала, что если бросится на браконьера, то выстрелят в неё.

Игнат приказал не стрелять. Волчица жалобно взглянула на своё убитое дитя, тяжело вздохнула и быстро исчезла среди раскидистых елей, прихрамывая на переднюю лапу.

Браконьер поднял вверх руки, бросив ружьё на землю. Возле него лежал его полумёртвый друг. На его месте мог оказаться и он. В горле пересохло.

— Женька, я же сказал тебе сидеть тихо. Почему ты выбежала? — начал было кричать на неё Игнат, но девушка посмотрела на него грустными глазами, как у той волчицы.

— Дедушка, это была Ласка. Наша Ласка, — ответила она тихо, чувствуя, как солёные слёзы текут по щекам.

Дедушка молча посмотрел в сторону раскидистых елей, за которыми исчезла волчица, оставляя на праздничном снегу алые следы.

Родителям о том, что случилось в лесу, они решили не рассказывать. Знали, что те больше не отпустят их вместе. Все имеют свои секреты — вот и у них будет. Но Игнат взял с внучки обещание, что та больше никогда не будет вести себя так необдуманно. Загорскому не очень верилось в то, что та волчица была тем самым волчонком, которого он когда-то нашёл. Мало ли что Женька могла придумать! У детей в таком возрасте фантазий — море. Только вот Женька была уверена, что судьба подарила ей встречу с подругой детства.

Медленно они шли домой, а волчица, спрятавшись за снежными деревьями, следила за ними. Она вспомнила эту девочку. Пожалуйста... Она однажды уже слышала это слово. Волчица больше не чувствовала боли в раненой лапе, только заливалась время от времени большое место. Она снова почувствовала себя тем волчонком, в летний день покинувшим уютную норку, чтобы попутешествовать по лесу. Очень уж интересно было, куда ходит её мать-волчица, оставляя её с братьями и сёстрами одних. Долго брела Ласка по лесу, измученная голодом и жаждой, пока не оказалась у забора Загорских. А тут и добрые люди нашлись: покормили, обогрели, а маленькая девочка так искренне играла с ней тогда... Если бы волки умели плакать,

то в этот момент взрослая волчица заплакала бы навзрыд. Она хорошо помнила доброту этих людей. Но есть и плохие, те, о которых тоже нельзя забывать. Волчица безжалостно оскалилась, вспомнив о своём убитом браконьерами ребёнке.

В доме Загорских пахло мандаринами и конфетами. Новый год стучался в окна пушистым снегом, который уже превращался в метель.

— Женька, передай, пожалуйста, оливье, — обратилась к девушке мама, только та будто и не слышала её, углубившись в собственные мысли. — Женька!

— Что? — та удивлённо вскинула брови. На помощь пришёл дедушка, передав невестке салатницу.

— Женька, ты уже придумала, какое желание загадаешь, когда часы пробьют полночь? — спросил дедушка, но внучка только пожала плечами. А потом мгновенная идея, будто звёздочка, осветила её мысли: “Я пожелаю ещё раз встретиться с Лаской”.

Жизнь Жени завертелась: она окончила музыкальную школу, выдержала школьные экзамены, а через два года намеревалась поступить в университет. Тщательно учила биологию и химию, надеясь стать врачом.

— И всегда быть бедной, — не поддерживала её выбор мать.

На каникулах намечалась поездка с классом в Беловежскую пуцу, куда отправилась и Женька. Экскурсия была изумительной! Они посетили животных в вольерах, полюбовались мохнатыми буро-рыжими зубрами, ещё несколько сотен лет тому назад бывшими хозяевами лесов Европы от Балтики до Кавказа. Вот какой он — символ Беларуси! С таким ничего не страшно! Когда-то их смелость и силу прославил в “Песне про зубра” Микола Гусовский, пусть и по заказу Папы Римского Льва X Медичи, желавшего узнать как можно больше об этих необычных животных, которые жили в лесах Великого Княжества Литовского. Да и на логотипе хоккейного клуба “Динамо-Минск” и в наши дни красуется красавец зубр.

Женька между делом похвасталась друзьям, что бывает часто в этих местах, а леса знает, как свои пять пальцев, ведь дедушка у неё лесник.

— Так ты и знаешь! — иронично произнесла её одноклассница Ирочка. — Хочешь пари?

— На что будем спорить? — подхватила Женья.

— Пойдёшь вперед вон той тропинкой, — Ирка показала вдаль. — Твоя задача — быстрее нас добраться до школьного автобуса. Если выиграешь, я подарю тебе свой новенький айфон, а папа мне ещё из Москвы привезёт.

Женька кивнула. Незаметно отбилась от группы и зашагала по тропинке. Потом решила сократить путь и пойти напрямик по лесу. Несколько минут быстрой ходьбы — и в её кармане будет настоящий айфон. Действительно ли нужна ей эта “дорогая игрушка”, она как-то не задумывалась. Желание иметь то, чем не каждый может похвастаться, захлестнуло девушку с головой. Ей будут завидовать, все будут с ней дружить. Но скоро оживление Женьки как рукой сняло: она поняла, что заблудилась. Вокруг только молчаливые ели и сосны. Девушка стала звать на помощь, но её никто не слышал. Сердце, казалось, сейчас вырвется из груди. А ещё больший страх охватил её, когда она увидела перед собой волка. Видимо, она потревожила его спокойствие.

Серый хозяин беловежских лесов заинтересованно смотрел на незнакомку. Несколько дней ему не везло с едой, измучился, бедный. А тут на тебе — живой человек. Девушка прислонилась спиной к дереву, словно прочитав его мысли. Тревога и страх застыли в её глазах, она закрыла лицо руками, едва сдерживая слёзы. Но когда волк хотел наброситься на неё, его перехватила волчица, рванув зубами за шерсть и отбросив на землю. Женька всхлипнула. Это была её Ласка. Но обиженный волк не хотел сдаваться. Со всей звериной яростью он набросился на волчицу. Та взвыла. Да так, что, казалось, разорвётся сердце от этой боли. Волчица всё-таки загрызла волка, после чего и сама, раненная, опустилась на землю. Дышала она тяжело... Чувствовала, что смерть совсем близко, и силно заскулила на прощание. Она

устало смотрела в глаза Женьке, склонившейся над ней, словно благодаря за тот зимний вечер, за несколько месяцев жизни, которые ей подарила девочка, бросившись на помощь. У Женьки комок подкатил к горлу. Она присела возле умирающей волчицы и, как в детстве, начала гладить её по голове. Слезы текли по щекам, а она всё гладила и гладила свою спасительницу, пока та не закрыла глаза, из которых скатились слезинки.

— Прости меня, — сказала Женька. — Ты была моим лучшим другом, — и подняла глаза к небу. Очень уж дорого обошёлся ей Иркин айфон...

В кармане вибрировал мобильник, про который девушка совсем забыла.

Её искали и учительница, и экскурсовод, и бабушка, который быстро догадался по рассказам детей, где сейчас внучка. Когда её нашли, то увидели, как Женька, склонившись над мёртвой волчицей, что-то ей шептала, с сожалением посмотрела на бабушку и растерянно проговорила:

— Её... больше нет.

Игнат подошёл к волчице, из тела которой сочилась кровь, и коснулся её передней лапы. Нашупал под шерстью неровно сросшиеся кости. Сомнений не осталось: это была та самая волчица, на которую они наткнулись в лесу под Новый год. Загорский перевёл взгляд на волка рядом.

— Ласка спасла меня, — Женька тяжело вздохнула — она не могла продолжать.

Бабушка только кивнул. Ему вспомнился маленький волчонок, тёплый серый комочек...

Ласку похоронили там, где она погибла. И только осиротевшие волчата, не дождавшиеся матери, тихонько выли лунной ночью.

АНДРЕЙ ДИЧЕНКО

“ЕВРОПА”

РАССКАЗ

Дети находились в учебном классе. С виду это была самая обыкновенная аудитория, разве что без окон и с довольно скудным ламповым освещением. Из-за этого лица учеников выглядели слегка покрасневшими, будто каждый из них сторел на полуденном солнцепеке, а сейчас пришёл отвечать на вопросы по предметам.

Дети были необычными. Они не бегали по рядам между партами, вздымая клубы пыли, не кричали друг на друга и не исписывали парты с доской революционными речёвками взросления.

Атмосфера в их классе напоминала заброшенный в подвальных коммуникациях буддийский храм будущего, монахами в котором внезапно стали учёные люди.

Входная дверь отворилась, и в класс зашёл Учитель. Никто из детей не поднялся. Все лишь молча следили за этим высоким, атлетически сложенным мужчиной, которому очень шли осенние пальто и диковинные шляпы с широкими полями.

— Здравствуйте, мои дорогие ученики!

Услышав в ответ сказанное хором “здравствуйте”, Учитель отодвинул кресло и уселся за стол.

— Итак, мои необычные дети. Как всегда, вас здесь семеро, и сегодня у меня для вас чрезвычайно особенное задание...

Учитель говорил голосом предельно серьёзным, будто бы в следующую минуту отправит всех своих послушников на верную смерть. Впрочем, они

ДИЧЕНКО Андрей Станиславович родился в 1988 в Калининграде. С 1990-х живёт в Беларуси. Редактор минского журнала “Я”. Автор книг “Минское небо”, “Ты – меня”, “Плиты и провалы”. Рассказы публиковались в белорусских, российских, азербайджанских, сербских литературных журналах.

бы пошли и на это, потому что были особенными и совсем не знали, что такое самосохранение и для чего нужна человеческая жизнь.

— Сегодня каждый из вашей семёрки, мои маленькие гномы, должен будет рассказать...

— Что такое Европа! — перебила Учителя белокурая девочка Алеся. Она умела читать мысли, а поэтому часто говорила обрывками непонятных ей предложений. За это Алесю часто били, заставляли произносить всякую похабщину и брызгали в лицо перцовым баллончиком, чтобы записать из её уст потоки бессознательного. В школе Алесе нравилось, потому что тут на её ступнях и шее больше не будет синяков.

— Алеся сказала нам все верно! — сказал Учитель и улыбнулся. — Ну, раз ты, Алеся, первая начала говорить, то тогда скажи нам всем, что же такое Европа?

С протяжным скрипом отодвинув стул, Алеся встала и начала свой рассказ.

“Европа — это сплетение красивых лиц и мыслей, которые как бы направлены в будущее. И это всё при том, что человек на этой территории ходит и много думает. Затем он достигает облаков и пьёт их, как топлёное молоко. После этого спотыкается и начинает плакаться. Но не всем подряд, а только далёким птицам, которые кружат над ним и думают, как бы мне поклевать Европу. Если собрать все мысли этой территории в единое предложение, то там совсем не будет запятых. Для всех слов не хватит строчек, а буквы смешаются в большой и невкусный коктейль, который нам всем когда-нибудь придётся распить и поблагодарить неизвестного повара.

Иногда Европа начинает раздуваться в огромный шар, наполненный огнём. Тогда нам всем надо бежать. Я один раз видела этот шар. Он целиком состоял из микроскопических глазных яблок, пронизанных чёрными сосудами жидкости, от которой нет жизни. Мне стало очень страшно, и с тех пор мысли мои были направлены сугубо в квадраты. Там, где есть квадраты, нет места Европе”.

Сказав свою речь, Алеся вышла из класса.

— Ну что ж, Сергей, настал твой черёд!

Сергей был блондином и обладал мускулистым и совершенно безволосым телом. Голос его был беззлобен, а в глазах сверкали молнии тотального уничтожения. Сергей питался только лишь человеческим мясом, а после был на встречах ему людей. Тот, кто попадал в диапазон протяжных звуков Сергея, моментально излечивался от всех недугов и сиял счастьем.

“Европа — она на вкус сладкая. По выходным воняет дохлыми псами, по будням летает на титановой метле вокруг планеты Земля. Европа жрёт планету Земля. Европа жрёт всё. Она белая, как плотный метастаз. Взяв в ладони Европу, ты поймёшь, что её никак не сжать. Металлические прессы ломаются, прежде чем приступить к давлению. Фактически Европа — это и есть давление на всё вокруг. Если вдруг её убрать, то основание разлетится, как череп, в который выпустили заряд свинцовой дроби”.

Сергей втянул ноздрями сырой воздух аудитории. Инстинкты тянули его в столовую. Сергей встал на четвереньки и, как слизняк, пополз за пределы класса.

Очередь подошла к Философу. Кажется, при рождении его назвали Алексеем, но на свой двенадцатый день рождения это создание обложилось толстыми книгами и подожгло себя. Из пепла Алексея возродился Философ.

“Европа. Как каземат. Как животное, у которого урчит. Никакой Европы на ощупь нет. Это только... Фантазия!”

Философ хотел сказать что-то ещё, но внезапно уснул. Учитель не стал его будить. Каждый раз, когда Философ спал, несколько солдат на КПП брали пластиковые шариковые ручки и писали своды высокопарных слов. После всё это прочитывали люди из специальной службы консервации разума. Подложив Философу под голову чёрный вязаный шарф, Учитель посмотрел на следующего ученика.

Девочка Ира больше всего в своей жизни любила рисовать. Раньше она брала в руки карандаш и графитом пачкала столешницы и белые половики

в подъездах. Потом она была как бы в депрессии и забыла технику рисования. Сейчас же с ней был Учитель, а поэтому лицо Иры на первых порах было синим, потом красным, а иногда и вовсе прозрачным. Сквозь неё люди видели *реальную картину мира*.

“Чёрный бьёт белого. Жёлтый рвёт красного. Синий спит с зелёным. Фиолетовый на всех смотрит свысока. Радуга становится нитью ДНК всяких цветов вообще. Её прочитать легко. Но сделать это лучше в Европе. Потому что во всех остальных местах за такое морят голодом и умерщвляют, воспаляя лёгкие”.

Ира достала листик и принялась рисовать цветы. Когда Ира много думала и обижалась, она всегда рисовала цветы.

— Теперь ты, Владик. Что ты думаешь про нашу текущую тему?

“М-м-м-м-м. В-в-в-в-в. Г-а-а-а-а-а-а-а”.

Набрав в рот воды из стакана, который он всегда носил собой, Владик заурчал. Через пять минут урчания он проглотил воду и продолжил:

“Европа не стала изначальным источником всего живого. Им была вода. Но вода появилась не в Европе. Там, о чём вы говорите, Учитель, там воду только портят. Злые люди портят”.

Владик плюнул на пол и растёр ладошкой свой плевок. Фрагмент доски, выкрашенный в красный цвет, заблестел.

“Вы не видите в лакированной поверхности моего отражения. Я не вижу в Европе чего-то, что способно поглощать”.

Владик сомкнул губы и приложил к ним указательный палец. Учитель понимающе кивнул головой. Владик умел *настраиывать*. Учитель же хотел держать дисциплину в классе, поэтому не противился молчанию своего подопечного.

Рядом с Владиком сидела Лена. Губы её были созданы для поцелуев, а голос — для звонких песен. Лена не стала дожидаться, когда Учитель вызовет её, и начала говорить сама.

“Когда я думаю о том, что вы мне говорите, я имею в виду песню. Когда я пою песню, энергии хватает, чтобы создавать сверхновые. У Европы не получится стать сверхновой, потому что такая уже есть немного западнее, и частично она от этой части света зависит. Вы меня поняли?”

Учитель одобряюще кивнул головой. У него остался последний ученик, который всё это время отмалчивался.

Лохматый Миша, надувший щёки. Он положил перед собой тетрадь и, изо всех сил надавив грифелем карандаша на бумагу, что-то вырисовывал, вкладывая в этот процесс не умение, а только эмоции.

— Миша, мой дорогой мальчик, что такое Европа? — вежливо спросил Учитель.

Миша лишь зло фыркнул, словно в нос ему засунули порох, и продолжил царапать листы в клеточку. Учитель подошёл к нему ближе и увидел, что Миша рисует свастики, кресты с мертвецами и светила, пронизанные двумя молниями сразу.

Закончив выводить последний агрессивный коловрат, означающий тотальное затмение, он принялся схематично изображать гору из пробитых человеческих черепов.

Настроение у Учителя от увиденного совсем испортилось. Всё дело было в том, что Миша видел будущее, а поэтому и без вопроса знал, что со всеми нами будет. И в первую очередь с Европой.

АЛЕКСЕЙ СТАРУХИН

ПУЛЬС НА ГРАНИ ВОСТОРГА

РАССКАЗ

Его звали Максим. Двадцати двух лет от роду. Жил он в Санкт-Петербурге. Среднестатистический парень, с не определившейся жизненной позицией, вечно что-то ищущий. Играл на фортепиано. Воспламенялся новыми идеями в своей музыке, но быстро загораясь, так же быстро и потухал.

Занимался он много, в этом ему не откажешь. Всё мечтал в один из дней написать что-нибудь этакое — гениальное. Чтобы до слёз пробирало, до мурашек, восторгало. Весёлая музыка для него была так себе. Он считал, что в грусти, приобретая спокойствие, можно умыслить, почувствовать то, что не передать словами. Что понимается с полувздоха.

С самого детства Максима мучила боль в сердце. Родители очень волновались за него. Но все врачи, к кому они ходили, говорили, что всё хорошо, ссылаясь на данные их технических приборов: “Сердце как сердце, здоровое”.

Парень больше не давал поводов для волнения, и при следующих покалываниях старался скрыть порок от всех свидетелей. Чем ближе он приближался к 23-летию, тем сильнее и чаще начинал волновать его орган, отвечающий за искренность.

Его жизнь перевернулась после неожиданного звонка. Это звонил один из врачей той больницы, где раньше Максим делал кардиограмму:

- Здравствуйте, могу я поговорить с Максимом? — проговорил врач.
- Это я, говорите.
- Меня зовут Сергей Алексеевич, я один из врачей 66-й больницы.
- Чем могу быть полезен?

СТАРУХИН Алексей Алексеевич родился в 1988 году в г. Лепель (Беларусь). Окончил ВГУ им П. М. Машерова. Живёт в Санкт-Петербурге.

— Скорее это я вам могу быть полезен. Я просмотрел все ваши анализы, снимки, и у меня есть новости. Приходите завтра в 11 часов утра в 6-й кабинет. Не затягивайте, это в ваших же интересах, Максим.

— У меня что-то нашли? Рак?

— Да нет же, не стоит паниковать. Приходите!

Далее послышались гудки, и Максим положил трубку. Он был удивлён такой прыти врача. “Что-то действительно интересное, наверное”.

Перед сном Макс сыграл одну из симфоний (на радость соседям!) и лёг спать, вспомнив перед самым прыжком в мир сновидений, передачу про то, как у одного человека нашли в лёгких прораставшее зёрнышко.

Что же за новость у врача — единственный вопрос, который Максим задавал себе с утра. Выпив кофе и почистив зубы, пациент оделся и поехал получать ответ.

Это была одна из многих частных поликлиник города, с новейшей аппаратурой, внимательным персоналом и длинными коридорами. На проходной Максима не стали задерживать, даже не попросили надеть бахилы и халат. Указав, где находится шестой кабинет, пропустили с миром. На дверях было написано “Идёт кварцевание”. Он постучал в дверь, и за ней послышался голос: “Войдите!”

Приоткрыв дверь и заглянув внутрь, он увидел человека, сидящего в кресле к нему спиной. Тот, глядя в окно, через недолгую паузу повторил ещё раз: “Входите же! Не бойтесь!”

— А вы, надо отметить, пунктуальный молодой человек. — И с этими словами врач в белом халате подошёл к Максиму и, пожав ему руку, показал другой рукой на стул возле стола.

— Стараюсь. Воспитание, понимаете ли.

— Понимаю! Ветровку можете положить на соседний стул. Вы хотите что-нибудь выпить? — предложил человек в белом.

— Этиловый спирт подойдёт! — пошутил пациент. — Нет, не хочу.

— Ха-ха, здорово! Хорошо, тогда перейдём к тому, зачем я позвал вас, — уселся на край стола врач.

Максим смотрел на него настолько внимательно, что тот не мог долго задерживать взгляд на пациенте.

Прикрыв рот рукой и тихо прокашлявшись, Сергей Алексеевич начал своё повествование.

— Как вы знаете, Максим, сейчас век не только новых супертехнологий, медицинских достижений, музыки, но и век новых заболеваний и патологий! Я как раз последние и изучаю очень детально, уже много лет. Боль вашего сердца, как вы догадываетесь, не случайна. При этом показатели самых современных приборов говорят об идеальном здоровье вашего органа. Я объясню, в чём дело, но сначала хочу взять с вас слово, что вы не станете паниковать и примете трезвое решение, как поступить дальше. Что скажете?

— Я устал, вот что я скажу. Что бы там ни было, мне кажется, что даже смерть меня уже так не пугает.

— Вот и отлично! — И немного помедлив, врач продолжал. — Дело в том, что у вас очень редкая патология. Как известно, патология означает болезненное отклонение от нормального состояния или процесса развития. В нашем случае, — здесь врач сделал ещё паузу, посмотрев на Макса, — ваше сердце остановится после того, как вам исполнится ровно 23 года. Но при условии, если вы перестанете ходить, то есть передвигать ногами, создавая тем самым нагрузку, не опускающуюся ниже нормы. — Сергей Алексеевич очень волновался, хотя за свою карьеру о подобных вещах ему не раз приходилось говорить пациентам.

— Стойте! Я запутался! Ещё раз, я не понимаю вас! — Максим был в недоумении.

— Тише, мы ведь договорились с вами. Скажите, пожалуйста, вы знаете время вашего рождения?

— На удивление интересовался у мамы: 18 мая в 4:55 утра.

— Так вот. Эта редкая болезнь, которая у женщин возникает в возрасте ровно в 21 год, а у мужчин 23, наступит и у вас. Ровно 18 мая в 4:55

у вас остановится сердце. Но есть выход. Вы должны постоянно ходить, чтобы создавать ритм сердечных сокращений не ниже нормы. И ровно через неделю постоянной ходьбы патология пройдет.

— Постойте, но ведь мне нужно спать, выдержку я максимум двое суток, есть, ходить в уборную, наконец?

— Хорошее замечание! Насчёт сна нужно подумать, а по поводу еды и туалета — всё решаемо. Если пробежаться в течение, скажем, минуты, то у вас есть время остановиться и сделать всё, что угодно, что невозможно сделать на ходу, так как пульс будет много выше нормы после бега. Что касается сна, — врач опустил голову в пол, как будто что-то увидел там, и, подняв снова, признался, — я не знаю, что делать. 18 мая завтра. У нас, чтобы что-то придумать, остаётся меньше суток.

Макс приуныл, глубоко утонув в своих мыслях.

— И ещё: вы такой не один. — Максим как будто проснулся, посмотрел на врача. — У меня есть ещё пациент с аналогичной проблемой. Это девушка, ей исполняется двадцать один, тоже завтра, но в ноль часов пять минут, то есть чуть раньше, чем вам.

— Мне это должно быть интересно?

— Я подумал, что легче переносить боль, если тебя понимают. Смотрите сами, я даю вам её номер телефона. — И врач отдал Максиму листочек бумаги с одиннадцатью цифрами. Но тот, в свою очередь, сложил бумажку вдвое, положил на стол и, сделав резкое движение указательным пальцем, отбросил её.

— Спасибо, но я как-нибудь сам, — он встал и пошёл к выходу. У самых дверей Макс обернулся и добавил: — Если будут идеи по борьбе со сном, сообщите, пожалуйста.

— Да, конечно. Держитесь, что-нибудь придумаем. И ветровку не забудьте. — Врач подал Максиму ветровку, пожал руку и закрыл за ним дверь.

Макс спускался по лестнице, не замечая других людей, цепляя их и не извиняясь, хотя в другой раз он бы вёл себя иначе.

“Что делать?” — сейчас это был основной вопрос. Мелькание мыслей в голове, суета... Мир в глазах расплывался, как будто его рисовали водой на стекле и размазывали рукой. Пешеходы, транспорт — всё казалось ему полужидким. “Куда вы все бежите, вам вроде не по 23 года? Стойте, лучше подскажите, что делать? А... хотя куда вам? Желаю успеть! Туда”.

По привычке ноги принесли Максима домой, где он сел в любимое кресло, закрыл глаза и попытался собраться с мыслями.

“Итак, что я имею? Чуть больше 12 часов до судной секунды, когда начнётся отсчёт недели. Какой-то недели. Подумаешь!.. Бойцы спецназа могут обходиться восемь дней без сна. Да, конечно, я не сотрудник спецназа, — с сарказмом подумал он. — Нужно хотя бы попытаться выжить, что ли. Я не собирался покидать этот мир. Ведь не зря говорят, что у каждого своя миссия. Так что же это за миссия — надоедать соседям своим пианино и прозябать, не зная, чего ждать дальше!”

Через минуту Максим сидел с листком бумаги и ручкой, записывая по пунктам план спасения себя.

“Первое. Самая главная проблема — сон. Поспать бы, но не хочется. Снотворное? Но после него вдруг ещё больше станет клонить на сон. Ладно, дождусь, когда по-настоящему захочется, только не забыть поставить тысячу будильников.

Второе. Путь, где меня не потревожат и не остановят естественные преграды. Дорога? Но на ней автомобили, службы, ремонты. Поле? Ходить по кругу? Но где найти такое тихое и недалеко от города? Беговая дорожка? Ага, только денег поднакоплю. Пойду, куда глаза глядят, — твёрдо решил Максим. — И третье: рюкзак, еда, вода, деньги, документы”.

“Нужно как-то попрощаться с родными, — вдруг подумал он. — В интернете? Нет, слишком обширная аудитория. Письмо? Да, по старинке, самый верный способ”.

И Максим принялся писать кривым почерком что-то невнятное, труднообъяснимое. И в конце приписал: “Не волнуйтесь, я справлюсь”.

“Ерунда какая-то! Мама с отцом точно начнут меня разыскивать — и всё тогда”.

В следующее мгновение он смял письмо и принялся писать новое, на этот раз очень короткое: “Уехал за город на неделю. Не волнуйтесь!”

Вечером пришли родные. Максим вёл себя непринуждённо, стараясь не выдать своей озабоченности. Он не стал менять репертуар, сыграл одно из прекрасных произведений уважаемого Вольфганга. Только вот мама как будто что-то почувствовала: неожиданно взяла скрипку, что в последнее время делала очень редко, и подыграла сыну, стоя у него за спиной. Оба слились с музыкой, и только в этот момент Максим понял по-настоящему, что, возможно, это его последняя игра с мамой. Он нажимал клавиши с особой нежностью, капая на инструмент слезами.

Когда они закончили, он, не поворачиваясь, сказал маме:

— Спасибо.

Та сделала реверанс и с достоинством учителя и матери удалилась восвояси.

Макс смотрел в стену, а стена всё отдалялась. Мыслей в голове не было никаких — одна пустота... Нужен был воздух. Не выдержав напряжения, Макс так резко вскочил со стула, что тот едва не опрокинулся. Он быстро подошёл к окну, чтобы открыть его, но замер: снизу на него смотрел кто-то в чёрной одежде, скрываясь в тени дерева. В следующее мгновение человек отделился от дерева и очень быстро зашагал прочь, сторбившись и засунув руки в карманы куртки. “Что ещё за наблюдатели, — возмутился Максим, передумав открывать окно. — К чёрту, всё, хватит, пойду лучше спать”.

Сон. Будильник.

На удивление, Максим заснул практически сразу, как будто это был обычный тяжёлый день.

Наш герой идёт босиком по мокрой траве. На поле плавно вырисовываются замысловатые зигзаги прозрачной дымки — это как будто сама матушка природа дышит полной грудью. Лазурное небо начинает открывать своё пространство для лучей светила. Лесная темнота растворится с каждым мгновением и под песни птиц уходит вовсе. Мир оживает. “Как здорово, я почти летаю, ах, моё прекрасное детство”, — и он переходит на бег. Мурашки играют симфонию на его теле, радуясь, танцуя и дыша ароматом воли.

Пение птиц всё усиливалось и усиливалось. Через секунду оно превратилось в невыносимый писк. Лицо мальчика выражало отвращение к звуку. Он плотно прикрывал руками уши, но это не помогало облегчить раздражающий скрежет, а ещё эта вонь от дымки и травы. “Куда же девалась эта красота!? Детство! Ведь я мог танцевать, практически летать, а теперь могу только скрутиться калачиком и ненавидеть, не-на-ви-деть”.

Часы уже показывали 3:30. Будильники спрятали стрелки и, как будто сговорившись, забыли про свою миссию. Дыхание спящего начинало замедляться, как вдруг зазвонил телефон! Макс подскочил, упав с дивана, и потянулся к телефону. Держа его в руке, он обратил внимание, что времени ещё достаточно, чтобы собраться, а затем нажал кнопку:

— Максим, это ведь вы!? Извините, что разбудил, — и тут же врач подумал, что вряд ли это было к месту. — Я думал, позвоню на всякий случай, а то вдруг уснёте, и с концами.

— Да, спасибо. Я действительно чуть всю жизнь не проспал в буквальном смысле. Что-нибудь придумали?

— У вас есть дома беговая дорожка?

— Ха, думаете, я про это не думал? Нету!

— Тогда пока всё. Что будете делать? — поинтересовался врач.

— Пойду туда, откуда пришёл.

— Восвояси, значит, — понимая значения этого слова, прошептал Сергей Алексеевич.

— Именно, — ответил Макс.

Максим положил трубку, зная, что не обидит этим собеседника, и начал собираться. Вещи были готовы ещё с вечера, поэтому оставалось только

умыться, одеться, присесть на дорожку, включить плеер и тихо уйти из дома, оставив короткое письмо на кухонном столе.

Время 4:30, оставалось двадцать пять минут до начала отсчёта. Макс как-то читал, что время с 04:00 до 05:00 является часом смерти из-за того, что организм максимально замедляет свою работу, и сердечники во сне умирают, так как красному моторчику не хватает сил снабжать кровью весь организм.

Максим вглядывался в тёмные окна и думал, что, возможно, в одной из этих кирпичных клеток чьё-то сердце не выдержало прямо сейчас.

“Вроде всё взял. Сейчас по Марата к ТЮЗу, затем по Загородному на Московский, и в сторону Пулковского шоссе вдоль трассы — куда глаза глядят”.

— Скромный план, но что делать — сдаваться я не намерен! — размышлял он вслух.

Тёмные ночи становятся всё короче — приближаются белые их сёстры. Это, как минимум, один плюс. Может, удастся немного обмануть организм, который реагирует на темноту желанием уснуть, особенно ночью.

Некоторые люди уже куда-то выбирались из своих берлог, а кто-то вообще и не ложился, гуляя весь предыдущий вечер, затем ночь, плавно переходящую в утро.

С каждым шагом он приближался к часу своего рождения.

Сердечко начинало изменять ритмы биения, готовясь к остановке, если его носитель вздумает остановиться.

Пять минут до начала — вот-вот сердце выскочит из груди.

Аккорды Людовика Эйнауди звучат синхронно с действием внутри. Четыре минуты — оно начинает замедляться и, как бы нащупывая ритм, стучать два удара через три.

Три минуты. Максим решает отключить музыку в плеере, так как нет лучше музыки мира.

Ветерок, ласкающий молодые побеги в сквере у всегда молодого ТЮЗа, создаёт фон. Пернатые вокалисты перекликаются сладким пением. И потрескивающей песочек под ботинками — дополняющая композицию перкуссия. Макс хотел насладиться этим, может быть, в последний раз... Вдруг ходьба не поможет?

Последняя минута, сердце замедлило бег, как будто прячась за угол дома. На часах Витебского вокзала стрелка приближалась к 04:55.

Максим схватился правой рукой за грудь, наклонил голову, на лице его вырвалась боль, он чуть не упал и... перешёл на бег. Биение сердца стабилизировалось, и можно было снова просто идти.

Отсчёт начался. Ещё пару раз он попробовал проверить, правда ли ему грозит остановка во всех смыслах, но как только он начинал останавливаться, сердце жестоко карало его острой болью, заставляя идти дальше.

Если забраться на высокий дом, то можно было бы увидеть солнце. На улице становилось всё больше людей. Они начали создавать толпы. Иногда Максиму приходилось выскакивать на дорогу и обходить толпу, чтобы не замедляться. Не говоря уже о светофорах — Максиму не раз случалось перебежать дорогу на красный свет. Сигналы раздражённых водителей резали слух. Максиму оставалось лишь поднимать ладонь, как бы прося прощения.

“Главное, выйти из города — там посвободнее будет. И чтобы никто не вздумал остановить меня силой, иначе...”

А ведь врач говорил о какой-то девушке. Если она решила “драться”, то наверняка тоже где-то сейчас идёт. Но в отличие от меня, уже на протяжении более чем пяти часов. Зачем я не взял её номер? Можно было бы поддержать друг друга. Или вовсе идти вместе. Такие особенные! Где она живёт, чем занимается, как отреагировала на новость Сергея Алексеевича?!” Максим так задумался, что врезался в одного из прохожих, которого столкновение будто разбудило. Макс извинился, а прохожий даже не обратил на него внимания и как ни в чём не бывало зашагал дальше.

“И что теперь?! Неделю не выдержать, толк?! Ах, этот чёртов инстинкт самосохранения! Всё, хватит об этом! Не думать час о белых медведях”, — попытался рассмешить сам себя Максим.

“Нужно сделать что-нибудь такое, что принесло бы пользу, запомнилось мне и людям — хотя бы сегодня. Да, точно!” — и он зашёл в цветочный магазин. Подойдя к кассе, Макс перешёл на бег. Выглядело это очень забавно — взрослый человек, одетый по-походному, бежит на месте и с серьёзной миной пытается объяснить, что ему нужно. Продавцом цветов оказалась женщина лет тридцати пяти. Она выслушала просьбу Макса и рассмеялась.

— Простите, я, конечно, сделаю то, о чём вы просите, но не могли бы вы остановиться!?

— Теперь вы меня простите! Вам нужен труп в магазине?!

Женщина недоумённо посмотрела на него и молча принялась упаковывать два десятка белых роз.

— Не обижайтесь, просто мне нельзя останавливаться, понимаете?

— Как вам угодно. Всё в порядке, — ответила женщина.

И через несколько минут Максим снова оказался на Московском проспекте с огромным букетом цветов. И сразу же начал ловить на себе вопросительно-восхищённые взгляды.

Он дарил по одной розе всем девушкам, обращавшим на него внимание. Большинство радостно удивлялись, молча принимая его дар, либо просто мило улыбались и тихо роняли:

— Спасибо.

Когда была подарена последняя роза, к нему подбежала одна из тех, кому повезло получить белое чудо природы.

— Молодой человек, вы волшебник! Я серьёзно вам говорю!

— Спасибо! Я рад, что вас это тронуло, — спокойно ответил Максим.

— Куда вы так спешите, может, ко мне на чай зайдёте, я недалеко здесь живу, вон там мои окна! — показывая рукой, приглашала его в гости девушка.

— Поймите меня правильно, в другой раз, хорошо?

— Но всё же почему? — настаивала леди.

— Я запомнил, где ваши окна, дело остаётся за малым. Договорились?

— Хорошо! Но знайте, ваш чудесный подарок спас мне жизнь. — И девушка быстро пошла в другую сторону.

Максим от неожиданности чуть не остановился, но вовремя одумался и зашагал дальше. “Интересно, что же у неё в жизни такого случилось, что моё внимание помогло ей?” Но ему оставалось только строить предположения.

В следующий час Макс просто сник. Уже виднелась площадь Победы и пик с надписью внизу: “Подвигу твоему, Ленинград”.

Он соображал, что скоро выйдет из города, надо признаться, одного из лучших городов в мире, а для Максима он точно был вне всякой конкуренции. Ведь здесь он начал дышать. Впервые в жизни сделал настоящие, без чьей-либо помощи, неуклюжие, но полноценные шаги. Сказал первое слово. Правда, это случилось в парке Петергофа. В тот момент, когда он с родителями прогуливался по аллее, перед ними опустился резной, сказочной красоты листок клёна. Ничего удивительного? Но вблизи не было ни одного клёна. Это падение увидел и мальш, после чего сказал первое слово в своей жизни: “бал”.

Возможно, он имел в виду “упал”, ну, а может, листок так красиво кружился, что очень было похоже на кружение в танце мужчины и женщины, как на балу.

Петербург просто так не позовёт тебя. Если ты ему нужен, двери откроются незамедлительно. Но в то же время он и щедр своей красотой, встречами, поучениями и легендами, а когда это необходимо — он с огромной любовью выпустит тебя из своих объятий.

Подул ветерок, откуда-то со стороны Финского залива. Стало прохладно, и Макс, спасаясь от непогоды, съёжился, засунув поглубже руки в ветровку. И в ту же минуту был приятно удивлён.

— О, нет!!! Что это?!! — чуть не кричал Максим. Люди в толпе, которую он обгонял, оглядывались. — Это записка с телефоном! Как она... Врач

передавал мне ветровку! Ах, он... — здесь Макс зажал бумажку в кулак, и медленно добавил: — Мо-ло-дец...

Макс лихорадочно нашарил в кармане телефон, набрал номер и сразу же сбросил вызов. “А что я ей скажу? А впрочем, какая разница!” И Макс снова набрал номер, на этот раз решив непременно дозвониться.

Прозвучали первые гудки, и практически одновременно заиграла музыка на одном из телефонов в толпе, которую он только что обогнал.

В другой раз он бы не обратил на это внимание, но он услышал одну из своих любимых композиций.

Обернувшись, он увидел хозяйку телефона: среднего роста, с большими зелёными глазами, полными надежды. Она стала замедлять шаг, будто загниотизированная, не отрывая взгляда от Максима, но он отреагировал первым, заорав на весь Московский проспект:

— Не останавливайся!!!

Максим подбежал к ней, взял за руку и прошептал:

— Пойдём!

Они прошли метров двести, прежде чем девушка нарушила тишину.

— Ты Максим? — заранее зная ответ, спросила она.

— Он самый, а тебя-то как зовут, сестра по несчастью?

— Меня зовут Татьяна, можно просто Таня. И почему по несчастью? Посмотри вокруг: кому ещё выпало такое редкое испытание, кроме нас!?

А вокруг всё шло своим чередом: пролетал над головами самолёт, шедший на посадку в Пулково, по скверу пробегали люди в спортивной одежде, по шоссе пронеслись ряды автомобилей, несущие людей по делам.

— Да ты философ, — посмеялся Макс. — Тебя не смущает, что мы взяли за руки раньше, чем познакомились?

— Это, видимо, ты не знал моего имени, а мне твоё Сергей Алексеевич сказал, и номер телефона тоже он дал.

— И что же ты не позвонила?

— Я случайно постирала джинсы вместе с той бумажкой с номером и потом ещё долго рыдала, что упустила возможность быть понятой в последние часы моей жизни. И теперь не могу поверить, что, не сговариваясь, мы выбрали один и тот же путь, и ты позвонил мне, а теперь идёшь рядом и крепко держишь меня за руку. — На глазах у неё показались сверкающие кристаллики. Ей это даже шло, по крайней мере, сейчас.

— Что ты, Танюша, не плачь, — Максим заботливо поправил её длинные русые волосы и прижал к себе, — теперь мы вместе, всё будет хорошо.

— Кажется, я знаю тебя уже вечность! Спасибо, Максим! — И она прижалась к нему ещё сильнее. Идти так долго было не очень удобно, и они снова взяли за руки, понимая, что теперь никогда не отпустят друг друга.

Они проходили под мостами кольцевой автодороги, миновали повороты к разным торговым центрам, оставляя всё дальше и дальше позади себя волшебный Петербург. Шок встречи ещё долго не отпускал их. Они то и дело переглядывались, обмениваясь улыбками. Казалось, что и молчать неловко, но и говорить особо не хотелось. Главное было то, что они вместе.

— Максим, ты знаешь, почему это с нами происходит?

— Исследующий эту проблему Сергей Алексеевич до сих пор не может разобраться. Где уж мне-то! Хотя нужно признать, он точно вычислил время перед началом недельной ходьбы.

— Слушай, мне это кино напоминает. Может, у нас что-то общее есть, особенное, из-за чего и развивается этот недуг!?

— Может, и есть, — без особого энтузиазма отреагировал Макс, и тут же глаз его блеснули. — Но, как минимум, одна общая деталь у нас есть точно: мы выбрали один и тот же путь.

Оба рассмеялись. В эту секунду рядом с ними остановился автомобиль, в котором опустилось окно, и послышался голос:

— Ребята, вас подвезти? Садитесь!

— Мы прогуливаемся, спасибо вам! — прокричали ребята.

— Ладно, как говорится, have a nice day! — не без юмора отозвался водитель.

В следующее мгновение молодые люди задумались об одном и том же: что же делать?.. должен ведь быть какой-то выход!? Не найдя и в этот раз ответа, они снова нашли тему для беседы.

— У тебя есть сестра? — поинтересовалась Таня.

— Нет, но хотелось бы. А у тебя, я так понимаю, есть?

— Да! Она у меня такая красавица! “Мне пять годиков”, — так она говорит! И этим явно гордится. А ты бы пел своей сестре колыбельные?

— Конечно, каждый вечер пел бы!

— А давай мы споем с тобой колыбельную для моей настоящей и твоей будущей сестры? Пусть сон у них будет всегда сладок, — предложила Таня.

— С прекрасными и разноцветными сновидениями, — добавил Макс.

И в солнечном небе зазвенели их молодые голоса:

— Спят усталые игрушки, книжки спят, одеяла и подушки ждут ребят...

С начала пути прошло уже более двенадцати часов. Они проголодались и, не мешкая, достали свои запасы.

Время шло неумолимо. Усталость давала о себе знать покалыванием в ногах. Но переносить боль всегда легче, когда её есть с кем разделить.

— Какой группы у тебя кровь? — поинтересовалась девушка.

— Продолжаешь искать общее? — с иронией в голосе произнёс Макс. — Вторая положительная.

— У меня первая. Значит, не в крови причина. Какие ты вещи взял с собой, кроме тёплых, средств гигиены и прочего?

— Понял о чём ты! Из таких, чтоб со смыслом, — фотоаппарат. Учтывая моё положение и возможность, что в исследованиях нашего с тобой врача останется моё имя, а значит, об этом могут узнать массы людей, я решил сделать фотографии. Ты ведь прекрасно понимаешь, что когда человек узнаёт день прощания с жизнью, его психология, восприятие мира — всё меняется. Значит, и фотографии будут другими, — он жестикулировал свободной рукой. — Подожди, в смысле, продолжай идти, я тебя догоню! — Макс сорвался и побежал в сторону поля.

Пока он бегал по полю, Татьяна достала свои “особенные вещи” — бумагу и заточенный карандаш. Она разглядела на ходу черты лица Максима и теперь принялась наносить их на бумагу. Она уловила его утончённые брови, грустные глаза, растрёпанные волосы и милую ямочку на подбородке, появляющуюся, когда он начинал иронизировать или в шутку тосковать.

Через пару минут в руках Татьяны оказался букет полевых цветов, а в руках Максима — его собственный портрет. Оба прижали подарки к груди как самые дорогие вещи на свете. Как хочется в такую минуту остановиться, посмотреть друг другу в глаза...

Танцуют облака, пляшут бабочки, качаются деревья, словно руки на концертах, держащие зажженные зажигалки... Яркость красок обжигает зрачки, всеобъемлющая любовь настигает и тебя!

— Тань!

Девушка повела бровями вверх, как бы спрашивая: “Что?” Она обычно так делает, когда не хочет говорить.

— Спасибо тебе! Не спрашивай, за что! Просто — спасибо.

Танцы! Увидав рядом с дорогой три берёзки, ребята побежали к ним, сбросили рюкзаки и начали танцевать, прыгать и размахивать руками, радуясь радуге в голове и на сердце, как маленькие беззаботные детишки. Некоторые водители, видя эту картину, сигналили им, дополняя гармонию сумасшествия.

Натанцевавшись и накопив запас активной работы сердца, мальчики удалились направо, а девочки налево.

Наступал вечер. Чем ближе к ночи, тем больше сказывается усталость: организм, хочешь ты того или нет, начинает оберегать себя, приводя в боевую готовность все чувства, отвечающие за защитную реакцию во время опасности.

Руки ребят сжались крепче.

— Максим, о чём ты мечтаешь?

— Ты снайпер — это очень близкая мне тема.

Я ведь пианист. С самого детства мама повела меня в музыкальную школу, и с тех пор я прирос к инструменту. Я всю жизнь играю чужие, пусть и великие произведения. А своих практически нет. Моя мечта — написать такую композицию, которая трогала бы до глубины души, будила чувства людей, если хочешь, даже вызывала слёзы, — в этот момент Максим сделал несколько плавных движений пальцами левой руки. — Теперь твоя очередь, выкладывай.

— О, Максим, у тебя прекрасная мечта! Музыка, как ничто иное, способна влиять на человека. Что касается меня, то моя мечта исполняется прямо в эту минуту! Раньше мне мешало осознание того, что я буду жить долго. Думала, успею почувствовать вкус жизни. Сейчас же я с удовольствием ловлю каждый момент.

Оба переживали сказанное и услышанное. Вскоре над ними повисло напряжение, и первой не выдержала Таня.

— Я хочу спать, — с явным раздражением произнесла она. — Я иду уже почти сутки, не имея особой тренировки. Ты-то мужчина, выдержишь дольше. Оставишь меня или умрёшь рядом?

— Никто не умрёт! — не веря в свои слова, закричал Макс. — Если ты сдашься, я понесу тебя на руках, сколько смогу.

— Метров сто выдержишь, не больше, я тяжёлая. — Минутная паника разрядилась смехом. — Я действительно устала, максимум, ещё пару часов, — и она зарыдала.

— А ну-ка, возьми себя в руки, тряпка! Вытри слёзы! Мы выдержим... Идиотка!

Оба замолкли. Но первой снова заговорила Таня:

— Даже в гневе ты не отпустил моей руки, — произнесла она с улыбкой. — Я живу мечтой, — она говорила это как бы в сторону. — Конечно, мы выдержим.

Уже стемнело. Петербург был позади километрах в пятидесяти. Таких марш-бросков никогда в жизни никто из них не совершал.

Они не шли, а плелись, стараясь сохранить силы, чтобы передвигать ноги. Оба отлично понимали, что им ещё и суток не выдержать, не то что неделю.

Для разнообразия решили изменить маршрут и свернули с трассы. Новый путь шёл через лес. Иной раз было бы страшно, но сейчас уже было всё равно.

Из лесной чащи за ними пристально наблюдал волк. Но смотрел он на них не как на шанс насытить свой голодный желудок, а как на бесстрашных, уважаемых воинов, сражающихся до последней капли крови.

Та часть леса, где они проходили, замолкала и начинала снова “болтать”, обсуждая неожиданных гостей, когда люди уходили дальше.

Молодые воины шли, сохраняя молчание. Дорога пошла вверх, к высокому холму. Несмотря на это, они ускорили шаги, как будто у них появилась конкретная цель, и они старались успеть к ней.

На выходе из леса подъём стал ещё круче. Показались просторы лежащих вокруг земель. Проснулся прохладный, усиливающийся с каждым шагом ветер, придавая их телам бодрости и отбивая желание уснуть на ходу.

Ребята сбросили рюкзаки, подозревая, что они им больше не понадобятся. Вот уже из-за холма появилась заря — это поднималось солнышко, оно вот-вот должно было начать новый, такой важный день. Макс, подняв взор, немедля перешёл на бег, потянув за собой Таню.

— Быстрее, радость моя, быстрее! Мы должны это увидеть, пусть и в последний раз!

Они бежали изо всех сил, ноги вязли в траве и возникало ощущение *замедленного кадра*. Казалось, в это мгновение всё и все на планете и за её пределами смотрели исключительно на них.

Хотелось кричать, рыдать навзрыд. Война чувств, переживаний, боли никого не щадила.

Максим и Татьяна взбежали на самый верх холма, рухнули в изнеможении на колени и зарыдали — то ли от страха, то ли от счастья...

Солнце начинало свой путь к восходу, озаряя лица юноши и девушки. Словно переродившись, они смотрели друг другу в глаза и считали удары сердца, количество которых уменьшалось с каждой секундой.

В это мгновение в их глазах уже не было страха — там воцарилось нечто новое, что им ещё только предстояло узнать. Под нежную мелодию чарующего солнца, под минорные аккорды ветра вокруг них слагалась и звучала новая, совершенная композиция.

И губы их нашли друг друга.

Сердца, которые уже совсем было собирались остановиться, забились снова, с ещё большей жизненной силой, и не собирались больше останавливаться.

Человек, издали наблюдая за ними в бинокль, напротив строки “Лекарство для излечения патологии” написал слово “ЛЮБОВЬ”.

ЕВГЕНИЙ КАПУСТИН

О ВОЙНЕ И НЕ ТОЛЬКО

ВОСПОМИНАНИЯ МОИХ РОДНЫХ

Любовь Ивановна Капустина (в девичестве Трошкова) родилась в деревне Ваньково Тихвинского района Ленинградской области 4 сентября 1930 года. Николай Петрович Капустин родился в деревне Новинка в том же Тихвинском районе 19 декабря 1931 года. Детство их пришлось на годы военного лихолетья...

Рассказывает Любовь Ивановна:

Свёкор мой ещё в Германской войне (в Первой мировой) участвовал. Их часть стояла в Финляндии. Немцы всех захватили, угнали в Германию. Пять лет он провёл в плену. Его держали в холодном сарае. Отморозил пальцы ног — пришлось ампутировать. Спасла его немка-доярка: выкормила, отогрела.

Все уже думали, что он погиб, никто не ждал, что вернётся.

Однажды на Троицу свекровь собралась идти в соседнюю деревню на престольный праздник. Перед уходом наказала всем домашним: “Сегодня мой муж Пеша придёт. Сводите его в баню, дайте чистое бельё!” Все переглянулись, пожали плечами — решили, что тётя Феня из ума выжила. Но к обеду свёкор пришёл! Как она велела, его сводили в баню, дали переодеться в чистое бельё, и он отправился влед за супругой.

...Был в наших краях знаменитый разбойник Ланцов. Здоровенный, высокий. Страшный! Ловкий, и до чего сильный! Однажды в тюрьме руками разжал решётку и сбежал. В другой раз ушёл из камеры через дымоход.

КАПУСТИН Евгений Александрович родился в 1984 году. Окончил Санкт-Петербургский государственный морской технический университет. Поэт, прозаик, драматург, переводчик. Печатался в российских, украинских, сербских, немецких журналах. Автор сборника стихов “От времени к вечности” (2013).

Ланцов — личность заметная. Все боялись одного его имени. Все бандиты стремились подражать ему, учились у него. Про него даже песню сочинили. Народ знал эту песню, но теперь она забылась.

Всю округу в страхе держал со своей бандой. Грабили всех проезжающих и проходящих. Всё отбирали, у кого-то и одежду снимали. Иногда убивали. А оружие у них было — только ножи, колья да сильные руки.

Шёл на танцы парень в красивом костюме. Попался Ланцову — тот его убил, думал, что если в костюме, значит богатый. А у парня в карманах только три копейки оказалось. Ланцов потом сокрушался: “За три копейки человека убил! Всю жизнь жалеть буду!”

Девушка ехала с мужиками. У неё была кобыла ленивая: чтобы заставить её бежать, нужно было долго хлыстом работать. Ехали через лес, заметили разбойников. Мужики сразу усккали вперёд, а она пока хлестала кобылу, подошли разбойники с кольями. Один хотел лошадь по голове ударить, да промахнулся, попал девушке колом по бёдрам. Тут кобыла понесла и проскочила сквозь толпу бандитов. А когда выехала девушка из лесу, встретила своих спутников, они её тут ждали. Видели, что она отстала, но вернуться не рискнули.

Вёл мужик корову в город продавать. На дороге в лесу Ланцова и встретил, да не узнал — его не все знали в лицо. Разбойник спрашивает: “Куда путь держишь?” Мужик искренне отвечает: “На базар иду корову продавать, да Ланцова боюсь”. А Ланцов улыбнулся: “Не бойся, Ланцов тебя не тронет!” А действительно — зачем бандитам корова? Возиться с ней... Им деньги нужны!

Как-то молодая девушка Дуся одна бежала по дороге через лес. Бегом бежала, в жутком страхе перед Ланцовым. На него и наткнулась. Не узнала. Он и говорит: “Иди своей дорогой спокойно. А если попадёте тебе кто-то на пути — говори всем, что Ланцов тебя не тронул, и они тебя не тронут”. Дуся так и обмерла, поняв, что перед ней он сам. А когда пришла в себя — побежала дальше что есть духу, не останавливаясь.

Ланцов не обижал тех, кто ему приходился хоть в какой-то степени родней. В одной семье его даже иногда пускали ночевать. Кажется, там жила его сестра. Когда Ланцова последний раз арестовывали, он им сказал: “Если и теперь уйду из тюрьмы — отблагодарю, всю жизнь богаты будете!” Ходили слухи, что у него где-то зарыта целая яма с деньгами и драгоценностями. Но на сей раз знаменитый разбойник не вернулся. Говорят, в тюрьме его тайно убили и через заднюю дверь вынесли. Видимо, решили избавиться, не дожидаясь суда.

...Рассказывают, что некая девка была очень серьёзно больна, уже лежала при смерти. Отнесли её к бабке, которая заговаривала болезни. У той бабки жила змея. Змея залезла через рот в нутро к девке. Видно было, как змея извивалась в животе. Потом змея вылезла и выгатила болезнь. Девка выздоровела.

...Младенцам давали маковое молоко, чтобы лучше спали и не плакали. Тогда не знали, что такое наркотики...

...В соседней деревне — на Шижне — перед войной церковь разрушали. Всё убранство выгатили, купола сбили. Колокол сбросили — говорят, он так в землю и ушёл. В церкви потом лошадей держали, капусту солили, затем там располагался клуб.

Свои же мужики разрушали, помню фамилии — Петров, Кузнецов и другие... Все они погибли в войну, все до единого! Лишь Кузнецов вернулся с войны живым — зачах и вскоре скончался. Врачи не могли определить, что у него за болезнь. Просто угас на глазах.

Иконы из разрушенной церкви — большие, метра два на полтора — забрали к некоему Грише, в доме сделали из них перегородку и заклеили обоями. Тогда была мода вешать на стенах фотокарточки. В эту перегородку вбили гвозди и повесили фотографии в рамках. Гвозди сквозь обои вбили в глаза Богоматери — это потом узнали. Человек, который это делал, вскоре ослеп...

Однажды я ночевала в том доме, взрослых с нами не было, лишь старшая дочь хозяина Нюша. Как раз в ту ночь ей во сне явилась Богородица и велела: “Освободи меня, открой лица всем!” Нюша проснулась и разбудила нас. Мы набирали воды, отмачивали и снимали обои, вытаскивали гвозди. Потом позвали мужиков, те послушались нас, поместили иконы в рамки и установили их в комнате на почётное место.

Рассказывает Николай Петрович:

Брат мой Сергей — офицер, служил в пограничных войсках в Литве, в Лиенае. Пограничники приняли на себя первый удар фашистов, все там и сгинули. Утром 22 июня 1941-го Сергей из своего гарнизона позвонил Катерине, своей жене, жившей на съёмной квартире. Только и успел сказать несколько слов — сообщить, что начинается война, что нужно срочно эвакуироваться, что скоро отходит корабль... Внезапно связь прервалась. Что там произошло дальше — неизвестно... Тело Сергея не найдено, он числится пропавшим без вести. Есть предположение, что литовцы сами наших пограничников и убили.

Катерина сразу бросила всё и побежала на пристань, а там люди грузятся на корабль с вещами, даже мебель забирают — видимо, заранее знали, успели подготовиться. А она ничего не взяла, так, с маленькой сумочкой, и эвакуировалась.

Катерина была беременна. Из Литвы она приехала к нам в деревню, и у нас родила сына, назвали его так же — Сергеем.

Любовь Ивановна:

22 июня я была в гостях в соседнем селе — в Ладвушах. Приехал Яков Семёнов из сельсовета, сообщил о войне. Мы чаю попили — и бежать домой.

А у нас уже начали призывать мужиков и парней.

Мой дядя Вася-малый обучал новобранцев. Тренировал, как держать винтовку, как целиться. Учил ходить в строю, надевать противогазы, бросать гранаты.

Когда забирали брата Пешу, я чихнула. Он вернулся живым, получив ранение.

Муж моей крёстной, Саня, был председателем колхоза, его в армию не брали. Но через пару месяцев он сам запросился на фронт: “Я больше не останусь тут бабами руководить! Пойду воевать!”

Когда мы его провожали, все смотрели на меня, ждали, что я чихну. Не чихнула. Через неделю он погиб. Но об этом мы узнали только зимой, когда пришёл солдат, разыскал его жену и всё рассказал: Саня утонул на переправе, получив ранение в живот.

Николай Петрович:

Мы, мальчишки, бегали смотреть на строевые упражнения новобранцев, нам интересно было. Призывникам выдали охотничьи ружья. “Лечь!.. Встать!.. Целься!.. Коли!.. Бей прикладом!..” Удары отрабатывали на соломенных снопах. Мы всё повторяли за ними.

Немец рвался на Свирь — чтобы соединиться с финном и замкнуть второе кольцо блокады Ленинграда. Тогда городу было бы не выстоять! В октябре немцы заняли Тихвин и 60 дней его удерживали, пока наши их не выбили оттуда. В тот период линия фронта проходила в 50 км от нашей деревни. Ночью мы видели вдали зарево от боёв, от пожаров и взрывов.

Нас посылали рыть землянки в лесах — если бы враг придвинулся ближе, пришлось бы покинуть дома и уйти в партизаны.

Любовь Ивановна:

Когда фронт приблизился, нас хотели эвакуировать за реку Пашу, но когда немец сначала занял Тихвин, а потом продвинулся ещё на 12 км, наоборот, людей с Паши эвакуировали к нам. Помню, по деревне машины шли и шли... Раненых везли, очень много их было... Стон стоял... Машины с людьми открытые, а холод, мороз...

Николай Петрович:

Через наши деревни постоянно вывозили раненых, мимо ездили военные автомобили — “ЗИСы”, “полуторки”, “студебеккеры”. На краю деревни располагался медсанбат, здесь раненым делали перевязки и везли дальше в тыл. На дороге оборудовали КПИ, все машины проверяли, — возможно, отлавливали дезертиров.

Солдаты, курсанты шли через нас — отступали на Вологду. Шли беженцы из занятых врагом деревень. Они у нас меняли одежду на еду.

Наш дом — предпоследний от края деревни, после него 7 километров чистого поля до следующего жилья. Зима лютая, морозы под -40 . Мы избу и не закрывали — все шагали сплошным потоком, заходили к нам погреться и передохнуть перед дальнейшей дорогой.

Ночевали, в том числе, и в нашем доме — голодные, холодные. Много их было, все запасы съели. Спали вповалку на полу, головами на пороге, шагнуть некуда было.

Отец ночевал в сарае — корову охранял и присматривал, чтобы сено не загорелось от случайного окурка.

В деревне стояли конные обозы — телеги, сани, — в том числе и с оружием.

Однажды соседский парнишка где-то украл гранату. Похоже, это была лимонка — зелёная, круглая. Мы вдвоём с другим мальчишкой бегали за счастливым похитителем, просили показать находку. Он сначала похвастался, а потом не захотел делиться добычей — удирал от нас, в итоге забежал к себе в дом и закрылся. Мы долго ломались в запертую дверь, потом сообразили пойти посмотреть в окно. Только зашли за угол — шархнуло, стёкла вылетели...

Взрослых дома не было, и обладатель гранаты решил разобрать свою находку. Видимо, держал её на коленях — ему разворотило всё между ног, бедра и живот. Он умер в медсанбате.

А если бы мы сумели открыть дверь и попали бы в дом? Или успели бы влезть в окно?..

Любовь Ивановна:

Об авианалётах нас предупреждали — бегали по деревне: “Тушите свет! Закрывайте окошки! Самолёты летят!” Мы завешивали окна одеялами.

Свои и вражеские самолёты мы различали по звуку: немецкие гудели натужно, неравномерно, наши — более размеренно и плавно.

Однажды на поле сел подбитый советский самолёт. Постоял, отремонтировался и улетел. При взлёте поля ему не хватило, — въехал в рожь.

В деревне лошадей не осталось, всех забрали на войну.

Мы, дети, всё время работали. Например, палками молотили лён — тяжёлая работа! Женщины работали за мужиков, дети за женщин... От голода постоянно хотели спать. Ослабели, еле ноги переставляли, но работали.

Нам выдавали один мешок зерна в месяц — это десять килограммов. В некоторых семьях сразу всё мололи и съедали, а потом голодали. То ли не могли удержаться, то ли боялись, что украдут...

Весной откапывали мёрзлую сгнившую картошку. Её очень легко чистить — кожура сама отпадает, а внутри один крахмал. Из него на противнях пекли олады. В поле удавалось найти примерно одну картофелину на два метра земли. Всё у себя перекопали — потом в другие деревни ходили копать.

Питались мякиной: толкли в ступах и пекли лепёшки. Пока был запас ягод, ели мякину, толчённую с клюквой. Ели жмыхи из отрубей. В других семьях лебеду ели; от неё пухли. Ели жареный щавель с яйцом — от него тошнило. “Дудки” (снять) сушили, резали ножом и толкли в ступах или мололи на жерновах, потом пекли лепёшки. От них мучились сильными запорами.

Одна бабка в поле работала, полола картошку, не могла утерпеть, доставала мелкие, ещё незрелые картошины, и сразу ела их — сырые, зелёные, прямо с землёй. От этого и умерла, прямо в поле.

Когда косили — всё сено отдавали государству, а для себя по кустам вдоль дорог собирали сено, выпавшее из повозок. Из соломенных крыш доставали гнилую солому — давали корове. Голодная корова на ногах не стояла — её подвешивали к потолку, пропуская под животом длинный узкий ковёр-дорожку.

Мы держали корову, потому и выжили. Надо 300 литров молока сдать государству, остальное — себе. У кого коровы не было — те тоже выживали, но было гораздо тяжелее.

Умер в деревне только один человек — в семье Чуркиных, уже в августе, когда голод был не такой сильный, ягоды появились...

Бывало, военные у нас ночевали — делились сгущёнкой, тушёнкой.

Мы всю тёплую одежду — шубы, тулупы — променяли на хлеб. Потом мама даже полотенца выменяла. Когда несли их, у неё слёзы катились из глаз, от этого мама по дороге спотыкалась, падала и роняла свою ношу.

У нас был штабель брёвен, заготовленных для постройки нового дома. В войну всё пошло на дрова.

Николай Петрович:

Неподалёку, в Кайваксе, располагался наш аэродром, и над деревнями постоянно летали самолёты. Бомбардировщики летали строем в сопровождении истребителей — на Свирь, на финнов.

Один неисправный истребитель полсотни метров не дотянул до поля, врезался в деревья в осиннике. Самолёт развалился на три части, лётчик погиб. Мы, ребяташки, потом ходили на место аварии собирать патроны и детали. Кто-то принёс домой ткань от парашюта...

С зимы 1941-го по весну 1942-го в соседнем доме располагался штаб тыловых частей, а офицеры жили у нас. В дом провели телефон, и часто звонили в штаб фронта, в Чудово. Днём офицеры совещания устраивали, а ночами вышивали, песни пели под гармошку, слушали патефон. Я сидел на печи, видел, как они пили: в стакан на треть заливали крепкий чай, на две трети — водку. Это называлось “пунш”. Один офицер объяснял другому, молодому: “Так приятнее, мягче”.

Моя мать готовила им еду — американскую тушёнку, гречу или перловку с мясом в больших железных банках. И нам, детям, немного доставалось. Вкусные консервы! Офицеры рассуждали: “Всё-таки Америка помогает”.

Офицеры регулярно менялись, каждый месяц уезжали на фронт, на их место приезжали новые.

Во вторую и третью военные зимы в нашей деревне размещался спецотряд. Бойцы на лыжах, в маскхалатах, вооружённые карабинами с оптическими прицелами — невиданное дело! Они били лосей. Потом приезжали машины и забирали туши — мясо для фронта.

Любовь Ивановна:

9 мая 1945-го мы работали на реке, сплав гнали. Вдруг всех позвали в клуб, а там сообщили, что война закончилась. Рёв стоял, крик, вой, плач — от радости и от горя...

После войны к нам в дом прислали белорусов. Нам сколько-то денег начислили от лесопункта, чтобы мы о приезжих заботились. Много малышей, крошечные, все грязные, вшивые. Мы затопили баню, наподавали пару, собрали их всех в парилку, закрыли там и снаружи подпёрли дверь. Они с привычки орут, плачут, ломаются — а не выйти. В бане вши надуваются, красные делаются, толстые... У них все вши и вывелись!

В деревне был паренёк один — не то чтобы дурачок, но немного с придурью. Эти ребята стали его дразнить, водой поливать. Он не выдержал — схватил палку и погнался за ними. Они от него врасеяшную — кто в дом вбежал и дверь захлопнул, а кто в картошку сиганул, в ботве залёг. Потом они нам рассказывали: “Мы в бульбовнике прятались!” Так смешно их речь звучала!

Николай Петрович:

После войны вместо наших лошадей, отправленных на фронт, в колхоз прислали иностранных. Были монгольские лошадки — маленькие, но выносливые. Они панически боялись леса — не привыкли, ведь в Монголии голая степь. Едут через лес — дёргают ушами, нервничают, от каждого шороха шарахаются. Если их оставить без присмотра — сбегут.

Были шведские кони — огромные, сильные. И цивилизованные! Едят только из кормушки, сами пастись не умеют.

Любовь Ивановна:

Пригнали к нам скот из Германии. Лошади все больные, в лишаях. Мы их лечили.

Мы работали все, от мала до велика. По утрам по деревне ходила женщина и будила народ на работу — стучала палкой по подоконникам и громко пела:

Вставай, дружки! Вставай, молодцы!

Вставай!

Каша сваривши, горох перепривши!

Вставай!

Каша на Паши, горох на Ояти!

Вставай!

Паша и Оять — это крупные реки на востоке области.

Мы пололи колхозные поля. Лягушек боялись до смерти! Особенно по друга Шурка: когда квакушки из грядок выскакивали, рёвом ревели, убегала! Но потом возвращалась — работать надо...

Жили весело, развлекались после работы. Был клуб, была изба-читальня, хотя в ней мы не читали, а плясали под гармошку, а мужики в домино играли. Бывало, весь день мы трудились — окучивали картошку, потом вечер и всю ночь гуляли, а поутру снова отправлялись в поля.

Мы работали, поэтому и жили неплохо. Нам завидовали, вредили. Например, однажды соседка нам картошку в погребе посолила (от этого появляется гниль). Пришлось заколотить окошка погреба, чтобы такое не повторялось. А та соседка потом как-то вывихнула челюсть. Пришлось ей с перекошенным лицом, с разинутым ртом ехать в город в больницу, там ей доктор кулаком врезал — и челюсть встала на место.

Николай Петрович:

После войны в деревнях воровства не было, в домах двери на замки не закрывали.

В 1947-м мы с другом ездили в Ленинград, сделали свои дела и всю ночь гуляли по городу. Ни хулиганства, ни бандитизма, бродили спокойно, бояться некого было.

Любовь Ивановна:

В 1951 году я ждала ребёнка. Тогда беременные до последнего дня работали, иногда рожали прямо в поле во время работы. Я бедовая была, всё делала по хозяйству. Беременная, ходила в Тихвин и обратно, — а это 60 километров! — и ничего страшного.

Дверь в нашу избу закрывалась изнутри железной накладкой. Я дома работала на втором этаже, и когда кто-то приходил, я, чтобы не спускаться по узкой крутой лестнице, дверь открывала ухватом, перегнувшись через перила. Однажды я потеряла равновесие, кувырнулась через перила и упала со второго этажа. Сильно ударилась об лестницу животом, потом головой об стену... До сих пор не понимаю, как это прошло без последствий для меня и для дочери?

Ещё, беременная, шла провожать Колю в армию. На косогоре поскользнулась, упала на спину и съехала по грязи с очень длинной и крутой горы.

Очевидцы говорили между собой: “До низа доедет и родит!” Ничего, тоже обошлось.

Рожала я дома, без врачей. Пришла после молотьбы, ночь промучилась и родила дочь. Кровь останавливали — холод прикладывали, внутренности мне застудили. Бабка же сама рожала, что ж она, не знала, как правильно кровь останавливать? Когда поняли, что случилось — хотели меня везти в город в больницу, да поняли, что не доеду, умру по дороге. Оставили дома. Ничего, выжила, как кошка! Только с тех пор печень застужена осталась.

Мой брат Пеша здоровунный был! Кровь с молоком! Подковы гнул! Мать доила корову, приносила парное молоко, наливала ему кувшин, Пеша садился на крыльцо, кувшин выпивал и цельную сахарную голову съедал.

Племянник Коля, сын Пешы, после войны служивший в Германии, рассказал историю: его сослуживец однажды заметил яблоно на чьём-то участке. Забор невысокий — он и залез яблок набрать... Его немцы схватили, живот разрезали и яблоками набили — “чтобы наелся!” Одно слово — фашисты.

Как-то раз я прихожу с работы, а у нас телёнка увели в колхоз. Свекровь рассказала, что к ней пришли, она не пускала, а они без спроса открыли стойло, взяли телёнка за хвост и за ухо и увели. Свекровь пошла в сельсовет жаловаться: “У меня один сын на войне погиб, другой в армии служит — верните телёнка!” А телёнка уже зарезали... В итоге она вытребовала деньги.

Был у нас один конь дурной, всегда идёт шагом, и никак не заставить его бежать. Хоть понукай его, хоть хлещи — всё бесполезно, идёт шагом и ни на что не реагирует. А вот с горы бежит галопом, и тут уже наоборот — никак его не остановить, ни “тпру”, ни хлыст не действуют. Больше всего я боялась свалиться с телеги — конь, разогнавшись под гору, не заметит, что я упала, и дальше побежит.

Была кобыла Майка. Она на всём скаку останавливается перед ямой — и седок летит через голову. Кстати, почему-то это всегда проходит без серьёзных последствий для людей.

Жеребец один был как дикий! Когда бесился — убегал, носился по деревне, а весь народ прятался по домам: “Опять жеребец Трошковых буянит!” Брат Пеша — сильный очень, смелый — однажды поймал его, намотал вожжи на руку; жеребец таскал его по всей деревне, топтал... всего затрепал, тот еле жив остался. А соседа Трошку на дороге насмерть затоптал. После этого от жеребца избавились.

Однажды конь пасся, и с травой проглотил змею. Словно взбесился! Бежал по деревне, как сумасшедший, все от него шарахались. Мужики с трудом поймали коня, повалили на землю, связали. Влили ему в рот сыворотки с табаком. Змея вышла.

А корова у нас была редкостная! Гнали слав, брёвна шли по реке, а река шириной 5–7 метров. Корова паслась, увидела красивый зелёный луг на другом берегу — и переплыла. Как?! Никто не знает. Плыла, уворачиваясь от брёвен? Или шла по дну пешком под ними? Обратное её с трудом перевезли на плоту. Бедовая была, буйная! Других коров бодала! Хозяева боялись вместе с ней своих бурёнок отпускать. Но когда начал нападать медведь — она других коров защищала, бросалась на медведя! Однажды он всё-таки ранил её, сломал позвоночник в трёх местах. Со сломанным позвоночником корова стоять не могла, ползала. Когда ей надо было по нужде — я сама её из стойла на улицу волокла, и обратно. Потом её выходили, вылечили!

Бык был дурной, всех бодал. Однажды меня на скотном дворе чуть до смерти не забодал! Я подпрыгнула, поймалась руками за балки под потолком и висела ногами вниз — он все ноги мне перебодал, до сих пор шрамы остались. Рядом маленькая Галя, доченька, сидела в санках за ящиками. Чудо, что сидела тихо, не выходила, а то бык её убил бы! Народу набежало — с вилами, с кольями, — могли бы быка отогнать, но все стояли в стороне, смотрели да охали. Я не выдержала, соскочила и побежала. Бык за мной! Я за стену юркнула и спряталась в шкаф. Бык не нашёл меня, выбежал со

скотного двора и направился в поля. Только через несколько дней его поймали и привели на место.

После войны у нас в окрестных лесах несметно хищного зверя развелось. В феврале-марте волки во дворы забирались, овец убивали, но не съедали, а только кровь выпивали. Такие лютые! Как-то раз парень провожал девушку в другую деревню. Неподальку возникла стая волков. Парень посадил девушку на огромный стог сена, а сам побежал за помощью, за лошадью. Вернулся — девушка съедена, волки её со стога стащили...

По соседству, в Каськово, на скотном дворе женщина допоздна задержалась, все уже ушли, одна осталась. Темно, ходит с керосиновым фонарём в руке. Слышит — за спиной кто-то шлёпает. Думает — мужики остались, кричит “кто тут?”, но не оборачивается. Вдруг сзади её кто-то обнял... Разозлилась она от такой наглости, фонарём назад отмахнулась... раздался рёв... обернулась — а это медведь! Голова его облита горящим керосином; катается по полу, ревёт, сучит лапами. Женщина выскочила на улицу, мужикам встречным про медведя сказала, а сама дальше бежит. Домой заскочила, только дверь открыла — и на пороге свалилась. Потом несколько дней говорить не могла — речь отнялась. А мужики медведя не нашли — ушёл в лес.

На Воздвижение — в сентябре — звери гуляют. Я на лесной поляне встретила 12 лосей — прямо так и вышли на меня! Но я стояла тихо, они меня не заметили, прошли мимо. А лесник в тот же день видел на речке 12 медведей; от них под мостом спрятался. Когда вернулся домой, жена спросила: “Что это у тебя на голове? Пепел?” А он посмотрел в зеркало — совсем седой стал!

ИЛЬЯ ЛУДАНОВ

ЗВЕРИНОЙ ТРОПОЙ

РАССКАЗ

Выше густого ивняка, над водой, нарезал круги потревоженный ястреб. Птичий крик звучал резко, отрывисто. Человек сдёрнул с плеча ружьё, на ощупь достал патроны. Зарядил и, глухо хрустя болотными травами, двинулся к широко разлитой от половодья бобровой запруде.

Неделя, как сошёл лед. Полевые птицы ещё не начали распев, но было совсем тепло. Он щурился на солнце, сверкавшее отовсюду.

Вскинул двустволку на всплески в камышах. Легко посвистывая, не страшась выстрела, перед ним набирала высоту пара крякв. Червлённая мушка села под блестящего перламутровой головой селезня, провела за ним черту по белесому небу и сникла. Он совсем не умел разбивать пары, стрелял одиночек. Утки дали круг горячей апрельской любви у него над головой, ушли по речке, буйной стремниной убегавшей от озера по лощине. Ещё недельку-другую полетают, потом она найдёт себе скрытное местечко в дёбрах или затопленных камышах и сделает гнездо, думал он, закинув ружьё за спину.

С тихим наслаждением от весны после слабой на морозы, чавкающей зимы он обошёл причёсанный половодьем берег. У статной, разлапистой ели присел отдохнуть. Трава едва наметилась. Земля холодила.

Не хотелось сюда приходить. Но каждую весну, в редкую неделю вольной охоты он сидел у столба и, не оборачиваясь, видел, как обрывками проводов покачивал на ветру чёрный смолённый столб; крытые летом крапивой и лопухами, чернели остатки горелого прошлогодним палом частокола. Из дубовой, огнём не взятой опоры враслопырку торчали рыжие гвозди.

ЛУДАНОВ Илья родился в 1985 году в посёлке Дубовка Узловского района Тульской области. Окончил НИ РХТУ им. Д. И. Менделеева и Литинститут им. Горького. Автор книг “Ясный день” (2009) и “Секрет небосвода” (2015). Живёт в Москве.

На обожжённой воротине закрывашкой — проволочное кольцо. С робостью вспомнил, как поднимал это кольцо. Ломая сухой крапивный частокол, вошёл на бывший двор. Навалом обломки печи, битый шифер. В заросшем саду — кусты одичалой смородины. На кустах чёрные, как её глаза, блестящие ягоды. В тени яблонь в жару всегда было свежо. И вместо сухого бурьяна тогда дальше перед ним вставали размашистые и длинные, до верхней дороги, грядки картошки, где среди высоких плетней белело пятно её футболки.

Ему пятнадцать. Парит жаркий июль, они только приехали. Бабушка, тяжело двигаясь, кормит птицу. Больше живности держать не по силам. Мама, в цветастом летнем халате, с порожков звонко кличет Митю с крыльца — съездить за молоком:

— В Болотовку нужно. Это за ямами, где коровники. В конце лощины, у пруда, красный дом.

У Бураковых был большой кирпичный дом (дед их ещё в войну на всю деревню кирпич делал из местной глины, что у речки брали) с рыже-оранжевой железной крышей и выцветшей коричневатой террасой. От того дом звали красным. В их Заовражье скотины не осталось (по осени соседи через два дома зарезали последнюю корову), и приходилось ездить в Болотовку.

Из сарая, где столарничал дед, Митя вывел синий, с проржавлинами, велосипед: подкачал колеса, попробовал натянутость цепи. В сарае дед в пыльной от опилок куртке работал на верстаке, показывал сорта древесины: “Головой-та работать сам наостришься, а руками — у меня учися, пока я живой ишо”. Теперь в сарае только старый верстак и опилочная пыль. Будто дед с силой вытряс куртку и ушёл.

В просторном поле, на душистой от трав дороге, ветер играл с волосами. Митя вслушивался, как шуршат по просёлочной дороге шины, проверял, держится ли сумка с банкой на багажнике.

Бураковы встретили приветливо. Дед на лавке щурился на Митю с папиросой в зубах, бабка в фартуке выглядывала с терраски. Спрашивали, как деды, как родители. Налили до краёв молока, поменяли крышки. Во двор высыпала гурьба ребят. Знакомились весело, с ребяческой пружинистой силой узнавали, кто такой, откуда, приглашали на футбол. Митя робко улыбался, испуганно жал руки, а из головы не выходила белизна футболки, вынырнувшая из густой зелени. Он гнал вдоль огородов, когда мелькнуло справа белое пятно, в память впечатались угольного цвета курчавые волосы, схваченные в упругий пучок, и такие же угольные глаза, блеснувшие при повороте головы.

На другое утро, после быстрого завтрака, сославшись на рыбалку и спрятав у речки удочку, Митя сидел в непролазных зарослях ивняка через заливной луг от её дома. Для секретности шёл не по деревне, а ручьем. Сразу по пояс вымок и запыхался, радостно холода сильной росой ноги и потя на ранней жаре. Теперь на берегу речки прислушивался к горластым бронзовым петухам и рябым беспокойным индюшкам с выводками. В буйной траве, через дорогу от дворов, сиротливо мычали телята. Толстошейей гусак, усевшись на зеркало близкого залива, лениво шевелил в воде красными лапами, с подозрением косился на Митю. Он приложил палец к губам и подмигнул важной птице.

Просидел часа два, пока не увидел её в саду: сонно потягиваясь, она говорила что-то ребятам. Горячее солнечного жар в груди, топот бьёт в уши, сдавливает дыхание. Не выдержал, вылез по кустам на другой берег, ругаясь на затекшие ноги. Полями вернулся домой и долго скрывался от мамы, которая, как его увидела, тут же спросила, что же это такое с ним случилось.

Митя сам не знал, зачем всё утро просидел в кустах у её дома. Но в футбол — тем же вечером, в Болотовке — на выкошенном между дворами куске луга — бился, как зверь. По дороге к пруду, за лесом, куда рванули на завтра купаться всей оравой (и она где-то сзади, на красном велосипеде, с блестящим на солнце рулём), на педали жал так, что потом дрожали и болели ноги, а сидевший на раме Витька, моложе Мити года на четыре, жмурился что было мочи со страху. По вечерам с шутками и анекдотами резались

в карты у огня, цедили по глотку добытый у старухи соседки (по пятналику за чекушку) марганцовкой чищенный пшеничный самогон. Митя, налитый необъяснимой силой, притаскивал из лощинки громадные сухие бревна вётел, ставил шалашиком, разводил жуткой высоты костры, так что, верно, и звёздам в холодной пустоте становилось теплее.

...Где-то здесь была терраска. Сапогом отвалил обгорелые доски сарая. Тут же где-то? Найти не смог: от дома остались одни красноватые развалины русской печи. От бревенчатой террасы, настланной толстыми, по-хозяйски, досками, с высоким крепким крыльцом, в зелёный крашенным, ничего не осталось. Сломанная пожаром печь по сторонам зарастёт бурьяном, и никогда случайный прохожий не представит, как могло здесь в довольстве шуметь привычное к труду хозяйство. Вспомнилась песня, которую она вдруг запела в один из последних вечеров. Пела неумело, тихо. Ему нравилось. Сидели здесь, на терраске, свесив наружу ноги. Она лирично прислонила голову к косяку. Семьи разъезжались, оставляли стариков на зимовку. Он не знал, что сказать. Тогда она тихо, глядя на лунный сад, запела, и он не знал, как уйти от неё, и не знал, как сделать, чтобы песня не кончалась.

Песню вспомнил и никак не мог вспомнить её лицо. Тогда зло дёрнул за проволочное кольцо, отворил невидимую воротину и вышел на чавкающий всеёлым половодьем дуг. Здесь будто так и замер гусиный гогот у воды, шорох кур в крапиве у забора, высокий клёкот хищника, клещ вспугнутой индюшки.

Остаться вместе им случилось лишь через неделю со дня его появления в Болотовке. После костра (в игре языков пламени её лицо, смотрит мимо куда-то, молчит), печёной картошки с утянутой из бабкиного подвала склянкой, ночью, тихой тропой Митя провожал её к дому.

— В Москву поступать буду, — говорила она. — Ещё два года, и всё.

— А куда? — Митя говорил мало, выравнивал в дрожи голос.

— Не знаю пока. Может, на экономический. А все говорят — на юридический надо. Дядя — декан у меня там.

Потом они подолгу стояли у ворот, молчали, и он почему-то страшился её больше не увидеть.

Другим вечером притащил тяжёлый отцовский бинокль и, усевшись на плетень, они долго разглядывали испещрённое пятнами лунодо луны. Ночи стали в тепле, ветер стих, и казалось, на луне что-то должно вот сейчас зашевелиться и поползти по щербатым кратерам. И вдруг её рука тронула его. Они просидели вместе ночь, а под утро, когда за далёким лесом разгорались зарницы, и, казалось, даже птицы замерли в садах, он с трепетом коснулся её лица. Провёл рукой по курчавым, жёстким волосам. Она не отстранялась, смотрела блестящими лунными глазами, и ждала его.

Вариант окончания первый

Продрался заросшим садом, вышел к разбитым коровникам. Скелет колхоза плохо шёл солнечной весне. Его остов, след чужой эпохи, летом утопал в крапиве и борщевике. Не так давно в этих местах ещё оставались люди, коровники разбирали на кирпич; после бросили. Когда деревня умерла, первые годы приезжие грибники ещё набивали тропы по старым колеям.

Теперь здесь ходят дорогой зверя. Короткий путь в бурьяне пробилла шустрая лисица, брод через полную весной речку отыскали кабаны. В излучине, под бутром, где старик Бураков брал глину на кирпич, у них грязевые ванны. Широкоголовые лоси за зиму ободрали яблони в садах, стволы длинными полосами исчерчены их острыми резцами.

Пробираешься натоштанной копытами тропой через остатки дворов, заборов, мимо устало скособоченных столбов электропередачи, тонешь в бесконечных, подтопленных апрелем лугах и болотах, врстаешь в природу, как привитый отросток прирастает к дереву, и некого бояться, кроме человека. Вдыхаешь лесную сырость, ветер широких полей, и так хочется брести и брести по зарослям, скрываясь в траве, шумно, зверем, засопеть, одичало улавливать тонкие запахи, прислушиваться к неслышному шороху мыши, чесаться о молодые дубы густой к холодам шерстью. Изредка поднимешь мох-

натую голову на медленный гул, помотришь медовым глазом, как чертит белую полосу в синеве неживая птица. И скроешься, рыскающая, в кущах.

Вариант окончания второй

Когда он вернулся, Варезка, в расстёгнутой от припекающего солнца курточке, кричала во все горло, вытянув вверх озябшие кулачки:

— Папа, папа! У меня зуб вырвался!

Он торопливо скинул сапоги, куртку, убрал в машину ружьё. Вытащил Сашку из-за руля, где тот жужжал вместо двигателя на весь двор. Катя махала из палисадника, где дымил на костре обед. Она была хороша в этом свитере с высоким горлом.

— Мы уже и в доме убрались, и всё приготовили, — она поцеловала его и посмотрела с любовной претензией. — Что бы ты без нас делал?!

Попробовал из котелка, смачно, чтобы Катя видела, с удовольствием причмокнул. Оглядел двор, убедился, что всё в порядке. Взял на руки Варезку, которая тут же принялась наводить порядок в его темно-русой густой шевелюре. Сел с ней на лавку, откуда открывался вид на речку. Варезка стала считать пальцы и кричать что-то бабушке, которая вышла из дома. Катя рассказывала маме, что на работе всё в порядке, хотя времени совсем нет, что скоро выборы и лицами заклеен весь город, что пробки жуткие, по два часа коптишь на жаре или дрогошь на холоде, что продукты и услуги дорожают, а зарплата как-то так хитро растёт, что не увеличивается.

Он посмотрел на них, потом дальше, где изгородью шелестел на ветру седой сухостой, шумел тальми водами ручей и во весь горизонт темнел лес за полем. От ручья прорезал слух одинокий зов ястреба. Он высоко над головой поднял Варезку, потерял игриво.

— Ничего, ничего бы я без вас не делал! Не делал бы совсем ничего!

Чмокнул её в пухлую щёчку и потащил к столу, где мама раздавала приборы, и Катя, усадив ерзающего на месте Сашку, разливала по тарелкам горячий, вкусно пахнущий суп.

СЕРГЕЙ НЕПША

ЧЕТВЁРТАЯ РЕСПУБЛИКА

РАССКАЗ

Дед Матвей когда-то очень гордился своим местом жительства. Ну, скажите, где ещё можно встретить подворье с домом, сараем, баней, дровяником и огородом, находящееся на территориях аж трех государств сразу — России, Украины и Беларуси! Что ни говори, а уникальное это место. Лет двадцать назад, в ту пору, когда ещё была одна большая страна, про такое дело и разговору не было. Ну, жил себе поживал тогда ещё колхозный бригадир-передовик Матвей Егорыч Безродный на стыке трёх республик, и ладно, всё ведь везде было одинаково: цены, деньги, язык, песни, горе и радость, всё на всех делилось. Плохое называли плохим, а хорошее — хорошим. Всё было ясно и понятно. Тогда мало кого интересовало, что дом фронтовика-орденоносца стоит на границе братских республик. Пускай стоит, жалко, что ли. Надо же где-то дому стоять. А тут — на тебе, самостоятельность объявили...

Кум деда Матвея, дед Володя, что через дорогу живёт, оказался в России. В магазин ходить боится. Он в войну разведчиком служил, и потому сначала разведку боем проводит. Станет так в сотне шагов, вроде как на солнышке греется, а сам наблюдение ведёт, ждёт, пока из магазина выйдет кто-то знакомый. Тогда будто из праздного любопытства спрашивает, мол, как тебе погода? А как твоя поясница? А цибуля уродила? А свинья опоросилась? Это у него, значит, отвлекающий маневр такой. А потом так неожиданно и спросит: как там цены в магазине, со вчерашнего дня те же или неуклонно рванули вверх? Если те же, Владимир Владимирович курс берёт на магазин. Бодренко, короткими перебежками, словно прячась от шальной пули, устремляется к прилавку, а то вдруг, пока будет колдыбать, цена возъ-

---

НЕПША Сергей окончил БГУ, работал участковым и инспектором по делам несовершеннолетних. Писатель, сотрудник пресс-службы УМВД России по Брянской области, майор МВД, автор сценария к нескольким телесериалам.

мёт да и обгонит его, такое уже было не раз. А вот если, к примеру, скажут деду, что подорожали со вчерашнего дня и сахар, и мясо, и масло, и курево, и, главное, водка — тогда шабаш! Уходит домой грустный, будто бюджет всей страны через дыру в своём кармане по дороге посеял. Посеял, а оно не взошло... И тогда принимает кум деда Матвея круговую оборону и ни с кем не разговаривает дня три, а то и все пять. В знак протеста, значит, акцию проводит. Бойкот всему белому свету объявляет. Сидит за занавешенными окнами, газетку пожелтевшую перечитывает в двадцать восьмой раз. “Таска...” А когда уже добьёт все продукты, когда все чутунки да плашки дном засверкают, и кроме картошки да все той же цибули в хате — шаром покати, выбрасывает дед Володя белый флаг и сдаётся без боя. Выбирается угрюмым медведем из берлоги и, как-то стыдась, кряхтя, обречённо снова шаркает к магазину. Снова занимает место у наблюдательного пункта.

Двоюродный брат деда Матвея — дед Витя — тот с большим семейством в соседнем переулке проживает, на окраине села. Жил себе, горя не знал человек, а тут на-ка тебе — вместо окраины на Украине очутился. Так и говорит: “Заснул в одной стране, а просыпаюсь, выхожу покурить — мне гурютя: ты тепереца, Витюха, хохол...” — и поправляют, мол, не на Украине живёшь, а в Украине, внутри неё, а не на крыше, привыкай, дурило. Ну, у деда Вити лицо сразу — как печёное яблоко. Делать нечего, жить-то надо. Паспорт справил себе с жёлто-блакитным прапором. Прикинь, прожил восемьдесят годов, точнее теперь сказать, рокив, с фамилией Воробьёв, а тут вдруг Горобцов к старости сподобился. Фамилию долго выговорить не мог, зубов-то — как в старом штaketнике, через один, да и те гнилые. Все матюкался, когда просили фамилию назвать. Привык, такая натура человеческая. Зато, правда, жизнь ярче стала. Сигает по своей Украине Витюха, а из старого потрепаншегося кирзового сапога кусок оранжевой портянки торчит — красота, цивилизация! За километр сверкает, что ты!

Соседка баба Юля косу свою заплетает, сидя на скамейке, и охает от восторга. Век таких не видала! Крепко ей портянки понравились. Но на этом весь цвет жизни и померк. Газа нет. Лес через овраг в соседней России — попробуй, сходи, враз пограничники оприходуют. Хотел по дешёвке купить газовый баллон у Володи. Пару раз ночью контрабанду удалось перевезти на старой тележке, а на третьей попытке колесо в транспорте отвалилось. Так на месте международного хищения энергоносителей этот отъявленный преступный картель и накрыли. Судить не стали, сославшись на малую стоимость контрабанды. И взятку содрать не с кого. Если содрать, так только если собственно шкуру стариков, а кому она нужна, молью поточенная? Учили также и личности задержанных, ведь деды-то боевые — ветераны войны и труда. Оштрафовали не на шутку и отпустили.

Дед Витяй после этого хитрей стал. Свой баллон накачивал втихаря ночью с газового компрессора, что с российской стороны гнал газ в Украину. Придумал Витяй какой-то переходник особый, баллон через него подключал к магистрали и тырил газ себе преспокойненько. Крепко на него вся Россия в лице Владимира Владимировича обиделась... Перестали разговаривать.

Однополчанин Матвея, дед Лука, у которого хата рядышком за оврагом, — теперь подданный Республики Беларусь. И хоть с войны он пришёл с пустой штаниной на костылях, однако не скис тогда, и сейчас не унывает. На костылях чешет важно по Беларуси, бойко так, ать-два, ать-два, левой, левой. Правой ноги ведь нет, потому всё одной левой. Он так и объяснял мужикам, почему частенько налево в своё время хаживал... Идёт, поверх глядит, лицо орлом, грудь барабаном, в общем, разлюли тебя в мазут! По Беларуси дороги хорошие вымостили, хоть боком катись. Станет, бывало Лука и посмеивается, глядя на Володю, который в России через дужки сигает-спотыкается, а потом как шлёпнется смачно! Но недолго лыбиться Луке пришлось. До этого он и вся сторона села, что за оврагом, хорошо подживались тем, что молочко да сметанку продавали. Ещё бы! На их земельке, то бишь в Беларуси, луга хорошие, люди они старательные. Потому и наdoi у коровок — будь здоров! Всё бы ничего, да ветеринар, сосед деда Володи по фамилии Дрищенко, запрет издал. Говорит, в молоке, что из-за оврага, какой-то

неведомый злыдень-микроб окопался. И потому никак не можно его у Луки и у других, кто за оврагом проживает, покупать. Понятное дело, Лука не стерпел и крепким словом приложил всю соседскую сторону села, да так приложил, что своё парное молоко скисло.

В общем, жили дружно столько лет все — дед Витя, дед Володя и дед Лука. Врага в войну вместе сломали. Село вместе подняли, детей, внуков в люди вывели, а тут, когда у деда Вити на голове ни одного тёмного волоска не осталось, а у Луки и Володи лысина уже солнечных зайчиков не отражает, — разругались. Ну, им-то ладно, кое-как в своих государствах горе мыкают, а вот деду Матвею житья совсем не стало, ему хлеще всех судьбина обломилась. Сами посудите: дом его в России. А если в баню надумал — получай визу, иначе нарушение: она ж, баня, в Беларуси обретается. Надо экологической контроль пройти, справку о здоровье получить, опять же декларацию о доходах справить. Дешевле немьгтым ходить. “Прощай, немьгтая Россия!” — так и восклицает, тяжело вздыхая, Матвей, когда ему в министерстве странных дел разрешение дают в баню сходить. Ну, это ещё что! А если, к примеру, в туалет припёрло, тут, брат, волком завоешь. Это ж намного чаще надо, чем в баню! А заведение это в самый аккурат в двух шагах от государственной границы стоит, по ту её сторону, на территории самостоятельной Украины. И потому пока ты заполнишь все документы да декларации... по нужде тебе уже как-то и не надо... Была нужда, и нет её! Документы таможенные как раз вместо туалетной бумаги свою прямую функцию выполняют, не пропадать же им, за них же плачено, и немало плачено.

Поздравили деда с облегчением, когда загранпаспорт он получил. Ну, опять же — и с ним не находишься туда-сюда... не по карману. А заранее запланировать визит в туалет, в смысле, в соседнее государство, оно, конечно, можно, да только доже хлопотно — есть большой процент погрешности ошибиться в надеждах. Конечно, пробовал Матвей через границы нарушителем пробираться. Осмотрите по сторонам, вроде никого, ну и — шасть себе за кордон! Раз получится, а десять — нет. Скрутят деда пограничники, отчитаются о задержании особо опасного лазутчика и вытолкают в шею за рубеж страны, в смысле, за огородную межу...

Сколько б так продолжалось, неизвестно. А тут такое произошло! Двое наркоторговцев в городе что-то не поделили со своим посредником. Обмен денег на наркоту не состоялся. Порешили наркодилеры своего подельника. С места происшествия с товаром и чемоданом долларов скрылись. Труп посредника был обнаружен на окраине областного центра, как раз на участке полицейного (так себя стал называть участковый после реформы и переименования милиции в полицию) капитана Василия Селёдки. Вот тут-то всё и закрутилось...

Сыщики быстро вышли на след убийц. А те, видать, сообразили, где бы им лучше перекантоваться. Приехали поздно вечером, и... куда бы вы думали? Именно на подворье деда Матвея. Жилище его непонятно, какой державе принадлежит. А значит, тут надёжнее всего, так посчитали преступники. Оно и понятно: пока российская полиция разрешения от Украины да Беларуси получит, так о-го-го сколько времени пройдёт! Какая уж тут оперативность! Что ни говори, а на руку преступникам такие порядки, потому без страха они в хату к деду Матвею и вломилась...

Хозяина связали, кляп в рот — и в погреб сарая бросили. Наркоту и деньги американские спрятали в печке, в бане. Рассудили, что там надёжнее всего будет. Опять же, сажа да зола — сумей отыскать. А сами бандюги в хате на ночлег устроились.

Опера без дела не сидели. Созвонились с коллегами Украины и Беларуси. Те по близлежащим посёлкам прочесали — нет результата. Только и осталась с трёх сторон один не проверенный дом деда Матвея. Тут все три милиции и встретились. Как говорится, *место встречи изменить нельзя...*

— Там они, сердцем чую, — говорил участковый Василий Селёдка, откомандированный на поиск преступников.

— Можка, и там... Праверьщ як? Я, напрыклад, магу у баню зайсци, яна наша, а далей — ни-ни... — рассудительно делился планами своих действий белорусский страж порядка Остап Крыница.

— А я, хлопци, тильки хлив прошунаю, а шо робыты потим, не розумію... — тяжело вздыхал украинский коллега Богдан Буряк.

Селёдка растерянно качал головой.

— Дожились, блин! Располосовали всё границами, отмежевались друг от друга. Вред один! — вдруг Селёдка встрепенулся и с огоньком в глазах решительно хлопнул себя по колену. — Принимаю ответственность на себя! Если что, мужики, на меня валите! Не до границ нынче...

...И вот тут, мой читатель, случилось то, что всегда случается с братскими славянскими народами. Вот когда всё более-менее тихо и нет лиха, все мы недовольны чем-то, всё то солено, то пресно, а как беда, как жареный петух в одно место клонет, тогда для нас писанные законы побоку, и живём законом неписанным, то есть по совести поступаем.

— И то правда! — одновременно выпалили Крыница и Буряк. Втроём они проверили баню. Пусто. Тихо зашли в сарай. В погребе нашли связанного деда Матвея. Освободили. Он и указал, где лиходеи. Трío участковых нарушили уже третью границу и незаметно пробрались в дом. Там-то тёплыми они и повязали преступников.

К утру уставшие Селёдка, Крыница и Буряк в присутствии международной комиссии силовиков, специально прибывшей к дому деда Матвея, передали арестованных конвоирам. Генералы из трёх государств долго почёсывали затылки, обдумывая, какое решение принять, дабы подобных коллизий не повторялось. Без нарушения границ убийц бы не задержали, а значит, людям опасность грозила бы. Решили так: подворье деда Матвея площадью в десять соток считать международной нейтральной территорией (как нейтральные воды). Разрешили на неё входить всем, кто официально проживает рядом. Молоком торговать разрешили в масштабах деревни, газ баллонный покупать в объёмах баллон на семью в месяц. Как ни крути, четвёртая республика образовалась!

По такому поводу развернулось гулянье, какого уже годов тридцать не было! Враждовавшие дед Володя, дед Витя и дед Лука помирились! Обнялись! Что было в доме, на общий стол принесли. А стол этот на всю территорию четвёртой республики накрыли! Всем места хватило! Праздник! Дед Матвей от счастья помолодел на глазах. Баню истопил. Участковых позвал. Они, как-никак, главные гости! Мужики гургом все и пошли париться.

Сидят на полатах, откисают. Веники в пару млеют. Красота! Баня большая, все вместились. Греются, разговоры разговаривают. На душе светло у каждого. Давно так не было. Духа наподали. Да что-то пар по мозгам шибко ударил. Непонятно.

— Матвей, а с чего это в бане углы поплыли, и полати с крышей приподнялись. Да и брёвна фиолетовыми стали... — пожаловался дед Лука.

Дед Володя нахмурился.

— Не фиолетовые, а розовые! И зачем ты, Матвей, их в розовый цвет переокрасил? А пар ничего, расслабляет. Что значит, на родину вернулись. Дух отечества так сладок и приятен.

Участковые с опаской посмотрели на стариков. В этот момент дед Витя ни с того ни с сего вдруг как зареочет без удержу. Тут-то Селёдка и сообразил, что к чему. Кинулся капитан к печке, открыл дверцу, а там скукоженные от огня доллары. Воздухом пахло на них, те и рассыпались пеплом.

— Всё ясно! Всем из бани срочно эвакуироваться! — скомандовал Васильиш.

Когда уселись за чаркой, Селёдка рассказал, отчего это в бане брёвна фиолетовыми и розовыми стали. Бандиты ведь не назвали место, куда наркоту и доллары спрятали. А дед Матвей печку в бане и растопил... Вишь, какой дух тяжёлый от этой нечисти. Хорошо, что спалили эту пакость.

Праздник продолжился. Гармонь заиграла. Песни, танцы начались. Всё, как раньше, стало ясно и понятно: хорошее стало хорошим, а плохое — плохим. Воссоединились Украина, Россия и Беларусь, пусть даже и на десяти сотках подворья старого Матвея... А может, это репетиция для большого праздника? И четвёртая республика станет одной общей. Правда, пока у неё нет названия. Может, вы подскажете?..

ГЕОРГИЙ ФОМИН

ИЛЛЮЗИЯ ПОЛЕЗНОСТИ

РАССКАЗ

Я плакал. Я плакал от того, что устал. Устал не от чего-то конкретно, а просто устал. Кончались силы. Плакал от того, что было больно.

Я открыл окно, сел на подоконник, смотрю вдаль, и слёзы текут из моих глаз. Я думал только о том, как устал. Затем начал думать, почему мне так не везёт и из-за чего у меня кончаются силы. Это был самый тяжёлый день в моей жизни. Для кого-то этот день был бы обыкновенным или лёгким. В моей жизни это не так. Я вымотался. Я весь исеяк. Не хочу вспоминать, что было. Но все началось не сегодня. И не вчера. Всё началось в разные дни. Всё сплелось в одно и взорвалось в один день.

Ночь. Этот день уже закончился, но он продолжается. Он будет длиться вечно, пока время не вылечит. “Вечно” слишком страшное слово, как слово “всегда”. Хемингуэй не обманул. Зачем я прочитал так много книг? Они тоже виноваты во всём. Все книги виноваты во всём. Из-за них тоже я сижу на подоконнике, свесив ноги на улицу, и смотрю то вдаль, то вниз. Внизу одиннадцать этажей, внизу была жизнь, внизу этот день. Этот день и в комнате за моей спиной. Я его вижу перед собой. Перед собой я вижу соседний дом. Там все спят. Меня никто не видит. Не видит и она. Она тоже виновата. Из-за неё тоже я плачу. Скорее всего, она тоже не спит.

Зачем она устроилась работать в моё любимое кафе? Зачем она прочитала так много книг?

Я люблю читать. Любил читать. Да, именно любил. В прошедшем времени. Больше не стану читать книги. Буду, как все. Я читал везде. И в кафе.

Темнота ночи заполонила собой комнату и вытеснила темноту квартиры. Моя квартира — это одна комната, кухня, ванная, туалет, коридор, темнуш-

---

ФОМИН Георгий родился в 1991 году в г. Улан-Удэ. После окончания в 2013 году иркутского филиала РГУФКСМиТ поступил в ВСГАКИ на заочное отделение.

ка. Может быть, у темнушки есть другое название, но я его не знаю. Что толку от прочитанных книг, если ты не знаешь другого названия темнушки?

Она принесла мне чай и спросила, что я читаю.

Книжки и герои книг научили или приучили меня жить по своим правилам. Поэтому я не пошёл работать в офис после университета, а открыл своё дело. Начал заниматься тем, что мне нравится. Ведь, как говорится, “найди работу по душе, и ты не проработаешь и дня”. Я получал удовольствие от своего дела, но денег это не приносило. Мне было плевать. Моим знакомым, а точнее, людям, которые считали себя моими друзьями, это было непонятно.

Звёзд на небе не видно. Город слишком яркий, чтобы можно было увидеть звёзды. Когда я в детстве летом приезжал в деревню, то специально просыпался в три часа ночи, чтобы увидеть Млечный путь. С тех пор я его ни разу не видел. А многие за всю жизнь его не видели. Хотя, скорее всего, я ошибаюсь. Как и всегда.

В соседнем доме загорелось одно окно. Кажется, пятый этаж. Видимо, кто-то решил поесть или попить. Странно, что во всём доме люди выключили свет в своих квартирах. За этим домом стоит ещё один такой же, а за ним — ещё один. А за ним — город, из которого я уеду через неделю. Уеду навсегда. “Навсегда” тоже страшное слово. Никогда не говори “навсегда”.

В 15 лет я впервые побывал в городе М. и влюбился в него. Спустя 10 лет я буду жить в городе М.. После школы я переехал из родного города. После университета я уезжаю из города, где моё любимое дело и она.

Она первая заговорила со мной. Я ответил, что читаю “Капитанскую дочку”, и показал обложку книги. Она спросила, не читал ли я её школе. Все читали её в школе. Я перечитываю. Она сказала: “Береги честь смолоду”, — и ушла. Я не стал пить чай и тоже ушёл.

Свет в окошке на пятом этаже погас. Я посмотрел на небо. Там нет звёзд. Я обернулся и посмотрел в комнату. Там тоже нет звёзд.

Два года назад я окончил университет, а год назад мой друг переехал в город М. Два месяца назад он предложил мне переехать в город М. к нему. Он знает, как я люблю этот город. Он хорошо устроился, поэтому сможет помочь и мне. Мне нужна его помощь.

Вчера я дочитал “Двойника” Достоевского. Сегодня ничего не читал. И больше не буду. Буду, как все. Я очень устал.

Моё дело — это организация и проведение различных мероприятий. Неважно каких. Можем провести день рождения, можем — научно-практическую конференцию. Этому меня научили в университете. Я работаю не один. Но дело моё. А заказов мало. Сегодня проводили открытие кинотеатра. Город маленький, событие большое. Нас пригласили организовать благодаря человеческому фактору. Директор кинотеатра учился со мной в университете, только на три курса старше. Мы познакомились на какой-то конференции. Зачем я писал статьи на конференции?

Со вчерашнего дня, а особенно весь сегодняшний вечер после мероприятия мне кажется, что мой друг — это мой двойник. “Весело мне жить мешает Достоевский в голове”. Какая интересная фраза. Её мне сказала она.

На следующий день я опять пришёл в кафе и думать не думал про неё. Опять была её смена. “Как долго вы её читаете?” — спросила она. Что же я тогда ответил? Что-то умное. Точно. Я сказал, что уважаю писателей, а прочитать его роман, над которым он трудился какое-то время, за один день — это неуважение, как мне кажется. Что-то такое я и сказал. Это было пять недель назад. В это время я уже договорился с другом о квартире. То есть договорились, что он её найдёт, а потом я заеду на всё готовое.

Меня никто никогда не любил. Хотя мама и папа меня любят. Да и два брата с сестрой тоже. Я уверен, что и бабушки с дедушками меня любили. Тогда почему я так думаю? Может, эта не та любовь? Или я очень устал? Какой невыносимо тяжёлый день. Как медленно течёт время. Как медленно оно меня лечит. Как быстро текут слёзы.

Смотреть на луну мне доставляет удовольствие. Видеть, как солнце освещает часть или всю луну. Луна даёт понять, что если мы чего-то не ви-

дим, то это не значит, что его нет. Солнце скрылось, но освещает луну. Луна меня завораживает. Я и сейчас смотрю на неё. Море Спокойствия проникает в меня. Но я никак не могу успокоиться.

Начало мероприятия в 17:00. Музыкальную аппаратуру должны были привезти за час до начала, но не привезли. Она оказалась у нас в 17:45. В 18:30 моя работа должна была быть окончена. В 19:00 премьерный показ. Три зала, три премьеры. Билеты были раскуплены ещё за неделю. Город маленький, событие большое. Я 45 минут говорил без микрофона. Говорил громко, почти кричал. В глазах директора кинотеатра читались несбыточные надежды. Крики людей: “Нам ничего не слышно!” — вгоняли меня в маленький ступор. Через 45 минут дело пошло веселей, но темп был потерян. Меня тоже пригласили на премьерный показ. Мне было плохо ещё до начала мероприятия.

Интересно, как выглядят заплаканные глаза при свете луны? Если стану режиссёром, то обязательно вставлю в фильм такой кадр. Если стану писателем, то опишу его в романе. Если стану никем, то опять буду плакать всю ночь, а луна не сможет меня успокоить. Что мне теперь делать?

“А что вы читаете?” — первое, что я услышал от неё. Она должна была видеть обложку книги. На второй день мы разговорились. Она присела ко мне за стол. Но быстро спохватилась и побежала обслуживать следующих посетителей. Это была женщина с двумя детьми. Кажется, это были её дети. Я опять не стал пить свой чай. В этом кафе сначала нужно оплатить свой заказ на кассе, и только потом тебе его в порядке очереди принесёт официант или официантка, или она. Я не хотел бы работать официантом. Мне некогда было думать о ней — мне нужно было организовывать свадьбу.

Наш оператор выиграл что-то на фестивале короткометражек. Мы были все рады за него. Но книги все равно лучше фильмов. В школе я однажды подрался с одноклассником, потому что сказал ему, что его любимый фильм — это лишь жалкое подобие того, что было написано в книге. Он ударил меня. Зря я сказал, что подрался. Точнее, меня побил мой одноклассник. Никогда не говорите, что чей-то любимый фильм плох. В первую очередь, тем, кто сильнее вас. Это одно из правил моей жизни. Какая жизнь, такие и правила.

К концу открытия мой голос не охрип, но голова разболелась. Таблетки больше калечат, чем лечат. Фраза, сказанная одним из моих педагогов, заставила меня перестать пить таблетки. Голова заболела от усталости. Сейчас она не болит. Боль головы ушла вместе со слезами. Боль в душе уйдёт вместе со временем. Я — душевнобольной.

Кажется, про любовь была короткометражка нашего оператора.

Квартира в городе М. уже снята, мой друг заехал в неё. Через неделю заеду и я. Уже куплен билет на самолёт. Билет в один конец.

Сегодняшний день был неминуем. Я был обречён на усталость и боль.

Всё, что мне нравится, есть в городе М. В городе М. есть всё, что мне нужно. Но там нет её, хотя это не причина отказываться от мечты. Ничто и никто не причина отказываться от мечты. Так меня научили романы, повести, рассказы. Моя мечта — жить в городе М. Про родной город я уже и забыл. Наверное, лучше сказать “город, в котором я родился”, а не “родной город”. Родной город — это город, где ты чувствуешь себя дома. Но в этом городе я всегда себя ощущал чужим. Я приезжаю в него только из-за родителей. Я их люблю. Конечно, вслух об этом ни разу не сказал. Это у меня от отца, скорее всего. Но они знают, что я их люблю. Этого достаточно. Там же живут мои братья и сестра. Они все старше меня. Я единственный, кто уехал из семьи. Книги во всём виноваты. Все книги виноваты во всём. Настанет время, и их все сожгут. Настанет время, и мы полетим на Марс.

Ещё одно окошко загорелось в соседнем доме. От соседнего балкона доносится устойчивый запах сигарет. Противный запах сигарет. Но ко всему привыкаешь. Уже не обращаешь внимания. Ночью он становится острее, ведь других запахов нет. В комнате за моей спиной не только не видно звёзд, но и вообще ничего не видно. Темнота победила. Луны мало. Противный за-

пах сигарет настигает меня волнами. Свет в окошке погас. Думается, это был десятый этаж. Ещё час назад у меня раскалывались виски. Было такое ощущение, что в них вкручивают болты. Будто из меня хотят сделать монстра Виктора Франкенштейна. Боль ушла со слезами.

В третий раз мы случайно увиделись в продуктовом магазине. Я, как обычно, покупал две пачки молока, ватрушки с творогом и какао — оно закончилось. Что покупала она, я не помню. Хотя она говорила об этом. Я заметил её первым. Не знал, с чего начать разговор, поэтому решил сделать вид, что очень увлечённо разглядываю фрукты и овощи. До этого я не видел её три дня. Прошло пять дней с момента нашей первой встречи.

— Вместо того чтобы читать “Капитанскую дочку”, вы читаете ценники. Или вы её уже дочитали? — услышал я её голос за спиной.

Я повернулся и растерялся. Что сказать? Вроде, нужно ответить на вопрос.

— Я уже её дочитал. Теперь Гоголь, “Тарас Бульба”.

— Такое ощущение, что вы школьник.

— А вы на школьницу не похожи, — сказал я и понял, что сморозил ужасную глупость. Видимо, она прочла это на моём лице и не стала развивать эту тему. Мы заговорили о книгах. Она назвала свою любимую — “Замок” Франца Кафки. Мне показалось это странным, потому что Кафку невозможно было понять. В какой-то момент она назвала причину прихода в магазин. Я назвал свою. Она назвала меня Леоном. Я не понял. Я не нашёл ещё свою любимую книгу. Пока больше всех мне нравится Керуак и его “На дороге”. “Особенно тема поиска отца”, — как же я помпезно выражался, будто я известный литературный критик или старый преподаватель.

Я чувствую, что мои глаза опухли от слёз, а нос — от бумажных салфеток. В луну я влюбился летом. Случайно увидел её днём на небе. Так удивился! Потом наблюдал за ней весь день и всю ночь.

В моём подъезде установили лампочки, которые реагируют на движение. Моя дверь находится чуть в стороне от них, поэтому мне каждый раз приходится пройти пару метров до лампочки и помахать руками. После этого я могу разглядеть замочную скважину и правильную сторону ключа.

Мне сегодня было так стыдно, что я хотел вернуть весь гонорар. Не сделал этого. Стал жадным. Или я таким был всегда.

Во время третьей встречи я узнал её имя, а она — моё. Я назвал ей свое настоящее имя, хотя часто представляюсь Артёмом, Андреем или Артуром. Внутренняя мания преследования и несуществующие теории заговора заставляют меня скрывать своё имя. Удивительно, что все псевдонимы начинаются на “А”. Не знаю, из-за чего так. Почему-то я захотел предложить ей ещё раз встретиться. Затем подумал, что она ответит: “Мы и так встретимся в кафе”. И ничего не стал предлагать. Лишь сказал: “До встречи в кафе”. Она мне пожелала всего хорошего. Я ушёл домой пить какао и есть ватрушки с творогом. Моя мама в детстве (в моём детстве) очень вкусно их пекла. Теперь я живу один, далеко от родителей. Ем ватрушки — вспоминаю маму.

Ночью на улице прохладно, а я сижу в одной футболке. Мне холодно. Не хочу вставать и идти за кофтой. Боюсь нарушить момент. Я так просидел уже почти три часа. Хотя точного времени не знаю. Я много чего не знаю. Некоторые люди меня считают умным. В одно время я им верил. Сей час — нет. В данный момент — нет. И завтра не буду.

Молоко закончилось, а какао есть. Ещё закончился хлеб. Она не ест мучное — бережёт фигуру — и не пьёт молоко — аллергия. Что же она тогда покупала?

День сегодня не задался с самого утра. Начиная с того, что мне пришлось вставать в 8 утра. Я редко встаю так рано. Мой среднестатистический день начинается в полдень. Когда я усну в эту ночь или утро, то буду спать, пока не надоест лежать в кровати. А может, я усну на полу. А может — на подоконнике. И потом ненароком вывалюсь из окна. Но со мной ничего не будет, ведь мышцы во сне расслаблены. Хотя я могу проснуться от свободного падения... $g = 9,8 \text{ м/с}^2$. В школе я впервые уснул в десятом классе на уроке физике.

Я ей об этом рассказывал.

В дни, когда я сильно устаю, начинаю ненавидеть себя больше обычного.

Спустя неделю нашего знакомства мы с ней гуляли целый день по городу. В этом городе некуда идти и не на что смотреть. Было не важно, куда мы идём и где мы идём. Важно было, что МЫ идём. Темы для разговора всплывали из ниоткуда.

Я всегда старался быть занятым. Занятым важным, как мне казалось. И если я целый день что-то делал, то я сам себе казался полезным. И поэтому я меньше ненавидел себя. Ох, уж эта иллюзия полезности. Без неё моя жизнь была бы ужасной, тлетворной.

Всегда после проведения мероприятия у меня чешется голова. Мероприятия я провожу нечасто. Занимаюсь этим почти год. Открытие кинотеатра — это огромный шаг вперёд. Мог бы быть. Но это был провал. В газете можно написать “Провёл провал”. Наверное, кто-нибудь и оценил бы каламбур.

Этот провал не сравнить с тем потрясением, что я испытал в 13:28. Я зачем-то посмотрел на часы на центральной площади. Они показывали 13:28. Я никогда не забуду эти цифры. Всегда буду вздрагивать, когда увижу их на циферблате, или табло, или экране. Кого я обманываю. Я слишком драматизирую.

И сейчас чешется голова.

Когда рассветет, нужно будет слезть с подоконника. Как я хочу спать! Резко напала сонливость.

На первом свидании мы гуляли целый день. В моём рюкзаке лежала книжка. Только книга и больше ничего.

— Почему ты не угостишь меня мороженым? — смеясь, спросила она.

— Потому что у меня нет денег, — признался я. И она купила два — себе и мне. В следующий раз мы пошли в кино.

Неужели это трамвай? Так поздно? Я не ослышался, это точно был трамвай. Так грохочет только он.

Мы договорились встретиться сегодня возле памятника Лермонтову в 12.00. После чего в два часа мне нужно было идти готовиться к проведению открытия. Она никогда не опаздывала. Приходила даже раньше назначенного времени. Опаздывал я. Опаздывал, потому что она приходила раньше времени.

Всё-таки прохладный ветер дует на высоте одиннадцатого этажа. На первом этаже такие ветры не дуют.

На первом курсе университета я был самым прилежным студентом. А на втором — нет. В университете я впервые уснул на биологии. Когда преподаватель хотела разбудить меня, мой сосед попросил не беспокоить, и она продолжила лекцию. После окончания вуза я почти не общаюсь с соседом по парте. Мы живём в разных городах. Он уехал в свой родной город. Для него он действительно родной, как город М. для меня.

Через неделю я буду пить какао и смотреть в окно на точно такие же дома и улицы, только в городе М. Эти улицы и дома будут такими же, но лучше.

Боль в голове прошла. Слезы больше не текут. На смену им пришла тяжесть в глазах. Веки закрываются. “ПОДНИМИТЕ МНЕ ВЕКИ!” Несколько часов назад я думал, что посижу на окне два-три дня. Почему я сразу не одел кофту? Или “надел”? Где вечно поправляющие люди, когда они так нужны? Что мне теперь делать?

“Почему ты не устроишься на нормальную работу?” — спросила она. “Я ненавижу работать”, — ответил я. “Но ты же сейчас работаешь?” — продолжила она. “Это не работа”, — отвечал я. “Ты на ней устаёшь? Значит, работа”, — доказывала она. “Я устаю и когда книги читаю”, — разбивал её доказательства я.

На втором свидании я постарался её удивить. Я подготовил несколько сюрпризов в кинотеатре. Специально договорился с персоналом, чтобы они мне подыграли в нужный момент.

Скоро уже должно выглянуть солнце. Как-то я всю ночь проходил по не-

знакомому городу, где я был в первый раз, один. Было страшно. Таким образом я ждал поезда. Мои друзья спали на полу в здании вокзала. Их я могу назвать своими друзьями. Тогда они были ими. А сейчас — не знаю.

Я никогда не гнался за прибылью. Поэтому я плохой бизнесмен. Но это дело моё, и я веду его, как хочу. Со мной работают такие же энтузиасты. Кажется, я всегда был жадным.

Очень неудобно, когда тебе приходится постоянно делать несколько шагов и махать руками, чтобы закрыть входную дверь. Очень надоедает. Как и этот ветер, который с каждым порывом всё противней.

В кинотеатре её ждало три сюрприза.

Первый сюрприз.

Я ждал её в кафе кинотеатра, сидя за столиком. Она пришла раньше назначенного времени, но я пришёл ещё раньше. Она села напротив меня. Мы стали говорить. Неожиданно подходит официантка и приносит вкусное пирожное. Она смотрит на меня. Я делаю удивлённое лицо в стиле “не умею играть, только переигрывать”. “Я не ем мучное”, — говорит она. Я убеждаю её, что одно пирожное не навредит и что она его заслужила, и что не каждому человеку неожиданно приносят пирожное. Мы смеёмся.

Конец первого сюрприза.

Если я сейчас не одену кофту, то заболела. Болезнь мне не мешает. Давно не болел. Придёт она и приготовит какао. Нет, я не должен её больше видеть. Ни за что. Через неделю я улетаю. Она не достойна того, чтобы мешать моей мечте. Самообман. Иллюзия полезности — тоже самообман. Она никогда не была в этой квартире. В этой квартире никогда не было звёзд. Она не полна звёзд. Но была темнота. Были солнце и луна.

Между свиданием в кинотеатре и сегодня — 18 дней. Из них 15 я хотел сказать, что скоро уеду. Из них 10 дней я хотел сказать, что люблю её. Меня никто никогда не любил. Никогда не говори человеку, что любишь его, ведь он может ответить, что он тебя не любит. И, скорее всего, так и сделает. Сегодня я ей признался. Это была ошибка.

Второй сюрприз.

При входе в кинозал билетёрша подарила ей книгу. По ней был снят фильм, на который мы идём. Моему удивлению не было границ.

Конец второго сюрприза.

Когда сильно хочешь спать или ненавидишь себя, высота в 11 этажей кажется притягательной. Уже не смотришь вдаль. Твой взгляд направлен вниз. Это из-за нее я устал и плакал. Открытие ни при чём. Какая разница, что о тебе напишут в газетах и скажут люди? Я улетаю через неделю. Там у меня будут совсем другие заботы. Как бы я хотел, чтобы не было мыслей о ней. Это книги виноваты в нашем знакомстве.

Интересно, за сколько я долечу до земли, если мой вес 70 кг? Зря я спал на уроках физики.

Сегодня мы просто гуляли. Большую часть времени молчали. Я решил ей всё рассказать. Видимо, она это подозревала. Она единственная, кто меня понимает. Кроме мамы и сестры. И моего школьного друга, которого я уже не видел три года. Она ждала, когда я, наконец, скажу что-то важное. Я готовился. Тяжело говорить такое. Хотя это просто слова. Если я никогда никого не любил, то как я понял, что это любовь? Опять самообман? С чего вообще начать такой разговор? Нужно ли при этом стоять или идти? Или лучше сесть? А сидеть рядом или друг напротив друга?

Сразу два окошка загорелись в разных концах дома. Почти одновременно. Неужели это всё-таки был трамвай? Есть ощущение, что я задремал на несколько секунд или минут.

Третий сюрприз.

Он её ждал на улице. Мы уже шли на остановку, когда нас догнал мой знакомый, которого она не знала, с букетом цветов и сказал: “Девушка, вы, кажется, оставили цветы в кинотеатре”. Она с удивлённой, забавной улыбкой смотрела на меня. Я чувствовал себя значимым и полезным. Иллюзия полезности.

Конец третьего сюрприза.

Наверное, скоро рассвет. Самый тёмный час перед рассветом. Ещё одно окно озарилось светом. Неужели кто-то встает в такую рань? Видимо, это работа заставляет их вставать в это время. Сколько же сейчас? В комнате до сих пор ничего не видно. У меня замерзло всё: ноги, руки, лицо. Футболку заправил в штаны, Но всё так же сижу на подоконнике, свесив ноги на улицу.

Мы шли по центральной площади. Людей было мало — местные на работе, а туристы в этот город редко приезжают. Я остановился. Она тоже. Мы стоим друг напротив друга. Я говорю, что через неделю улетаю в город М., что уже куплен билет. Она молча смотрит на меня. Я продолжаю говорить, что это моя мечта — жить там.

— Это всё пустяки, — говорю я, — главное, что я хотел сказать... это... это... Я люблю тебя.

Что-то странное мелькнуло в её глазах. Часы на центральной площади показывали 13:27. Я смотрел на неё. У неё было незнакомое мне выражение лица. Думаю, оно выражало сожаление. И вот она ответила.

Слёзы давно перестали течь и высохли. Голова перестала болеть. Она теперь тяжёлая от сонливости. Я весь продрог. Я развернулся, слез с окна и закрыл его. Я виноват во всём. Я просидел всю ночь, но так и не решил, что делать. Сегодня я услышал от неё самые ужасные слова в этой ситуации. Я плотно закрыл окно. Расстелил диван и лёг под одеяло прямо в одежде. Из-за её слов не могу найти себе места. Только её слова в голове. Что теперь делать? Кажется, это было проявлением эгоизма с её стороны. Нет, это я эгоист. До сих пор думаю, что я не заслужил таких слов.

Часы на центральной площади показали 13:28.

— Я тоже тебя люблю. Не уезжай.

ИРИНА ИВАННИКОВА

ВАСИЛЬКОВЫЕ ДУШИ

РАССКАЗ

Лариса, молодая художница-пейзажистка, нередко бывала в Москве по профессиональным вопросам. На этот раз они с коллегой Мариной приехали в златоглавую для участия в проведении благотворительной выставки картин.

Три командировочных дня были расписаны по минутам, но никто и предположить не мог, что все лоты выставки-аукциона обретут своих покупателей сразу после премьерной демонстрации! Состоятельные люди, да и просто ценители искусства, не скупясь, отдавали внушительные суммы за картины малоизвестных, но многообещающих художников. Собранные средства были направлены в детские дома.

Под впечатлением успешно проведённого мероприятия женщины решили устроить себе маленький отпуск и остаться в столице до окончания командировки. На второй день они отправились на экскурсию по городу. Вслед за традиционным посещением Красной площади и Поклонной горы Марина неожиданно предложила подруге посетить Ваганьковское кладбище, на котором ни одна из них прежде не была. Лариса согласилась скрепя сердце — ей не хотелось завершать своё пребывание в Москве столь печальной нотой. Но Марина заявила, что Ваганьково — это, скорее, аллея славы, нежели пристанище скорби и грусти, и Лариса сдалась.

Фотографии известных актёров, музыкантов, спортсменов, шоуменов мелькали повсюду. Нигде и никогда Лариса не встречала ещё такого сосредоточия известных людей разных эпох и поколений. Многие были её современниками — Тальков, Листьев, Абдулов... С последним она мечтала позна-

---

ИВАННИКОВА Ирина Юрьевна родилась в 1985 году в Берлине. С 1990 года и по настоящее время живёт в Рязани. Окончила медицинский университет. Работает врачом. Автор сборника стихотворений для детей "Прогулка с божьей коровкой". Участница Форумов молодых писателей России.

комиться с детства, тогда же стала преданной поклонницей актёра. “Вот мы и встретились, Александр Гаврилович! Жалко, что так...” — еле слышно произнесла Лариса на могиле артиста.

— Что ты там бормочешь себе под нос? — бестактно одёрнула её Марина. — Если ты немного поторопишься, мы успеем присоединиться к экскурсионной группе школьников.

Лариса последовала за подругой, и вскоре они слушали, затаив дыхание, удивительные рассказы экскурсовода:

— Обратите внимание, рядом с поэтом покоится Галина Артуровна Бениславская, большая поклонница и сподвижница Есенина. Именно здесь, спустя год после кончины Сергея Александровича, в день своего рождения, она застрелилась. Случилось две осечки, но третье нажатие на курок оказалось для молодой женщины роковым. В тот день ей исполнилось всего 29 лет.

“Как и мне тогда...” — подумала Лариса.

Марина вновь вывела подругу из состояния подавленной задумчивости, довольно грубо ухватив за руку.

— Пойдём, не хочется отставать от группы.

Многие надгробия поразили Ларису, затронув самые тонкие, болезненные струны души. Умершая в родах мать со своим мертворожденным ребёнком... Убитый горем глава семейства поставил им небывалый памятник в виде фигуры девы Марии с младенцем на руках. И ещё одна могила — могила дочери известного художника Шилова. По словам экскурсовода, девочка погибла после долгой и безуспешной борьбы с лейкозом.

Лариса почувствовала, что земля уходит у неё из-под ног. Её душили рыдания, горло сковали спазмы. Не в силах больше находиться в тягостной атмосфере некрополя, она метнулась к выходу.

“Сколько лет уже прошло? — рвались в голове привычные мысли. — Пять, целых пять лет. Почему я до сих пор не могу смириться?”

Слёзы беззвучно текли по лицу, и Лариса по-детски утирала их рукавом свитера. Она смогла немного успокоиться лишь за кладбищенской оградой. Жизнь текла в своём прежнем, неутомном ритме, ласково улыбалось апрельское солнце. Лариса скользила безучастным взглядом по лицам прохожих, и вдруг ей показалось, что она увидела её. Короткая сиреневая ветровка, лёгкая голубая беретка, чёрные лаковые сапожки на маленьких ножках.

— Женька! — закричала Лариса и побежала за девочкой. Это была её дочь. Она шла под руку с высокой дамой в красном пальто.

— Женька, доченька! — тронула Лариса малышку за плечо и развернула к себе. Взгляд серо-голубых глаз девочки был полон удивления — незнакомая женщина плакала и гладила её по непослушным русым кудряшкам, торчащим из-под беретки.

— Её зовут Маша, — холодно прозвучал голос дамы в красном, лицо которой тоже показалось Ларисе знакомым. Мать резко дёрнула девочку за руку, увлекая за собой, и заспешила прочь от ненормальной незнакомки.

— Простите, женщина обозналась! — прозвучал им вдогонку голос Марины.

Дама не обернулась. Сиреневая курточка и красное пальто скрылись в миниатюрной иномарке, припаркованной неподалёку, и вскоре исчезли из виду. Марина обняла подругу и тихо проговорила:

— Ты должна смириться, милая! Жени больше нет...

Эту жестокую, убийственно-простую фразу говорили Ларисе все, кто окружал её последние пять лет. Кроме мужа. Он ушёл сразу после того, как это произошло. Лариса осталась одна.

— Неправда, неправда... — задыхалась бедная женщина, цепляясь за паутинку обманчивых слов. Девочка в сиреневой куртке была так похожа на Женьку!..

Лариса снова воскресила в памяти события пятилетней давности. Они с дочерью шли на дачу вдоль огромного пшеничного поля. Малышка заметила синеющие в зелёных волнах головки васильков. Их было так много, что девочка бросилась с восторженным визгом собирать букет. Вместе с мамой они сплели чудесный венок, который Женька сразу же водрузила на свои

светлые кудряшки. Лариса долго любовалась дочерью, не в силах отвести взгляд. Она ещё не знала, что это лето для девочки — последнее.

— Мам, ты чего? — засмушалась Женья.

— Я только сейчас заметила, родная, что глаза у тебя, как эти цветочки, васильковые!

Спустя два месяца девятилетняя Женька на уроке физкультуры сломала руку. Лариса вначале спокойно отнеслась к случившемуся: с каким ребёнком не бывает? Но врач-рентгенолог, внимательно изучив снимок, неожиданно сообщил:

— Костная ткань лучевой кости поражена опухолью, что, собственно, и стало причиной перелома.

Женю срочно положили в онкодиспансер на обследование. Диагноз прозвучал как приговор — саркома, запущенная форма. Лариса постоянно задавала себе вопрос — за что так жестоко наказала судьба её девочку?! Ответа не было. Несколько сеансов изнурительной химиотерапии имели кратковременный положительный эффект, но рост опухоли и распространение метастазов не замедлили. Накануне Нового года Жени не стало. Она тихо заснула в своей кроватке, пожелав, как всегда, спокойной ночи родителям, и больше не проснулась.

Лариса замкнулась в себе. Она находилась в состоянии, близком к помешательству. Муж отдалился от неё и решил, что им легче будет пережить боль порознь. Ещё недавно крепкая и благополучная семья распалась навеки. Лариса искала утешения в творчестве. В один из зимних вечеров она написала картину: до самого неба бескрайнее пшеничное поле, в центре — хрупкая фигура прелестной девочки с васильковым венком на белокурой макушке. Глаза ребёнка светятся счастьем и любовью к жизни.

Выставлять полотно Лариса наотрез отказалась, несмотря на пламенные уговоры Марины и её хвалебные отзывы. Картина заняла почётное место в холле Ларисиной квартиры.

— Напрасно прячешь свой шедевр, — не уставала увещевать Марина приятельницу. — Это лучшая твоя работа! На выставке её с руками оторвут!

Лариса и сама прекрасно знала цену своей картине — для неё она была бесценна. Время шло, бежало, несло, мчалось, а её девочка в окружении васильков всё так же беспечно улыбалась, неподвластная времени.

Расстаться с полотном Лариса смогла только теперь, ради благотворительной выставки-аукциона. Её картина возглавила тематический ряд произведений “Дети — цветы жизни” и была куплена в первые же часы за немалые деньги. Имя покупателя Лариса узнавать не пожелала. Ей было достаточно того, что вырученные средства очень пригодятся обездоленным детишкам.

...Рейсовый автобус замер в многочасовом столичном заторе. Лариса безразлично смотрела в окно, глубоко погружённая в раздумья и воспоминания.

— Похоже, мы нескоро домой приедем! — донесся до неё тоскливый вздох Марины.

Невелика беда: спешить Ларисе некуда, да и не к кому.

— Говорят, где-то впереди авария, — продолжила Марина. — А впрочем... — махнула она рукой, видя безучастность подруги и будто жалея о сказанном.

— Вдруг там кому-то помощь нужна?! — внезапно оживилась Лариса.

— Сказала на свою голову! — недовольно процедила Марина. — Тебе разве плохо сидится?

— Выпусти меня, пожалуйста! — решительно потребовала Лариса у сидевшей с краю приятельницы.

— Ладно уж, пойдём вместе! — нехотя согласилась та, и они очутились на улице.

Через пару сотен метров их взору предстало жуткое зрелище: последнее лобового столкновения автомобиля и маршрутной “Газели”. Маршрутка стояла с помятым бампером, и, по словам вездесущих зевак, её пассажиры отделались испугом и синяками. Автомобиль же, вернее то, что от него осталось, напоминал сплюсненную консервную банку. Страшное ДТП случилось, по-видимому, всего несколько минут назад. Из разбитого водительского

окошка крохотной иномарки, неестественно свесившись, торчала бледная женская рука, облачённая в красную материю. На асфальте с противоположной стороны валялась маленькая голубая беретка.

— О, Господи! — вскрикнула Лариса, пронзённая внезапной догадкой. — Что с девочкой? Где ребёнок?

Она бросилась к спасателям. В этот момент один из них как раз вскрывал заднюю дверь автомобиля. Лариса зажала рот дрожащей ладонью.

Она смотрела и не могла произнести ни слова. На заднем сидении неподвижно застыла пристёгнутая ремнями Маша. В глазах её замер ужас. Непостижимым образом та часть салона, где находился ребёнок, избежала смертоносной деформации. Медики осмотрели девочку, пребывающую в состоянии шока, и серьёзных повреждений у неё не обнаружили, а вот её маме, сидевшей за рулём, помочь не удалось — женщина умерла мгновенно. Лихорадочный взгляд Ларисы упал на почти плоский предмет прямоугольной формы, зажатый между мягкими спинками переднего и заднего сидений. Это и спас малышке жизнь! Массивная металлическая рамка с позолотой органично дополняла дивной красоты полотно. С него, не тронутого ни единой царапиной, улыбалась девочка с васильковыми глазами...

ВАЛЕРИЙ ФАДЕЕВ

АМЕРИКА-ШРАМ

Путешествие времен заката советской империи

В далеком сегодня 1991 году российское общество было охвачено одним общим настроением, а именно *ожиданием больших перемен*. Причем перемены эти виделись всем скорыми, а жизнь после них — однозначно лучшей. В общем, шло сближение СССР с западным миром. В качестве маяка в этом плавании (или лучше сказать — дрейфе) выступали, конечно, США, лидер Запада.

После отмены статьи Конституции СССР, согласно которой Коммунистическая партия являлась “руководящей и направляющей” силой советского государства, поездки рядовых граждан за границу стали проще. Сбывались мечты о свободе передвижения. Ушли в прошлое мешавшие этой свободе характеристики от райкомов и парткомов, а также инструктаж отъезжающих за рубеж.

В поездку, о которой я хочу рассказать, кандидаты отбирались уже “вашингтонским обкомом”, то есть посольством США в Москве, да и что там говорить — лично тогдашним послом Дж. Мэтлоком. Принцип был один: это должны были быть политически активные и демократически настроенные граждане, которые успели занять заметное, а лучше командное положение в обществе. Поэтому среди нас оказалось так много депутатов. И было одно условие: набирали тех, кто не разу не был в США.

Правительственная программа предусматривала широкое знакомство новичков с американской жизнью и политической системой, а для того щедро оплачивалась из госбюджета. Мы как участники смутно догадывались, что целью организаторов было как можно сильнее расположить нас в пользу своей чудесной страны, чтобы впоследствии мы, как зачарованные, могли бы превратиться в неких **апостолов** американского образа жизни и, обходя моря и земли, жгли бы сердца людей пылающим образом “американской мечты”. Или как стали говорить позже, сделать из нас “**агентов влияния**”. Тем интереснее будет читать эти путевые впечатления, понимая, какой след оставило в нас знакомство с Америкой. Пути Господни, как известно, неисповедимы, и многие организаторы подобных пиар-акций не могут предположить, *каких* (часто прямо противоположных желаемым) результатов они достигают! Насколько я мог отследить, никто из нашей ватаги не стал впоследствии апостолом американской религии мирового превосходства.

Уже тогда, в период наших романтических отношений с Западом, нельзя было не заметить расхождения между провозглашаемыми целями и получен-

---

ФАДЕЕВ Валерий Валерьевич родился в 1963 году в Москве. Окончил МГПУ. Основатель и участник первых дискуссионных клубов “Перестройка” и др. Депутат Моссовета. С 1994 года на работе в аппарате Государственной думы. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ными результатами (а также спрятанный за спиной нож). Нынешнее возрождение влияния России на мировую политику, не в последнюю очередь, связано с той настороженностью, которая охватила нас (и других) после посещения центра Западной цивилизации. Далеко не все там было так привлекательно, как виделось издали, и даже искренность, с которой американцы сообщали о своих проблемах, вызывала недоверие. Теперь, когда враждебность ко всему непохожему на *made in USA* и пренебрежение к человеческой жизни, если она не западная, а, скажем, славянская или азиатская, когда этот цинизм так называемого “золотого миллиарда” открыто продемонстрирован всем и каждому, наконец, понимаешь, откуда брались наши сомнения, откуда возникал наш скепсис, с которым мы покидали в 1991 году это “самое лучшее в мире государство”.

Первые впечатления, действительно, самые яркие – и самые точные, поэтому наш опыт знакомства с Америкой, надеюсь, может быть интересен и сегодня, когда вектор наших политических отношений после долгих лет уступок и неопределенности, наконец, повернулся от поглощения – к противодействию.

ТИП ЧЕЛОВЕКА

С самого первого дня, нет, даже не дня, а часа поездки в Америку у советского человека обостряется весьма заразная и гнусная болезнь: к а т а л о ж е с т в о. Начинается перелистывание рекламных каталогов, брошюр, журналов – конечно, не с целью купить, а так – *посмотреть*, прицениться. Я бы сравнил это даже не восторгом кастрата над эротическим журналом, а с чем-то еще более глупым, непристойным и смешным.

Подумать только: наш человек едет на Запад для того, чтобы путем экономии денег, унижений, выпрашивания жалких подачек и коммунистическо-полуголодного стоицизма приобрести какую-нибудь финтифлюшку, и, приобретя эту столь возделенную мишуру, он возвращается домой чуть ли не победителем – героем!

Конечно, *homo soveticus* нечего было терять и нечего приобретать: он ехал в Америку без идей и мыслей, и потому не мог привезти оттуда ничего, кроме раздувшейся, как труп разлагающегося животного, алчности. Ах, если бы он привез оттуда хотя бы маленькую мыслишку: *о ничтожности и однообразии современного человеческого типа*. Это уже была бы непустая поездка.

С другой стороны, не устаешь удивляться: как мало надо некоторым, чтобы стать “счастливым”: две пары джинсов, видеомагнитофон, цветной телевизор и золотая цепочка.

Но еще хуже: Америка для советского человека чуднее Индии и куда экзотичней, чем Китай. Она отнимает у нашего человека ум и сознание – и одна мысль болезненно свербит в его мозгу: как сделать так, чтобы *откусить как можно больший кусок* от этой Америки-пирога; а еще лучше: как бы запихнуть его в рот **целиком!**

А финал самый неожиданный: многие теряют в Америке то последнее, что давало им хоть какое-то значение. Они перестают быть даже советскими людьми. Для большинства это было вовсе не желательно, даже наоборот.

Меня забавляет **роль**, которую нам отвели в этой поездке: дескать, вот взгляните, это советские *политики новой волны*. Просим любить и жаловать.

Это, конечно, не путешествие. Словно *редкий вид животных*, нас проведут через Америку, демонстрируя ради утехи публики в отведенных для этого специальных местах.

К тому же, глупо морочить людям голову и выдавать себя за политика, сопредседателя Либерального клуба, депутата Моссовета, рассуждать о Горбачеве и перестройке, когда уже дома все это надоело до тошноты, приелось и вызывает сильное, накачивающееся волнами желание – плюнуть на все это: Горбачева, перестройку, Моссовет, рынок.

И что можно объяснить американцу за полчаса, когда тебя перебивают другие болтуны, каждый желая непременно показать, какой он смелый, умный и оппозиционный. А получается: какой он *пошлый*.

Раньше было принято думать, что путешествия служат *рассеянию ума, отдохновению и развлечению* человека. Пушкин писал об Онегине, что его охватил “род недуга – охота к перемене мест”. Но худо, когда от перемены мест – не меняется сам человек, и охота к перемене мест – не попытка ли

скрыться от самого себя, потерять себя где-то между Нью-Йорком и Тегусигальпой.

Первая оплошность — я забыл визитные карточки. Это всерьез огорчает меня, ведь не зря же изобретена лучшими сынами старой Европы, французами, такая удобная расчетная система, как **вежливость**. Ее принцип раскрыт А. Шопенгауэром в блестящем опусе “Афоризмы житейской мудрости”: **не жалейте фальшивых денег**, может быть, вам заплатят в ответ настоящими. И эти фальшивые деньги, так необходимые мне при моем *нраве фехтовальщика*, я оставил дома, наваленными в одну большую кучу.

Меньше всего я ценю в человеке *расхристанность* — какую-то эмоциональную слабость, часто переходящую в немощь физическую. Вот некоторые пассажиры — лежат всю дорогу на креслах в куче тряпья, до тех пор валяются, что становятся какими-то измятыми, скомканными, сами — почти не отличающимися от тряпок. “Это же не люди — это вещи!” — мелькнет внезапная мысль. Все-таки нужно держать в себе какой-то порядок, не расслабляться и не распадаться. Хотя бы с помощью мускулов.

10.02.91. Гостиница “Дюпон плаза”, г. Вашингтон.

Стиль жизни в Америке — по мне: никто никого ни к чему не принуждает и готов при этом терпеть слабости другого человека. Ритм тоже ненавязчивый: хочешь, живи по ночам, хочешь — как все остальные люди. Хочешь — не живи.

Телевидение — это чудовищный оглупитель Америки, но, впрочем, где оно — не остригает умы *под гребенку*, не парализует воли?

Я думаю, на жизни в Америке сильно сказывается близость двух океанов, как на России — ее *континентальность*. У Америки — крылья, у России — **толстое брюхо**.

Когда летели из Нью-Йорка в Вашингтон, всю дорогу балагурили сидевшие рядом молодые американцы: поощряла их к этому какая-то милая девушка. Парни, возвращавшиеся из Москвы, безбожно все преувеличивали: холод, преступность, цену доллара на черном рынке.

Наверное, это в характере человека: *преувеличивать* что-то, чтобы тем самым раздуть и свой авторитет.

Русские в Америке: бегают по всем магазинам до красноты в глазах и подчеркивают при любом удобном случае, что в России это хуже, это хуже и это тоже хуже, как будто это для кого-то новость. Актриса Ф. вчера удивилась в аэропорту: “Русские вороны — как собаки большие. Нигде в Америке нет таких ворон”.

Если нет ничего другого, остается основывать свою национальную гордость **на воронах**.

Американцы невыносимы: все разговоры, даже с милыми девушками, *о деньгах и работе*: “А где Вы работаете? А что это за фирма? А сколько Вам платят?” — а затем разные восторги или замечания насчет услышанного. В России такой разговор немыслим и неприличен. Все-таки у нас понимают, что человек может (может?) быть чем-то большим или чем-то иным, чем его работа, профессия и занимаемая должность.

Душа американского разговора — *сумма ежемесячного дохода*. То есть арифметика.

Наш переводчик-еврей, уехавший из Москвы в 1981 году, уж очень жалок. Ходит в дешевые рестораны, экономит на гостинице, к чему благоразумно призывает и нас, а также все время *пересчитывает деньги*.

Уверен, что в России он был меньшим скопидомом, чем здесь, да и считать копейки ему тоже приходилось реже. Вероятно, будучи преподавателем и переводчиком в Москве, он являлся состоятельным человеком, мог позволить себе покутить и всякие вольности, а здесь он — нищий, полубродяга, сумасброд. Почему же тогда он (и другие) так рвется в Америку? Ясно, что материальной выгоды нет никакой. Тогда что? Мифы? Гипноз?

Вашингтон в своей центральной части гораздо хуже Москвы, потому что претензия на величие здесь ничем не ограничена и стала архитектурной реальностью. В Москве хотя бы рядом со зданием Министерства среднего машиностроения стоят кособоко особняки Ордынки и другие автохтоны. Здесь все расчерчено по линейке и доведено до *полного идиотизма*.

Мемориал Линкольна для меня подобие будущего, конечно, воображаемого “Храма Горбачева”. Горбачев “стремится к великому”, как говорил Гель-

дерлин, но удержать огромную разношерстную страну – все равно что подставить плечи под небесный свод.

Этот подвиг Геракла даже на античном барельефе изображен плутовски. Геракл обливается потом, но Афина, стоящая рядом, делает вид, что ничего не делает, а сама исподтишка поддерживает рукою свод. Жена Горбачева, Раиса – не Афина Паллада. Как бы не пришлось нам вынимать его из-под обломков! (*Пришлось!* – примечание автора. – *А храм не пришлось строить*).

В Вашингтоне, однако, существуют и вполне человеческие места, например, Джорджтаун. Тем не менее, всюду находишь отпечаток Капитолия и Белого дома, словно к ним приложились, как к какому-нибудь фетишу, все живущие в городе жители. Как осуществили такое поголовное клеймение?!

Э., которую я посетил сегодня в Джорджтауне, озадачила меня в ресторане вопросом, кого я ценю из *современных писателей*? Оказалось, к удивлению меня самого, что я ценю **Набокова** за его смелую игру с двумя культурами, его свободную от привкуса журналистской толкотни речь.

Прекрасный дом в Джорджтауне, принадлежащий Э., она превратила в подобие распадной московской тусовки и очень гордится мазней каких-то авангардистов-шестидесятников, умерших в Нью-Йорке после отъезда из СССР. Замечаю, что *именно здесь* довольно-таки натужно поддерживают побасенку о России – ядреной матери и ее “страдальцах”-декадентах.

Некоторые образы этой “детской” сказочки весьма отвратительны: при известной наблюдательности легко заметить, что её авторы обрядились в одежды самой примитивной лжи и питаются мелкой злобой.

Низкий человеческий тип *авангардиста* размножился в Америке как туалетные мухи.

Э. похвасталась передо мной книгой “Тусовка” (еще одно *слово-подарок* от русских мировой цивилизации после “гласности” и “перестройки”), подчеркнув, что люди этой книги – люди моего поколения. Бегло осмотрев “Тусовку”, я был вынужден признаться, что если это мое поколение, то я хотел бы иметь *другое!*

В самом деле, большая честь – быть в обществе стареющей и потому молодящейся арлекинки Аллы Пугачевой, погибшего от пьянства Цоя, полудиота Мамонова и вечно инфантильного А. Макаревича! В окружении голозадых девиц из русского выпуска журнала “Плейбой” и каких-то невменяемых полухудожников-полугомосеков! Неужели я могу отождествляться с этой пошлятиной **только потому**, что мне 27 лет?!

Э. поняла меня, когда я ей сказал, что ни она, ни Н. не знают России, так как, мягко говоря, имеют дело с весьма узким кругом совершенно особых людей, которые, скорее, являются *утробной частью* Западного мира, какой-то слепой кишкой или анальным отверстием. К тому же, как она правильно выразилась, американцам недоступно, *“как движется мысль в голове русского человека”!*

Каверзный вопрос: *что такое русский человек?* – Ответ: несчастный медведь. Попавший лапой в расщепленное дерево.

13.02.91. Гостиница “Дюпон плаза”.

В Америке еще ясно просматривается своеобразный принцип разделения труда: **черную работу делает черный, белую работу – белый**. То, что американцы напридумывали о себе и своей стране, во много раз превосходит русскую склонность к вранью, с которой они рассказывают иностранцам о своей Родине.

Любопытный факт: об американских мифах нам поведал **кубинец**, ныне преподаватель Джорджтаунского университета. Не исключено, что все эти мифы существуют лишь в головах *иммигрантов*, слегка ошарашенных на всю жизнь тем, что они увидели в Америке.

Американский нищий – что-то среднее между просителем и *обыкновенным разбойником*. Ничего более омерзительного я не видел даже в России, где идея “всеобщего равенства” давно затуманила мозги.

Нищий в Америке – её *визитная карточка*: он не играет с вами в *игру милосердия*, а просто говорит: “У вас есть деньги, поэтому вы должны дать их мне”. Однако на эту полупросьбу-полуугрозу следует американский же ответ: “У меня есть деньги, и именно поэтому я тебе их не дам”. Отсюда берут начало все американские конфликты.

Храмы, синагоги и церкви выглядят *безжизненно* в Вашингтоне – именно поэтому они любопытны. Воспроизведенные в камне гробы, которые лениво зевают, лишены обычной человечины. Громоздкая рухлядь, выброшенная кем-то на улицу и так *забытая*.

Аполитичность американцев явно преувеличена. Америка *болеет политикой* – этой наиболее опасной **формой СПИДа**. Всюду желтые бантики – поддержка войны в Персидском заливе, флаги и значки, надписи на стенах, листовки, газеты и телевидение.

Скажу больше: политика – религия Америки, потому что ничего более впечатляющего у нее нет.

Также преувеличен *индивидуализм* американцев. Это просто смешно: достаточно включить телевизор или выйти на улицу, чтобы понять – американцы живут коллективами, Америка – **корпоративное** общество, возможно, более близкое к **феодализму**, чем мы сейчас.

Америке предостит “Иракгейт”: нельзя долго безнаказанно бомбить жилые кварталы. (Кабы знать, что еще предстоит Ираку в будущем и какие еще впереди Иракгейты! – *Прим. автора*).

КОЕ-ЧТО О СВОБОДЕ СЛОВА В АМЕРИКЕ

Здесь мы столкнулись с изощренной оркестровкой информации из Залива. Дирижерская палочка – **цензура!** – в руках военных и ЦРУ. Братья американцы! давайте обнимемся – у нас все одинаково: власть покупается за деньги, а деньги приходят от военных корпораций. Один из журналистов, сотовавших на цензуру, обмолвился: “Все, что мы пишем, тут же становится известным нашему врагу”. Отсюда вывод: *писать правду не надо*.

Только американцы могут так откровенно покупать своих политиков, называя это *лоббированием*. У нас в России даже прожженный плут все же следит за сохранением некоторой видимости его личной порядочности и независимости. Все-таки приятно иногда иметь “чистую совесть”.

13.02.91. Портленд, Гостиница “Холидей инн”.

Почему зрители сразу же разбегаются из театра после спектакля, как будто они с трудом удерживались на своих места в течение нескольких часов, ведь сильное впечатление притягивает, парализует, гипнотизирует нас? И что после этого *современный театр*, как не утрированная и чуть подсоленная **скука**?!
цвет и характер

Билли Холлидей говорит в спектакле (на который нас сводили организаторы поездки): “**Черные** отличаются от **белых** только тем, что все черное у них снаружи”. Закрыв глаза, стараюсь представить, какими цветами загорелся бы я, если бы все, что у меня внутри, могло как-то появиться снаружи. Вспышки, переливы и **адская темнота!**

Отсутствие жизни заставляет современного человека **питаться падалью**, в том числе имитаторами, подражателями и двойниками.

15.02.91. Портленд.

На вопрос, можно ли у вас **что-то изменить**, американцы отвечают весьма своеобразно: “Вы легко можете уехать из страны, куда Вам хочется”. А если мне **не хочется** уезжать, но хочется изменять?!

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ: “ПИТЬ ИЛИ НЕ ПИТЬ ЧАЙ”.

Пока мы ели лобстеров в чудесном портлендском ресторане, словно выполняя некий обряд, исполненный грациозного этикета со всеми этими щипчиками, фартучками, вилочками, соусами и тарелочками разного размера, нам позвонили, чтобы спросить, когда мы приедем на заседание “школьного совета”. Ответ нашего сопровождающего поразил меня своей застойной мудростью: “**Мы едим лобстеров** – нам сейчас **не до советов!**”

День Валентина в Америке – чудесная возможность привести в порядок *инстинкты*, сбитые с толку нашей цивилизацией. Сексуальная свобода, при которой женщина проявляет инициативу: пишет письмо, что-то дарит, чтобы расположить к себе мужчину – возможного партнера. Любовь – **стихия женщины**, и потому нет ничего позорного в покорности женщины ее основ-

ному чувству, наоборот, она должна сохранять сексуальную свободу, бороться за нее, так как свобода выбора в любом случае предпочтительнее кухонной формулы-наручников: муж—семья—дети.

Любовь может быть *людоедским наслаждением*, ведь сладострастие в чем-то родственно *вампиризму*: так же хочется свежей крови. Не потому ли в Валентинов день люди **едят** на десерт сердца, а сердцеед Дон Жуан становится в эти часы наиболее почитаемой личностью. **Сердцеед** и **людоед** — какая между ними, собственно, разница?!

Конгресс в Америке — слабая копия **биржи** или аукциона, с той незначительной разницей, что там с молотка идет разное “тряпье”, заключаются сделки, а здесь с молотка идут законоположения и другая бумага — также пущенные в оборот торговцами, как и все в Америке. Этот молоток — родимое пятно на спине (или на лысине) американского политика, по которому я всегда узнаю его происхождение: он — корабейник, меняла, лавочник, дело которого *пересчитывать деньги в тумбочке*.

В речах здешних политиков — шелестит зеленая пачка пересчитываемых денег. Тише! тише! а то вы можете не услышать этого осторожного *шелеста*...

Фонд Саманты Смит. Г. Августа, штат Мэн

Еще раз убеждаешься, что *мертвый может быть полезнее живого*. Что бы и нам не припречь в тройку своих мертвецов?! Лихая была бы езда! Ленин! Сталин! Брежнев! А какой русский не любит быстрой езды?!

Вторая мысль здесь же: удивительно, до какой степени в Америке дошла *утилизация отходов*! В этом и заключается та неповторимая мистика рационализма, которую я то ненавижу, то люблю. Рационализм жесток, а на жесткости вырастают самые яркие потусторонние цветочки.

В *Новой Англии* сохранили привычку, приглянувшуюся мне еще в Лондоне, когда каждому дому дается какое-то прозвище — и это *прозвище* часто пишется прямо на пороге у входа в дом, кладется к вашим ногам как визитная карточка. Это утонченный индивидуализм, так как в назывании человек не просто обозначает вещь, чтобы ее можно было легко узнать и отличить среди других, но присваивает ее, распространяя на вещь творческий порыв своей личности.

Этим же подчеркивается, что у всего значительного должно быть **свое имя**: у коня, у сабли, у дома.

ЛОГИКА ВОЙНЫ

“Да, не все дипломатические ходы были сделаны. Да, если бы в Саудовской Аравии и Кувейте собирали бананы с апельсинами, а не добывали нефть, нас там не было бы. **Но** раз началась война, теперь мы должны ее одобрять”.

Отсюда вывод: хорошая (победоносная) война *лучше* хорошей логики.

Или: если мы не одобрим войну, то война может *не одобрить нас*.

Или — или.

Говорят, что Р. Согдеев, советский академик, женившись на внучке Эйзенхауэра, отошел от науки и просто живет счастливой семейной жизнью. Это как бы ставит ему в вину.

— “Представляете, что такое быть академиком в СССР?!”

Знаем: академик в России — это *небожитель*, счастливый олимпиец, который исключительно сверху вниз наблюдает за делами смертных.

Но откуда взялось такое **пренебрежение к жизни** и такая любовь к науке?! Может быть, хорошая жена стоит научной карьеры, своей лаборатории и академического звания? И почему не предположить, что и деньги, и карьера, и “очередные звания” — все это может внезапно осточертеть? И разве не в научной лаборатории зародился **Фаустус** не просто как “доктор Фауст”, а Фауст как особый человеческий тип?!

Новая Англия недалеко ушла от Греции, где важные решения принимались на городских собраниях. Т. Дройзен отмечает в “Истории эллинизма”, что размер городов был **счастьем эллинов**, так как на сравнительно небольшой по размерам агоре могло собраться по первому зову все взрослое (и мужское, замечу в скобках) население города. По всей видимости, амери-

канцы из Новой Англи столь же счастливы, ведь размеры их городков идеально приспособлены для *площадной демократии*. Подумать только: я готов примириться и с площадной демократией, но только при одном условии, что на площади *мало людей!*

Наша российская беда – в *перенаселенности городов*: деревни вымерли, а мегаполисы, наоборот, размножились как крысы, питающиеся бытовыми отбросами. Люди в городах мало связаны друг с другом, и когда они сбиваются в многотысячные толпы, то в гуще этой толпы начинается вихревое демократическое брожение, вызванное сильной тоталитарной закваской.

Революционные толпы, рассыпающиеся по замершим от удивления улицам, пьяны экстатическим энтузиазмом, от них разит перегаром своеволия, а в их глазах – хмельная жажда перемен.

Такую демократию, так же как *водку*, нельзя давать человеку, пока он не окреп духовно и не достиг некоторой зрелости характера. Мне всегда был омерзительен тип ребенка-Гавроша, весьма почитаемый в начальной советской школе, поскольку я никогда не являлся сторонником массового растления несовершеннолетних.

ДОМ ЛОНГФЕЛЛО В ПОРТЛЕНДЕ

Нет более нелепого места на земле, чем *музей-квартира поэта*; я это понял еще с Пушкиным. Когда тебе показывают пыльную чернильницу, это еще *не значит*, что ты приобщился творчеству.

Когда тебе показывают кухонный котел и спальню (больше похожую на склеп) родителей Лонгфелло, это ничего не прибавляет к его поэзии и ничего не отнимает от нее. Гений не выводит из окружающей его обстановки: он может жить заурядно, и даже чаще всего живет заурядно: в гостинице, в коммунальной квартире, в комнате у друзей – но это решительно ничего не значит!

Паломничества в квартиры поэтов приятно забавляют меня: вот если бы с таким упорством стучались вы *в творчество*, а не в двери гостиницы, где снимал Пушкин!

Кстати, Г. Лонгфелло, ища уединения, забивался в узкие сени перед кабинетом отца, где он мог, забытый всеми, тихо скрестись как мышь. Там, в сенях, написаны многие стихотворения поэта. Позднее семья приспособила этот угол под свалку старых ненужных вещей. Лонгфелло ужаснулся, увидев свалку на месте его поэтических восторгов. “Гунны захватили Рим!” – воскликнул он.

Что же, творчеству не пристало выбирать: словно молния, оно озаряет человека там, где его застал случай. Может быть, надо откровенно признаться в этом – и устраивать экскурсии в подвалы и на чердаки, в пивные и публичные дома, на свалки и свинарники, чтобы дать почитателям творчества обнять тайну его внезапного начала!

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ДЕМОКРАТА

16.02.91. Портленд, штат Мэн.

Профессор Портлендского университета м-р Гилл, у которого мы ужинали, показывал мне книгу, составленную им совместно с Г. Х. Поповым. Сборник статей не издавался по-русски, но представляет собой любопытное свидетельство, притом весьма недвусмысленное, безграничного конформизма нынешнего лидера “демократических сил”. Среди авторов – Кириченко (ЦК КПСС), В. Афанасьев, Гвишиани-Косыгин и прочая партийная номенклатура.

По свидетельству профессора, Г. Попов, будучи в г. Портленде, предосудительных взглядов на политику СССР не высказывал и *ни в чем дурном замечен не был*. С таким вот *аттестатом* и начал Гавриила Харитонович свою “оппозиционную” деятельность.

ЭВРИКА!

Теперь я понял! Нам нужно было возить с собою медведя и цыганский хор, чтобы кто-то обратил внимание в Америке на наши *демократические рассказы*.

17.02.91. Гостиница “Рэдисон”, г. Мемфис.

Музей изобразительных искусств Портленда поразил меня предельным **отсутствием творчества**. Ученические работы, на которых лежит каинова печать обреченного подражательства, семейные портреты, доведенные до карикатуризма, и разные вещи с улицы: вывески, таблички, пустые банки из-под пива, — заставляли не только меня, но всех остальных любоваться прекрасным **солнечным днем** через огромные окна музея.

Думаю, что именно **живопись** сыграла роковую роль в умерщвлении творчества, которое совершалось на протяжении всего XX века. Живопись XX века — это больше, нежели вид изобразительного искусства, это миф о доступности сокровитного, идея о размене творческих слитков на мелочь и бумажную шелуху. Я бы не побоялся сказать, что это почти **коммунистическое** восстание против высокого в творчестве, ведомое рабской мечтой о равенстве. **А итог** этого восстания: расплюснутые пивные банки и откровенные фотографии сексуально озабоченных особ **на стенах Пантеона!!!**

Если бы **войну в Заливе** не раздували нефтяные кампании, ее бы создали на американском телевидении и придумали сценарий в Голливуде. Одним словом, если бы не было войны, ее следовало бы придумать для Америки, питающейся свежей кровью. **Доброе утро, Америка!**

Живя в Америке, часто вспоминаю выточенные из черного дерева **счета полинезийского людоеда**, которые я видел у одной американской пары в Москве. Уродливые фигурки, нанизанные на металлический стержень, изображают собою количество людей, съеденных владельцем счетов. Изумительное соединение **меркантилизма и сакральности** в одном громоздком предмете! Именно эти людоедские счета я вижу, когда перечисляют по здешнему телевидению число жертв с той и с другой стороны. Сегодня убиты 11 американцев — фигурки на счетах передвинуты: забавная арифметика у войны, полинезийская!! **Кто кого больше убьет!** — вот сегодняшняя лозунг Америки.

Между прочим, **молодой профессор**, присутствовавший на обеде у господина Дилля, утверждал, что во время войны жертвы среди мирного населения неизбежны... и аппетитно жевал бифштекс. Я надеюсь, что он **не исключил** заранее себя **из этого числа**, иначе его утверждение, согласитесь, теряет всякий смысл.

Физиология нам говорит: думать лучше всего **на голодный желудок**. Может быть, **поэтому** у американцев такая приземленность мыслей?!

После посещения **шведского стола**, где каждый волен брать или не брать пищу в зависимости от размеров собственной алчности, уходись с твердым убеждением: “Русский — значит голодный”.

Все-таки я не **кочевник**: скакать с места на место, поднимаясь как по тревоге, не идет моему характеру. Боюсь, что такое бытие, в котором я пребываю в последнее время, может отразиться и **на стиле**: от него уже немного несет казармой... или этой гостиницей! Тревога!

Портлендский профессор Дилль, будучи в Москве, очень удивился, что русские, оказывается, **называют Ленина преступником**. Не долго думая, он купил быстрее в первом попавшемся магазине целую кучу значков с изображением Ильича. Ему показалось, что **лет через пять** их невозможно будет достать. Он явно поторопился, приняв напускное красноречие за переворот в сознании и за “переоценку всех ценностей”. К примеру, **Горбачева** ругают еще хлеще. Достается также **Сталину, Хрущеву и Брежневу**. Честно говоря, трудно найти политика, которого с той или другой стороны не обливали бы грязью. Не потому, конечно, что нет хороших политиков, а потому, что политика и грязь прилипают друг к другу. С другой стороны, почему у меня нет никакой охоты покупать значки с изображением **Линкольна** или **Элиаса Пресли, Буша** или **Рейгана**? Не нужны мне американский флаг, вашингтонский орел и другая патриотическая атрибутика. Значит ли это, что я гоняюсь за чем-то **более ценным**, чем побрякушки, и хочу увезти что-то большее, чем значок?

И все-таки **отсутствие** в мыслях американцев Ленина и Сталина **освежает** здешний воздух. Хотя памятник Т. Шевченко в Вашингтоне, подогнанный под вкус местной общины, столь же безвкусен, как его близнец перед гостиницей “Украина” в Москве, памятник Ленину в Америке — просто **невообразим**. Хотя жизненная отметка стоит здесь прочно и долго на **стабильно низком уровне** значков, памятников и флагов.

ОДНОМЕРНАЯ АМЕРИКА

Я готов признать, что Америка не имеет никакой *внутренней жизни* – так ково здесь засилие *поверхностного*, в человеке! Когда я вижу государственный флаг в окне дома или на балконе, я хватаюсь за голову: “Еще один человек торопится отпрапортовать о своей смерти!”

Американский сервис – *навязчив*. Представьте себе, шесть или семь утра: вы спите, а к вам ломится в дверь черная служанка отеля – и ни свет ни заря добивается от вас, полусонного, *когда именно* надо убрать ваш номер, заставляет вас где-то расписаться, поставить на бумаге *точное время*, а затем вы возвращаетесь вечером *в неубранный номер!!!*

“*Ты для меня недостаточно черный!*” – так может здесь осадить один негр другого. Как жаль, что никто не поймет меня, если пристыдить кого-нибудь в России – и совершенно справедливо: “*Ты для меня недостаточно русский!*”

18.02.91. Radisson Hotels Int.

Русскую историю в мемфисских школах изучают по путевым очеркам американского “французика из Бордо” – журналиста, озаглавленным “Русские”. С таким же успехом можно было бы изучать нашу историю *по сплетням бабушек на лавочках*.

В Америке есть запрещенная организация (предмет моего пытливого интереса) – ку-клукс-клан, которая, однако, неистребима так же, как **общество “Память”** в России. Ку-клукс-клан – это не только культура и психология **южан** в Америке, но еще и черта характера белокожего человека, своеобразная *складка*, которую не так-то просто разглядеть.

В Америке, несомненно, есть черты здорового общества, чему одно из доказательств – *гладиаторы*. **Спорт**, который сильно напоминает римский цирк, – еще одна религия здесь (после политики). Зрелище, притом жестокое, здесь в таком же избытке, как и хлеб, и над входом в любой американский дом (и просто в Американский Дом с большой буквы) вполне уместно будет повесить надпись: “*Хлеб и зрелища*”.

Гладиаторы – *люди-игрушки*, единственное назначение которых быть зрелищем для других, лишь один из многих редких типов людей, которые существуют в Америке, где еще сохраняются некоторые экзотические человеческие разновидности, давно истребленные *духом равенства* в Европе.

В Америке человек занимает свой определенный этаж, свой ранг, и, несмотря на внешнюю раскованность в поведении, американец не может преодолеть *невидимую стену*, отделяющую его от американца другого ранга.

Предельно заостренное внимание к *невидимым стенам* дает начало здешнему *аристократизму*, с которым взлелеян в американской элите такой дух превосходства (*superiority*), что от него *кружится голова* и у обитателей самых нижних этажей – подвалов, нор и пещер: у всего подземного и подпольного в Америке.

Нигде я не видел столь изощренной *игры с женщиной*, как здесь. **Ей** позволяется даже заплатить за вас в ресторане, чтобы как-то *не ущемить* чувство ее собственного достоинства, не говоря уже об остальном. Это называется “*независимостью*”. Ничто американская женщина не соблюдает строже, чем эту “*независимость*” – о чести, как о старомодном понятии, мы здесь даже не упоминаем. Честь американкам беречь не надо: ни смолоду, ни со старости, – а вот “*независимость*” – *другое дело*.

Впрочем, так же поверхностны в понимании “*независимости*” американские мужчины: для них также недоступна иная, более опасная и более глубокая *независимость*, которая лежит *вне сферы отношений между мужчиной и женщиной*.

Главное *достижение* Америки – наплевательское **равнодушие**, которое здесь именуют “*терпимостью*”. Ничто не воспринимается близко к сердцу: нет вещей или идей, скорее – идей, ради которых можно было бы пожертвовать жизнью. Люди как бы одномерны и не могут открыться для всеохватного чувства: их внимание рассеяно, память ослаблена, переживания неясны. Человеческая бытовая мудрость, граничащая с полным идиотизмом. Мудрость **евнуха**, поселенного в турецком серале.

Равнодушие американцев порождено стремлением к удобству и не имеет ничего общего с **нигилизмом**, свойственным русским Чайльд-Гарольдам.

Жизнь для американца не имеет вкуса, если она не удобна как **писсуар**. (*Его и можно сделать зримым символом этой цивилизации наряду с бидэ!* – Примечание автора).

Русские твердо привержены своей первой заповеди: “Любите дальних”. Притом, чем дальше от нас кто-то находится, тем лучше. Вероятно, мы предполагаем, что в этом чувстве возможна взаимность, если возьмем глупые любовные письма от русских девушек в Америку (как, к примеру, я). **Любовь к дальним** предполагает непременно сохранение определенной дистанции, как в настоящем, так и, **особенно!** – в будущем. А чувство дистанции – единственное чувство, которое как-то сближает нас с *миннезингерами*, то есть с прекрасным временем торжества иерархии в отношениях между людьми, делавшей жизнь *аристократии* мучительной и цельной.

Дух революционности прямо-таки распирает черную Америку: недаром говорят, что война – это утренняя заря революции. Мало кто из русских знает, сколько **черных** (по-нашему **негров**) в Персидском заливе, а их там более 80 процентов в составе американского “ограниченного контингента”. Отсюда африканский тезис: “Война в Заливе – это *геноцид* нашего народа”.

Идя по берегу Миссисипи, невольно вспоминаешь, сколько *отрубленных голов* и *кастрированных половых органов* зарыто по ее берегам. О, великая и обильная, матушка-Миссисипи!

РЕЛИГИЯ В АМЕРИКЕ

Между прочим, только выслушав дутое красноречие христианского проповедника-циркача, который пляшет на канате одной-единственной мысли, понимаешь, что *такое сильные речи*. Я уже не говорю о **молчании**. А в баптистской церкви, напротив, очень шумно и сутолочно, как в кафе. Изощренная форма при бедности внутреннего содержания превращает такую речь в большой и переливающийся цветами радуги *мыльный пузырь*. Чуть отлетел он от ваших губ – и лопнул! Фух!

Сильные речи даже из уст заики льются медленно, как расплавленное золото, они обжигают, ранят, оставляют шрамы на теле и отметины в памяти, которые не зарубцовываются. В сильной речи совершается выбор – *бросается жребий*, переходит Рубикон, поэтому голос судьбы звучит в них с предельной открытостью и завораживает, что бессильны сделать сладостные переливы прекрасноголосого болтуна – преподавателя “вечных истин”.

“Саша, *джентльмен не должен быть скрягой!*” – фраза нашего спутника, депутата А. (Эммануиловича), обращенная к не в меру экономному товарищу, за которую он достоин быть изваянным в бронзе... или хотя бы взятым в очередную поездку по скаредному и корыстному Западу.

21.02.91. Гостиница “Омни Нортстар”, штат Миннесота.

Только вылетев из Мемфиса и сев в Миннеаполисе, понимаешь, что попал из *американского Узбекистана* в американскую **Эстонию**.

Видимо, хлопок и жаркий климат изначально несут в себе перспективу бедности, жизнерадостности и отсталости. После этого задумаешься: что сеять? Может быть, лучше выращивать в Узбекистане виноград, кукурузу и персики, чем хлопок и пшеницу? Ведь, как говорится, что *посеешь...*

Черная баптистская церковь заставила вспомнить меня о Российском народном Фронте (РНФ) – одном ублюдочном политическом обществе, чьи митинги организовывались ради “сбора средств на демократические преобразования”. С. Г., казначей данного Фронта, ныне наш брат – депутат Моссовета, прочесывал послушные стада-толпы с прозрачным ящиком в руках и собирал обильный урожай рублевков. “Настрелянные” деньги, в основном, проедались затем в ресторанах, тратились на личные нужды секретарей РНФ, которые только возрастали со временем.

Вот и здесь, в церкви, под конец службы вынесли тоже *ящичек* и довольно-таки *навязчиво призывали* жертвовать, сколько кто может, но не меньше доллара. Знакомая, **русская** картина! Побирушка и жулик, прикрывающийся “высокими идеями” и “интересом народа”. Знаем-знаем!

Кстати, один из “спиритуэлов”, который пели негры, в трогательном наивном стиле открывает нам завесу над чаяниями, послужившими основой веры африканцев в белого бога: когда бог возьмет негра в рай, он даст ему

башмаки – и тот войдет в рай обутым! Дело в том, что негры-рабы ходили босиком (**босьяки!**) и завидовали белым, имеющим сапоги и другую обувь, так что вера их была вполне корыстна: **я** в Тебя верю – а **Ты** мне дашь башмаки. Так сказать, **баш на баш**.

Традиция самосуда, или **суда Линча**, как его здесь называют, еще не пресеклась в Америке. Усвоив этот факт, особенно сладко рассуждать с американцами о торжестве права в их государстве, о законности вообще, о “гуманизме”, “феминизме”...

МОЯ СЛАБОСТЬ

Любовь – трагедия, которая может произойти из-за пустяка: какая-то **царапинка**, неосторожное слово, минутная **слабость**. Нет, я решительно чужд сострадания к погибающим от любви: они сами вошли в пещеру старого дракона – пусть теперь их любопытство посмотрит на его острые белые зубы! С гнилыми кусочками мяса, застрявшими между ними.

МОЛИТВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Не дай мне Бог когда-нибудь уподобиться посетителям музеев, картинных галерей и прочих *достопримечательностей!*

26.02.91. Г. Финикс, штат Аризона, гостиница “Рамада Аллей Хо”.

На вопрос мамы Н. в Миннесоте, что меня больше всего поразило в Америке, я честно ответил: “**Советские люди!**” То есть бывшие советские люди, теперь обитающие на просторах Потомака и Миссисипи. Вернее, это не люди, а какие-то слизняки, ископаемые *брюхоногие*, подавленные сознанием собственного ничтожества (почему?), и от этого особенно наглые (это всегда!).

Но если еще вспомнить, что врезалось в память – это длинная очередь на распродаже в Портланде, где американцы, купившись на 80-процентную скидку, набросились на халаву как русские! А я-то думал, что в Америке не бывает очередей! Нет, *нищенский огонек*, блуждающий в глазах американцев, подмигнул нам вполне определенно: “Мы с тобой *одной крови*, ты и я”.

Меня пугают *усталые глаза* американцев, то и дело проверяющих, который час, потому что им *завтра на работу*. Они в этот момент, особенно когда сидишь в ресторане, выглядят противоестественно, как очень тщательно отдрессированные животные. При всей внешней напускной гордости за выученные с помощью палки прыжки и галопы, из вышколенного животного выпирает страх, самый обыкновенный страх, такой же первобытный, как у школьника, несущего в портфеле двойку. Смотришь на американцев и думаешь: “Такие-то они *запуганные!*”

ДОМ МЕЛАНИ Д. В МИННЕСОТЕ

Сколько раз я убеждался, что туризм – *форма разврата*. Спорт и здоровье – это двуногая формула для простаков: дело тут не в здоровье, а в скотском четвероногом наслаждении, которое накрепко связывает спорт не со здоровьем, а с **сексом**.

Потому самое яркое в рассказах о путешествиях – *пикантные истории*, произошедшие на самолете, в поезде, на пароходе, и вообще везде, где можно прилечь, привстать, присесть и раздвинуть ноги...

28.02.91. Гостиница “Нью Йорк отель”, г. Сан-Франциско.

Идешь по **Сан-Франциско** – на стене надпись: “Как насчет американской мечты?” Взглянешь под ноги – на тротуаре накарябано: “Пожить-то стоит!” Такой вот городок!

Наши вернулись со стриптиза воодушевленные. Рассказывают, что там кто-то забирался в голом виде на дерево, и помимо всего прочего с удовольствием засовывал однодолларовые бумажки в щелочку между ног. Такова Америка: грубые *удовольствия* здесь занимают место изощренных искусств. Но какой надо иметь кишечник, чтобы переварить такую “пищу”.

Только американцу может прийти в голову извиниться за своего президента, за его высказывание, что **СССР – империя зла**. Русского, извиняю-

щегося за софизмы Горбачева, приняли бы за идиота: *антинародность* власти для русских – вполне очевидная вещь. И затем: откуда известно, что констатация факта, будто Россия – империя зла, мы воспринимаем как оскорбление? Может быть, как *похвалу!*

1 МАРТА. ПОСЛЕ РАЗГОВОРА С МОЛДАВСКИМ ПАТРИОТОМ

В мой номер постучалась простая мысль: есть культуры, которые, может быть, не стоит сохранять. Что-то мелочное и недостойное видится мне в погугах националистов непременно сохранить, сохраниться, сохранять все: вплоть до *ничтожных* черт их *повседневности*. Кто знает историю, мог заметить, что высокая культура обречена на гибель, что не смогли сохраниться греки, римляне, итальянцы эпохи Возрождения, что одна культура сменяет другую на территории одной страны, причем изменение происходит обычно не в сторону повышения, и что лучшей *иллюстрацией* неутолимого желания к сохранению своей культуры является египетская мумия – засушенный и обмотанный бинтами *труп*.

Сегодняшнее отношение к культуре напоминает коллекционирование: этого немного, этого чуть-чуть – а в результате получается такой *суррогат*, что единственное, чего он достоин – это быть слитым в мусорное ведро. Причем каждая культура в этой коллекции – это приколотая булавкой бабочка, пыльца с крыльев которой давно уже облетела.

Мексиканцы и “чиканос” по Америке расползлись, как тараканы по квартире: забились в каждую теплую щель и шевелят оттуда своими черными усами.

Наблюдение американцев: “У вас тоже было бы меньше демонстраций, если бы было больше телевизионных программ”. Добавим от себя: “И колбасы”. Вот вам и *формула процветающего общества!*

Или: колбаса как символ русской демократии! Или: демократия есть колбаса плюс теле вещание на все возрастающем множестве каналов.

Я берусь доказать, что деньги в Америке пахнут. Когда берешь доллар в руки, полезно знать, что, может быть, именно эту бумажку пьяная проститутка в Сан-Франциско засовывала во влагилице, чтобы развеселить толпу скучающих мужчин. В американских барах не помнят о предостережении Шопенгауэра: “Никогда не делай того, о чем неудобно будет рассказать за обедом”. Именно за обедом в Америке делают много такого, о чем просто *неудобно рассказывать*.

Америка – *сексуальная страна*. Так я бы охарактеризовал ее одним предложением. Иными словами, все здесь размягчено, изнеженно, царит куртуазная вежливость, расслабленность. Нервы от этого “мягкие”, нравственность – “гибкая”, чувство борьбы притуплено. А еще говорили, что Штаты – наш потенциальный противник! Куды там!

Наша же матушка-Рассея озабочена, как сорокалетняя продавщица овощного магазина – столь же толстая, как и похотливая. Продавщица моркови. С ней и русскому мужику не совладать – куда там американцу!

Однако американское общество не просто изнежилось, но *обженцилось!* Достаточно посмотреть многочисленные развлекательные журналы, чтобы понять, какой *женоподобный* тип мужчины там культивируется. И какой мужеподобной становится женщина!

ОТВЕТ РУССКОГО СВЯЩЕННИКА

Сан-Франциско. Еду с местным священником в машине. Спрашиваю: “Что, по-Вашему, представляет из себя Америка?” Отвечает: “Америка – это страна *победившего материализма*. Вульгарного”.

3 марта. Г. Вашингтон. гостиница “Карлельс”. “Звезда упала”. Неожиданный вопрос на встрече в Сан-Франциско с русскими американцами: преимущественно белогвардейцами и власовцами, – воодушевил меня: “Что вы думаете о Керенском?” – “Лично для меня Керенский еще слабоват. Он для меня еще очень левый, социалистический. Конечно, он не такой красный, как Ленин, и не был готов идти так далеко, как пошли большевики, но все-таки он какой-то розовый. *Розовый*, и потому он *для меня слабоват!*” Аплодисменты.

– А Вы знаете, что Керенский был *масоном*? – Дальше начинается нудная экстраполяция теории жидо-масонского заговора против России. А мне-то

показалось, что здесь хотят задавать вопросы – нет, и здесь все ищут возможности высказаться. И несут тот же бред, что в Москве. Русские повсюду одинаковы!

Иногда правильно: от размера альбома, где пишешь, зависит размах мысли. В маленькую книжечку вмещаются только короткие, отрывочные, обглоданные мысли. Ширина страницы и разлет почерка – это ритм фразы, а ритм – это стиль, а стиль, как известно, это человек. Поэтому я хочу еще один такой же альбом.

Так что не только у книг, но уже у *будущих рукописей* – альбомов и тетрадей – своя судьба! И я люблю мою судьбу.

5.03.91, 1 ч. 03 мин. Гостиница “Carlyle Suites”, г. Вашингтон.

Русский юмор в аэропорту Америки: “Голые бабы по небу летят – в баню попал реактивный снаряд!”

Американский юмор: “Вы хотите лететь самолетом “Пан Американ”? – Покупайте с а м о л е т – и летите!” (компания обанкротилась и продает все с молотка)!

Вот вам и *разница* между русскими и американцами.

Две вещи в Америке сводят с ума русских: порнографические журналы и свободная продажа оружия. Особенно *второе*!

Надо же, ведь еще со времен древней Греции повелось, что рабы не имели права на ношение оружия. Им невдомек, что *современные рабы* имеют право даже на ношение оружия!

Америка – страна, в воздухе которой, если по-гоголевски зажмуриться и глубоко затащить ноздрями – чувствуется разлитый в нем *запах рабства*. Да, рабства. И утонченной жестокости, господи!

Что касается порнографических журналов, их неоценимое достоинство – в пробуждении в мужчине *инстинкта охотника*, ловца и преследователя зверя. Дикого волка, напившегося человеческой крови. Место этих журналов – рядом с охотничьими, в которых азартные бездельники намечают свою будущую жертву: большую рыбу, пушистую кошку или *хищную птицу* с царским оперением.

Г. Финикс.

Душная ночь. Где-то далеко играет музыка. Я обедаю в ресторане один. В последний момент депутат П., пожалев деньги, куда-то исчез: он больше никогда не будет в Финиксе, не увидит его идеально подстриженных газонов, которые хозяева утюжат каждое утро; не увидит освещенных витрин с безделушками, золотом, жемчугом и эбеновым деревом; не прикоснется к громадным тропическим пальмам и драконоподобным деревьям из Китая; не сядет на балконе с зажженными спиртовыми факелами, чтобы попить при их танцующем свете, как это делали греки и римляне; не вдохнет этого сладкого воздуха пустыни, пьяного от неправдоподобно больших кактусов – ничего этого не будет, но он ушел. А я сижу и, поглощая экзотический китайский суп, мечтаю о море и думаю, что деньги портят только того человека, который уже испорчен, в котором уже была червоточина, прогрызенная жадностью и непомерной мелочностью желаний. Эту мысль я съедаю за вас на “первое”.

Н. сказала мне как-то, что наши советские деньги для нее – “монополиманей”, одним словом – фантики, игрушки, нарезанная бумага. Да, но для нее её американские бумажки – не игрушка! Если бы она знала, что для меня любые деньги – *только игрушка*. Важно одно: заставить эту игрушку играть! Заставить эту рулетку вертеться! А американские фантики в СССР – это “русская рулетка”!

Здесь, в Вашингтоне, далеко не рядовое здание масонской ложи “Великий Восток”. Я сначала принял его за *Музей египетского искусства*. И в архитектуре и в мировоззрении масонов – метафизика на метафизике, эклектика на эклектике, имитация на имитации. Главная мысль *масонства* – наполеоновская: о владении всем миром – но несколько устаревшая и претенциозно смотрящаяся, как мундир гренадера, натянутый на статую фараона; кошмарная – как расстрелянное картечью лицо Сфинкса в египетской пустыне. Точно скажу: *этому дому не хватает выстрела из пушки!*

БЛИЗОК КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

В полутемном коридоре американской гостиницы глубокой ночью два народных депутата СССР и один директор российского демократического института стоят пьяные до такой степени, что им почему-то вспомнилась давно уж выпитая бутылка молдавского вина, и они стучатся в номер к испуганному представителю национального меньшинства, требуя отдать им чемодан с шампанским, смеются и подтягивают трусы: “Товарищ Романей, откройте: *джентельмен не должен быть скрягой!*” Но робкий молдаванин прячется, а открывший им дверь народный депутат России, лидер движения “Дем. Россия”, посылает их по-русски к такой-то матери!

Эта сцена напоминает мне “Левшу” Лескова: кто первый напьется так, чтобы увидеть черта. Кто напьется в Америке так, чтобы *стать русским!*

7.03.91. Гостиница “Шератон центр”, г. Нью-Йорк.

Город нужно изучать ногами (заповедь русского путешественника).

За обедом у Джонатана Х., друга Н., у нас состоялся разговор о литературе. Оказалось, что его жена – писатель и, к моему изумлению, вот уже второй год трудится над каким-то романом. К тому же она *вегетарианец*.

Я вынужден был откровенно признаться, что ни на что, превышающее объем в несколько предложений или поэтических строк, категорически не способен. Заниматься два года одним и тем же делом было бы для меня трудно. Это – все равно что отказаться от мяса, и два года, вставая утром, есть манную кашу, а засыпая вечером, бормотать себе под нос одну и ту же “Отче наш”. Так можно не столько написать роман, сколько свихнуться. Это похоже на фрустрацию, а потому – на заурядное бытовое сумасшествие. Ощущение радости от творчества – короткое и яркое, как бокал шампанского! – его нельзя смаковать весь вечер, как крепленое вино. Может *ударить* в голову!

Говорили о **Набокове**. Несмотря на пейзажи, имена и обстановку, “Лолита” для меня – очень *русский роман*. Роман, который может понять только учитель русского языка в средней школе Москвы, читающий его подпольно и под угрозой наказания, а не американский интеллектуал, которому нажужжали в уши, что ему все позволено и для которого нет запрещенных книг и тем.

Книга, сомкнувшаяся с вашей судьбой во внезапном и неотвратимом порыве, читается лучше и понимается не умом, а кожей. Наша кожа, как кожа Марсия, сжимается и болит, когда нам в руки попадают **наши книги**, *плоть и кровь* которых – это наши высосанные *плоть и кровь*. Да славится наше причастие телу и крови творчества – наша подземная вера! И от этого она тем более **земная!**

В Америке нет места *поэзии* – непозитически живет человек на *этой* земле. И потому ничуть не удивительно, что в Америке *нет поэтов*. А что их нет, подтверждает удивление американцев нашему домашнему обычаю – приносить цветы на могилу поэта и к подножию его памятника, отмечать день рождения поэта изотерическими собраниями, сопровождающимися чтением его стихов. Американцам это смешно и непонятно: они практичны и рациональны до кончиков ногтей, то есть они обыватели, по-рабски полные этим сытым сознанием домохозяйской “мудрости”.

Америке под силу лишь послеобеденное искусство: галереи, музеи и лавки полны здесь пестрой мазни, по декоративности ближе всего стоящей к обоям, главный герой которой – сытый человек. Сытый человек с его отрывкой, охочий до какой-нибудь пышной толстушки, обладательницы панталон и задранной до пупа юбки. Прозябающие рядом неудовлетворенные женщины так называемого “бальзаковского возраста”, встающие в позы живописные, изощренные и потому вымученные, или просто декоративный сумбур, беспорядок – вот содержание американской живописи. Отрывка. *Бурчание в животе*.

Русские и Американцы могли бы, пожалуй, спеться.

Здесь, как и в России, песня не загнана окончательно в бестиарий кафе, концертных залов, театров и музыкальных магазинов.

Песня здесь звучит – и она является формой бытия, способом жить и выжить для многих американцев, попрыгкой *вспомнить себя* и свое время.

СОВЕТ

Никогда не завидуйте человеку с талантом: имеющий острую шашку, может обрезать *первым*.

8.03.91. “Hilton”, NY.

Русская пословица, которая особенно часто вспоминается в Америке: “Бедность не порок, а большое свинство”.

Такое освинение человека, которое происходит в Америке, стране победившего материализма (определение не моё), конечно, не только от бедности: богат тот, кому ничего не нужно. Честное слово, у меня уже вызывает сочувственное уважение любой человек *только за то*, что ему не нужен видеомагнитофон и цветной телевизор. Не нужен – и все тут.

Заповедь русского за границей: “Спать будем в Москве”.

ИНСТИТУТ ГАРРИМАНА

Горбачева здесь называют нео-Керенским, но затрудняются ответить, есть ли в России еще один Ленин?

Я любезно помог американским советологам: “Одного Ленина у нас сегодня, конечно, нет, но зато есть коллективный Ленин – лидеры национальных движений в республиках. Эти *ленины* с маленькой буквы, но от этого **не менее** отвратительные и опасные”.

Пока мы ехали в машине с Екатериной, православной американкой из Сан-Франциско, она успела мне поведать о семье русских, приехавшей погостить и “вдруг” решившей “остаться”. С нами ехала милая девочка – дочь новоиспеченных невозвращенцев.

Я тут же вспомнил аналогичный случай, только произошедший с уже немолодым мужчиной, о котором рассказала Н. Похоже, что это явление принимает какой-то повальный характер, как чума или сибирская язва.

Я шумно удивлялся и недоумевал по этому поводу. “Я не могу понять, почему так происходит”, – разводил я руками в искреннем удивлении.

Екатерина ответила мне *по-американски* холодно и цинично: “Чего же непонятного – это **экономические иммигранты**. Просто у нас лучше магазины”.

Но разве это удовлетворительное объяснение? И разве оно способно снять мое удивление?! Словно услышав волшебное слово “магазины”, я должен склонить голову и согласиться с Катей: “Да, стоит бросить свою жизнь, друзей и родителей, летний вечер на Воробьевых горах и переулочки Замошкворечья, шумный Центральный рынок на Цветном и весенние лужи на Солянке, яблоневые сады городских усадеб и праздную осеннюю толпу, разгуливающую по Тверскому бульвару; московскую елку под Новый год и лыжные прогулки в Сокольниках, – что стоит все это бросить к чертовой матери ради куска колбасы”?!

Если бы я сделал так, то уже никогда я бы не смог уважать себя и был бы противен и мерзок, как ворчащая в моем животе *чечевичная похлебка*, на которую я обменял мое первородство!

Неужели я так слаб, что и меня может посетить это подленькое, маленькое желание: всосаться в Америку, обмакнуть в этот сладенький сироп. Неужели и я, как *жадная муха*, могу утонуть этой липкой жижице! Фу, как противно!

Америка от нас уходит, ускользает – я это чувствую! Она оторвалась от нас, как льдинка – и уплывает, кружась, медленно, однако *безвозвратно*.

Но я верю, что я привезу с собой Америку как шрам: я здесь страдал и я был здесь счастлив! Шрамы на нашем теле не видны остальным – мы привозим их под одеждой, но при любом обнажении мы имеем яркие как молния свидетельства нашей судьбы и нашей боли.

Америка – это мой свежий, не зарубцевавшийся шрам. И я верю, что **шрамы украшают мужчин**.

ПАВЕЛ КРЕНЁВ

МЯТЕЖ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

С сожалением надо признать, что современная историография до сих пор грешит тенденциозностью. Уж не знаю, беда это историков или их вина, но они всегда, во все времена – сыны и дочери своих эпох. К сожалению, каждое время заставляет своих современников – исследователей отражать себя в нужном ему ракурсе. Надо согласиться, что эпоха, в которой довелось нам жить, совсем не рождала историков объективных, да и не могла их рождать: царство социалистического реализма и партийного подхода ко всем без исключения событиям относилось или однобоко или комплементарно. Являлось необходимым подавать исторические события в тонах и красках, любимых властью. Другой подход исключался: историки были в системе приводных ремней к государственным жерновам.

При всем уважении к советским временам, когда наш народ, пережив немыслимые испытания, достиг небывалых высот в технике и искусстве, нельзя не признать, что степень вульгарного обращения с историей достигла тогда невероятного уровня. Особенно это может касаться событий Октябрьского переворота, гражданской войны, коллективизации, “красного террора”, других переломных моментов новейшей истории.

Хочу показать это на конкретном примере.

Осмелюсь утверждать, что вряд ли найдется хотя бы один мало-мальски осведомленный в истории человек, который бы не знал, что в июле месяце 1918 года партия левых социалистов-революционеров-интернационалистов, традиционно именуемых левыми эсерами, совершила чудовищное преступление – мятеж против советского правительства с целью захвата власти. Для этого эсеры убили германского посла Мирбаха в надежде, что Германия ответит на это возобновлением войны с Россией, прерванной заключением Брестского мира, и всё это поможет левозэсеровской партии захватить вожделенную власть. Ситуацию спасли, как это подается в традиционной интерпретации, славная ВЧК, а также ее Председатель “железный рыцарь революции” Феликс Дзержинский.

Как человек, много профессионально занимавшийся историей, возьму на себя смелость заявить, что практически вся утвердившаяся в нашей историографии схема тех событий, их истоки, течение и последствия никак не соотносятся с реальностью. Они умышленно искажены, а то и сфальсифицированы.

Более того, я утверждаю:

1. Мятежа левых эсеров, якобы состоявшегося 6–7 июля 1918 года, вообще не было.

2. Всё это было грандиозной провокацией, продуманной и осуществленной группой лиц под руководством Л. Д. Троцкого.

Для того чтобы это доказать, необходимо для начала рассмотреть военно-политическую обстановку, сложившуюся в стране на тот исторический момент.

Большевики во главе с Лениным еле-еле держались у власти. Германия заставила Ленина и его ближайших сподвижников подписать в Брест-Литовске “похабный” мирный договор и в соответствии с ним получила во владение огромные территории и право нераздельно выкачивать из страны несметные богатства. Не повезло ей лишь в одном: всё это было не ко времени – она несла тяжелые поражения на фронтах и с трудом сдерживала последние сокрушительные удары войск Антанты и присоединившихся к ним Соединенных Штатов Америки. И всё же надежды ее не покидали: Германия маневрировала и на фронтах и в политике и очень рассчитывала на поддержку Ленина.

Разворачивалась последняя фаза Мировой войны, всё очевиднее становилось, кто победит, кому делить трофеи.

Ленин через определенных людей просил у немцев финансовой и моральной помощи, требовал усилить его позиции, насколько это было возможно. И вот в конце апреля 1918 года в Москву прибывает германское посольство. Его возглавляет сорокасемилетний опытный дипломат, уже несколько лет работавший ранее на различных должностях в германском посольстве в Петрограде, граф Вильгельм фон Мирбах Горд.

Его задача – всячески поддержать большевиков. Конечно, известны ему и неискренность его правительства по отношению к большевикам, и реальное отношение к ним.

“Политично использовать большевиков до тех пор, пока они еще могут что-то дать”.

Это слова статс-секретаря Министерства иностранных дел Германии адмирала фон Хинтца. Как видно, они не содержат большой симпатии к кремлевским хозяевам. Зато искренние. Ровно как и следующие слова того же крупного чиновника:

“Большевики – крайне плохие и несимпатичные люди; это не помешало нам навязать Брест-Литовский мир и постепенно отнимать у них землю и людей еще сверх того. Мы выбили из них, что могли, наше стремление к победе требует, чтобы мы это продолжили, пока они еще находятся у руля... Чего же мы хотим на Востоке? Военного паралича России. Его большевики обеспечивают лучше и основательнее, чем любая другая российская партия”.

Следуя этой циничной, но железной логике, граф Мирбах направляет главные свои усилия на поддержку явно шатающегося большевистского режима. Он лично вникает во все детали катастрофической ситуации, встречается с лидерами большевистской партии, имеет в результате объективную картину положения дел и скоро переходит к конкретным шагам по укреплению ленинской власти в интересах Германии.

3 июня 1918 года он делает своему правительству первый запрос относительно срочной финансовой помощи правительству России в размере 3 миллионов марок ежемесячно.

“При сильной конкуренции Антанты требуется около трех миллионов марок ежемесячно. В случае возможно неизбежного в скором времени изменения нашей политической линии следует считаться с более высокими потребностями. Мирбах”.

Несмотря на тяжелейшее положение на фронтах, деньги Германия нашла. 27 июня из ее Министерства иностранных дел последовал ответ:

“Запрошенная месячная сумма предоставляется впредь до особого распоряжения. Прошу в особенности противодействовать влиянию Антанты всеми способами. Более подробное указание об отчетности последует”. В скором времени сумма была увеличена и достигла 40 миллионов марок.

Таким образом, германский посол Мирбах добился финансирования большевиков во главе с Лениным, и таким способом “германская партия” укрепляла свои позиции.

Безусловно, это произошло в противовес другой не менее сильной, не менее циничной и агрессивной в достижении своих целей – прозападной партии, работавшей на интересы Англии, Франции и США. Возглавлял ее изощренно коварный мастер закулисных интриг, вечный соперник Ленина,

военный нарком Л. Д. Троцкий (Бронштейн). Российский революционер с большим стажем, приехавший в Россию из США, где он находился в эмиграции, и имевший американский паспорт, выданный ему лично Президентом Соединенных Штатов Вудро Вильсоном, практически откровенно работал на эту страну и активно взаимодействовал с представителями Антанты в России.

Мирбах, укрепляя позиции Германии в России, объективно сильно мешал Троцкому и прозападникам во властных структурах. Презрительно именуемый Свердловым “денежный посол” (по названию Денежного переулка, на котором располагалось посольство), он с точки зрения Антанты и США перешел границы дозволенного и своей активностью подписал себе смертный приговор.

Его убийство явилось составной частью провокации, известной в советской историографии как “мятеж левых эсеров”.

Нужно было только найти повод и выбрать подходящую дату.

К 6 июля отношения между США, Антантой и Германией в российском вопросе стали критическими, а фигура немецкого посла в России Мирбаха стала очень значительной. Представители стран-союзниц рассматривали его как “теневого диктатора”, который подмял под себя российское правительство. Он и в самом деле решительным образом поддерживал большевиков. Мирбах докладывал в Берлин: “Реализация наших интересов требует поддержки большевистского правительства. Если оно падет, то его наследники будут более благосклонны к Антанте”...

В свою очередь союзники выражались в адрес Германии не менее определенно. 4 июля 1918 года, когда в США отмечался День Независимости, американский посол в России Фрэнсис обратился к народу России:

“Мы никогда не согласимся, чтобы Россия превратилась в германскую провинцию, мы не будем безучастно наблюдать, как немцы эксплуатируют русский народ, как они будут стремиться обратить к своей выгоде огромные ресурсы России”.

За очевидной демагогией относительно заботы о русском народе в послании отчетливо высвечивается угроза, нависшая над немецким послом.

Мирбах стал настоящим препятствием для стран-союзниц еще и потому, что именно в это время они начали массированную интервенцию войск Антанты на Севере и на Юге России. Именно в эти дни президент США В. Вильсон благословил еще одну интервенцию — наступление чехословацкого корпуса. Союзники явно готовились потеснить немцев, нейтрализовать их влияние и захватить всю Россию.

Безусловно, столь очевидное и опасное противостояние долго продолжаться не могло. Мирбах тем или иным способом должен был быть нейтрализован. Он сильно мешал не только на российском, но и межгосударственном уровне.

Сведения о готовящемся покушении на германского посла стали поступать в ВЧК задолго до самого этого события.

Еще в апреле работавший в Москве французский военный разведчик капитан Жак Садуль передал Дзержинскому и Троцкому информацию о подготовке провокации с покушением на Мирбаха. Он сам пишет в своей книге “Записки о большевистской революции”, что никаких мер по этому поводу принято не было.

Странно: идет подготовка к убийству посла страны-союзницы, а меры по предотвращению этого не принимаются.

Дальше — больше.

В середине июня заместитель наркома иностранных дел России Л. М. Карахан представил Дзержинскому сведения, полученные из немецкого посольства, о подготовке покушения на посла Германии и других работников посольства. Был также передан список конкретных лиц, готовящих заговор и их адреса. ВЧК снова не предприняла предупредительных мер.

28 июня Дзержинскому опять передали новые данные, что на квартире № 35 по адресу Петровка, дом 19 проживает англичанин Ф. М. Уайбер, который возглавляет подготовку заговора против германского посольства. В результате проведенного чекистами обыска по данному адресу был задержан сам Уайбер и изъяты документы, в самом деле свидетельствующие о подготовке покушения, а также секретные коды для составления шифрованных текстов. Однако на допросе англичанин заявил, что не знает, как эти документы

попали к нему на квартиру, и он был из ВЧК почему-то отпущен на свободу и немедленно покинул Россию.

Далее события с точки зрения нормальной логики разворачивались совсем уж нелепо.

Карахан устроил встречу Дзержинского с сотрудниками немецкого посольства Рицлером и Миллером, отвечающим за безопасность посольства. Те рассказали главному чекисту еще много фактов, однозначно свидетельствующих о готовящейся провокации, назвали даже имена своих тайных осведомителей, организовали встречи Дзержинского с этими осведомителями (Бендерской и Гинчем), но по странной логике руководитель ВЧК не придавал этому должного значения и сделал единственный вывод: германское посольство кто-то шантажирует. И никаких мер почему-то не принял, хотя полученная им информация была более чем конкретна. Единственно, что он совершил – арестовал осведомителей. Есть основания полагать, что дальнейшая судьба и Гинча и Бендерской весьма и весьма печальна: они слишком много знали.

Когда Дзержинский после убийства графа Мирбаха пришел для разбирательства в германское посольство, лейтенант Миллер встретил его горьким упреком: “Что Вы теперь скажете, господин Дзержинский?”

Само покушение, которое, согласно российской и зарубежной историографии, явилось сигналом для начала восстания партии левых эсеров против советской власти, подробно описано во множестве литературно-исторических источников, и нет большого смысла останавливаться на детальном о нем рассказе. Однако следует, вероятно, указать на основное содержание тех событий.

Итак, в середине дня 6 июля 1918 года сотрудники Всероссийской чрезвычайной комиссии Яков Блюмкин и Николай Андреев, члены партии левых эсеров, явились в германское посольство и предъявили якобы липовый мандат, подписанный Председателем ВЧК Ф. Дзержинским и его заместителем Ксенофоновым, содержащий просьбу встречи с послом. Предлогом для встречи явилось решение дальнейшей судьбы племянника Мирбаха, воевавшего на стороне Австрии и попавшего в русский плен. Во время состоявшихся переговоров германский посол граф Мирбах был убит. Его убийцы Блюмкин и Андреев укрылись в Боевом полку ВЧК, которым командовал Дмитрий Попов, также левый эсер. Затем, как повествуется в нашей истории, полк ВЧК восстал и вместе с ним восстала партия левых эсеров, желавшая разорвать мирные отношения с Германией и возобновить с ней войну. И только благодаря слаженным и умелым действиям чекистов и Красной гвардии, объединенных боевым руководством ленинской коммунистической партии, коварные замыслы буржуазных недобитков – левых эсеров были разоблачены и предотвращены.

Хочу выступить категорическим оппонентом такой вот точки зрения и постараюсь сделать это аргументированно.

Во всей исторической литературе говорится одно и то же: на мандате, выданном Блюмкину и Андрееву, стоит подпись Ф. Дзержинского, однако это подпись поддельна и подделал ее не кто иной, как заместитель Дзержинского В. А. Александрович (Дмитриевский), тоже левый эсер, за что он и был немедленно расстрелян.

Смею утверждать: подпись Дзержинского никто не подделывал, это реальная подпись. Я хорошо знаю его подпись, так как много раз видел ее на подлинных документах в Центральном и других областных архивах управлений Комитета Государственной безопасности нашей страны.

Чтобы это доказать, нужно всего лишь внимательно изучить уже опубликованные в открытых источниках документы того времени и сопоставить некоторые изложенные в них факты.

Нам известно, что в 1918–1919 годах Яков Блюмкин находился на подпольной работе на Украине. В апреле 1919 года он явился в Киевскую ВЧК и сдался советским властям. Там он дал письменные показания, касающиеся деталей убийства Мирбаха и событий 6–7 июля 1918 года в целом. Понятно, что из Киева ему было трудно согласовать с руководством ВЧК, находящимся в Москве, все детали того, что следовало указывать в своих показаниях, а что нет. Поэтому этот молодой человек (ему на тот момент было всего восемнадцать с половиной лет) письменно сообщил то, чего ему с точки зрения того же Дзержинского совсем не следовало бы указывать. Например, в показаниях от

17–19 апреля он описывает весь процесс подготовки того самого мандата, под которым злокозненный заместитель Дзержинского Александрович якобы подделал подпись своего начальника. Он пишет:

“До чего неожидан и поспешен для нас был июльский акт, говорит следующее: в ночь на 6-е мы почти не спали и приготавливались психологически и организационно. Утром 6-го я пошел в Комиссию (в ВЧК. — П. К.); кажется, была суббота. У дежурной барышни в общей канцелярии я попросил бланк Комиссии и в канцелярии отдела контрреволюции напечатал на нем следующее: “Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией уполномочивает ее члена Якова Блюмкина и представителя революционного трибунала Николая Андреева войти непосредственно в переговоры с господином германским послом в России графом Вильгельмом Мирбахом по делу, имеющему непосредственное отношение к самому господину германскому послу.

Председатель Комиссии
Секретарь

Ф. Дзержинский
Ксенофонов”

Далее Блюмкин сообщает, казалось бы, верные детали, но не зная в точности, что можно теперь говорить, а что нет, он ненароком дает показания, которые, я в этом уверен, навсегда скомпрометируют личность “рыцаря революции”:

“Подпись секретаря (т. Ксенофонтова) подделал я, подпись председателя (Дзержинского) — один из членов ЦК.

Когда пришел **ничего не знавший** (выделено мной. — П. К.) товарищ председателя ВЧК Вячеслав Александрович, я попросил его поставить на мандате печать комиссии. Кроме того, я взял у него записку в гараж на полученные автомобиля. После этого я заявил ему о том, что по постановлению ЦК сегодня убью графа Мирбаха”.

Вот теперь разберемся, как эта информация стыкуется (или не стыкуется) с общеизвестной историографией, из которой следует, что Александрович подделал подпись Дзержинского.

Никак не стыкуется.

Согласитесь: Блюмкин говорит, что подпись Дзержинского подделал некий член ЦК партии эсеров. Но ведь известно любому школьнику, член ЦК эсеровской партии В. Александрович как раз за эту подделку и был расстрелян. Значит, это преступление он и совершил. А чекист Яков Блюмкин утверждает, что В. А. Александрович ничего и не подделывал и даже ничего не подписывал. Он только “поставил на мандате печать”.

И потом, это явное ощущение страшной спешки и нервной обстановки (“мы почти не спали и приготавливались психологически”)... Разве можно в такой обстановке подделывать какие-то подписи. Да еще такие сложные, как у Дзержинского. Чтобы качественно подделать такую подпись, надо неделю тренироваться. Кроме того, как утверждает Блюмкин, Александрович был вообще не в курсе, что от имени его партии готовится политическое убийство, ведь Блюмкин только в конце их встречи сообщил, что идет убивать Мирбаха. Помните его слова: “пришел ничего не знавший Александрович”. И, посудите сами, разве стал бы совершенно разумный и авторитетный человек Вячеслав Александрович, пользующийся доверием Дзержинского, хранивший в своем сейфе гербовую печать ВЧК и абсолютно не посвященный в подготовку убийства германского посла (а это я докажу в дальнейшем своем рассказе), стал бы вдруг что-то спешно и тайно подделывать и втравливать своего шефа в международную кровавую провокацию?

Верю твердо: он бы не пошел на такую грязную акцию. Тем более, что его партия на это не уполномочивала (и это тоже мы в дальнейшем рассказе покажем), а делу своей крестьянской партии совсем еще молодой человек Александрович (ему на тот период было всего 32 года) был беззаветно предан до конца своих дней.

Теперь давайте спросим любого канцелярского работника, при каких условиях на документе ставится печать? И он вам ответит: печать ставится только тогда, когда под текстом документа стоят подписи соответствующих ответственных работников. Не трудно теперь нам с вами сообразить, что реальные подписи Дзержинского и Ксенофонтова под текстом мандата, представленного Блюмкиным Александровичу, уже стояли и тот смело поставил печать.

Значит, перед тем, как в страшной спешке прибежать к Александровичу (ведь уже идет 6 июля и надо было еще так много успеть), Блюмкин заходил в кабинеты Дзержинского и Ксенофонтова...

В полдень, 6 июля Дзержинскому позвонил Ленин, сообщил, что убит Мирбах, и дал указание во всем лично разобраться. Феликс Эдмундович “вместе с Караханом, с отрядом, следователями и комиссарами”, как он сам укажет в своих показаниях, поехал в немецкое посольство. Там он с ужасом узнал, что подписанный им мандат находится в посольстве. Блюмкин и Андреев должны были предъявить его сотрудникам посольства и затем забрать с собой и, безусловно, уничтожить или вернуть Дзержинскому. Но в страшной суматохе своего преступления молодые чекисты забыли его в посольстве на столе. Теперь этот документ предстал перед множеством людей, пришедших с Дзержинским. Все они теперь стали свидетелями ужасной для него ситуации.

Дзержинский забрал бумагу и какое-то время обдумывал создавшееся положение.

Понятно, что его подпись должна быть дезавуирована. Ее кто-то подделал. Но кто? Об этой бумаге знали всего несколько человек: он сам, Ксенофонтов, Блюмкин с Андреевым и Александрович. Требовалось срочно назначить “виновника”. Выбор пал на Александровича. Таким образом достигалось две цели: отводилось подозрение от самого Дзержинского и вина возлагалась на партию левых эсеров, видным деятелем которой был Александрович.

Человек с богатым революционным стажем, прошедший тюрьмы, каторги, побеги и эмиграцию, член Центрального Комитета партии левых социалистов – революционеров-интернационалистов, занимавший важный пост заместителя Председателя Всероссийской Чрезвычайной комиссии Вячеслав Александрович Дмитриевский (Александрович) уже через сутки, в ночь с 8 на 9 июля 1918 года был расстрелян. Перед расстрелом никто его не допрашивал. Он был расстрелян в спешке, без суда и следствия. Да и о чём бы мог рассказать человек, который ничего не совершал?

Свидетели рассказывали, что свою смерть он принял достойно и никого ни о чём не просил. Наверно, он понимал, что это бесполезно.

Такова цена забытой на столе бумаги.

Кстати, через несколько лет, когда Блюмкин жил на квартире наркома просвещения Луначарского, что в Денежном переулке в Москве, в беседе с женой наркома Наталией Розенель и ее двоюродной сестрой Татьяной Сац он, рассказывая им об обстоятельствах убийства Мирбаха, заявил, что “Дзержинский обо всём знал”.

Летом 1918 года в правительственных кругах России сложилась крайне тяжелая ситуация. Она усугублялась мало внешне заметным, но отчаянным противостоянием двух смертельно воюющих друг с другом группировок в самом правительстве: ленинской и другой, во главе с Троцким. Суть этого противостояния заключалась в обыденной вещи, характерной и для нынешних времен: они отрабатывали интересы противоборствующих геополитических финансово-олигархических группировок. Господина Бронштейна-Троцкого, прибывшего в Россию из Америки, там тепло провожали и напутствовали люди Моргана и Рокфеллера, а президент США Вильсон лично (!) выхлопотал ему американский паспорт. Так на кого же после этого должен был работать Бронштейн? Не на Россию же. И уж точно не на Германию. Когда-нибудь мы расскажем и о том, что это коренное противостояние внешних капиталов едва не привело к гибели Ленина. Опубликовано уже достаточно материалов, прямо свидетельствующих, что покушение Фаины Каплан на вождя организовал ближайший сподвижник Троцкого Яков Свердлов, величайший и хитроумнейший интриган.

В ближний круг Троцкого, кроме Свердлова, входили также Н. Бухарин, К. Радек, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Ф. Дзержинский, многие высшие военные.

Чтобы убедиться в отношении Дзержинского, что это так, обратимся к мнению весьма авторитетного человека – И. Сталина, который, чего уж там, совсем неплохо знал истинные взгляды своих соратников. Выступая 2 июня 1937 года на Военном Совете Наркомата обороны, он сказал:

“Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог оставаться пассивным в чём-либо. Это был очень активный троцкист, и всё ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось”.

Сталин знал, о чем говорил. Может быть, в этом и кроется загадка внезапной смерти Дзержинского летом 1926 года. Сразу после его смерти началось уничтожение троцкистов, а потом и самого Троцкого.

Рассмотрим теперь глубинный смысл событий, связанных с покушением на германского посла.

К июлю 1918 года влияние немцев на главу правительства России В. И. Ленина объективно ослабевало в связи с явным грядущим поражением Германии в мировой войне. Остатки этого влияния, с точки зрения стран-союзниц, необходимо было свести к нулю какой-то крупной акцией. Германия, конечно, могла бы огрызнуться на нее своими слабыми уже силами, но остатки ее войск и так с трудом сдерживали натиск союзников.

Убийство германского посла Мирбаха и должно было стать такой акцией. Германия после этого прервала бы брестские договоренности, вступила бы в новую войну с Россией. Тем самым ослабились бы ее позиции на английском и французском фронтах. Однако ее наступление на Москву было бы смято многотысячной армией чехословаков, которых Троцкий искусственно сдерживал на территории России, а также войсками интервентов, уже высадившихся на российских окраинах. Это означало бы конец войны и наступление эры владычества Соединенных Штатов над Россией.

Попробуем теперь реконструировать ход последующих событий.

Итак, необходимо было убить Мирбаха. Полагаю, что эту задачу Троцкий и Свердлов поставили перед Дзержинским. Ему надлежало через свою агентуру обеспечить выполнение этой задачи.

Одновременно стал прорабатываться вопрос избавления от левых эсеров. Председатель ВЦИКа Я. М. Свердлов убеждал: с ними невозможно принять ни одно решение. По любому пустяку устраивают говорильню. Пора их гнать из Советов. Думаю, что вопрос о Мирбахе должен быть соединен с вопросом об эсерах...

Летом 1918 года левые эсеры в последнее время и впрямь стали непредсказуемо агрессивны. 24 июня их ЦК принял постановление об организации террористических актов. Надо было принимать превентивные меры.

Великий режиссер революционной коммунистической вакханалии Лев Троцкий поставил на советской сцене спектакль под названием “Мятеж левых эсеров” и написал роли для артистов. Те, кто хорошо сыграл, получили награды и звания, и аплодисменты зрителей. И как хорошие артисты стали уважаемы в народе и почитаемы партией. Правда, ненадолго, потому, что в перевернутые эпохи шкала ценностей тоже перевернута и слава долго не живет. Так же как не живут долго и сами люди. Их уносят за горизонты событий революционные ветры, пахнущие человеческой кровью.

Яков Блюмкин вместо того, чтобы понести наказание и быть расстрелянным (ведь Вячеслава Александровича расстреляли вообще ни за что), после покушения на Мирбаха оказывается вдруг на Украине и занимается “подпольной партизанской работой” против Махно и других врагов советской власти. По странному совпадению, именно в это время организацией этой самой партизанской работы на Украине занимается Ф. Э. Дзержинский. То есть Блюмкин служит в подчинении Дзержинского в то самое время, когда ВЧК его “активно разыскивает”.

Нельзя также не упомянуть, что перед этим смертная казнь Блюмкина по личному указанию Троцкого была заменена “на искупление вины в боях по защите революции”.

Удивительный этот пройдоха Блюмкин умудрился в этот же период по заданию ВЦИК (то есть Свердлова) поучаствовать вместе с махновцами (!) в подготовке покушения на адмирала Колчака.

Наконец, в апреле 1918 года он, как мы уже говорили, приходит в Киевскую ЧК, сдается ее Председателю М. Лацису и заявляет, что готов понести заслуженное возмездие, от которого он целый год скрывался. Все это нельзя назвать иначе, как лицемерием по договоренности. Какое уж тут возмездие со стороны ВЧК, если он всё это время выполнял задания этой самой ВЧК?

Уже в мае 1919 года Особая следственная комиссия по согласованию с Президиумом ВЦИК (Я. М. Свердлов) и с одобрения Ф. Э. Дзержинского принимает решение об амнистии Я. Блюмкина (“ввиду его добровольной явки в ВЧК”).

Иначе как клоунадой все это не назовешь.

Дальнейшая жизнь Якова Блюмкина – сплошной детектив. И везде и всюду он служит в структурах, возглавляемых Л. Троцким и Ф. Дзержинским.

Вскоре по личной рекомендации Дзержинского он вступает в РКП(б), принимает участие в чекистских операциях на Украине, организует партизанское движение в тылу Деникина. Затем он переходит на службу в Красную Армию и, как подчиненный Троцкого воюет на Южном фронте в качестве командира 79 бригады. В 1920–1921 годах по направлению Троцкого учится в Военной академии РККА и после ее окончания работает не кем иным, как начальником охраны Народного Комиссара по военным и морским делам Л. Д. Троцкого, является его ближайшим доверенным человеком.

А далее, когда карьера Троцкого пошла на спад, Блюмкина опять переводят под покровительство Дзержинского. И он трудится на генеральских должностях в советской разведке на территориях Закавказья, Монголии, Палестины, Афганистана, Индии, Турции... (Кстати, в это же время примерно в этих же странах в советской разведке служил также на генеральских должностях другой известный авантюрист, тоже бывший одессит – Лев Натанович Зинковский, имевший партийный псевдоним Лев Задов, который у Нестора Махно был начальником контрразведки. Он известен, в том числе, по роману Алексея Толстого “Хождение по мукам”). Конец фантастической карьере Блюмкина пришел в 1929 году, когда он в Константинополе нелегально повстречался со своим покровителем Львом Троцким и получил от него инструкции по организации подрывной работы в СССР.

Тайная встреча с личным врагом Сталина – это вам не бирюльки вроде убийства какого-то там иностранного посла. Это куда как посерьезнее. Блюмкина, конечно же, немедленно арестовали и сразу же расстреляли.

Говорят, он умер, как герой, как герой, крикнув перед смертью: “Да здравствует вождь мировой революции Лев Давыдович Троцкий!”

И запел “Интернационал”.

Песню он не допел...

Показательна судьба еще одного участника покушения на графа Мирбаха – Якова Моисеевича Фишмана. Именно он самолично изготовил бомбы, которыми Блюмкин и Андреев убивали Мирбаха.

Фишман с дореволюционных времен был близким человеком Льву Давидовичу. Достаточно сказать, что они рука об руку работали в Петроградском Совете рабочих депутатов, который возглавлял Троцкий, и оба были членами его Военно-революционного комитета, вместе готовили и совершали октябрьский переворот. И хотя Фишман состоял в партии левых эсеров, он всегда был в дружеских отношениях с Троцким, что нам ясно продемонстрирует ход дальнейших событий.

Фишман еще до революции, находясь в эмиграции, закончил химический факультет Неаполитанского университета (Италия), был специалистом подрывного дела. Кроме того, летом 1918 года он являлся не просто рядовым партийцем, а состоял членом ЦК левоэсеровской партии. Кому, как не ему, Троцкий и Дзержинский могли доверить изготовление бомб? Это ведь тоже решало две проблемы – и подготовку оружия и возможность потом все свалить на левых эсеров. Что и было сделано.

И всё получилось удачно. Бомбы сработали и наделали много шума, эсеры были скомпрометированы, а Фишман сразу после этого, вместо того, чтобы сесть в тюрьму, резко пошел в гору. Естественно, при поддержке своего друга Троцкого.

Дальнейшая его судьба поразительно напоминает судьбу Якова Блюмкина. Это, впрочем, естественно, ведь у них были одни и те же кураторы.

Фишман, как и Блюмкин, “за участие в мятеже” был заочно приговорен к трем годам тюрьмы. Как и Блюмкин, осенью 1918 года бежал на Украину и работал по организации подполья и партизанского движения против белых и Махно в структурах, курируемых Ф. Дзержинским. Как и Блюмкин, был в одно с ним время амнистирован, и как Блюмкин с победой вернулся в Москву. Здесь он, как и Блюмкин, поступает на службу в Красную Армию в ведомство Троцкого, а потом, как и его молодой товарищ, по рекомендации Дзержинского попадает на работу в разведку. Как и Блюмкин, Фишман долго работает за границей и, наконец, в 1925 году становится непосредственным подчиненным

Л. Троцкого — назначается начальником Военно-химического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии. И так далее и так далее, вплоть до получения генеральского звания.

Согласитесь, неплохая карьера для одного из руководителей российской лево-эсеровской партии, так называемого “участника мятежа левых эсеров”, чья бомба убила германского посла в России.

Думаю, и этот исторический персонаж неплохо дополняет наше предположение о том, что никакого “восстания” левых эсеров в июле 1918 года в Москве не было.

И третий участник подготовки покушения — Анастасия Алексеевна Биценко (Камористая). Именно она утром 6 июля получила изготовленные Фишманом бомбы и передала их в своем номере гостиницы “Националь” Блюмкину и Андрееву.

Эта женщина с простым русским лицом в свое время бросила ради революции своего мужа и, вступив в боевое крыло партии социалистов-революционеров, стала террористкой, участвовала в убийствах видных российских деятелей.

Близко познакомилась и подружилась с Л. Троцким и Я. Фишманом в октябрьские дни 1917 года, когда в составе районного Военно-революционного комитета Петросовета действовала на улицах города.

В июле 1918 года Биценко была членом ВЦИК от партии левых эсеров и ее ценил председатель Я. М. Свердлов. Вероятно, кандидатура Биценко для участия в теракте в отношении Мирбаха была Троцким и Дзержинским с ним согласована. В ноябре того же года Биценко по рекомендации Свердлова была принята в члены Коммунистической партии и окончательно, уже легально, порвала с левыми эсерами.

Нельзя не упомянуть еще раз, что под руководством Троцкого Анастасия Биценко принимала участие в Брест-Литовских мирных переговорах и добросовестно исполняла все его указания.

В дальнейшем бывшая эсерка и террористка закончила институт Красной профессуры и состояла на государственной и преподавательской работе. За непосредственное участие в подготовке убийства Мирбаха она Советской властью никак не преследовалась.

Согласитесь, что рассказ об этой участнице тех событий также красноречиво свидетельствует о том, кто же реально стоял за покушением на немецкого посла графа Мирбаха.

Полагаю, что приведенные мною доводы достаточно объективны и вполне обоснованы.

А как же само восстание левых социалистов-революционеров, состоявшееся, как нам утверждает советская историография, шестого и седьмого июля 1918 года сразу после убийства германского посла? Как оно началось, как проходило? О нем ведь написано столько книг и статей, столько фильмов снято.

Анализируя различные источники, исследуя детали тех событий, начинаешь понимать, что в этой мешанине информации трудно найти правду. Как и в описании каждого политически значимого события, здесь много конъюнктурщины, партийного подхода, споров честных и нечестных историков. Главное и однозначное, что я вынес из всего этого: восстания в классическом его понимании, как крайней меры выражения недовольства одной партии или социальной группы против другой, конечно же, не было.

И вот здесь хотелось бы порассуждать, полистать документы, рассмотреть аргументы “за” и “против” этой версии.

Начнем с аргументов, свидетельствующих о том, что политического мятежа левых эсеров против большевистской партии не было.

Сначала пусть выскажутся сами свидетели тех событий.

Вот слова Председателя ЦК партии левых эсеров М. А. Спиридоновой.

“... как они ловко устроили. Сами изобрели “заговор”, сами ведут следствие и допрос. Сами свидетели и сами назначают главных деятелей — и их расстреливают... Как их убедить, что заговора не было, свержения не было... Я начинаю думать, они убедили себя сами, и, если раньше знали, что раздувают и муссируют слухи, теперь они верят сами, что заговор был. Они ведь маньяки. У них правозэсеровские заговоры пеклись, как блины”.

Свидетельство Петра Смидовича, большевика, Председателя Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, непосредственного участника всех событий:

“Полагаю, что люди эти (бойцы отряда Д. Попова. — П. К.) не управляли ходом событий, а логика событий захватила их, и они не отдавали себе отчета о том, что они сделали. Ни системы, ни плана у них не было”.

Центральный комитет партии левых эсеров выпустил в те дни воззвание “Ко всем рабочим и красноармейцам”, в котором, в частности, заявлялось: “ЦК ПЛСР категорически заявляет, что ни к какому захвату власти он не стремился...”

Член ЦК партии левых эсеров Ю. Саблин подтверждает: “В ответ на все поступавшие в ЦК предложения об активном поведении по отношению к Совнаркому, предпринимавшему явно враждебные к ЦК и отряду Попова шаги, ЦК отвечал заявлениями о необходимости придерживаться строго оборонительных действий, ни в коем случае не выходя из пределов обороны района, занятого отрядом. Таким образом, совершенно неиспользованным остался караул на телефоне, телеграфе и во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Также неиспользованными остались предложения о захвате Кремля и центра города”.

В своих показаниях на следствии самый главный провокатор всех событий Яков Блюмин заявил однозначно: “Восстания не было”.

Когда вникаешь в очень непростой ход и смысл тех событий, возникает множество вопросов, связанных с их оценкой. Например, мы, основываясь на свидетельствах исторических лиц, да и на самом ходе событий, говорим: мятежа партии левых эсеров 6 и 7 июля 1918 года не было вовсе. Но тогда как быть с давно опубликованным протоколом заседания ЦК этой партии от 24 июня того же года. Там ведь сказано куда как прямо:

“Центральный комитет партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма; одновременно с этим ЦК партии постановил организовать для проведения своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддержали партию в этом выступлении”...

Заметим, что указанное заседание ЦК состоялось совсем незадолго до известной исторической даты “мятежа”.

Кроме того, широко опубликованные отечественные источники приводят и конкретные данные о подготовке и отправке в Москву из разных городов России вооруженных боевых дружинников в большом количестве в распоряжение штаба отряда боевой организации партии левых эсеров.

Всё это воспринимается как нашими, так и зарубежными исследователями как реальная подготовка к восстанию против большевистской партии.

Думаю, в таком подходе существует некоторая традиционная заданность и тенденциозность.

Давайте же наконец-то обратим внимание на слова Марии Спиридоновой, прямо заявленные в том же Протоколе заседания ЦК ПЛСР от 24 июня:

“Мы рассматриваем свои действия как борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров (то есть Правительства. — П. К.) и ни в коем случае как борьбу против большевиков.

Однако, ввиду того, что со стороны последних возможны агрессивные действия против нашей партии, постановлено в таком случае прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций”.

Подчеркиваю: “к вооруженной обороне”, а не к вооруженному восстанию. То есть левые эсеры не собирались наступать, они желали лишь обороняться.

Полагаю, и это очень важно: Троцкий, Дзержинский и Свердлов грамотно и своевременно воспользовались словестной казуистикой, и сами первыми пошли в наступление, точно выбрав момент.

Если внимательно взглядеться в обстановку тех дней, нетрудно увидеть: левые эсеры их громкой трескотней страшно подставились. Они открыто, на весь мир заявили, что будут убивать немецких граждан, чтобы сорвать Брестский мир, и начали готовить для этого силы и оружие. Я представляю нежданную радость Троцкого и Свердлова: вот он долгожданный момент для расправы с давними закадычными врагами большевиков — эсерами, никчем-

ными фразерами с их глупыми требованиями, с их отрицанием красного террора, с их опорой на серую, бестолковую крестьянскую массу, с их надменным выпячиванием своей якобы ведущей роли как старейшей социалистической партии России.

Теперь они опять прибегают к излюбленной тактике индивидуального террора, с которой можно и не считаться. Они так и не поняли, что террором нельзя победить, террором можно лишь спастись от возмездия. И чем кровавее террор, там легче спастись.

Фактически тот протокол ЦК партии левых эсеров от 24 июня 1918 года больше был нужен большевикам, а не эсерам. И по странному стечению обстоятельств появился он на свет именно в тот момент, когда Троцкому и Свердлову как воздух нужны были основания для разгрома конкурентов.

Кстати, это еще одна загадка того нелепейшего “мятежа”. К ней мы еще вернемся.

Дальнейшие события разворачивались в следующем порядке.

После покушения на Мирбаха его убийцы Блюмкин и Андреев спрятались в чекистском боевом отряде, которым командовал бывший матрос Балтийского флота, член Коллегии ВЧК Дмитрий Попов. При этом Блюмкин, получивший во время покушения травму ноги и нуждавшийся в лечении, был помещен в санчасть этого отряда. Там он находился под другой фамилией.

Тем временем никаких событий больше не происходило. Никто из эсеров ни в отряде Попова, ни в Москве не начинал каких-либо боевых действий.

Так продолжалось, пока в этот отряд не прибыл Председатель ВЧК Феликс Дзержинский. Он требовал выдачи Блюмкина и Андреева, грозил всем арестами и расстрелами, утверждал, что за голову Мирбаха со стороны левых эсеров будет принесена “искупительная жертва” и т. д.

Попов и его подчиненные, выслушав угрозы, разместили Дзержинского и Лациса под охраной в одном из помещений.

Надо отметить, что с задержанными обходились учтиво и через непродолжительное время отпустили. При этом положительную роль сыграли эсеровские руководители Вячеслав Александрович и Юрий Саблин, просившие солдат никого не трогать.

Не преминем напомнить, что Александрович и Саблин, в равной степени ничего преступного не совершившие, были наказаны, мягко говоря, не одинаково. Саблин амнистирован, а Александрович по приказу Дзержинского – расстрелян. Но об этом немного позже.

Не могу не задать вопрос, который сам по себе напрашивается: разве бывают мятежи против государственной власти, в которых с руководителями государства обходятся столь мягко?

Конечно же нет! Победивший революционный народ вешает свергнутых вождей на первом же суку, ставит их к стенке или сажает в железные клетки и волочит эти клетки по городским улицам и разъяренная толпа бросает в них камни. Однако во время событий 6–7 июля не пострадал ни один большевистский вождь!

Это совсем не похоже на кровавый переворот.

Из классики захвата власти мы знаем, что в такие моменты революционеры (мятежники, восставшие) первым делом захватывают наиболее важные стратегические объекты, то есть такие, без которых любая власть не сможет функционировать: телеграф, телефон, почтамт, мосты, вокзалы, электростанции, воинские гарнизоны, основные производства...

Что же было захвачено “восставшими” левыми эсерами 6–7 июля 1918 года? Давайте перечислим эти объекты.

1. В нашей историографии утверждается, что левыми эсерами было захвачено здание ВЧК.

Это не так. Оно вообще не было захвачено. Туда приходили люди из штаба Попова, которые арестовали только заместителя Дзержинского М. Лациса, который вскоре был ими же освобожден. А ВЧК продолжало работать в обычном режиме.

2. Якобы была занята телефонная станция.

Однако управляющий Московской телефонной сетью С. Л. Пупко в своих показаниях на следствии утверждает, что там всё время менялись караулы, но ни о каком захвате этого учреждения левыми эсерами он не упоминает.

3. Утверждается, что был осуществлен захват телеграфа.

И это не так. Сотрудники телеграфа работали в нормальных условиях. Экстремистским было лишь то, что туда вместе с десятью вооруженными людьми приходил бывший нарком связи России левый эсер П. Прошьян, который отправил в регионы России телеграммы, а затем вернулся в штаб Попова.

Надо согласиться, что и это совсем не похоже на революционные действия восставшей партии.

Ну а уже 7 июля большевики решили, вероятно, что надо прекращать комедию. Они подкатили к штабу Попова пару артиллерийских орудий и сделали пару-тройку залпов.

Весь отряд красного чекистского командира и лихого балтийского матроса Дмитрия Ивановича Попова с невероятной скоростью разбежался в разные стороны. Как цыплята на огороде, над которым завис ястреб.

Потом эти действия назовут “подавлением восстания левых эсеров”.

Вот вам и все события, так драматически поданные в советской исторической науке. Мятаж, которого, как мы видим, не было вовсе. А была инсценировка нужна большевикам для решения своих политических задач.

В результате этой инсценировки отряд чекиста Попова потерял двух человек убитыми и двадцать ранеными. Еще упомянем двенадцать расстрелянных чекистами бойцов поповского отряда после тех событий и безвинную жертву интриги Дзержинского – его заместителя В. А. Александровича. С большевистской стороны не пострадал никто.

Ну и, конечно же, закономерно, что старейшая социалистическая партия России – партия социалистов-революционеров именно в эти июльские дни прекратила свое существование как самая мощная политическая сила России.

На их место пришли переигравшие их большевики.

Так что же все-таки было?

Имела ли место реальная попытка левых эсеров перехватить власть в стране?

Думаю, что в той конкретной ситуации такой попытки не было. Это отчетливо видно из хроники событий. Была лишь удачно выстроенная большевиками интрига.

Но было бы большой ошибкой представлять здесь эсеров белыми овечками, а большевиков серыми волками. Я преисполнен уверенности, что и те и другие были лютыми хищниками, одинаково рвущимися к власти. Просто одни проморгали верный исторический момент, задержались на старте и подставили под клыки соперника свой незащищенный бок. И тот не упустил возможности разорвать врага.

Не забудем сотни лучших сынов и дочерей России, убитых во времена террора, развязанного эсерами. Вспомним “кровавое воскресенье”, инспирированное эсеровскими провокаторами, гибель надежды России – Столыпина, бросание бомб в достойных государственных мужей – всех тех, кто двигал Россию вперед и угрожал тем самым Западу.

Думаю, что, не отдав Россию левым эсерам, Богородица в очередной раз спасла нашу страну от западной заразы.

Но в этом материале нам интересно и другое: как, используя какие средства и методы, Троцкий и его подельники сумели в короткие сроки подготовить и осуществить высокочувствительную оперативную игру с сильным противником и победить в этой игре.

И вот здесь самое время немного позаниматься конспирологией.

А как же иначе, без этого нам не разобраться в том, например, почему никто из активных и видных эсеров не поддержал матросиков из отряда Попова, которые одни пошли выступать за “великое эсеровское дело”? Ведь они даже эсерами-то не являлись. Рядовые бойцы чекистского отряда. Почему на улицы Москвы и других городов, если это был мятеж, не вывалили тысячи членов этой могучей партии? Почему партийные главари не вывели их на бунт?

Да и сами главари, хотя бы один из сотен их, не вышел туда же? Они что – не понимали, что после шума, наделанного в Москве, им всем и их партии в любом случае наступит конец? Так надо уж было гурьбой вываливать на улицы и брать наконец-то власть. Тем более, что и оружия и бойцов у эсеров было достаточно.

Согласитесь, в этих вопросах присутствует серьезный резон.

Как тут обойтись без конспирологии, ведь, говоря объективно, в этой операции по нейтрализации целой партии и Дзержинский, и Троцкий, и Свердлов проявили недюжинное оперативно-чекистское мастерство. Согласитесь, одним махом обессилить самую крупную партийную организацию в стране было бы непросто любой изоцированной спецслужбе. Но ведь справились же!

Скажу вам со знанием дела: это можно сделать только при наличии очень сильных агентурных позиций в стане противника.

Поразмышляем вместе.

Изучите биографии некоторых лидеров левоэсеровской партии, что стало с ними после тех событий, и вам многое станет ясно. С врагами ведь по-вражески. Дорога им в переломные годы – в тюрьму, на каторгу или под расстрел. А что с теми, кто поработал на общее дело, кто грамотно выполнил поставленную ВЧК задачу? Они – соратники, у них всё хорошо.

Мы уже упоминали людей, принимавших непосредственное участие в убийстве немецкого посла Мирбаха, а именно Якова Блюмкина, Анастасию Биценко и Якова Фишмана. Их жизнь сразу после акта террора сложилась весьма удачно. Блюмкин дослужился до генеральских должностей и в Красной Армии и в органах государственной безопасности. А это как раз ведомства, возглавляемые Троцким и Дзержинским. Стали бы они так лелеять в своих структурах человека, чуждого по взглядам и по духу, чуждого?

Фишман и Биценко после тех событий работали на крупных государственных постах. При этом Фишман, как и Блюмкин – под началом Дзержинского и Троцкого, в том числе и в закордонной разведке и тоже стал генералом. А ведь и Биценко и Фишман являлись крупнейшими руководителями враждебной большевикам партии – членами ЦК партии левых эсеров. Почему одних расстреляли или в тюрьму посадили, а эти стали генералами?

Могло ли это быть простой случайностью?

Какая уж тут случайность! Мы ведь знаем, что именно Лев Троцкий официально координировал действия всех органов государственной власти во время расправы над левыми эсерами. Именно он руководил действиями людей, в этом участвовавших. Он дергал за ниточки, направляя работу агентуры ВЧК, проникшей в руководящие звенья левоэсеровской партии.

С это работой Лев Давидович справился блестяще!

Андрей Лукич Колегаев – один из создателей и руководителей российской партии левых эсеров. После октябрьского переворота – нарком земледелия России, член ЦК ПЛСР. Когда завершились июльские 1918 года события, Троцкий назначает Колегаева членом Реввоенсовета России и председателем продовольственной комиссии Южного фронта.

Напомним, что и Реввоенсовет, и Южный фронт находились в подчинении того же Льва Троцкого как наркома по военным и морским делам.

Затем Колегаев работал в структурах, возглавляемых Ф. Э. Дзержинским. В частности, являлся начальником Хозяйственно-материального управления Наркомата путей сообщения и членом Коллегии данного Наркомата, когда его возглавлял Дзержинский.

Необъяснимая, казалось бы, карьера у одного из руководителей партии, являвшейся врагом большевиков. Но, если мы обратимся к концепции управляемого агентурного влияния, то ничего странного не увидим. И становится ясно, почему партия левых эсеров в нужный для большевиков момент оказалась столь беспомощной и вела себя так, как это нужно было большевикам.

Аналогично проявили себя и некоторые другие крупнейшие лидеры партии. Для них также характерны тесные взаимоотношения с Троцким и Дзержинским, что, безусловно, не может быть простой случайностью.

Юрий Владимирович Саблин, являвшийся одним из лидеров левоэсеровской партии, в дни так называемого “мятежа” сделал, на мой взгляд, всё от него зависящее, чтобы его партия не проявила никакой активности. И в этом преуспел. После июльских событий 1918 года работал на значительных должностях в структурах, возглавляемых Дзержинским. Например, являлся руководителем партизанского движения на Харьковщине. Затем командовал воинскими частями и соединениями под руководством наркома обороны Л. Д. Троцкого.

Марк Аронович Натансон – один из старейших революционеров, создавший в России в 1860 – 1870-х годах народническое движение и общество

“Земля и воля”. Близкий знакомый Г. Плеханова, В. Ленина и Л. Троцкого. Член Центрального Комитета партии левых эсеров. Активный сторонник Троцкого. Все структуры эсеровской партии России создавались при методическом и организационном участии Натансона.

После июльских событий вышел из партии левых эсеров. В 1919 году ему было позволено выехать в Швейцарию, где он проживал до своей смерти.

Алексей Михайлович Устинов, один из руководителей партии левых эсеров, член ее ЦК, племянник П. А. Столыпина. В период Октябрьского переворота как член Петроградского РК работал в непосредственном контакте с Л. Троцким. После событий 6–7 июля долгое время служил в структурах Дзержинского и Троцкого в России и за рубежом. Один из основателей Советской разведки.

Григорий Давидович Закс – один из создателей партии левых эсеров. В 1917 году работал вместе с Троцким в Петроградском Военно-революционном комитете. В 1918 году являлся заместителем начальника контрразведывательного отдела ВЧК, в котором работал Я. Блюмкин, затем служил заместителем Дзержинского. После событий 6–7 июля, будучи одним из руководителей партии левых эсеров, неожиданно выступил против своей партии и уже в ноябре того же года вступил в коммунистическую. Впоследствии служил под руководством Троцкого в Красной Армии, закончил Военную Академию Генерального штаба, работал в военной разведке.

Характерно, что все указанные выше революционеры прошли один и тот же партийный путь: сразу после так называемого мятежа левых эсеров и так называемого его подавления они, как один, вступили в большевистскую партию.

Полагаю, что перечисленные факты, хотя и косвенно, но могут говорить о многом. Например, со значительной долей уверенности мы можем предполагать, почему не состоялся и не мог при таком вот руководстве состояться мятеж партии левых эсеров.

Согласитесь, что Лев Троцкий, этот сверхосторожный человек, не стал бы работать с людьми, готовившими против него заговоры. Ясно, что он приблизил их потому, что полностью им доверял, и потому, что, когда ему это было нужно (6 и 7 июля 1918 года), они его не подвели. С такими “своими” людьми в руководстве лево-эсеровской партии Троцкий и Дзержинский могли делать с этой партией что угодно, вести ее в любом нужном для них направлении, направлять ее работу в любую сторону.

Что они и сделали.

Есть во всем этом деле еще одна загадка, которую как-то страшновато даже и высвечивать.

Имею в виду личность самой главной участницы всех этих событий – лидера партии левых социалистов – революционеров Марии Александровны Спиридоновой.

Скажу сразу: я не верю в то, что Мария Спиридонова, идейная террористка, фанатка своих взглядов, могла опуститься до предательства своей партии, своих товарищей и начать тайно сотрудничать с ВЧК и с большевиками, как это делали многие ее подчиненные.

И всё же и всё же...

Вспомним, что именно она подписала Протокол заседания ЦК партии левых социалистов-революционеров от 24 июня 1918 года, где от имени всей партии публично заявила о необходимости “организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма”. Нельзя не признать, что этот абсурдный, неуместный и несвоевременный на тот момент призыв явился прямой провокацией, в результате чего большевики срочно подготовили и осуществили 6 и 7 июля свою инсценировку, назвав ее “левоэсеровским мятежом”. Опрометчивые действия Спиридоновой привели к уничтожению ее же партии, то есть к результату, нужному не ей, а Троцкому, давно искавшему повод разгромить своих соперников. Трудно себе представить, что Спиридонова, эта мастерица хитроумных комбинаций, не понимала, к чему приведет открытый призыв к убийствам представителей иностранных государств на территории России, которой руководит враждебная партия. Ведь она как бы сама подтолкнула большевиков к разгрому эсеров.

Далее, нельзя не вспомнить, что в последнее перед провокацией время Спиридонова настоятельно утверждала, что “порвать с большевиками – всё

равно, что порвать с революцией”. Хотя большинство членов ее партии так не считало. Фактически она сама шла на контакты и сотрудничество с ленинской партией.

Безусловно странным является тот неоспоримый факт, что она одна обговаривала с Яковом Блюмкиным необходимость и детали убийства графа Мирбаха. Об этом свидетельствуют и она сама и Блюмкин. При этом также известно, что ни с кем из своих же партийцев она по этому поводу не советовалась и никому ничего не сообщала. Что же это, спрашивается, как не подстава партии? Ведь она не в бирюльки с Блюмкиным играла, а шла на убийство иностранного посла. Причем действия ее были прямо направлены на развязывание войны России с Германией. Понятно ведь было, что последствия для эсеров будут страшными. Что и произошло.

Может быть, Спиридонова не ведала, что творила, и допустила детскую наивность? Верится с большим трудом.

Вывод опять тот же: Спиридонова сама подтолкнула партию левых эсеров к кризисной ситуации.

И еще один аргумент не в пользу Марии Спиридоновой.

Если с юридической стороны ни в чем не повинный член ЦК партии В. Александрович был расстрелян, то лидер партии, фактический организатор убийства немецкого посла Мирбаха М. Спиридонова была вскоре амнистирована вместе с Ю. Саблиным, который явно работал на Троцкого.

За что же такая милость к “организатору антибольшевистского заговора”?

И все же я до конца не верю, что фанатичная революционерка Мария Спиридонова могла предать интересы своей партии и своих товарищей по партии. Не хочу в это верить. Правда, нельзя исключать, что стальной этот человек оказался в обстоятельствах, переломивших ее упрямую натуру. Мы ведь хорошо знаем, что в безжалостной борьбе за власть были сломлены многие сильные личности. Возможно, и к ней был подобран некий ключ...

Со всей очевидностью высвечивается логичная гипотеза: если Троцкий и Дзержинский сумели найти такие ключи к Спиридоновой и к ближайшему ее окружению и смогли воздействовать на них в нужном для себя направлении, то вообще все события 6 и 7 июля 1918 года были полностью срежиссированы ими и никем другим. Левыми эсерами в руководстве этой игрой вообще и не пахнет.

Им досталась только роль крапленых карт, которых опытные шулеры достают в нужный момент из своих рукавов.

Существует еще одна фигура в этой шулерской игре под названием “левоэсеровский мятеж”, роль которой мне до сих пор не до конца понятна.

У меня есть множество вопросов к этому человеку.

Дмитрий Иванович Попов, двадцати девяти лет от роду, бывший матрос Балтийского флота, левый эсер, член Коллегии Всероссийской Чрезвычайной комиссии, непосредственный подчиненный Ф. Э. Дзержинского, командир Боевого отряда ВЧК численностью около 600 человек. То есть человек, входивший в узкий круг главных руководителей ВЧК. Понятно, что по роду своей деятельности он теснейшим образом был связан с Председателем ВЧК.

Перед 6 июля Попов действительно вел пропаганду против Ленина и Троцкого, заявляя, что те распродают Россию и отправляют в Германию народное богатство. Во время июльских событий Попов был все время в подвыпившем состоянии. Он крепко буянил и призывал к расправе с большевиками, которые предали Россию, заключив Брестский мир. Попов также заявлял о необходимости возобновления войны с Германией, то есть провозглашал обычные эсеровские лозунги. При этом ни Попов, ни его солдаты и матросы никого не подвергли каким-либо репрессиям, кроме, может быть кратковременного задержания Дзержинского, Лациса и некоторых других товарищей, которые, как мы знаем, были выпущены на свободу без каких-либо унижений и притеснений. Поповцы наделали много шума в городе своей пальбой и пьяными выкриками, и больше никаких революционных действий не совершили. Когда красногвардейцы пошли на них в атаку и несколько раз пальнули из орудий, отряд Попова, несмотря на численный перевес, почему-то немедленно разбежался, а потом и сдался властям.

Всё это похоже на бутафорию в театральной постановке.

Было, правда, несколько телеграмм, разосланных по стране, где изве-

шалось, что вся власть теперь перешла в руки левых эсеров. Но реально эту власть никто брать и не собирался и не предпринимал для этого никаких действий. Это были громкие, но пустые декларации, вероятно, организованные Троцким, Дзержинским и Свердловым для доказательства, что мятеж всё же был.

Повторяю: имитацию восстания создавала только часть чекистского отряда, подчиненного Дзержинскому. Миллионная армия левоэсеровской партии в Москве и по всей стране в этом вообще не участвовала.

Вот почему у меня возникают сомнения относительно роли Дмитрия Попова во всём этом деле. С одной стороны – проклятья в адрес большевиков и требования прекратить Брестский мир, а с другой – пустая возня, пьяный шум, глупая пальба в городе.

Мы же можем представить картину реального мятежа: этот боевой парень Попов со своей военной силушкой мог бы захватить Кремль, взять все правительственные учреждения, арестовать Ленина, Троцкого и других руководителей. Он мог бы на самом деле узурпировать власть в стране. А он ничего не захватил и никого не расстрелял. Согласитесь, странно. Так восстания не делаются. Думаю, что Попов это знал не хуже меня.

Для того чтобы продолжить свои сомнения относительно роли, сыгранной Поповым в те дни, дополню свой рассказ некоторыми интересными подробностями.

Любопытно, что и сам Попов и Блюмкин с Андреевым, скрывавшиеся в его отряде после убийства Мирбаха, а также и Саблин и Фишман потом вместе оказались в партизанском движении на Украине, руководителем которого был Ф. Дзержинский.

Затем Попов поступил в армию Нестора Махно и был там одним из командиров. Одной из основных его задач было договариваться от имени Махно с Красной Армией о совместных действиях против врангелевских войск. В последний период боевых действий он был представителем армии Махно на красном Южном фронте и объявил себя анархистом-коммунистом.

Дальнейшая судьба бывшего уроженца Подмосковья и красивого матроса Дмитрия Попова печальна, как традиционно печальна судьба всех рьяных революционеров.

В ночь на 26 ноября 1920 года он был арестован в Харькове и по приказу Дзержинского направлен в Москву. В мае 1921 года Попов был расстрелян по приговору ВЧК, подписанному Дзержинским, во внутренней тюрьме Лубянки.

Собственно говоря, другой судьбы после участия в столь темном деле, как “заговор левых эсеров”, у этого русского парня и быть не могло. Он ведь не был, как Фишман, Саблин или же Блюмкин, близким человеком Льву Троцкому. К тому же он слишком много знал...

О том, что Попов был весьма осведомленным человеком, говорит хотя бы тот факт, что буквально перед началом всех событий с ним встречался и проводил какие-то переговоры начальник охраны Ленина А. Я. Беленький.

О роли Ф. Э. Дзержинского во всей этой дурно пахнущей истории мы уже говорили в этой статье. Это была ведущая роль. В той чекистской операции, где всё от начала и до конца было сплошной провокацией, Дзержинский вместе с Троцким проявили высшую степень коварства и изощренной хитрости.

Откуда такое коварство по отношению к людям, среди которых довелось жить ему, польскому дворянину? Кстати, у его отца странное имя – Фрумкин Эдмунд-Рувим Иосифович. Впрочем, я плохо разбираюсь в польских именах...

Говорят, он был русофобом, говоря попросту, не любил русских. Он сам так вспоминал о своем детстве: “Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке, чтобы стать невидимым и безнаказанно убить как можно больше русских”.

Эту свою детскую мечту он осуществил в зрелом возрасте, когда, надев шапку руководителя чрезвычайной комиссии, развязал в России “красный террор”. Без суда и следствия были казнены тысячи ни в чём не повинных людей, были введены в практику расстрелы безвинных заложников, создана система лагерей смерти, в которых погибли жертвы Кронштадта, Тихого Дона, участники крестьянских восстаний, сотни и тысячи священнослужителей.

В архивах Комитета Государственной безопасности я видел множество документов, где рукой Дзержинского были синим и красным карандашом напи-

саны резолюции: “Расстрелять” и “Расстрелять немедленно”. Эти резолюции стояли на списках, где перечислялись сотни людей, участвовавших в акциях неповиновения, или жителей казачьих станиц, подлежащих расказачиванию.

Политические пристрастия Дзержинского мутны и неопределенны и в разное время разные. Так, в молодости он контактировал с Бундом (по некоторым данным состоял в нем), затем переметнулся к социал-демократам, продолжительное время был левым коммунистом и, как все левые коммунисты и левые эсеры, был против подписанного Лениным Брестского мира. Может быть, поэтому Ленин всегда относился к Дзержинскому с недоверием. Также вполне вероятно, что именно поэтому Дзержинский с таким рвением участвовал вместе с Троцким в операции “мятеж левых эсеров”.

Сразу после убийства германского посла графа Мирбаха Дзержинского, уши которого сильно торчали из всей этой истории, срочно скрыли от посторонних глаз и как бы отправили в отставку. 8 июля 1918 года он сам написал прошение в СНК, что не может больше исполнять обязанности Председателя ВЧК, так как “является главным свидетелем всего происшедшего”.

Он, конечно же, знал, что вернется обратно. Наверняка, его на время убрали из ведомства, чтобы он побыл где-то вне его, пока всё уляжется, пока утихнут страсти. Ведь, несмотря на внешнее благополучие проведенной операции, было совершено немало ошибок, вполне заметных для того, кто захотел бы покопаться во всей истории. Например, не надо было быть большим сыщиком, чтобы понять, что Дзержинский вляпался в нехорошую историю с этой якобы липовой его подписью на мандате Блюмкину и Андрееву. Любой мало-мальски грамотный эксперт возьмет да и сверит подпись на мандате с его настоящей подписью и обнаружится: подпись-то подлинная!

Дзержинский принял, как ему казалось, единственно верное решение: надо опередить возможный скандал и самому инициировать вопрос экспертизы подписи и легализовать факт ее подделки. За этой подписью много чего стоит: провокация с Мирбахом, расстрел его заместителя Александровича, который был вообще не при чём, инсценировка мятежа, расстрелы солдат и матросов, которые виновны лишь в том, что наделали шум в городе, когда ему, Дзержинскому, это было нужно...

Поэтому, вернувшись на работу из “отставки”, 22 августа 1918 года, он немедленно вызвал к себе нужных людей и уже на следующий день (!) 23 августа некий эксперт особой следственной комиссии С. И. Фролов сделал заключение, что “подпись на удостоверении сделана не Дзержинским”.

Скажите мне, пожалуйста, а какое другое заключение мог вынести этот самый исполнитель Фролов, если он сам и его начальник и вся эта следственная комиссия в конечном итоге подчинялись самому Феликсу Эдмундовичу? Все они вместе взятые и дня не прожили бы, если бы написали чего-нибудь другое.

Итак, как мы теперь отчетливо видим, Троцкому и его сподручному Дзержинскому неплохо удалась операция под названием “мятеж левых эсеров”. Придумал ее несомненно Лев Троцкий, гениальный изобретатель исторических комбинаций. Придумал и организовал основные этапы ее проведения. Мы имеем право это утверждать, так как всю работу по “подавлению мятежа”, согласно официальной истории, курировал лично он. Кроме того, на материалах данной статьи хорошо видно, сколько реально близких ему людей было задействовано в осуществлении деликатных мероприятий по уничтожению противоборствующей коммунистам партии – партии левых социалистов-революционеров.

Он, Лев Троцкий, дергал за все тайные ниточки.

Однако История неумолимо всё когда-то вскрывает. Как говорится в Священном Писании: “Нет ничего тайного, что не стало бы явным”. И мы по прошествии множества лет можем утверждать, что:

– восстания партии левых эсеров 6 и 7 июля 1918 года не было вовсе. Всё с самого начала было инспирировано ВЧК, действующей по указаниям Л. Д. Троцкого;

– имеющиеся исторические материалы свидетельствуют, что левые эсеры всё же готовились к неким вооруженным оборонительным или наступательным акциям, планируемыми на более поздний срок. Проведенная чекистами акция сорвала эти приготовления и создала условия для разгрома партии левых эсеров в целом;

– эти предполагаемые акции левых эсеров в любом случае были обречены на провал, так как основные их руководители были подконтрольны Троцкому и Дзержинскому и на них работали. Партия на тот период уже была разложена действующей внутри агентурой ВЧК.

Надо сказать еще о том, что у Троцкого не получилось до конца выполнить задачу его заокеанских хозяев – столкнуть Ленина и немцев и в результате убийства посла Мирбаха начать новую фазу войны с Германией, что привело бы к интервенции всей России войсками Антанты и США. Не получилось по объективным причинам, так как это было бы опасно и для Троцкого и для всей большевистской власти.

Но Троцкий об этом в глубине души сожалел. Не зря же на вручении командиром латышских стрелков Вацетису награды в 10 тысяч рублей за подавление восстания Троцкий полушутя заметил ему, что тот действовал умело, но своим усердием сорвал “важную политическую комбинацию”.

Какую? Теперь понятно: разрыв большевиков с немцами не получился. А Лев Давидович с американцами так этого хотели...

И последнее.

Я хотел реабилитировать ни в чем не повинного, незаконно расстрелянного человека – заместителя Председателя ВЧК Вячеслава Александровича Дмитриевского (Александровича), а оказалось, что он перед российским законом давно уже реабилитирован. Он был оправдан на основании п. 3 ст. 5 Закона РСФСР “О реабилитации жертв политических репрессий”. В заключении Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 апреля 1998 года было сказано: “...никаких доказательств совершения Александровичем каких-либо противоправных действий против советской власти и революции в деле не имеется. Сведений о подготовке террористического акта над Мирбахом Александрович не имел, а заверение удостоверения от имени Дзержинского, дающее полномочия Блюмкину и Андрееву на аудиенцию у посла Р. Мирбаха, не может служить основанием для привлечения Александровича к уголовной ответственности и его осуждению”.

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

“ДЛЯ ПОЛЬЗЫ СЛУЖБЫ”

Весной 1817 года перед самым окончанием Лицея, когда Пушкину исполнилось 18 лет, он пишет послание князю Н. М. Горчакову. Это уже стихи не мальчика, но мужа. А до вступления в самостоятельную жизнь ещё две недели.

Накануне последнего лицейского дня рождения Пушкина его навестил отец. Шли публичные выпускные экзамены – каждый день по одному. Они тянулись 15 дней при многочисленной публике. Посетителям предоставлено было право задавать лицеистам вопросы, что давало повод к занимательным ответам и прениям.

На 26 мая выпал экзамен по географии и отечественной статистике. Своеобразным подарком стало появление в Лицее в этот день Карамзина, Вяземского, Чаадаева и поручика лейб-гвардии гусарского полка Сабурова, пришедших поздравить Пушкина с днём рождения. Невиданное “коллективное” признание Пушкина-поэта не то что поразило остальных лицеистов, оно просто сделало очевидным: детство, ученичество, мальчишеское баловство закончились, начинается взрослая, серьёзная жизнь, в которой ты стоишь ровно столько, сколько успел вложить в историю и насколько тебя оценивают люди, действительно делающие историю. Потому этот день сохранили в памяти многие лицеисты.

На публичном экзамене по русскому языку Пушкин читал своё, как того требовал порядок, стихотворение. Однако приготовленное по такому случаю “Безветрие”, какое-то тяжёловесное и непослушное, немного странное, будто написанное в минуту болезненного состояния. Ничего нет и в помине напоминающего успех “Воспоминаний в Царском Селе”. Невольно напрашивается сравнение с художником, который, пребывая в состоянии душевного непокоя, отдаёт предпочтение мрачным краскам перед всеми другими. Вот и тут у лирического героя “ум ищет Божества, а сердце не находит”.

Но как бы то ни было – экзамены сданы. Насколько успешно? Судя по всему, это меньше всего волнует Пушкина – главное, сданы! Через несколько дней выпуск – состояние, хорошо известное каждому выпускнику любого учебного заведения, будь то школа, институт, университет, академия. Шесть лицейских лет, нельзя сказать, что пролетели, как один миг, тем не менее, завершились. Для кого-то это было время учёбы. Для Пушкина лицейские годы – время, когда в нём вызревает Поэт.

На 9 июня назначен выпускной акт. На нём лицеисты исполняют прощальный гимн, написанный Дельвигом:

*Простимся, братья! Руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!*

*Друг на друге остановите
Вы взор с прощальною слезой!
Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу, с тою же душой,
То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде — да, неправде — нет;
В несчастье — гордое терпенье,
А в счастье — всем равно привет!*

Минует десятилетие, и в тяжёлую для нескольких лицеистов годину Пушкин вспомнит эти строки, и с его подачи они сохранятся на века.

На прощание директор Энгельгардт подарил всем выпускникам чугунные кольца — символ крепкой, как металл, дружбы, — и теперь они “чугунники”. Кольца — одни, жизненные пути — разные, судьбы — врозь.

Пушкин становится офицером гвардейской конной артиллерии. Горчаков предпочтёт Коллегию иностранных дел с чином титулярного советника (9 класс). Пушкин определяется туда же, в Коллегию иностранных дел, но коллежским секретарём (10 класс), на должность переводчика — точнее, начинает в Коллегии числиться. Служба по обычаю того времени может носить сугубо формальный характер. Вместе с ними ещё Ломоносов, Кюхельбекер и Юдин избирают дипломатическую карьеру. В середине июня Пушкин приведён к присяге (в тот же день, что и Кюхельбекер и Грибоедов).

Вообще-то Пушкин желал составить компанию Пущину. Но отец, мотивируя недостатком средств, соглашался только на поступление его в гвардейскую пехоту. А дядя и вовсе убеждал предпочесть службу гражданскую. Без особой борьбы и неудовольствия Пушкин согласился с дядей и даже стал подсмеиваться над собственной мечтой “красиво мёрзнуть на параде”. Его если и прельщали бои, то бои литературные.

Родители к тому времени переехали из Москвы в Петербург, так что Пушкин перебирается из Лицея к ним на Фонтанку. 11 июля в наёмной карете вместе с Кюхельбекером, Бакуниным, Ломоносовым, Комовским, Брольо и Масловым Пушкин покидает Царское Село. Впереди и сзади тоже катят наёмные кареты с недавними сокурсниками. Прощай, Лицей!

15 июня 1817 года Пушкин дал присягу Александру I и ознакомился с двумя документами. Один — это указ Петра I “О присутствующих в Коллегии иностранных дел, о порядке рассуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ними”. Другой — документ Коллегии от 5 марта 1744 года — о неразглашении служебной тайны. После чего он подписал документ об ознакомлении, что являлось необходимой процедурой для получения доступа к секретным документам. Другими словами, как теперь принято говорить, дал подписку о неразглашении секретных сведений.

Сергей Львович и Надежда Осиповна снимали квартиру в двухэтажном доме недалеко от Калинкина моста. Район из разряда скверных, состоятельные люди тут не селились. Комната Александра с окном в сад, но такая крошечная, что и комнатой назвать трудно, и узкая, до жути напоминающая лицейский пенал, в котором он провёл шесть лет. Из мебели одна кровать рядом с дверью. Не то что пригласить кого-то сюда, сказать, где живёшь, — стыдно. Пересилив стеснение, он осмелился привести в свои “апартаменты” только самых закадычных друзей, в ком был уверен, что не засмеют и не бросят общаться: Дельвига и Боратынского с двоюродным братом. Безденежье, полное отсутствие уюта подсказали мысль остатки первого своего вольного лета провести в Михайловском.

Сельцо Михайловское Псковской губернии — родовое имение Ганнибалов (раньше эти земли назывались Михайловская губа) — только на бумаге звучит солидно. В сущности, оно не что иное, как уголок в сельской глуши, в 400-х км от Санкт-Петербурга, в 550-ти км от Москвы. Как не преминул бы заметить Салтыков-Щедрин, усадьба находилась “в самом, как говорится, медвежьем углу нашего захолустья”.

Здесь Пушкин несколько недель радовался “сельской жизни, русской бане, клубнике и проч.”. Но долго эту идиллию выдержать не смог — шум, суетность и толпа вечно бурлящего Петербурга манили обратно. Он сам не знал, к чему он стремился больше, то ли к забавам и наслаждениям, то ли к душев-

ным встречам с думающими людьми и упорной работе. А если честно, хотелось и того, и другого.

После шести лет лицейского “заточения”, вырвавшись на волю, Пушкин бросается навёрстывать упущенное. Он предаётся радостям жизни большого света, с огромным удовольствием появляется на балах, в аристократических салонах и с не меньшим — на нецеремонных офицерских пирушках. Ловкий танцор, весёлый повеса с вызывающей любопытство внешностью, умеющий пить и заливаться соловьём — “Вы слышали? Это племянник Василия Львовича, и тоже, говорят, стихи сочиняет”. Как раз тогда случается его дуэль с Кюхельбекером и ещё немало других, бесшабашных и бессмысленных. По поводам, которые спустя несколько дней и вспомнить трудно. Чего стоила, например, причина чуть не состоявшегося поединка с Корфом: пьяный дворовый Пушкина затеял драку с лакеем Корфа, и недавние лицеисты взялись выяснять отношения меж собой.

Издержки избранного стиля (или, как теперь говорят, заработанный в глазах окружающих имидж) скоро сказались в полной мере. Пушкин становится предметом пересудов в свете. Сомнительная честь, поскольку многим кажется, что этот ветреный проказник, падкий на развлечения поэт, совсем недавно обласканный мэтрами, своими манерами и поведением перечёркивает все надежды, какие подавал.

Известная тогда драматическая актриса А. М. Каратыгина (Колосова) вспоминала, с каким упоением безудержный Пушкин, окунувшись в светскую жизнь, любил привлечь к себе внимание в обществе:

“В 1818 г<оду>, после жестокой горячки, ему обрили голову, и он носил парик. <...> Как-то, в Большом театре, он вошёл к нам в ложу. Мы усадили его, в полной уверенности, что здесь наш проказник будет сидеть смирно. Ничуть не бывало! В самой патетической сцене Пушкин, жалуясь на жару, снял с себя парик и начал им обмахиваться, как веером... Это рассмешило сидевших в соседних ложах, обратило на нас внимание и находившихся в креслах”.

В советское время пушкинское стремление к эпатажу объясняли просто: поэт будто бы “стремился выйти за пределы тех социальных амплуа, которые были предписаны длительным употреблением, потому что искал способ быть самим собой”. Хотя на самом деле всё обстояло совсем иначе. В ту пору Пушкина больше пугало, как некогда в Лицее, что он не будет принят великосветским обществом, не впишется в него, не станет своим. И опасения на сей счёт были вполне резонны. Их питали бедность и непривлекательная внешность. И — куда более серьёзное — страх, что предложить вниманию окружающих, кроме того, что он поэт, ему нечего, — а здесь ведь не литературный кружок собрался!

Впрочем, светские знакомства бывали разные. Пушкин посещает еженедельные вечера директора Публичной библиотеки и президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина. Здесь завязываются у Пушкина отношения с И. А. Крыловым. В один из дней произошло знакомство с Александром Грибоедовым. Полный тёзка оказался Пушкину собратом, близким по духу, родным по крови. У них, действительно, было много общего и похожего. Пушкин почувствовал их родство сразу, а позже в “Путешествии в Арзрум” напишет:

“Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — всё в нём было необыкновенно привлекательно. Рождённый с честолюбием, равным его дарованию, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нём как о человеке необыкновенном”.

Сегодня читаешь эти слова, и ощущение, будто Пушкин пишет о себе, или, по меньшей мере, о брате-близнеце.

Какое-то время Пушкин посещает доживающий последние дни “Арзамас”. Судя по всему, именно здесь сближается с Николаем Тургеневым и Михаилом Орловым. И происходит... то, что, вероятно, не могло не произойти. Для Пушкина герои литературных сражений с “Беседой”, решительные борцы за изящество языка и за “новый слог” Карамзин, Жуковский, Батюшков как бы меркнут в свете, исходящем от проповедников свободы и гражданских добродетелей.

Николай Тургенев был на 10 лет старше Пушкина. В нём сочетались глубокая религиозность, твёрдый и сухой ум, несколько книжная любовь к России и русскому народу и нетерпимость, когда речь заходила о борьбе с рабством (“хамством”, как он выражался). Тургенев требовал от людей бескомпромиссности, в оценках был резок, в разговорах — насмешлив и категоричен.

Чисто литературные проблемы политэконома Тургенева не волновали. Как он считал, “поэзия и вообще изящная литература не может наполнить души нашей”. Поэтому на поэзию он смотрел несколько свысока, находил *полезной* разве что агитационную, политическую лирику, ту, что должна жечь *огнём сердца людей*. Своими убеждениями он готов был заразить и Пушкина.

То было время ломки правил, крушения порядков, в какой-то мере, моды на свободу. Ничего странного, что перед вчерашними лицеистами, думающими, образованными, воспитанными на либеральных ценностях юношами, встал выбор: литература или политика, свободолобивые стишки или самая что ни на есть реальная борьба? Молодость есть молодость — и потянулись нити от выпускников Лицея к возникшему вскоре движению декабристов. Пушкин знакомится с будущими декабристами Иваном Якушкиным, Кондратием Рылеевым, Михаилом Луниным. Знакомится, но не подозревает об их конспиративной деятельности. А те не торопятся раскрывать перед ним свои планы, ограничиваясь вольнолюбивыми разговорами.

Иначе складывается судьба Пушина, Дельвига, Кюхельбекера и Вольховского — круг их знакомств приводит всех четверых в “Священную артель”. Там они близко сходятся с братьями Муравьёвыми. “Священная артель” возникла как кружок служивших вместе офицеров, широко образованных, интересующихся наукой, равнодушных к судьбе Отечества, которых объединила цель пробуждения политических интересов среди своих сотоварищей, тоже офицеров. Добрая половина членов “Священной артели” раньше училась в Московском университете или университетском благородном пансионе. В. Д. Вольховский, до Лицея два года бывший воспитанником университетского благородного пансиона, надо полагать, оказался той нитью, которая связала будущих декабристов, живших в довоенной (“допожарной”, как часто говорят) Москве и учившихся в Московском университете, с выпускниками Лицея.

Пушкин приглашения участвовать в “Артели” не получил. Более того, друзья скрыли от него своё участие в ней. Почему? Станет ясно чуть позже.

Раз в две недели — по субботам — Пушкин непременно бывает в доме камер-юнкера Н. В. Всеволожского на Екатерингофском проспекте, где собиралась “золотая” дворянская молодёжь. Читали стихи, обсуждали литературные произведения, театральные постановки, беседовали “по поводу и без повода”. Дружеское общество избрало себе название: общество “Зелёная лампа” (в честь зелёной лампы, освещавшей комнату собраний). Все члены кружка носили кольца с изображением зелёной лампы, своим светом знаменовавшей Свет надежды.

Что же представляло из себя это общество? Долгое время бытовало мнение, что кружок, объединявший дворянскую, преимущественно военную молодёжь, был создан исключительно ради кутежей, волокитства и “закулисных проказ”. Рисовалось, что помимо различных домашних представлений, устраиваемых участниками, на заседаниях случались всякого рода отчаянные шалости, иногда крайне скандальные, рискованные и опасные. Например, богатырские пари относительно количества выпитых напитков и беспрестанные дуэли из-за самых ничтожных пустяков, вроде какой-нибудь случайной театральной ссоры.

Появление этой легенды приписывалось П. И. Бартеневу и П. В. Анненкову, которые пошли на поводу устных сплетен. Позднее точка зрения на “Зелёную лампу” была пересмотрена. Пушкинисты П. Е. Щёголев и В. Л. Модзалевский на основании документов установили, что “лампистов” объединяли как литературно-театральные, так и политические интересы. Здесь бывали Трубецкой, Толстой, Каверин, Дельвиг, Родзянко, Барков и Гнедич. Некоторые из участников “Зелёной лампы” были связаны с объединением будущих декабристов — “Союзом благоденствия”. Репутация кружковцев, в том числе и Пушкина, была спасена.

По свидетельству очевидца и непосредственного участника собраний Якова Николаевича Толстого, кутёж, когда и бывал, начинался после заседаний, за ужином.

Вскоре после выпуска из Лицея Пушкин был принят в тайное общество “Союз спасения”. Пушкин позже писал: “. . . по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела”.

На этом же основании был принят в общество и Вольховский. Оба из “Священной артели”. Оба постоянно видятся с Пушкиным, Пушкин – так даже часто. Чуть позже в декабристский “Союз благоденствия”, бывший своего рода преемником “Союза спасения”, вступит Николай Тургенев. С ним у Пушкина тоже и частые встречи, и откровенные беседы. Но никто поэта не зовёт подключиться к конспиративной деятельности.

Знал ли Пушкин о встречах в рамках “Союза благоденствия”? Да, но. . . Через Никиту Муравьева Пушкин был привлечён к участию лишь в тех заседаниях, которые не имели строго конспиративного характера и должны были способствовать распространению влияния общества. Много позже, работая над десятой главой “Евгения Онегина”, Пушкин обрисовал одно из таких заседаний:

*Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Им резко Лунин предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал сво<и> Нозли Пу <шкин>,
Мела <нхолический> Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.*

Если добавить, что с будущим декабристом Луниным Пушкин познакомился ещё в 1818 году во время проводов уезжавшего в Италию Батюшкова и так с ним близко сошёлся, что через полтора года перед отъездом Лунина отрезал у него на память прядь волос – картина “декабристских” связей Пушкина будет вполне реальной.

Что мешало им стать реальными по-настоящему? Отчего всё же Пушкин оказался вне рядов декабристов?

Пушкин по истечении лет убеждает всех (или больше себя?), что не открылся перед Пушкиным почти что случайно. Так ли на самом деле? Вряд ли. И он, и другие друзья не скрывали от Пушкина своих политических взглядов, но утаили свою принадлежность к тайному обществу. Почему?

Очень часто звучит объяснение, из которого следует, что причина самая что ни на есть благая: они сознавали величие гениального Пушкина и тем самым хотели сохранить поэта для Отечества, для литературы и, шире того, для национальной культуры, для Истории. Будто бы Фёдор Глинка даже сказал на сей счёт: “Овцы стадаются, а лев ходит один”. Если так, то надо признать, что именно по этой причине как раз тогда Кюхельбекер на дуэли стрелял в Пушкина и только случайно промазал (правда, попал в Дельвига, но и его, к счастью, не ранил).

Пушкин, услужливый кавалер, весёлый повеса и щёголь, завсегдатай театра и визитов к театральным артистам, мог быть их собутыльником, участником литературных баталий и даже острых политических бесед.

Пушкин-поэт, известный “по мелким стихам и по крупным шалостям”, как отзывался о нём Николай Тургенев, мог быть полезен написанием страстных стихов, пробуждающих гражданские чувства, выражающих настроения и мысли революционного поколения победителей Отечественной войны о конституции, об освобождении крестьян, о вольности святой.

Однако в качестве заговорщика-цареубийцы они его не видели. По одной причине – был чересчур безрассуден и неосторожен, болтлив и весь нараспашку. Пылкий нрав и близкое общение с людьми ненадёжными пугали заговорщиков. Поистине, *свой среди чужих, чужой среди своих*, или, как скажет сам поэт, “среди толпы затерянный певец. . .”

Имя Пушкина в те дни не сходит с уст. То всплывала театральная история про то, как беззаботный поэт во всеуслышанье рассказывал в антракте, что

в Царском Селе сорвался с цепи годовалый медвежонок и, представляете, мог запросто встретиться с императором, гуляющим по парку, после чего рассказчик скорбно сожалеет: “Нашёлся один человек, да и тот медведь!”

То в центре внимания вызывающее появление Пушкина в театральном партере с портретом французского рабочего Луи Пьера Лувеля, заколовшего кинжалом племянника короля Франции, и надписью на портрете: “Урок царям”.

То восемнадцатилетний поэт лихо, в один присест, по предложению Николая Тургенева пишет “Вольность” — поэтический трактат в 20 строк о правах народа и государя — и, бравирюя своим бесстрашием, подносит оду княгине Голицыной, наверняка зная, что светские болтуны тут же разнесут по всему Петербургу строки:

*Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!*

Он ведёт себя не вполне объяснимо даже для своих друзей. Получив некогда желанную возможность заседать в “Арзамасе”, ею почти не пользуется, пропадая вечерами у А. А. Шаховского, которого он осмеивал ещё недавно.

Жуковский как-то сказал Гоголю: “Когда Пушкину было восемнадцать лет, он думал, как тридцатилетний человек: ум его созрел гораздо раньше, чем характер”.

Мыслить он, действительно, был способен, как 30-летний, а вот поведением — мальчишка мальчишкой. Однажды во время разговора на квартире Николая Тургенева спор между ними принял столь острые формы, что Пушкин вызвал друга на дуэль, правда, тут же одумался и с извинением взял вызов обратно.

Остаётся уповать на то, что, как говорится, всё, что ни делается, всё к лучшему. Однако надо признать, что в конспиративных кругах преобладало представление о том, что Пушкин “незрел” и не заслуживает доверия. До людей, лично с Пушкиным не знакомых и питающихся слухами из третьих уст, доходили суждения, что “он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни делает донос тотчас правительству о существовании Тайного общества”. Эти слова вопиющей несправедливости принадлежат не кому-то, а декабристу П. П. Горбачевскому — человеку редкой стойкости, честности и мужественности. При этом он ссылался на авторитеты повешенных С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина.

А если ещё учесть вхожесть Пушкина к людям совершенно разных политических симпатий, то станет понятным, почему друзья остерегались. Остерегались, но не отталкивали от себя.

Забегая вперёд, надо непременно сказать, что действительность оказалась прямо-таки противоположной. Не Пушкин свидетельствовал против декабристов, а декабристы беззастенчиво “сдавали” Пушкина. В ходе следствия в созданном Тайном комитете для следствия по делу о декабристах постоянно фигурировали стихи и слова Пушкина. Павел Бестужев на допросе заявил, что причина его вольномыслия — стихи Пушкина. Михаил Бестужев-Рюмин сделал признание, что вольнодумные стихи Пушкина служили агитационным материалом и как прокламации распространялись по всей армии. Имя Пушкина звучит на допросах А. Бестужева, барона В. Штейнгеля, мичмана В. Дивова, капитана А. Майбороды и других в общей сложности более двадцати раз. На обороте одного из листов с показаниями декабриста П. Громницкого (Громнитского) с его слов записан текст стихотворения Пушкина “Кинжал” — стало быть, тоже указывал на поэта. Лишь Пущин на допросе на прямо поставленный вопрос нового императора о Пушкине, ответил, что поэт “был всегда противником тайных обществ и заговоров”.

А пока 25 декабря ещё впереди, и в кругу будущих декабристов на Пушкина возлагались особые надежды — как на поэта, призванного стать, воспользуемся современным понятием, имиджмейкером свободолобивых идей и людей, их разделяющих.

*...Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарской, —*

писал Пушкин о своём ближайшем друге Чаадаеве, сравнивая его со знаменитыми афинским демократом и римским республиканцем. Такими сравнениями те, кого потом назовут “декабристами”, придавали своему зреющему заговору имидж деяния исторического масштаба. А что, грамотная PR-кампания, адресованная будущим поколениям!

По сути, талант Пушкина мыслился декабристскими кругами “рупором” политической пропаганды, не более того. Остальное объявлялось ими мелким и недостойным. Так, например, писать о дружбе нужно было непременно и исключительно с гражданским пафосом и противопоставлять её... любви. “Оставь другим певцам любовь! / Любовь ли петь, где брызжет кровь...” – наставлял Пушкина В. Ф. Раевский.

В знаменитом послании “К Чаадаеву” Пушкин как будто следует совету. Стихотворение переполнено гражданским пафосом, а поэт изначально отказывается от всех “личных” поэтических тем:

*Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман...*

Вновь забегая вперёд, скажу: пройдет некоторое время, и Пушкин переосмыслит прежние дружеские признания и призывы. Он резонно решит, что надежда поэта “на тронах поразить порок” и несбыточна, и вредна, так как уводит от собственно поэтических целей. Что же способствует поэтическому вдохновению? Любовь, дружба, уединение на лоне природы; надо вернуться к этим темам – вечным. Через шесть лет в стихотворении “Чаадаеву” поэт переиначит концовку послания к Чаадаеву 1818 года:

*Чадаев, помнишь ли бывшее?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Придать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень, и тишина,
И в умиленьи вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.*

Так что “рупор” перестанет быть агитатором и захочет остаться поэтом.

Но вернёмся в Петербург послелицейского периода, где Пушкин продолжает дерзить всем и вся по поводу и без всякого повода, разбрасывать вызовы на дуэль направо и налево, скандалить везде, где только можно, отдавая разве что предпочтение местам публичным.

Он заканчивает исполненную радостью жизни поэму “Руслан и Людмила”, включая в неё пародийные строки на Жуковского, и с вызовом преподносит ему своё произведение. Тот не без скрытой иронии отдаривает Пушкина своим портретом с надписью: “Победителю ученику от побеждённого учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму “Руслан и Людмила”, 1820, марта 26, Великая Пятница”.

Но в основном Пушкин пишет злые эпиграммы и политические стихотворения, которых от него ждали, честно говоря, лишь те, кто меньше всего думал о литературе. В короткое время Пушкин в кругу петербургской золотой молодёжи приобретает славу “рукописного бунтаря-вольнодумца”. Его эпиграммы не знают границ в своих адресатах. Его стихи не печатаются, а разлетаются в списках.

Самой известной из них оказалась ода “Вольность” (написана приблизительно через полгода после выхода поэта из Лицея), явившая пример поэзии откровенной гражданской устремлённости, которой так жаждали будущие декабристы.

Известны обстоятельства её написания. Очевидцы вспоминали, как, будучи в доме Николая Тургенева на политическом диспуте и глянув в открытое окно на стоящий напротив Михайловский замок, Пушкин “вдруг вскочил на

большой и длинный стол, стоявший перед окном, растянулся на нём, схватил перо и бумагу и со смехом принялся писать”. Но Ю. М. Лотман почему-то считал эти воспоминания “правдоподобной биографической легендой”. Хотя и сам Николай Тургенев позже засвидетельствовал, во-первых, что часть оды “Вольность” Пушкин написал в одно из посещений у него дома, ночью у себя завершил её и на другой день принёс полный текст стихотворения. Во-вторых, что тема “Вольности” была предложена Пушкину именно им.

В рукописи “Вольность” обозначена как “ода”, другими словами, как тогда понимали, философский, политический трактат в стихотворной форме. Не важно, воспевают ли ода царей и героев (“похвальные” оды) или определённую историко-философскую доктрину и социально-политическую программу. Для автора “Вольности” главное – социально-политические мотивы: вера в победу и действенную силу конституционных начал в России (в 1817 году эти иллюзии ещё были живы).

Политические лозунги Пушкин преподносит в оболочке двух исторических сюжетов. Первый из них – народ Франции нарушил закон, казнив Людовика XVI; казнь эта обернулась тиранией Наполеона. Второй – в России убийство Павла I, преступления которого были ещё на памяти современников, – месть тирану, нарушителю закона. Вывод: одно преступление порождает другое преступление. Стихи, с одной стороны, предостерегали русского монарха от участи французского короля, а с другой – показывали единственную возможность предотвратить кровавую народную революцию.

Дело не в том, как порой нам представляют, будто Пушкин утверждает принцип конституционности, необходимость парламентской монархии, отчего стихотворение при таком прочтении из поэтического произведения превращается в политическую прокламацию. Дух Закона, который парит здесь над всем, значим лишь в единении со Свободой. Точно так же, как Свобода, никоим образом не выступающая в качестве бесцеремонного своеволия, боготворится поэтом лишь в единстве с Законом. Пушкин не просто ставит рядом два понятия: “вольность” и “закон” – он их объединяет. Собственно, ода не о свободе как таковой и не о законе, возведённом в высшую степень, а о необходимости их единства.

Общественное спокойствие, благополучие всех и каждого, по мысли Пушкина, возможно лишь в условиях всеобщего равенства перед законом, которое невозможно без свободы народа. Представ в маске сурового “гражданина”, Пушкин воспевает Свободу, прославляет законность, утверждает её всеобщую власть. И одновременно берётся “на троне поразить порок”, который он видит в невыполнении законов, ибо именно беззаконие ведёт к тирании и преступлению.

Этим объясняются патетика, героико-романтический пафос и стилистика – торжественные декламационные интонации, и шероховатость отдельных стихов, “нагромождение” в стихотворении политических терминов, слов-понятий строго определённого лексического ряда. Ода писалась по нормам политического красноречия, характерного для ораторского искусства. И адресована она кругу лиц, прекрасно владеющих политической риторикой. Отсюда пышный букет из “модных” слов: “свобода”, “рабство”, “тираны”, “трон”, “порок”, “закон”, “власть”, “самовластительный злодей” и т. д.

При этом в “Вольности”, в отличие от уравновешенной классицистической оды, чувствуются взволнованность и лирическая напряжённость. Тем не менее, используемая поэтом лексика вызывает строго определённые ассоциации: круг идей и сил, способных изменить состояние русского общества. Совершенно очевидно, что поэт не решает художественных задач, его ода создаётся по законам **убеждения** читателя или слушателя поэтических строк.

По большому счёту, именно поэтому весьма неприятная (ничего нового, без открытий) политическая составляющая “Вольности” приобрела откровенно революционное звучание. “Вольность”, а вслед за ней “Деревня” “тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть”, выполняя ту самую агитационную роль, какую и отводили пушкинским произведениям его друзья, устремившиеся в политику.

И всё бы ничего, .. если бы не строки оды о некоторых действительных обстоятельствах убийства Павла I, неизбежно воспринятые как обвинение Александра I во лжи, потому как официальная версия нового императора гласила, что император-предшественник скончался от апоплексического удара.

Стрелу в свой адрес царь простить Пушкину не мог, хотя некоторое время и выждал. Мнительный и злопамятный Александр I, как известно, мог простить самые смелые мысли, но никогда не прощал и не забывал личных обид.

Через десять дней после случая в театре с портретом Лувеля нарушителя спокойствия пригласил к себе “на ковёр” граф М. А. Милорадович, тогдашний петербургский военный генерал-губернатор, и “потребовал его возмутительных стихов”. Пушкин заявил, что они им сожжены, но выразил готовность написать их графу по памяти и, не сходя с места, исписал целую тетрадь. Опешивший Милорадович, затрудняясь расценить поступок Пушкина – то ли как проявление самоотверженного благородства, то ли как несусветную глупость – отпустил поэта, объявив ему прощение от имени государя.

Однако поторопился. Царь, выслушав на следующий день доклад Милорадовича, нахмурился, узнав о дарованном от его имени прощении, и не без ехидства заинтересовался: “Не рано ли?” Потом подумал и распорядился снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и с соблюдением возможной благовидности отправить его “на службу на Юг”.

Хотя существует и несколько иная версия отправки Пушкина в южные края. Царь намерен был избрать для поэта другое направление, в места не столь отдалённые. Но Пётр Чаадаев, адъютант генерала И. В. Васильчикова, любимца императора, стал хлопотать перед своим командиром за Пушкина. А Фёдор Глинка, адъютант для особых поручений Милорадовича, – перед своим. Ещё последовала участливая просьба Николая Карамзина непосредственно царю. За несколько дней до отъезда Пушкина из Петербурга Карамзин писал поэту Дмитриеву:

“Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное (это между нами): служа под знаменами либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей, и проч., и проч. Это узнала полиция ест. Опасаются следствий. Хотя я уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову... , однакож, из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание уняться”.

У молодого Пушкина, к удивлению царя, нашлось немало заступников. Согласитесь, цепочка защитников более чем представительная: о смягчении участи Пушкина хлопотали Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, П. Я. Чаадаев, А. И. Тургенев, Ф. Н. Глинка, Н. И. Гнедич, А. Н. Оленин, Е. А. Энгельгардт, непосредственный начальник Пушкина граф И. А. Каподистрия. И только потому Соловки или Сибирь заменены были отправкой на Юг.

Общими усилиями заступники смогли облегчить участь Пушкина. Но только облегчить. 4 мая на письмо, подготовленном министром иностранных дел графом И. А. Каподистрия (в чьём ведомстве служил Пушкин) на имя главного попечителя колонистов Южного края России генерала Инзова, появилась Высочайшая резолюция: “Быть по сему”. Надо признать, что мягкая форма отправки Пушкина “с глаз долой”, обставленная совсем не как репрессия, а как забота о трудно взрослеющем поэте, позволяет вспомнить, что граф Иоанн Каподистрия был одним из почётных членов общества “Арзамас” и тоже более чем благосклонно относился к своему подчинённому.

В итоге: никакая не ссылка, а **командировка**. В письме Карамзина даже упомянут предполагаемый срок: *“...благополучно уехал в Крым месяцев на пять”.*

6 мая 1820 года Пушкин с назначением в канцелярию генерал-лейтенанта И. Н. Инзова вынужден был отбыть на Юг. За светские шалости и “возмутительные”, по выражению Александра I, политические стихи. В официальном письме к Инзову, данном Пушкину при отъезде, отмечалось, что некоторые поэтические произведения привлекли внимание правительства к Пушкину. Среди великих красот замысла и слога они свидетельствуют об опасных началах, почерпнутых в системе, именуемой “системой прав человека, свободы и независимости народов”.

Все эти дни, пока в столице одни шушукались о его грядущей высылке из Петербурга, а другие бросились на помощь, чтобы смягчить царский гнев, Пушкин буквально не находил себе места – до него самого слух об опале дошёл одним из первых.

Как ни странно это звучит, Пушкин плохо понимал, что происходит. С одной стороны, он сознавал, что “заработать” ссылку в общем-то ничего не стоит. Современному читателю будет достаточно одного примера. В разгар арак-

чеевщины Президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин предложил Академии наук выбрать Аракчеева в её почётные члены. Последовал чей-то осторожный вопрос о научных достижениях кандидата. Оленин ответил: “Он очень близок к государю!” На что один из академиков резонно возразил: “Придворный кучер к государю ещё ближе, так давайте сперва выберем его”. И за это насмешник тут же поплатился ссылкой.

С другой стороны, Милорадович совершенно недвусмысленно от имени царя его простил – и это молодой поэт воспринял нормально. Но затем сам царь его наказал! За что? И как так можно после прозвучавшего прощения? Это было выше его понимания. Причём, получается, наказал, собственно, даже не за стихи, а за инакомыслие. Тем самым дал ясно понять, что никакой свободы слова ему – поэту – власть давать не намерена. А как быть поэтом, не имея свободы слова?

И без того проблемная ситуация каким-то образом перевёртывалась, с точки зрения молодого Пушкина, с ног на голову. А несообразность наказания, как он его воспринял, выворачивала его натуру буквально наизнанку и травмировала сознание. Стресс как понятие появится, конечно, много позже, но стресс как состояние повышенного нервного напряжения, вызванное каким-либо сильным воздействием, существовал всегда. Состояние Пушкина в то время носило именно такой характер. И последовала острая реакция.

Мгновенно нахлынула знакомая тоска, он не “слышал” стихов, вместо них в ушах стоял “звон”. Подавленность и чувство беспомощности – от него уже ничего не зависит! – рождали в “измученной душе” тревогу и страх. Нет, совсем не тот страх, который можно назвать трусостью. И вовсе не тот, что Ариадна Тыркова-Вильямс сочтёт малодушием. Это был совсем иной страх – страх как гнёт души, болезненное состояние, которое выводило из эмоционального равновесия.

О том, что страх – никакая не выдумка, свидетельствуют строки из письма Карамзина Вяземскому: “Пушкин был несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на свободу и некоторых эпиграмм...” Спустя время, когда депрессия (назовём пушкинское состояние своим именем) мигнет, рассосётся, он найдёт в себе силы вспомнить усилия друзей и в эпилоге “Руслана и Людмилы” скажет:

*О дружба, нежный утешитель
Болезненной души моей,
Ты умолила непогоду...*

Сборы были быстрые. Позади петербургская жизнь – впереди период скитаний, жизни без постоянного и обустроенного места, без быта. И вот Пушкин в широкополой шляпе, в плаще (погода стояла ужасно жаркая), в сопровождении крепостного лакея Никиты, приставленного к сыну Сергею Львовичем, трогается на перекладных по белорусскому тракту в путь.

В кармане сложенный вчетверо “пашпорт” – подорожная, выданная Коллегией иностранных дел 5 мая 1820 года “для свободного проезда” из Петербурга к главному попечителю колонистов Южного края России генералу Инзову. Подорожная – это двойной лист бумаги большого формата. Текст её написан на первой странице рукой секретаря Коллегии, лицейского одноклассника Пушкина, М. Л. Яковлева, собственноручно подписан управляющим Министерством иностранных дел графом К. В. Нессельроде и скреплён сургучной печатью:

“По указу его величества государя императора Александра Павловича самодержца Всероссийского.

И прочая, и прочая, и прочая.

Показатель сего, Ведомства Государственной коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин, отправлен по надобностям службы к главному попечителю колонистов Южного края России, г. генерал-лейтенанту Инзову; почему для свободного проезда сей пашпорт из оной коллегии дан ему. В Санктпетербурге мая 5-го дня 1820-го года.

Граф Нессельрод”; в самом низу, справа: “Секретарь Яковлев”.

За спиной Пушкин оставлял город, в котором провёл всего ничего, около трёх лет – “золотые годы”, – в котором он знал счастливые часы поэтического вдохновения и познал скверную славу весёлого повесы и бунтаря-воль-

нодумца, в котором создал такие несхожие “Руслан и Людмила” и “Вольность” с “Деревней”, который свёл его с такими разными людьми, как Крылов, Грибоедов и Чаадаев, Н. Тургенев... Что там впереди?

Дорога предстояла долгая — недели полторы только до Киева, а там далее, как предписано, в Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Хотя, известно, Пушкин сохранял надежду, что едет в Крым. Почему Крым? Дело случая, но последнее время Пушкин сам, безотносительно к неожиданно для него проявившемуся конфликту с властью, имел намерение совершить поездку в Крым. Ещё в первой половине марта он писал П. А. Вяземскому: “Петербург душен для поэта: я жажду краёв чужих; авось полуденный воздух осветит мою душу...”.

Крым фигурирует (видимо, был на эту тему разговор) и в переписке начала мая К. Я. Булгакова и А. Я. Булгакова. Первый пишет: “Пушкин — поэт, поэтów племянник, вчера уехал в Крым. Скажи об этом дяде-поэту”.

В ответ следует вопрос: “Зачем и с кем поехал молодой Пушкин в Крым?”

В Киеве поэт остановится у Раевских. Надо полагать, именно здесь Пушкин получил окончательные заверения, что Раевские помогут ему попасть на Кавказ и в Крым. Не будем забывать, ведь он не сосланный. Так что часто звучащая мысль, будто отправленный в южную ссылку поэт случайно встретился в Екатеринославе с семьёй генерала Н. Н. Раевского, едущей на Кавказ, в Крым, вряд ли верна. Хотя факт остаётся фактом: именно в Екатеринославе, в “местности Мандрыковка, в доме Краконихи” Н. Н. Раевский-младший найдёт заболевшего поэта (после купания в Днепре в 20-х числах мая) и по ходатайству генерала Раевского Инзов отпустит больного Пушкина с ними “для лечения”.

Так случилось, что 15 мая, в тот самый день, когда Пушкин как раз подъезжал к Киеву, цензор Тимковский подписал разрешение печатать поэму “Руслан и Людмила”. А потому можно сказать, что через царскосельскую заставу на юг выехал уже автор стихов, известность и признание которого наконец-то вышли за узкие рамки круга друзей.

Поэма, начата ещё в Лицее, увидит свет в конце июля — начале августа. Она вызовет разноречивые толки, совсем не всегда одобрительные. Особенно холодно “Руслана и Людмилу” приняли Карамзин и его последователи. Вокруг поэмы разгорятся критические споры, из которых станет ясно: отныне и в глазах общества он не альбомный стихослагатель и не автор сумасшедших эпиграмм, а поэт, причём поэт-новатор, сумевший явить присутствие автора в каждой “клеточке” повествования (принцип авторского самовыражения он превратил в организующее начало поэмы). Отказавшись от прежней литературной условности, над которой он откровенно потешался, Пушкин писал о том, что ему лично было интересно.

Весело и непринуждённо он перемешал в поэме самые разные традиции, жанры, стили, историческую героику с элегической меланхолией, национальный колорит с фантазией, явил на свет немислимую стилистическую свободу, чтобы полностью завладеть вниманием читателя. Добродушный, но умный юмор поэмы, смелое соединение жизнерадостности русской волшебной сказки со средневековым рыцарским эпосом произведут столь сильное впечатление, что для большинства современников поэт станет певцом Руслана. Впрочем, сам Пушкин свою первую поэму, сравнивая её впоследствии с “Кавказским пленником” и “Бахчисарайским фонтаном”, считал холодной.

До Царского Села опального поэта сопровождали-проводжали лицейские однокурсники Дельвиг и Яковлев (тот самый, чья подпись стояла на подорожной). Никто из друзей-вольнодумцев, на кого работало его агитационное перо и помогло заработать ему высылку из столицы, провожать не пришёл. Мавр сделал своё дело...

Здесь стоит ненадолго остановиться на том, почему, однако, в сознании скольких уже поколений этот период жизни поэта именуется не иначе как “южная ссылка”. Заодно вернёмся ещё раз к теме мотивации изгнания Пушкина из столицы. В сущности, можно назвать три возможные причины расправы с поэтом. Первая — по совокупности грехов: тут и вызывающее поведение, и собственноручно стихи (“Наводнил Россию возмутительными стихами”, — будто бы сказал царь). Вторая — личная обида злопаметного самодержца на пушкинские строки в оде “Вольность” про обстоятельства убийства Павла I и обращённые непосредственно к Александру I:

*Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.*

И третья – появление эпиграммы на графа Аракчеева:

*В столице он — капрал, в Чугуеве — Герон:
Кинжала Зандова везде достоин он.*

Говорить с железной уверенностью, разумеется, нельзя, но... Будем рассуждать. Первая причина вполне вероятна. Кстати, именно она ближе всего к официальной версии. И уже потому вызывает сомнения, так как бюрократическая машина никогда не бывает чистосердечна, она всегда говорит на своём “эзоповом” языке, обычно одно, действительное, подменяя другим, похожим на правду.

Вторая причина, конечно, тоже возможна. Но чтобы мнительный царь ждал почти полтора года (с момента появления оды), прежде чем нанести ответный удар? Как гласит широко известная реплика одного из современных киногероев, “сомневаюсь я, однако”.

А вот третья причина выглядит более всего похожей на реальность. Было бы странно, если восемь желчных строк, которые можно расценить как публичную пощёчину Аракчееву, избраншему девизом своего герба красивые слова “Без лести предан”, прошли для их автора без последствий. Дело ведь не в том, что всесильный временщик назван “притеснителем” и “мучителем”. Куда унижительней, что последним стихом Пушкин переводит звучный девиз графа на его любовницу Настасью Минкину (убитую в 1825 году дворовыми за её жестокость).

*Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести,
<Бляди> грошевой солдат.*

Задетый эпиграммой царский любимец Аракчеев внушает царю необходимость примерно наказать вольтерьянца, посмевшего грозить Зандовым кинжалом. При этом граф мог упомянуть и про недавний эпизод в театре с надписью “Урок царям”. Отсюда и первая реакция: опасен, а потому – Соловки или Сибирь.

Нельзя исключить и более сложный вариант. Возникла ситуация, когда одновременно сработали (каждая в своей мере) сразу все три причины: злопамятный царь, злокозненный Аракчеев и злосчастная совокупность вызывающего поведения и возмутительных стихов.

Но царь, примем во внимание психологию Александра I, внушаем не только со стороны Аракчеева. Развёрнутая кампания по спасению Пушкина внушила обратное: да несколько не опасен, обычная юношеская бравада и глупость, но зато талантлив. И царь решает: совсем пройти мимо – обидеть Аракчеева, наказать сильно – мальчишка, что с него взять, самое оно – отправить куда подальше, чтобы не больно тут досаждал уважаемым людям. Про Юг никто не скажет, что это Сибирь, но и скакать туда две недели – довольно с него, авось поумерит там свой пыл и поуумнеет.

Так называемая ссылка в Кишинёв под покровительство добрейшего генерала И. Н. Инзова была по форме порицанием за юношеское фрондёрство, по существу – для окружающих Пушкина – чем-то вроде творческой командировки, в которой совсем ещё молодой человек знакомился с жизнью и развивал своё дарование. Но сам поэт, ненавидевший деспотизм, воспринял происшедшее с ним как насилие над личностью, несвободу, именно как проявление деспотизма по отношению к нему. А потому расценил вынужденный отъезд, которому придан характер перевода “для пользы службы”, именно как ссылку. Тем не менее, формально Пушкин не был сослан.

Забегая вперёд, скажу, что позже то же можно будет сказать и про его вынужденное сидение в Михайловском (в 1824–1826 годах), которое было всё же родовым именем Пушкиных-Ганнибалов, а не тюрьмой и не каторгой, хотя уже и напоминало во многом “подписку о невыезде” или нахождение под домашним арестом.

Кстати, многие из тех, с кем Пушкин тогда общался, а позднее и часть его биографов считали эту высылку из Петербурга на Юг великим благодеянием для него. Ни соглашаться, ни спорить здесь невозможно. Да, гений Пушкина сумел обратить на великую себе пользу постигшее его несчастье. Но от этого оно не перестало быть для него несчастьем. И, прежде всего, вряд ли следует признать благоприятным для развития молодого поэта отсутствие у него полной свободы. Настроение Пушкина в годы пребывания на Юге напрямую связано с естественным недовольством своим положением поднадзорного изгнанника, вначале вроде бы отправленного всего лишь на несколько месяцев, а потом, как выяснилось, насильственно удерживаемого вдали от столицы, куда его тянуло.

Потому-то, начиная с первого созданного на Юге произведения – элегии “Погасло дневное светило...”, – в поэзии Пушкина возникает мотив вынужденного или добровольного изгнанничества. Зачастую он объяняется вторжением в творчество поэта романтизма с привычными и характерными для него темами. Так-то оно так, только первичен ли тут романтизм?

И в связи с этим следует на некоторое время вернуться к моменту, когда Раевский-младший застаёт в Екатеринославе больного Пушкина после купания в Днепре. Ну, приболел. Казалось бы, с кем не бывает. Но зачем он полез в холодную воду? Просто искупаться? Или столь необычным способом (по принципу “клин вышибают клином”) пытался выйти из депрессивного состояния, снять стресс, преследующий его с того времени, как было объявлено о немедленном откомандировании на Юг? Странная ситуация: ведь выздоровев, он опять *стареется* заболеть – и эту “процедуру” проделывает несколько раз.

Рассказ домашнего доктора Раевских, лекаря Евстафия Петровича Рудыковского, которого Н. Н. Раевский-младший отправил к Пушкину, находившемуся “в бреду, без лекаря, за кружкой обледенелого лимонада”, вполне подтверждает наш “диагноз”:

“Приходим в гадкую избёнку, и там, на досчатом диване, спит молодой человек – небритый, бледный и худой.

– Вы нездоровы? – спросил я незнакомца.

– Да, доктор, немного пошалил, купался. Кажется, простудился.

Осмотревши больного, я нашёл, что у него была лихорадка... Посоветовавши ему на ночь выпить чего-нибудь тёплого, я оставил его до другого дня...

Поутру гляжу – больной уже у нас, говорит, что он едет на Кавказ вместе с нами. За обедом наш гость весел и без умолку говорит с младшим Р. по-французски. После обеда у него озноб, жар и все признаки пароксизма*. Пишу рецепт.

– Доктор, дайте что-нибудь получше. Дряни в рот не возьму.

На рецепте надо написать кому. Спрашиваю – Пушкин. Фамилия незнакомая, по крайней мере, мне. Лечу как самого простого смертного, и на другой день закатил ему хины. Пушкин поморщился. Мы поехали далее. На Дону обещали у атамана Денисова. Пушкин меня не послушался: покушал бланманже** и снова заболел.

– Доктор, помогите.

– Пушкин, слушайте.

– Буду, буду.

Опять микстура, опять пароксизм и гримасы.

– Не ходите, не ездите без шинели.

– Жарко, мочи нет.

---

* Пароксизм – раздражение, возбуждение, бурная реакция, например, пароксизм гнева; ухудшение состояния или рецидив болезни; внезапный приступ спазмов или судорог. (Кстати, “посещение пароксизмов” отмечал у себя и А. Грибоедов в переписке с Ф. Булгариным и И. Паскевичем, – действительно, братья по несчастью.)

** Бланманже – сладкое десертное блюдо (сильно охлаждённое желе на основе молока с добавлением орехов, шоколада, кофе или какао; мороженое).

- *Лучше жарко, чем лихорадка.*
- *Нет, лучше уж лихорадка.*
- Опять сильные пароксизмы.*
- *Доктор, я болен.*
- *Потому что упрямы. Слушайте.*
- *Буду, буду”.*

Спустя несколько месяцев Пушкин напишет своему младшему брату Льву: *“... я лёг в коляску больной; через неделю вылечился”.*

Далее были два месяца на Кавказе. Потом Крым, где к Пушкину наконец-то возвращается душевное равновесие, позволяющее “думать стихами”. Он посещает Керчь, Кефу (Феодосия), три недели проводит в Юрзуфе (Гурзуф)... Ночью на корабле была написана элегия “Погасло дневное светило...” с чудесной картиной южной ночи, в которой было найдено равновесие между стихией внутреннего чувства, владеющего поэтом, и стихией внешней – бескрайнего волнующегося моря, валы которого подобны накатывающим на душу воспоминаниям. Герой стихотворения – изгнанник, одиночество и страдание которого не имеют исхода, а чувства не находят утolenия.

Затем Алупка, Севастополь и Бахчисарай, Каменка, имение матери Раевского, а оттуда – на место службы в Кишинёв, так как во время странствований Пушкина Инзов временно был назначен наместником Бессарабской области.

На какое-то время Петербург, с его обидами и страстями, приятелями и увлечениями, оказался, можно сказать, просто стёртым если не из памяти, то из мыслей точно. Не случайно за всё это время Пушкин не написал ни одного письма (в отличие от большого числа писем из Кишинёва и Одессы). Мир словно сузился до семьи Раевских на фоне панорамы Кавказа и Крыма.

Но всему рано или поздно приходит конец. Пушкин писал:

“Я не видел в нём героя, славу русского войска; я в нём любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душою, снисходительного попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества”.

После счастливейших минут жизни, проведённых “посреди семейства почтенного Раевского”, Пушкина ждал прелестный край с жарким полуденным небом Бессарабии.

СЕРГЕЙ ГАВРИЛЯЧЕНКО

ПОТАЁННЫЙ ПЛАСТОВ

Значимость конференций “Пластовская осень” заключается в непрерывном толковании сокровенного, лишь поверхностно кажущегося ясным наследия гения, открывающегося каждому новому времени-поколению потаёнными смыслами, разъясняющими судьбу-предназначение русского народа. Для проникновения в творчество А. А. Пластова существенно важно понятие “народ”, вокруг которого, как идеократического стержня, полтора столетия (от “великих реформ” и до конца XX века) сосредотачивались социальные напряжения, формовавшие почвенную, национально-самодостаточную культуру. Почвенничество широким охватом вбирает и “передвижническую” обострённую совесть, и непосильный маломерному интеллектуализму суриковский эпический трагизм, и колористический пейзажный пантеизм “московской школы живописи”. А. А. Пластов, наследуя, итожит предшествующие традиции, придаёт им новую жизнь, сверхчутко отзываясь на тектонику катастрофическо-титанической эпохи, творит современное искусство от имени немотствующего, перемалываемого, казавшегося вечным крестьянства. В своём значении он конгениален М. А. Шолохову, а если переименовать А. М. Горького, представлявшего Л. М. Леонова И. В. Сталина словами “он может отвечать за всю русскую литературу”, то А. А. Пластов “отвечает за всю подлинно русскую живопись в XX веке”.

Некогда критик П. С. Коган, говоря о Л. М. Леонове, подводя под гонения, относил его к “мужиковствующим”, точно отмечал, что “перед этой пассивной и косной мощью какими-то фальшивыми, наносными и непрочными кажутся и продкомиссии, и губернские власти, и карательные отряды” [1, 130]. От себя добавим: и идеологизированное, на сиюминутность актуальное искусство. Подобная прозорливость более чем к кому-либо имела отношение к М. А. Шолохову и А. А. Пластову.

Народность русского искусства спасла Отечественная война, воззвание “братья и сестры”, неизбежность опоры на несклонный к томительным рефлексиям народ. “Именно Отечественная война искренно соединила два понятия: Россия и советская власть. Их уже не имело смысла разъединять” [1, 349]. Продолжим цитировать З. Прилепина, точно подметившего, что “М. А. Шолохов замолчал с исчезновением казачества”. А. А. Пластов пережил всю судьбу русского крестьянства и ушёл из жизни за три десятка лет до практически полного исчезновения корневого быта и уклада. Потому, обращаясь к творчеству А. А. Пластова, пытаюсь уразуметь и прочувствовать оставленное нам наследие, понимаешь, что его нужно смотреть крестьянскими, народными глазами, без уверенности, что сохранился подобный полноценный взгляд, но, в любом случае, смиряясь перед его утрачиваемым превосходством.

Многое в пластовском творчестве остаётся недоизученным, недоосмысленным, а порой и просто неизвестным. В последнее десятилетие, благодаря наследникам А. А. Пластова, открылись две потаённые темы: церковно-религиозная и внешне ей противоречащая “антично”-пантеистическая. Их парадоксально нецензурированно объединяет непрерывная параллельность, побуждающая попытаться за внешне очевидной противоположностью, начётнически предполагающей взаимоисключение, найти неочевидную связь, пронизывающую пластовскую цельность. Вспоминается первое явление его библейско-евангельских, церковных работ на камерной выставке в Российском фонде культуры. Ощущение таинства усиливалось экспонированием небольших холстов и графических листов в полутёмном цокольно-коридорном пространстве, чем-то напоминавшем крипту. Впервые собранные в смысловое единство разновременные произведения, удивляя, побуждали задуматься о непрерывности духовных переживаний художника, о периодичности возвращений к определённым сюжетам, о сосредоточенности на светоцветовой образности, одолевающей все наступления тьмы. Подтверждающим примером непрерывности, столь важной для обсуждаемой частной темы, выберем раннюю, юновскую по стилистике, наблюдённо-достоверную акварель “Праздник Флора и Лавра” (1915–1920) и соимённую ей, родственную барочной бурности холста “Купание коней” (1938), акварель-памятование полноты церковно-народной жизни, написанную в конце 1940-х годов. Заинтересовавшихся означенной темой отсылаем к эпистолярным фрагментам, опубликованным Т. Ю. Пластовой, фрагментам, говорящим языком А. А. Пластова о его переживаниях, точно документирующих изображённые события [2, 128].

Церковные сюжеты великолепием живописи свидетельствуют о трагизме гонений и сокрушений Русской Церкви. Свидетельствуют не столько внешне, повествовательно, сколько подспудно. Как в роскошествах “Сенокоса” скрыта беда, поставившая в ряд косцов стариков, баб да малолеток, напоминая о войне, выкосившей крепких молодых и зрелых мужиков – опоры обречённо не поднявшего крестьянского мира (“Жатва” 1945, “Трактористки” 1943–1944), так и церковный мир бережётся-спасается женщинами да стариками, редконо верными, прошедшими немислимые гонения священниками. Но и в этом мире нет крепких и зрелых мужиков. Причина не только в войне, а в тектоническом сдвиге эпохи, всколыхнувшем **неверие**.

Особость А. А. Пластова, родственная В. И. Сурикову и М. А. Шолохову, – не творить за зрителя концепцию-вывод, а свидетельствовать: так было. Его живопись прямого, а значит, реалистического, свободного от авторских однозначных рефлексий воздействия на зрителя, последовательно осваивающего объективное многообразие трактовок-переживаний, интуитивно цельно охваченное художником-рапсодом. Для преодоления политизированных ответов-оценок предвоенной советской эпохи осталось не много **художественно** пережитых свидетельств. Для её понимания необходимо важен непрочитанный, запоздало опубликованный апокалиптический роман-завещание Л. М. Леонова “Пирамида”. Роман мучительных вопрошаний и саднящих ответов, связанных с канонической традицией, внешне разрушительно её испытующий, но говорящий о современном ему “дне и часе”, когда не действительны напрямую ни ответы времён диоклетиановых гонений, ни напряжённые размышления почти близких по времени Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, В. В. Розанова.

Фиксируя воцерковлённость А. А. Пластова (см. публикации Т. Ю. Пластовой [2, 123–131]), нашедшую воплощение в “потаённом” церковном цикле, одновременно читая “Пирамиду”, решаешься обозначить некие парадоксальности, усложняющие понимание пути художника в обращении к духовному. Обратимся к биографии, к упоминаниям, что в роду А. А. Пластова были священники и иконописцы, строители и благоукрашатели храма в Прислонихе, что пять лет юный А. А. Пластов учился в духовном училище и четыре – в духовной семинарии, готовясь к священническому служению. Из этих обстоятельств наш современник, далёкий от реалий церковной и церковно-учебной жизни конца XIX – начала XX веков, может сделать прямой вывод о изначально-глубинной воцерковлённости, нашедшей отражение в работах “потаённого” цикла. Но большая внимательность к многочисленным опубликованным свидетельствам заставляет усомниться в подобной однозначности. Сам Пластов называл пребывание в училище “бурсой”, отсылая к знаковой нарица-

тельности нравов, описанных в редко кем ныне читаемых “Очерках бурсы” Н. Г. Помяловского. Второе, что обращает на себя наше внимание, – высокая оценка пребывания в семинарии, благодарность просвещённым преподавателям, допускавшим и поощрявшим вольные диспуты-вопросы [2, 125–126]*. Несколько перескакивая вперёд, свяжем эти свидетельства с кратким упоминанием А. А. Пластовым о своих революционных взглядах, не исчерпавшихся интересом к авангардному щукинскому собранию, но и о “катаниях” на грузовиках с революционными солдатами под красными флагами.

Обозначая тему, для которой не решаешься на собственные суждения из-за отсутствия личных ощущений по далекой временной разорванности, вчитываешься в роман Л. М. Леонова, попытавшегося собрать трагическую цельность всего XX столетия. Приведём ряд цитат, понимая, что, вырезанные из контекста, они излишне безапелляционно реконструируют возможные ситуативные коллизии, применительные к А. А. Пластову, если судить по вышеуказанным проговоркам:

– “...просматривается ущербное сознание своего как бы первородного греха, свойственное выходцам из церковной среды, в силу чего она весь прошлый [XIX. – Прим. авт.] век поставляла в революцию отменные кадры. С изнанки наглядевшись на отцовскую профессию, поповские дети в России бежали в прямо враждебные ей математику, естествознание, политику, зачистую из самых семинарских стен... Постоянное пребывание в кругу родительских, хозяйственно-бытовых интересов, без стеснения обсуждаемых при детях, сызмальства накладывало на них необратимый отпечаток. У наследовавших отцовскую профессию к семинарским годам слагался цинически-бурсацкий взгляд на вручаемые им таинства веры... Что касается лучших, критически мыслящих из поповских детей, то обеспеченное существование на сытных и даровых харчах, избавленное от столь смягчающих нас, мирских детей, сделок с совестью, к тому же помноженное на пылкую непримиримость ко всякой лжи, естественно ставило их как бы над средой, судьями института Церкви в целом. Зачаточный скептицизм в сочетании с национальной нашшей, до оскомины нетерпеливой тягой на любое незрелое яблочко, с годами превращался в пафос воинствующего всеотрицания прошлого с дальнейшим переходом в штурмовое революционное мировоззренье” [3, 2: 59]

– “Пожалуй, бросается в глаза повышенная неприязнь чуть ли не всех видных поповичей девятнадцатого столетия, да и позже к русскому прошлому, вряд ли обусловленная одним лишь впечатлением бытия... пока сами в чистках не извелись, вызывая огонь революции на отчий дом и Отчизну в целом, сжигая мосты за собой, как если бы в том заключалась высшая верность, чтобы **в случае чего** отступать было не почему и некуда” [3, 2: 61].

– “перечислим дюжину знаменитых поповичей из прошлого века с народными демократами в голове, которые подвижнически, не щадя здоровья, подгрызали корни государственности российской...” [3, 2: 77].

– “...не задумывался ли, почему все перебежавшие из духовного звания просветители наши начинали себя **заново** с усердным, словно в угоду кому-то, нападения на Русское Православие...” [3, 2: 58].

Не впадая в фантазии, но пытаюсь мемуарно разобраться в судьбах, не раз сталкиваешься с юной революционностью и последующим, болезненным её преодолением (М. А. Шолохов, Л. М. Леонов, Г. В. Свиридов). Удивительно, но почти нет свидетельств жалости к монархии в момент её сокрушения, нет понимания, что монархия не нечто поверхностное, а её упразднение рушит всю пирамиду. Последующая трезвость – следствие горького

---

* А. А. Пластов вспоминал учёбу в Симбирской духовной семинарии: “С нами считались, как с вполне взрослыми и, до известной меры, свободными людьми <...> Помимо узко философской и богословской, у нас была прекрасная библиотека по литературе и естественным наукам. Религиозное воспитание не выпиралось на первый план. Религиозные доктрины не вколачивались безапелляционно, а преподносились, оснащённые всякими научными и логическими доказательствами, сложнейшими философскими рассуждениями и доводами <...> С некоторыми педагогами мы вступали в самые ожесточённые споры по самым щекотливым религиозным доктринам, и, если наш оппонент вставал в тупик от нашего юного пыла и доводов логики, он с неизменной вежливостью напоминал нам, что мы совсем зря кипятимся и упираем на вульгарную логику, – мы забываем, что высшая и совершеннейшая форма познания есть безусловная вера и божественное откровение”.

похмелья свободы. Свободы от чего? Не разберёшься, не ответишь, а уже следует новый вопрос-инициация о встраивании в “новую жизнь”, категоричную в требовании демонстративного разрыва с “прошлой”, обжитой и родной во всех вековечных трудностях. Ещё раз процитируем безжалостное леоновское наблюдение над испытанием души современника: “Не обладая в должной мере <...> выдержкой без побледнения созерцать сокрушение ничем пока не заменённых основ бытия народного, он промолчал с опущенным взором, чтобы не разгадали в нём всё ещё порочную серёдку, которую, к слову, не подзревал в себе и сам. Но не один только комплекс физической боли, сопровождавший тогда всяческое разоблачение, но и страх показаться *обывателем* [выделено мной. — С. Г.] <...> мешал предупредить <...> о последствиях поспешного раскрепощения от стародедовских заветов” [3, 2: 82]. И ещё две связанные выдержки — уже об обречённых в погоне за *незрелым зелёным яблочком* поманившей свободы на “тягучее, в унисон песнословие благодарности народной за дозволенную жить и умирать в яре ради заветной цели. Дискантам малолеток вторят октавой всякие маститые деятели — в том числе резца и кисти, лиры и пера. И бессонный властитель угадывает в их ярости коварное благоразумье, чтобы ценою чести, совести и достоинства единственно мозг себе непростреленный откупить для завершающего когда-нибудь подведения итогов” (Пластов 2, 84) и вынужденных “каждодневно изобретать себе моральные уловки для гражданского молчания” [Леонов 3, 2: 86]. Каждый обречённый по-своему проходил жёсткие, калибровавшие личности инициации, отстаивая “самостоянье человека” либо конформистски растворяясь в посредственности обстоятельств. Возможно, А. А. Пластова, как и М. А. Шолохова, спасло бегство из “города”, возвращение на “землю”. Спасло не столько физически — ведь они не раз прошли по “лезвию”. Спасло как творящих, думающих, переживающих, сострадающих личностей, способных “ответить за всю правду земли”. Оставшиеся, перебравшиеся в город, испытали пафосное воздействие “сокрушения старого” и “построения нового”, честно или конъюнктурно увидели, а искренне чуткие — отразили “свою правду” и неизбежность в происходящем переломе (А. Платонов).

Оказавшись на родине, А. А. Пластов становится не просто свидетелем перелома крестьянства. Он сам попадает в жернова (крестьянствование, арест 1929 года). Как перед профессиональным художником, перед ним было два пути — маргинализация или социализация. А. А. Пластов выбрал второй в его наиболее опасном идеократичном (шолоховско-леоновском) изводе. Легче в эпоху гонений сохраниться формалисту, ушедшему в “тихую жизнь”, чем идеократу, не способному унять, спрятать распирающую его мощь-правду, не укладывающуюся в прокрустовы идеологические схемы, одолевая, а со временем — в послевоенный, “дооттепельный” период — и замещая их.

Возвращаясь к “потаённой” церковной теме, важно отметить, что создавалась она “по памяти”, без возможности прямой натурной работы. Акварель, гуаши писались сразу по возвращении с церковных служб. “Венчание” (1960-е), “Свадьба в старой Прислонихе” (1968) — память о собственном венчании в Германовском храме Симбирска и об окончательно разрушенной уже к моменту создания картины церкви [2, 127]. Естественным подспорьем служила изученность рукой, глазом пластики и обличья русских людей в их “трудах и днях”. Но вот сам образ церковного служения доносился в мастерскую, как свеча в пасхальную ночь. Основа большинства церковных композиций — образ света. Света не только наблюдаемого, “свечного”, но света, одолевающего мрак (вспоминается определение “Фаворского света” Св. Григорием Паламой — “сверхсветлая тьма”). В какой-то мере церковные композиции А. А. Пластова являются чистым воплощением “идей”, живших в душе лишь одного художника — ведь никто из талантливых современников не обращался к ним напрямую в 1940–1950-е годы. А. А. Пластов оставался последним звеном, соединяющим церковные сюжеты в дореволюционном искусстве с современной нам тематикой, возродившейся в конце 60-х — начале 70-х, вернее, принятой, как теперь очевидно, из холодеющих рук уходившего великого художника.

Обратим внимание на холст “Рисующий у окна. (Портрет сына)” (1945), напрямую вроде как не связанный с потаённым циклом, попытаемся рассмотреть некоторые скрытые в нём смыслы. Любуясь живописными достоинствами, не сразу задаёшься вопросом: а что же копирует пятнадцатилетний Николай

Пластов? Вернее, каждый, мало-мальски интересующийся древнерусским искусством, сразу же узнает на репродукции в книге новгородскую краснофонную икону “Илья Пророк” начала XV века. Копирует же юноша из, пожалуй, первого значимого издания по древней иконописи с первоклассной репродукционной печатью, из третьего тома выпусков сборников “Русская икона”, изданных товариществом Р. Голике и А. Вильборг в Петрограде в 1914 году. Несомненно, копируя репродукцию, Николай Пластов прочёл соседствующую статью Н. Лунина “Эллинизм и Восток в иконописи” (как, видимо, и тексты Л. Мацулевича, Н. Сычёва, А. Соболевского, Н. Щёктова, Н. Рериха, П. Нерадовского). Внук Николай Николаевич Пластов разыскал в бережно хранимой библиотеке деда три “тетради” знаменитого издания, в котором впервые полемично остро поставлены вопросы будущих исследований древнерусской культуры.

Наз не может не интересовать семантика портрета и дата его создания, как знак эпохи. В 1943 году восстановлено Патриаршество. В 1945-м – победном – мальчик копирует икону, никогда не уходившую из пластовской семьи, и как реалья веры, и как великое, воспитующее культурное наследие не исчезавшую из обихода, при всех официальных замалчиваниях и гонениях. Без подобных свидетельств невозможно понять нынешнее бурное, порой крайне фундаменталистское восстановление полноты церковной жизни и попыток связывания раздвоенной национальной истории. Кроме того, этот холст многое объясняет в будущей судьбе сына А. А. Пластова, ставшего в зрелые годы одним из подвижников в деле сохранения памятников уничтожавшегося культурного наследия.

Для разумения крестьянской “русской веры” решаешь обратиться внимание на две картины, объединённые не только тематически, но и хронологически. “В старой Прислонихе. Слепые” (1966–1968) – обращение и к личной памяти, и к многочисленным этносоциальным исследованиям XIX века, классифицировавшим все виды странничества, и к русской литературе – от радищевского “Путешествия из Петербурга в Москву” со слепцом, поющим столь любимый в народе духовный стих об Алексии человеке Божьем, до “Очарованного странника” Н. С. Лескова, до правдолюбцев из “Кому на Руси жить хорошо?” Н. А. Некрасова. Этот холст генетически и стилистически связан с иллюстративными циклами русской прозы и поэзии, над которыми многие годы трудился, размышлял А. А. Пластов. Сложнее понять слепцов (“Слепые”, середина 1950-х – 1967), бредущих по накатанно-прочерченной дороге с одиноким электрическим столбом в ясный, ветреный день. Для расшифровки поздних пластовских холстов ещё раз обратимся к Л. М. Леонову:

“Из всех зрительских образов детства глубже всего запали в Матвееву память прежние русские странники, как лёгкой машистой походкой идут они сквозь житейскую толчею, степенные и опрятные, от всего отрешённые старики, пропахшие берестой и полынькой. Не гнетут их заботы и хворость, не горбит имущество стоимостью в грош. Солнышком да росами выбеленный азям на плечах да холстинка на отход души в полупустой котомке, и как будто не здешняя, не наша пыль на их лицах – в ком из простых сердец они не будили вздоха зависти... Так идут они с вешнего половодья по первый снежок, вникая в происходящие по сторонам великие тайности, именно обыденностью своей скрытые в природе от постороннего глаза... На каждом дворе стол им и пристанище в обмен на нехитрую, за полночь, повесть о всякой всячине, тем и драгоценной для души, что вовсе не попадает в сутолоке жизни. Непременно надо для здоровья нации, чтобы кто-то детскими глазами, просто так, безотрывно глядел в небо” [3, 1: 342].

Слепцов-странников А. А. Пластов пишет, приближаясь к “земному рубежу”, в осеннюю патриаршую пору, открывающую человеку потаённые смыслы, наделяя умиротворённой мудростью. Очевидно, ему становится ясным “странничество как избавление под старость от житейских обязательств... Уже временами такая осенняя прозрачность наступала в душе, на тыщу вёрст видать во все стороны, и не жаль былых излишеств младости, а только радуешься невзвесть чему. Как зверя инстинкт общности уводит умирать во мрак и глушь лесные, чтобы падалю своей не омрачать праздник жизни, так и Матвея с некоторых пор потянуло в пустыню православного отшельничества с её классическими приманками, как беседы мудрых с самим собою или сладчайшую печаль уединенья, пресловутые лакомства праведников с последующим счастьем раствориться безбоязно в шелесте листвы, щебете птиц,

бормотанье ручейка...» [3, 1: 343]. Как тут не вспомнить последний этюд, написанный А. А. Пластовым 5 мая 1972 года и «Бабье лето» 1971 года. Исчезло, искоренено, паспортизировано странничество, исчезло вместе с крестьянской Россией. Пластов фиксирует, документирует уход, и нам уже не ясен смысл, для восстановления которого, как и иных утрачиваемых, но существенных для понимания корневых основ национальной жизни, необходимо чтение конгениальных А. А. Пластову писателей-современников, вслушивание в музыку конгениальных современников-композиторов.

Для завершения лишь кратко обозначенной темы «русской веры» важно сопоставить родовые воспоминания о разграблении-осквернении церкви в Прислонихе* со строками «Пирамиды»: «Одна из странниц или бродяжка беспамятная, которых к тому времени вывели на Руси, бесстрашно опустившись... стояла на коленях, словно на себя принимала великий грех сограждан, безучастно следящих за ходом событий, она не плакала, не молилась, лишь прочалась со своим старым русским Богом, с буднями и праздниками отжитой истории... Вдруг наступила оглушительная тишина, как призыв к бунту, с которого могло начаться стихийное и страшное пробуждение нации» [3, 1: 387]. «Стихийное и страшное» волновало души русских гениев – А. С. Пушкина, В. И. Сурикова, М. П. Мусоргского, М. А. Шолохова. Волновало и А. А. Пластова, свидетельством чего – оставшийся, перегораживающий всю мастерскую холст с так и не написанным «Пугачёвым».

В 2012 году на выставке в «Строгановском училище» (так по-старому назовём нынешнюю академию), в котором некогда учился А. А. Пластов, до поступления на скульптурное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества, пожалуй, впервые целно были показаны «античные» эскизы. Объединяет их временная атрибуция преимущественно 1930-ми годами («Развалины с барельефами воинов», «Геркул, убивающий кентавра Несса», «Герои, венчаемые Никой, воздвигают колонну в её храме», «Развалины храма с фигурами гигантов», «Атланты, поднимающие антаблемент», «Вакханалия», «Купальщицы», «Орфей и Эвридика», «Развалины с фигурами Геракла и Антея», «Амазонки», «Разрушение», «Созданная Ева пробуждает Адама», «Пейзаж с разрушающейся архитектурой») за исключением нескольких эскизов, созданных в последнее десятилетие жизни художника («Дедал и Икар» 1960-е годы, «Похищение Европы» 1950–начало 1960-х, «Суд Париса» 1965–1972 год). «Античные», а некоторые, не побоимся определить, «эротические» сюжеты легко было бы представить наследием дореволюционной юности, естественным и в контексте окружавшей студента Пластова эстетики «серебряного века». Удивляет, заставляя задуматься обращение к подобным темам зрелого художника, обращение пусть и каплюшечно-фрагментарное, к которому можно отнести как не к самой значимой редкости, если бы не смутно ощущаемая связь барочно-вакхических сюжетов с рядом ключевых произведений А. А. Пластова («Купание коней» 1938 года, «Суббота» 1943-1944 год, «Трактористки» 1943-1944-й, «Весна» 1954 года). Позвоительно предположить, что эти наброски-эскизы фиксируют идеи работ, уничтоженных пожаром 1931 года. Как в крепком крестьянском хозяйстве всё идёт в дело, так и античные реминисценции могли послужить неким первотолчком к появлению дотолле не бывших в русском искусстве сюжетов, весьма отличных от прямых аналогий и в мировом.

«Нагота», естественная, прежде всего, для «южных» культур, – немалое испытание для русской, долго её отвергавшей, сторожившейся, цензурировавшей, а если и обращавшейся к «сомнительным» темам, то как-то неуклюже-неловко. «Русский эрос» стыдлив и для своего оправдания чаще прибегал

---

* Сын А. А. Пластова Николай Аркадьевич вспоминал врезавшееся из детства 1937 года: «Мальчонкой лет шести <...>, держась за складки бабушкиного сарафана, стоял я в толпе перед расхлёстнутыми воротами церковной ограды. Прямо под ноги нам сверкающе и нарядно выбрасывались из церкви иконы, литые завитки паникадил, коричневые кожаные книги с медными застёжками. Иные при ударе раскрывались, и слышно было, как ветерок шелестит-перебирает древние страницы с киноварью инициалов и черной уставной письма. По разъезжающимся доскам икон прыгал Хромец-активист <...> сведённую крючком ногу ему заменил костыль с оковкой и гвоздём на конце... С ухмылкой он норовил попасть в глаз поверженных святителей и делал резкий разворот <...> Кирпичные столбы ограды были разобраны по баням на печи. Туда же тащили рулонами сорванные со стен прадедовы библейские композиции» [2, 127].

к античным обличам. Удивляющая естественность плотского и целомудренного в “Субботе” и “Весне” кроется в “крестьянском взгляде”, в крестьянском жизненном цикле и ритме, в будничном физиологизме природы, от которого не отстранялись с детства до старости. Если вернуться к теме “церковной”, то следует помнить о крестьянском “двоеверии”, о неискоренённых следах язычества, столь явных в календарной народной культуре, в обрядах и поверьях, в орнаментике. Немаловажны для понимания пластовского взгляда на “наготу” возрастные инициации, строго разделявшие позволительное для каждого возраста в крестьянском бытовании.

Некогда В. И. Суриков вышел из зала Рубенса в Лувре со словами: “Гольё бессмысленное”. Сказал, как припечатал. И только А. А. Пластов естественно и органично разрешил “наготу” русскому искусству. Именно естественно. Не пантеистически бесстыдно, не интеллигентски сакрально, а просто и ясно, как естественно видимое, в разном возрасте и по-разному волнующее. Эскизы лишь свидетельствуют о некоем предуготовлении, антично-идеализирующем оправдании, отброшенном в итожащих произведениях. Выберем из пластовских эскизов “Купальщиц” (1930. Бумага, акв., белила, 28,5 Ч 41) как тему многожды изученную, исследованную, доведённую до сезанновского выверенного почти натюрмортного холодка, не предполагающего уже никаких волнений. Пластовский эскиз несколько огорошивает неэстетизмом “раскоряченных” фигур, в вольных ракурсах выбирающихся на берег и на нём располагающихся. Подобную искренне-простоватую “подсмотренность” находишь, пожалуй, ещё лишь у одного, и тоже “крестьянствующего” художника – у Франсуа Милле.

Позволим выделить само слово “подсмотренность” не только в смысле обязательной для каждого реалиста наблюдённости, а именно как “подглядывания” за купающимися девицами и бабами – своеобразно-обязательной юношеской инициации. Взгляд А. А. Пластова – зрелый, но многое помнящий. Пример – характерный очерк верхней губы героини “Весны”, идентичный давнему любованию профилем молодой жены. Взгляд А. А. Пластова схватывает не “бесстыдство”, а почти первородное неведение стыда, прежде всего, самими женщинами, со спокойным достоинством, без ложного изыщества раздевающимися в “Трактористках”, не обращая внимания на сидящего невдалеке мальчишку-водовоза. Ещё более буднична полуприкрытая “нагота” “Субботы”, безгрешен восторг перед “вечной женственностью” “Весны”, сошедшей в край “бедных селений” и “скудной природы”, в мир обыденного “долготерпенья”. По-настоящему плотское волнение у А. А. Пластова, как и родственных ему Ф. Милле или частично “крестьянского” Ж. Бастьен-Лепаж, не требует “обнажения”, а связывается с послеполуденной истомой (“Полдень” 1961). С точки зрения “чистой живописи” А. А. Пластов восхищённо “исследует” колористику “белого”, не знающего бездельного загара тела – мотив самодостаточно ценный и до А. А. Пластова, почти никем не замеченный (белотела у него даже похищаемая гречанка Европа).

В заключение ещё раз повторимся: что бы ни писал А. А. Пластов, его искусство свободно от изошрённых интеллигентских рефлексий, соблазнов, сомнений. Его взгляд **народен** и **прост** той великой ясностью, что творит недостижимое совершенство, связывающее нас с архаичной природностью и христианской верой. Как художник, он не искал (кроме ранних лет) “собственного”, отличного от других языка. Но его дар, доступно обращённый к каждому, не изотеричен, а недостижимо совершенен, пределен для нашей современности как в форме, так и, прежде всего, в раскрытии потаённых жизненных смыслов. Как некогда в своё время А. А. Пластов продлил гениальность В. И. Сурикова, так и современная русская культура живёт ожиданием, беременеет таинственным художником-сердцеведом и рапсодом, способным прояснить будущее, связанное с русской потаённой вечностью.

Приложение

1. Леонид Леонов: “Игра его была огромна” / Захар Прилепин. – М., “Молодая гвардия”, 2010. – 569 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1227).
2. Пластова Т. Аркадий Пластов. Православные истоки творчества // ж. “Русское искусство”, № IV, 2004.
3. Леонов Л. М. Пирамида. В 2-х томах. М., “Голос”, 1994.

Памяти Анатолия РОГОВА

9 июня скончался известный русский писатель Анатолий Петрович Рогов. Щедро и разнообразно одарённая творческая натура, он оставил после себя целую библиотеку книг, героями которых становились люди самых разных жизненных призваний: поэт В. Жуковский, народная сказительница М. Кривополенова, художник Б. Кустодиев, актриса П. Жемчугова, иконописец И. Голиков, живописец В. Сидоров. Панорамное и многокрасочное видение народной жизни запечатлелось в таких его широко известных книгах как “Чёрная роза”, “Мир русской души”, “Народные мастера” (серия “ЖЗЛ”), в исторических романах “Соломония” и “Ванька-каин”. Член высшего творческого совета Союза писателей России, А. П. Рогов состоял также в Союзе кинематографистов СССР и Союзе художников СССР, высоко ценивших его работы в жанре документального кино и пропаганду творчества мастеров отечественной живописи. Многие произведения Рогова публиковались в нашем журнале.

Писатели России запомнят Анатолия Петровича Рогова как доброго, мудрого старшего товарища, истинно принадлежавшего всем своим вдохновенным существом к Миру русской души.

*Писатели России,
редакция журнала “Наш современник”*

---

18 июня на 82-м году жизни умер русский поэт Валентин Михайлович Ермаков — житель калужского Обнинска, почётный гражданин Малоярославца и поэт России по духу и сути своей.

Лев Ошанин уже в предисловии к первой книге Ермакова “Черёмуха” (1966), написал: “Поэзия его светла. Неброская по форме, она очень органична. Его, как правило, короткие стихи полны той простоты, которая даётся не вдруг, написаны не первыми пришедшими в голову словами...”. Жизнь поэта Ермакова не была наполнена большой славой. Валентин Михайлович честно и скромно жил, любил Россию и свою родную малоярославецкую землю, оставаясь в памяти всех, с кем сводила судьба — открытым и искренним человеком, по-настоящему русским поэтом.

Редакция журнала “Наш современник”